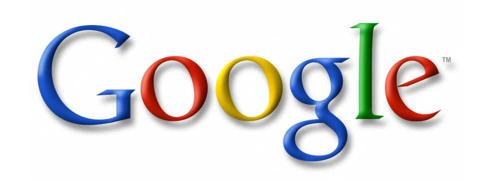

Д. И. Эварницкій.

D. I. Evarnitskii

ЗАПОРОЖЬЕ

Zaporozh'e v ostatkakh stariny i predaniiakh naroda

ВЪ ОСТАТКАХЪ СТАРИНЫ

И

ПРЕДАНІЯХЪ НАРОДА.

ч. 1

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Н. А. РОЗОВА въ КІЕВѢ и ОДЕССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.
1888.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

Ч. II. Рис. 25.

Памятникъ кошеваго И. Д. Сирка.

Съ фотографіи рисунокъ А. Г. Сластёна.

Предисловіе.

Настоящій трудъ — результатъ осьмилѣтнихъ поѣздокъ по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ. Собранныя въ немъ свѣдѣнія носятъ характеръ историческихъ, археологическихъ и топографическихъ данныхъ о Запорожьѣ вообще. Читатель не найдетъ здѣсь полной, систематически изложенной исторіи запорожскихъ козаковъ, а лишь отдѣльные эпизоды и краткіе намеки на цѣльную исторію; обстоятельная и фактическая исторія сичевыхъ козаковъ изложена въ извѣстномъ ученому міру трудѣ А. А. Скальковскаго „Исторія Новой Сѣчи". Въ настоящемъ же трудѣ представлена, хотя также въ неполномъ видѣ, лишь исторія каждой изъ осьми Сичей: Хортицкой, Базавлуцкой, Томаковской, Никитинской, Чортомлыцкой, Каменской, Алешковской и Пидпильненской или Новой, послѣдовательно бывшихъ центрами политической жизни запорожскихъ козаковъ. Изслѣдованіе этихъ Сичей

собственно и положено въ основаніе выпускаемаго сочиненія. Данныя археологическія, историческія и топографическія пополнены въ немъ въ большей степени народными преданіями и въ менѣе значительной степени пѣснями и архивными актами, записанными и добытыми лично авторомъ во время продолжительныхъ поѣздокъ его по новороссійскому краю. Считая неудобнымъ вводить въ настоящее сочиненіе особенно большое количество пѣсенъ и актовъ, авторъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ напечатать послѣдніе отдѣльными изданіями,—пѣсни въ количествѣ тысячи и акты въ количествѣ семидесяти нумеровъ, еще никѣмъ необнародованныхъ. Имѣя въ виду не только интересъ спеціалистовъ дѣла, но и интересъ вообще читающей публики и желая сдѣлать книгу возможно наглядною, авторъ счелъ необходимымъ, приложить къ ней пятьдесятъ-пять картинъ, семь плановъ Сичей съ обозначеніемъ на нихъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени крѣпостей и одного общаго плана запорожскихъ владѣній. Изданіе съ такимъ количествомъ иллюстрацій повлекло за собой не мало расходовъ, и если оно явилось въ нѣсколько болѣе, чѣмъ обыкновенномъ видѣ, то авторъ обязанъ этимъ просвѣщенному содѣйствію извѣстнаго южно-русскаго собирателя древностей, Василія Васильевича Тарновскаго, которому и прино-

ситъ свою живѣйшую и искреннѣйшую благодарность. Съ этимъ вмѣстѣ авторъ не можетъ не выразить полной признательности глубокоуважаемому Ильѣ Ефимовичу Рѣпину, доставившему для настоящаго сочиненія нѣсколько рисунковъ изъ собственной коллекціи и неотказавшему въ добрыхъ совѣтахъ при выборѣ ихъ для изданія.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть первая.

Стран	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
13	3 сверху	дѣдушки	дѣтушки
22	11 сверху	пырмити	примиты
22	12 сверху	вучàлля	вугàлля
23	6 сверху	Лихолита	Лихолата
24	18 сверху	части	чаши
47	9 сверху	батька	батько
54	17 сверху	Половица	Половицы
74	6 сверху	стану	степу
74	8 снизу	мили	мени
75	13 снизу	аасокою	пасокою
76	15 снизу	снысивъ	списивъ
77	во 2 примѣч.	Sumaris flumne	Sumaris flumine
78	6 снизу	янъ	якъ
86	6 сверху	папе	пана
104	7 снизу	не	же
110	11 сверху	скажитъ	скажемъ
141	4 снизу	дружился	одружился
153	10 снизу	звучай	звычай
158	11 сверху	у порогивъ	у поригъ
178	11 снизу	миягки	унягки
192	примѣчаніе	Большой Дубровый	Большой Дубовый
202	9 снизу	келикні	великиі
247	13 снизу	Демкѣ	Дешкѣ
256	3 сверху	нигульской	ичгульской

Часть вторая.

11	3 снизу	го	его
11	2 снизу	еогнемъ	огнемъ
13	2 сверху	назустригъ	назустричъ
30	5 снизу	богоязьній	богобоязькій
31	9 снизу	продижки	крадижки
38	въ примѣчаніи	Бурцѣ	Буцкѣ
40	16 снизу	се	села
62	12 сверху	Чортомлыкѣ	Чортомлыкъ
98	1 сверху	засяяли воны видъ ихъ	засяяли видъ ихъ
112	7 сверху	Разровкой	Разоровкой
142	2 снизу	мидостию людьи	милостию людии
143	10 сверху	кучуры	кучугуры
203	14 сверху	разноообразная	разнообразія
219	7 снизу	взбрилось	взобралось
221	19 сверху	голотолька	голотонька

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Учитеся, браты мои, учитесь, читайте,
И чужому научайтесь, й свого не цурайтесь:
Бо хто матиръ забувае, того Богъ карае,
Чужи люди цураютця, въ хату не пускають.

Т. Шевченко.

Кто не слыхалъ въ дѣтствѣ, въ юношествѣ или въ зрѣломъ возрастѣ о запорожскихъ козакахъ и ихъ славной Сичи? Кого изъ русскихъ, малороссійскихъ, польскихъ историковъ или вообще изъ писателей они не привлекали оригинальностью своей жизни, смѣлостью своихъ подвиговъ и потомъ печальною кончиною своей исторической жизни? А между тѣмъ происхожденіе ихъ составляло, да и теперь для многихъ составляетъ загадку, ведущую къ различнымъ умозаключеніямъ. Откуда-же пошло слово «козакъ» и что этимъ словомъ обозначалось? На этотъ вопросъ мы имѣемъ цѣлую массу отвѣтовъ, въ которыхъ, точно въ лабиринтѣ, можетъ потеряться не только неспеціалистъ исторіи, а даже и тотъ, кто посвятилъ себя изученію прошлыхъ временъ человѣчества. Производили слово «козакъ» отъ «косы», намекая на козацкую остроту и отвагу, косившую все на своемъ пути, или же указывая на то, что козаки жили на «косахъ» рѣкъ, добывая тамъ для пропитанія себѣ рыбу [1]). Сближали слово «козакъ» со словомъ «коза» или потому, что козаки одѣвались въ козлиныя шкуры, или

[1]) Мнѣніе Мышецкаго.

потому, что они были легки на войнѣ какъ козы [1]). Объясняли слово «козакъ» «козерогомъ»—небеснымъ зодіакомъ, «потому что козаки ходятъ съ рогами, въ которыхъ насыпанъ порохъ и, какъ на высокомъ небѣ поднимается козерогъ, такъ козаки, проходя поля и море, поднимаются на стѣны и валы бусурманъ и насыпаютъ изъ своихъ роговъ порох въ самопалы, изъ которыхъ стрѣляютъ въ непріятеля» [2]). Производили слово «козакъ» отъ «каспіумъ» и «сацы» (каспіумъ, сацы или саги), какимъ именемъ у Плинія называлось одно изъ племенъ скиѳскаго народа. Отождествляли козаковъ съ половцами, печенѣгами, торками или черными клобуками [3]). Думали, что козаки суть тѣ-же козары, поселившіеся сперва на Днѣпрѣ и оттуда распространившіеся уже по сосѣднимъ съ нимъ станамъ [4]). Видѣли въ козакахъ древнихъ черкесовъ или косоговъ, вышедшихъ будто-бы изъ Гирканіи (на Кавказѣ), поселившихся близь Днѣпра и получившихъ свое названіе или прямо отъ слова «косогъ» или же отъ слова «козелъ», такъ какъ самая Гирканія происходитъ отъ латинскаго слова «hircus», что значитъ козелъ [5]). Считали козаковъ остатками велико-княжеской дружины, уцѣлѣвшей еще въ IX или X вѣкахъ въ южно-русскомъ поднѣпровьѣ [6]), остатками древне-славянскихъ общинъ [7]), сбродомъ всякихъ проходимцевъ [8]), сословіемъ туземнаго южно-русскаго населенія, занимавшагося то разными промыслами, то войной [9]).

---

[1]) Мнѣніе Пясецкаго и Каховскаго.

[2]) Мнѣніе Галятовскаго. См. у Костомарова: Русская исторія въ жизнеопис. Спб., II, 375.

[3]) Мнѣніе Миллера, Броневскаго, Самчевскаго, Карамзина и Соловьева.

[4]) Мнѣніе Ригельмана и Грабянки.

[5]) Мнѣніе Татищева и Симоновскаго.

[6]) Мнѣніе Тумасова и Карпова.

[7]) Мнѣніе Дашкевича.

[8]) Мнѣніе Соловьева и Полеваго.

[9]) Мнѣніе Боплана, Мартина Бѣльскаго, Самоила Величка и Н. И. Костомарова.

Кому-же изъ этихъ мнѣній надо вѣрить предпочтительно? Нѣкоторымъ совсѣмъ нельзя, нѣкоторымъ только отчасти. Тѣ, которыя основаны на чисто случайномъ сходствѣ словъ («коса, коза и козакъ»), тѣ представляютъ изъ себя только образцы филологическихъ курьезовъ, не больше. Тѣ, которыя допускаютъ связь между разными кочевыми народами и козаками («козари, косоги, каспо-сацы, печенѣги, половцы, торки, клобуки и козаки»), или устанавливаютъ связь между древне-славянскими дружинами и общинами, маловѣроятны потому, что безъ всякаго историческаго основанія связываютъ козаковъ съ такими народами или сословіями, которые за цѣлыя столѣтія до появленія козаковъ повымирали, сошли со сцены или же окрасились въ иной колоритъ. Остальныя мнѣнія или совсѣмъ не даютъ представленія о постепенномъ развитіи козачества («козаки»—«сбродъ»), или же объясняютъ его появленіе одностороние («козаки-промышленники»).

Слово «козакъ» не русскаго происхожденія. Пересматривая всѣ списки нашихъ лѣтописей въ до-татарскій періодъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ этого слова въ обращеніи. Впервые это слово появляется на страницахъ русскихъ лѣтописей вмѣстѣ съ появленіемъ въ нашу землю татаръ. Кажется, что оно сперва произносилось «койсакъ» и пріобрѣло нѣкоторую извѣстность со времени Батыя, у котораго «койсаки» производили переписъ русскаго народа, съ цѣлью болѣе или менѣе правильнаго собиранія съ него дани [1]). Значительно позже, польскіе писатели знаютъ уже цѣлую орду татарскихъ козаковъ. Орда козацкая не признавала надъ собой никакой власти, кочевала тамъ, гдѣ находила удобнымъ и считалась между татарами самой отважной [2]). Въ 1492 году крымскій ханъ Менгли-Гирей увѣдомлялъ московскаго князя Ивана III, что войско, возвращавшееся

[1]) У Герберштейна упоминается о цѣлой ордѣ кайсацкой. Записки о Московіи. Спб., 1866, 139.

[2]) Кулишъ. Польская колонизація -огюзап. Руси. «Вѣстн. Евр.», 1874, III, 16.

изъ похода подъ Кіевъ, встрѣтилось съ «ордынскими» козаками и было ими ограблено. Въ это время особенную извѣстность пріобрѣли азовскіе козаки. «Поле нечисто отъ азовскихъ козакъ», писалось часто Ивану III-му. Вслѣдъ за ними становятся извѣстными перекопскіе козаки (1510 г.), вмѣстѣ съ ними (1510 г.) бѣлогородскіе (на Днѣстрѣ), потомъ крымскіе. Въ Крыму всѣ сословія татаръ дѣлились на князей, уланъ и козаковъ. Князья принадлежали къ верхнему слою, уланe—къ среднему, владѣвшему поземельной собственностію и выходившему, въ случаѣ надобности, на войну, козаки—къ низшему, неимѣвшему поземельной собственности, но зато постоянно воевавшему и отъ этого получавшему добычу. Скоро явленіе татарскаго козачества отразилось и на русской почвѣ. Изъ русскихъ козаковъ лѣтопись знаетъ первыхъ рязанскихъ, (1444 года), которые добровольно отправлялись на южныя окраины тогдашней Россіи и составляли изъ себя родъ пограничной стражи. Вслѣдъ за рязанскими появляются мещерскіе козаки (1498 г.), потомъ торопецкіе (1530 г.), жившіе въ тогдашней смоленской области и занимавшіеся тамъ земледѣліемъ; за торопецкими идутъ путивльскіе. Въ 1564 году въ московскомъ государствѣ являются волостные и деревенскіе козаки, которые отличаются отъ остальнаго населенія крестьянъ тѣмъ, что не платятъ податей, живутъ въ отъѣздѣ и занимаются продажей соли. Въ 1582 году являются козаки на Волгѣ, — это вольные работники, а вслѣдъ за ними—козаки, въ смыслѣ военнаго сословія, служившіе въ разныхъ мѣстахъ приволжскаго края. Такимъ образомъ, перешедъ изъ татарской почвы на почву великороссійскую, слово козакъ раздвоилось въ своемъ понятіи: козаки-хлѣбопашцы, промышленники или вольные работники, и козаки-военные или, какъ тогда говорили, служилые люди.

Въ такомъ-же двоякомъ смыслѣ перешло это татарское слово «козакъ» и въ южную Русь. Здѣсь, прежде всего въ Червонной Руси, въ 1491 году, подъ именемъ козаковъ разумѣлись крестьяне,

возставшіе въ 1491 году за свободу своихъ правъ, попранныхъ крѣпостничествомъ. Вслѣдъ за этимъ, въ 1499 году, становятся извѣстными днѣпровскіе козаки—промышленники, занимавшіеся ловлею рыбы «на низу» и привозившіе ее для продажи въ Кіевъ. Въ 1501 году въ Литвѣ упоминаются козаки въ смыслѣ иррегулярнаго войска. Съ 1503 года идетъ рядъ козаковъ—пограничниковъ, организованныхъ по мысли польскаго правительства, для защиты границъ Польши отъ набѣговъ татаръ, и руководимыхъ такъ-называемыми старостами, т. е. намѣстниками разныхъ южно-русскихъ городовъ. Эти козаки часто носятъ названіе по тѣмъ старостамъ, князьямъ или воеводамъ, у которыхъ они находятся въ подчиненіи. «Козаки-князь-Дмитрія, козаки-князь-Вишневецкаго» и др. Спустя семь лѣтъ являются извѣстія и о вольныхъ, независимыхъ ни отъ кого, козакахъ. Съ конца первой половины XVI вѣка уже можно себѣ составить и точное понятіе о томъ, что̀ такое южнорусскіе козаки. Изъ «Описанія замковъ украинныхъ» (1545 и 1559 годовъ) видно, что козаки составляютъ совершенно отдѣльное сословіе отъ шляхтичей, мѣщанъ, посполитыхъ и хлоповъ. Они живутъ въ городахъ или селахъ, занимаются разными промыслами и составляютъ общины для постоянной обороны противъ татаръ. Такъ это было въ воеводствахъ: каневскомъ, брацлавскомъ, черкасскомъ и др. Это и есть уже такъ-называемое малороссійское, городовое или черкасское козачество. Съ теченіемъ времени, частію подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ съ татарами и турками, ча̀стію вслѣдствіе давленія со стороны польско-литовскаго правительства, особенно послѣ такъ-называемой религіозной или люблинской уніи, бывшей въ 1569 году, малороссійское козачество до того усиливается, что польское правительство находитъ нужнымъ сократить его число и урегулировать. Является на польскомъ престолѣ князь-политикъ, Стефанъ Баторій (1574—1587). Для ограниченія числа козаковъ онъ придумываетъ реестръ или списокъ. Только внесенные въ этотъ списокъ, числомъ 6000 человѣкъ, признаются легально козаками; они раздѣляются на

полки, сотни, курени, околицы, управляются гетманомъ [1]), есауломъ, судьей, писаремъ; они получаютъ жалованье, провизію, порохъ, сукно и пр. Остальная масса козаковъ, числомъ около 34000, должна была составить посполитыхъ козаковъ и отчислялась къ крѣпостному сословію.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, эта мѣра не привела къ желаннымъ результатамъ: она раздражила невнесенныхъ въ реестръ козаковъ, произвела множество войнъ на территоріи польско-русскихъ земель и потомъ заставила непризнанную закономъ массу искать себѣ новыхъ мѣстъ, ниже польской Украйны, за порогами Днѣпра, на Низу, гдѣ «была воля вольная, приволье раздольное». На Низу, то тамъ то самъ, группами или спорадически, сидѣли уже скотари, бродили рыболовы, звѣроловы, овчары, коневоды. Это было около 1530 года; а въ началѣ второй половины XVI вѣка здѣсь устроено было уже и временное укрѣпленіе, на знаменитомъ островѣ Хортицѣ, знаменитымъ княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ. Сюда-то и хлынули нереестровые козаки старой Малороссіи. Въ 1568 году съ ними уже считается польское правительство, которому не нравятся эти побѣги и которое приказываетъ бѣглецамъ возвратиться назадъ въ воеводства и замки. Новыя мѣста козаковъ мало-по-малу усваиваютъ названіе Запорожья, мало-по-малу въ нихъ заводятся разные порядки, устанавливаются разныя традиціи. Далекое разстояніе отъ родины, близость страшныхъ враговъ, пустынность самой мѣстности не позволяютъ выходцамъ брать съ собой ни женъ, ни дѣтей, требуютъ отъ нихъ жизни одиночной, холостой, подвижной. На новыхъ мѣстахъ возникаетъ столица козачества, Сича, въ которой устраивается 38 куреней [2]), въ послѣдствіи времени 8 паланокъ, т. е. военныхъ округовъ

---

[1]) Это слово одни производятъ отъ собственнаго имени литовскаго князя Гедиминъ: Гедиминъ, Гедиманъ, Гедманъ, Гетманъ, а другіе отъ нѣмецкаго Hautmann—капитанъ.

[2]) Отъ слова «курить», т. е. дымить. Когда затопятъ курени, то изъ нихъ поднималось «курево»—дымъ.

или уѣздовъ [1]), четыре по лѣвую сторону Днѣпра, четыре—по правую, нѣсколько тысячъ зимовниковъ [2]). Такъ просуществовало Запорожье почти 250 лѣтъ. Первымъ его кошевымъ, сколько извѣстно изъ самыхъ раннихъ памятниковъ, былъ Богданъ Микошинскій, послѣднимъ—Петръ Калнишевскій [3]).

Въ настоящее время на мѣстѣ павшаго Запорожья возникли двѣ губерніи, екатеринославская и значительная часть херсонской, кромѣ трехъ ея уѣздовъ: ананьевскаго, тираспольскаго и одесскаго, находящихся отъ праваго берега рѣки Буга къ югу и составлявшихъ нѣкогда земли турецкой имперіи. Теперь здѣсь много новыхъ городовъ, еще больше того селъ, деревень, колоній, въ которыхъ живутъ по преимуществу пришлые люди, не имѣющіе ничего общаго, кромѣ развѣ языка да вѣры, съ прежними обитателями, запорожскими козаками. Есть даже много и такихъ, у которыхъ и языкъ, и вѣра нисколько несхожи съ языкомъ и вѣрою запорожцевъ. Среди такого населенія трудно искать вещественныхъ остатковъ запорожской культуры, и если они находятся, то въ очень незначительномъ количествѣ, только въ видѣ намековъ или отрывковъ на что-то цѣльное. Оттого всякое воспоминаніе о запорожцахъ драгоцѣнно для тѣхъ, кто такъ или иначе интересуется прошлой судьбой нашего отечества вообще и нашего юга въ частности. Изслѣдователю Запорожья приходится прежде всего заглядывать въ монастыри, церкви, архивы, потомъ знакомиться съ дѣдами, прибѣгать къ раскопкамъ, записывать пѣсни, преданія, собирать древности, изучать мѣстности, разбирать намогильныя надписи, осматривать пещеры и т. п. Только такимъ путемъ и возможно, до извѣстной степени, воскресить жизнь давно уже сошедшихъ въ могилу, но въ памяти народной еще и теперь неумершихъ, запорожскихъ козаковъ.

---

[1]) Протовчанская, орельская, самарская, кальміусская, кодацкая, бугогардовская, ингульская, иначе перевизская, и прогноинская.

[2]) Отъ 1736—1740 ихъ было 4000.

[3]) О происхожденіи козачества см. «Исторію малорос. козачества» (лекціи) В. Б. Антоновича.

Если перебраться изъ г. Кременчуга, полтавской губерніи, черезъ Днѣпръ, въ посадъ Крюковъ, и оттуда повернуть влѣво, по-надъ Днѣпромъ, то первое село, стоящее на мѣстѣ запорожскихъ владѣній, будетъ Каменно-Потоцкое херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда. Село Каменно-Потоцкое, расположено амфитеатромъ по правому каменистому берегу Днѣпра, на восемь верстъ ниже г. Кременчуга и на четыре версты выше границы екатеринославской губерніи. Такимъ образомъ, близъ Каменно-Потоцкаго сходятся три губерніи: полтавская, восточнымъ концомъ, всего три версты отъ посада Крюкова до села; херсонская, сѣвернымъ угломъ, всего восемь верстъ ширины, и екатеринославская, западнымъ концомъ, не доходя четыре версты до села. Населеніе Каменно-Потоцкаго началось уже съ конца XVII вѣка: сюда шли крестьяне и козаки изъ разныхъ селъ полтавской губерніи, преимущественно-же изъ сосѣдняго мѣстечка Потокъ, отчего село получило прибавку къ народному названію Каменки, названіе Потоцкаго, въ отличіе отъ села Каменки-Красной. Съ 1741 года оно уже вошло въ составъ миргородскаго полка, потоцкой сотни, по распоряженію императрицы Елизаветы Петровны. Первая церковь, въ честь Преображенія Господня, деревянная, съ отдѣльной колокольней, заложена была въ Каменно-Потоцкомъ уже въ 1752 году [1]) и находилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь огородъ кр. Носача. На цинковой доскѣ, недавно найденной мѣстнымъ священникомъ о. Петромъ Левицкимъ, на мѣстѣ старой церкви, вырѣзана слѣдующая надпись: «Во имя отца и сына и святаго духа основася сія церковь въ селѣ Каменкѣ Преображенія Господня при державѣ великія Государыни нашея Императрицы Елизаветы Петровны самодержицы всероссійскія при наслѣдникѣ ея внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и при супругѣ его благовѣрной государынѣ вели-

[1]) Въ «Матеріалахъ» Г. Ф. Миллера говорится, что первая церковь существовала здѣсь уже между 1740 и 1745 годами. Москва, 1848 г., стр. 76.

кой княгинѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ благословеніемъ же преосвященнѣйшаго Тимоѳея щербацкаго Архіепископа митрополита кіевскаго 1752 годѣ Июня 11 въ селѣ Каменкѣ». Устроенная церковь существовала однако недолго: въ 1792 году она сгорѣла вмѣстѣ съ сохранявшимися въ ней документами, послѣ чего построена была новая, также деревянная.

Послѣ паденія Запорожья, до 1838 года, село Каменно-Потоцкое считалось въ предѣлахъ екатеринославской губерніи, а послѣ этого отошло къ херсонской. Уже съ самаго начала его существованія къ нему приписана была сосѣдняя деревня Троицкое, по народному Чикаливка, екатеринославской губерніи, верхне-днѣпровскаго уѣзда, бывшее имѣніе Я. Г. Данильченка, теперь инженеръ-технолога, Н. В. Чериковскаго. Изъ вещей, сохранившихся въ теперешней церкви и перешедшихъ сюда изъ старой, достойно вниманія лишь одно евангеліе кіевской печати 1733 года, съ надписью по листамъ внизу. «Во мя (имя) отца и сина і святаго Духа амин (.) я рабъ Бжи (божій) леско плаксѣй и женою своею агрипиною отмѣнилъ Сие Евангелие за отпущение грѣховъ своихъ, До церкви Божией преображения Господня на каменку до медведовки жеби (дабы) его не отдаливъ нѣкто (никто) отъ церкви кромѣ снова (?) божей руини (,) то повиненъ мой братъ савка взяти и отдати до иной церкви жеби отправа били божия (.) Сие дѣялося при ктиторѣ Зѣновию Дѣхтяренку федору величку яску шапошнику герасиму роенку и всему братству року 1744 мѣсяца февраля 9 а хто би моглъ его отдѣлитии по своей хоти (хотѣнію) або продати таковій да будетъ проклятъ анаѳема і будетъ судится со мною въ судний день (.) Дано за сие Евангеліе рублей сѣмь ровно».

Противъ села Каменно-Потоцкаго стоитъ среди Днѣпра одинъ островъ Дурной-Кутъ, около версты длины, наносной песчаной формаціи, покрытый лозой, и за островомъ пять заборъ: Горильчанская, Каменская, Кресты у праваго берега, Черная и Ревучая. Противъ третьей заборы, на правомъ берегу Днѣпра, на одномъ изъ дикихъ камней выбита буква М и около нея

подобіе какихъ-то словъ, сдѣланныхъ не то самой природой, не то рукой человѣка.

По всѣмъ селамъ, отъ Кременчуга и далеко внизъ по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра, въ памяти старожиловъ сохранилось много разсказовъ о путешествіи императрицы Екатерины II. Это было въ 1787 году, когда Екатерина, въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа II, пріѣхавшаго въ Россію подъ именемъ графа Фалькенштейна, польскаго короля Станислава Понятовскаго, принца нассаускаго Де-Линя, французскаго посланника графа Сегюра, англійскаго посланника Фрицъ-Герберта, русскаго князя Г. А. Потемкина и многихъ вельможъ, путешествовала по новороссійскимъ степямъ въ Крымъ. Съ 30 января 1787 г., императрица, прогостивъ въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 22 числа отправилась внизъ по Днѣпру на восьмидесяти галерахъ, нарочно для того приготовленныхъ, разукрашенныхъ амурами, флагами, снабженныхъ музыкантами, пѣвцами и вмѣщавшими въ себѣ, кромѣ отборной и блестящей свиты, больше трехсотъ человѣкъ прислуги. Спустившись ниже Кіева, императрица сдѣлала остановку сперва въ Каневѣ, гдѣ съ ней свидѣлся польскій король Станиславъ Понятовскій, потомъ 30 апрѣля въ Кременчугѣ. Отсюда она шла по Днѣпру до помѣстья полковника Якова Шошина, Шошиновки, на правомъ берегу, сопровождаемая огромною массою народа, ожидавшею отъ нея большой и богатой милости.

На четыре версты ниже села Каменно-Потоцкаго стоитъ деревня Троицкое, въ народѣ извѣстная подъ именемъ Чекаливки, противъ заборы Радуты въ Днѣпрѣ, а за нимъ на восемь верстъ ниже—село Успенскъ, по народному Плахтіивка. Село Плахтіивка стоитъ на рѣчкѣ Прогноѣ и основано, по преданію, какимъ-то запорожцемъ Головкомъ, жившимъ еще въ концѣ XVII вѣка и занимавшимся ткацкимъ ремесломъ, по преимуществу приготовленіемъ плахтъ. Въ 1740 году Плахтіивка считается уже довольно значительной деревней, а въ 1744 году здѣсь устраивается и первая церковь, во имя Успенія

Богоматери. Спустя восемь лѣтъ, Плахтіивка отошла въ вѣдѣніе желтаго гусарскаго полка, состоявшаго изъ сербовъ и румынъ, вышедшихъ въ Россію въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны и получившихъ въ собственность сѣверо-западныя окраины запорожскихъ степей. Въ это время село было переименовано изъ Плахтіивки въ Зимунъ или Земунь и вошло въ пятый шанецъ, пятую роту желтаго гусарскаго полка.

Въ 1775 году въ с. Плахтіивкѣ сгорѣла старая церковь и черезъ годъ на мѣстѣ ея устроена была новая. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, жители, оказавшіе въ чемъ-то неповиновеніе военному начальству, переселены были въ Бессарабскую область, а на мѣсто ихъ вызваны были поселенцы изъ сосѣднихъ селъ теперешней херсонской губерніи: Грищевскаго, Колонтаева, Стецовки, Вершеца и Моржановки. Тогда село вновь переименовано было изъ Зимуня въ Успенскъ, по имени храма Успенія Богоматери.

Изъ древнихъ вещей, сохранившихся въ теперешней церкви села Плахтіивки, достойны вниманія лишь слѣдующія: псалтирь кіевской печати 1708 года съ надписью по листамъ: «Сія псалтырь одана Никифоромъ Демурею Успенія богоматери 1708»; евангеліе кіевской печати 1733 года съ надписью по листамъ: «Коболяцкій Протопопъ Симеіонъ Андреевъ Кияръ сію святое евангеліе по указу до церкви успенской Плехтѣевской которую купилъ житель Плехтѣевскій Θеодоръ Свистунъ за свои собственніе денги семь рублей Року 1746 мѣсяца Априля»; тріодь кіевской печати 1761 года: «Сія книга именуемая тріодь постная отмѣненна рабомъ божіимъ проживающимъ въ шанцѣ плехтѣевскомъ Григоріемъ Наумовичемъ во отпущеніе грѣховъ его въ церковь святоуспенскую Плехтѣевскую за цену пять рублевъ (.) Записалъ той успенской церкви священникъ Василій Яблуновскій». Кромѣ этихъ трехъ книгъ есть еще служебникъ кіевской печати 1768 года и два запорожскихъ пояса, сдѣланныхъ изъ краснаго персидскаго сырцу шелковой матеріи, одинъ длины семь съ половиной аршинъ, другой—шесть аршинъ, съ позоло-

ченными концами съ обѣихъ сторонъ. По разсказамъ старожиловъ, близь Плахтіивки одно время очень долго жили турки и тутъ, въ трехъ верстахъ отъ села, прямо на югъ отъ теперешней волости, у нихъ стояла мечеть, сдѣланная изъ камня. Она построена была на песчаномъ высокомъ горбу, около нея повыкопаны были ямы, наполненныя гречой и просомъ. Теперь крестьяне «вылупали» ее. Возможно, что это относится къ 1711 году, когда значительная часть запорожскихъ земель, по прутскому миру Россіи съ Турціей, отошли къ туркамъ и татарамъ. По разсказамъ тѣхъ же старожиловъ, близь Плахтіивки въ старину росли большіе лѣса: по балкѣ Омельницкой—дубовый лѣсъ, срубленный лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; по Бутивскому урочищу, близь д. Троицкой, по ярамъ близь села Каменно-Потоцкаго, около 500 десятинъ, также дубовый, по берегу Днѣпра, по плавнямъ рѣкъ и, наконецъ, по степи владѣльца Я. Г. Данильченка—около 50 десятинъ. Теперь отъ нихъ ни щепки, ни пня, ни палочки не осталось: все повырубили и поизводили.

Противъ села Плахтіивки, среди Днѣпра, протянулись, одинъ за другимъ, пять большихъ островов: Байдакъ, раздѣляющійся на собственно Байдакъ и Насыпь, оба длины до шести верстъ, покрыты мелкими кустарниками и травой; островъ Хвостиковъ, сто восемьдесятъ четыре десятины величины, былъ покрытъ громаднымъ осокоровымъ и вербовымъ лѣсомъ, теперь считается спорнымъ между крестьянами Плахтіивки и Келеберды; островъ Пукалый, длины около версты, расположенный близь праваго берега Днѣпра; островъ Домашка, среди Днѣпра, и островъ Бешка, до двухъ верстъ длины.

Въ селѣ Плахтіивкѣ есть древній старикъ, Яковъ Литвиновъ, который любитъ въ часы досуга кое-что поразсказать о запорожскихъ козакахъ; ему 108 лѣтъ отъ роду.

— Дйду, скилько вамъ годъ?

— Сто висимъ, серце.

— А бачили вы царыцю?

— Бачивъ, серце; вона якъ ихала по Днипру, то приставала у насъ у Плахтіивци. Оце де кучка народу, то вона поверне баркасыкъ тай каже: — «Здрастуйте, дѣдушки!» — «Здравія желаемъ, Ваше Императорське Величество»!.. А дитямъ усѐ кидала гроши: кине жменю тай дивитця; то диты якъ почнуть хапаты, а вона сміетця; мини тоди було висимъ годъ.

— А шо жъ вы объ запорожцяхъ шо нѐбудь знаете?

— Знати не знаю, а чути чувъ, бо я не съ цихъ мистъ, я захожій.

— Шо жъ вы чули?

— Чувъ, шо то народъ бувъ выхватный; на всяки дила способный; инчи таки були, шо й грамоти не вчилысь, а читати такъ добре читали, шо и вченый такъ не прочита. Разъ одного запорожця пытають: — «якъ ты навчивсь грамоти?» — «А якъ? Спавъ я въ хати, стало мини душно; я пишовъ пидъ стижокъ тай лежу, а тутъ летить птычка; якъ клюкне мене по лобови, а кровъ и побигла. И ставъ я усѐ знати, и книги читати... А сыла яки у ихъ була? Хочъ у старого, хочъ и у малого! Идѐ разъ кошовый, ажъ дывытця, дытына симъ годъ заглядá на дзвиныцю. — «Чого ты, мале, заглядаешь на дзвиныцю?» — А я туды знисъ ломову пушку. — «Ты?» — Я. — «А пиды назадъ знеси!» Воно пишло тай знесло. Отъ яки тоди люди були! Теперь хочъ десятеро коней запряжи, то не знесуть. А про старыхъ запорожцивъ, то вже й казати ничого. Вони оце було якъ говіють, то пипъ и приказуе имъ: — «паны молодци, котори изъ васъ имiють велику силу, то втягайте въ себе»... А то якъ дохне, то пипъ съ причастіемъ упаде. Сыла страшенна була!

— Прямо, шо страшенна! А якъ вони воювались?

— А отъ якъ. Станутъ було отутъ на Орловій бальци, а противъ нихъ двадцять повкивъ выйдуть. Такъ повки сами себѣ порижуть, кровь тектíме по черево конямъ, а запорожцямъ и бай—дужѐ: стоять та сміютця; одинъ тилько васюринськiй козакъ и не сміетця: той заряде пистоль губкою тай стриля... А це все видъ того, шо воны знаючій народъ були:

на своій земли ихъ нихто не мигъ узяти. Такъ вони якъ куды ихати, то заразъ земли пидъ устільку накладуть, у шапкй понасыпають тай йдуть.—«Хто чоботи скыне, то й смерть; а хто шапку зниме, тому голову знимуть». Такъ и йдуть соби. Доидуть у городъ якій, пьють, гуляють, музыки водять, танцюють, а якъ свитъ, посидають на коній тай поихали. И вси чують, якъ вони й балакають, якъ и кони у ихъ хропуть, а ихъ небачуть. Разъ були вони у Петенбурси, зайшли у дворець, имъ стула подають, а вони посидали на землю тай сидять. Приходе до ихъ Катериничъ [1]). Дивитця, шо вони сидять на земли и давай зъ нихъ сміятьця. Потимъ пиднявъ руку надъ одникъ запорожцемъ тай цилится его вдарити.—Рубай, рубай, каже, коли пиднявъ!» Такъ де тоби рубати: якъ пиднявъ руку, такъ вона и зомкнулась, такъ и заклякла.

— Чого жъ воно такъ, диду, шо мали воны таку силу, а ихъ геть зигнали звидциля?

— Не зигнали ихъ, а вони сами пишли кудысь на райськи острова, тамъ и живуть, а передъ конченіемъ свита упьять прійдуть и впьять свое отшукають.

Этимъ свѣдѣнія дида Якова Литвина о запорожцахъ и оканчиваются. Литвинъ—самый старый изъ всѣхъ дидовъ въ с. Плахтіевкѣ и одинъ изъ старыхъ со всего запаса дидовъ, извѣстнаго на всемъ бывшемъ Запорожьѣ. Жаль, что онъ «захожій чоловикъ», неимѣющій прямой связи съ запорожцами, въ противномъ случаѣ, при его памяти, любознательности и долголѣтней жизни, онъ могъ бы много чего, болѣе правдиваго и точнаго, сказать о жизни запорожскихъ козаковъ, чѣмъ только что приведенный разсказъ.

Ниже села Плахтіивки впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны рѣчка Мокрый Омельникъ, у Эриха Ласоты названный Омельникомъ Пселскимъ [2]), въ которомъ, по словамъ Боплана,

---

[1]) Катериничемъ Литвинъ называетъ князя Потемкина.

[2]) Путевыя Записки. Одесса, 1873 г., стр. 54.

водилось множество раковъ [1]). Теперь это такая ничтожная рѣченка, «шо доброму молодцю можно обипершись на ратище тай перескочить». Она начинается въ херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, изъ двухъ балокъ, Цвѣтиной и Смѣтановской, изъ-подъ деревень Павлышской и Смѣтановки, течетъ на протяженіи 45 верстъ, впадая въ Днѣпръ какъ разъ около Колодовки, верхней половины села Деріевки.

На двѣнадцать верстъ ниже Плахтіивки и на десять верстъ ниже р. Омельника стоитъ село Деріевка, или, какъ оно называется у путешественника прошлаго столѣтія Василія Зуева, Даріевка [2]). Это одно изъ огромнѣйшихъ селъ, раздѣляющееся на собственно Деріевку, Серетовку, нижнюю часть, и Колодовку, верхнюю часть села, расположенное по двумъ балкамъ Кобиной и Крутояровкѣ, по правому берегу Днѣпра, противъ мѣстечка Келеберды, по лѣвую сторону Днѣпра. Основаніе Дерієвки относится къ концу XVII вѣка. Въ 1706 году здѣсь значится уже цѣлое урочище, гдѣ жили старые запорожцы, занимавшіеся скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыболовствомъ; съ теченіемъ времени къ нимъ присоединилось нѣсколько малороссійскихъ семей, и такимъ образомъ въ 1740 году здѣсь образовалась слобода Деріевка съ церковью Вознесенія Христова на Серетовкѣ. Въ качествѣ устроителя слободы пріобрѣлъ извѣстность въ то время слободской атаманъ козакъ Данило Батура. Въ 1751 году, когда земли «отъ вершины рѣки Омельника и по оной внизъ даже до устья ея, гдѣ оная въ Днѣпръ впадаетъ», отданы были подъ поселеніе сербовъ, слобода Деріевка отчислена была къ седьмой ротѣ елисаветградскаго пикинернаго полка. Оттого уже въ 1787 году путешественникъ Зуевъ называетъ ее «ротнымъ селеніемъ» [3]). Въ настоящее время изъ древнихъ вещей хранится въ церкви села Деріевки только шесть церковныхъ книгъ: требникъ и чинъ св. Василія, напечатанные въ 1739

---

[1]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 15.
[2]) Путешественныя записки. Спб., 1787 г., стр. 213.
[3]) Тамъ-же, 245.

году, октоихъ, московской печати 1753 года, тріодь постовая, напечатанная тамъ же въ 1757, книга апостольскихъ дѣяній, кіевской печати 1768 года, и книга богоявленія съ такою надписью: «Отъ книгъ роти седьмои Дереевской (,) Елисаветградского пикинернаго полку церкви Вознесенія Господня 1771 года Генваря 3 дня Церковная».

Почти смежно съ селомъ Деріевкой стоитъ село Куцеволовка, иначе называется Вороновка, а по стариннымъ документамъ урочище Троицкое, хуторъ Тройницкій, село Куцутовка, слобода Тройницкая. Первые поселенцы урочища Троицкаго были малороссіяне, жившіе близъ Кременчуга, Кобелякъ и Келеберды. Они пріѣзжали сюда сперва временно для обработки земли и пастьбы скота, а потомъ мало-по-малу привыкали къ этой мѣстности и стали селиться навсегда. Здѣсь они встрѣтили уже готовые поселки, зимовники запорожскихъ сидней, и такимъ образомъ положили основаніе слободѣ Вороновкѣ. Въ 1756 году въ слободѣ Вороновкѣ возникаетъ и церковь, во имя святителя Николая. Эта церковь куплена была готовою въ селѣ Келебердѣ, гдѣ она оставалась безъ богослуженія послѣ построенія новой, и поставлена у самаго берега Днѣпра. Въ это время Вороновка составляла уже 16 роту елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ 1787 году здѣсь построена уже новая церковь вмѣсто старой обветшавшей, на другомъ мѣстѣ, нѣсколько выше берега Днѣпра, среди слободы, а старая была разобрана и употреблена для постройки колокольни при новой церкви. Въ настоящее время и эта вторая церковь уже обветшала и закрыта, хотя все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Архитектура ея до крайности проста: это не церковь въ обыкновенномъ, общепринятомъ смыслѣ слова, а просто амбаръ или сарай, продолговатый на видъ, сдѣланный изъ досокъ съ крестомъ на крышѣ; только колокольня, стоящая при ней, походитъ на церковное зданіе. Самое положеніе церкви не соотвѣтствуетъ положенію теперешнихъ церквей: въ нее ведетъ входъ не съ запада, а съ юга.

Изъ древнихъ вещей въ церкви села Куцеволовки сохраняются: книга пятидесятницы, кіевской печати 1702 года, книга тріодь съ надписью по листамъ: «Року 1711 сію книгу глаголемую триодь цвѣтную отецъ Илія купилъ зацерковние гроши за шесть таляри до храму святой троицы во градъ кереберду»; двѣ книги минеи, кіевской печати 1757 года, служебникъ, временъ императрицы Елизаветы Петровны, съ неполною надписью по листамъ: «Во имя отца и сына и святаго духа аминь. Сия книга глаголемая служебникъ»..; серебряная чаша и дискосъ, пожертвованные въ церковь козакомъ Антономъ Синявскимъ, съ надписью на нижнемъ ободку: «Сія чаша здискосомъ здѣлано коштомъ і стараніемъ козакомъ антономъ синявскимъ до храму покрова пресвятія богородици всело маржановку 1781 году ноября 12 дня». Наконецъ, что всего интереснѣе въ этой церкви, это архивные документы, еще нигдѣ необнародованные и никому неизвѣстные, начинающіеся съ 1756 года и состоящіе изъ двухъ большихъ связокъ, каждая нѣсколько менѣе четверти толщины.

Противъ села Куцеволовки, сверху внизъ по Днѣпру идутъ: забора Тройницкая, острова Зайчій, Жарковъ, Великій-камень, длины около версты, забора Уступъ и островъ Спорный.

Въ томъ же направленіи, но надъ правымъ берегомъ Днѣпра, на двѣнадцать верстъ ниже села Куцеволовки, стоитъ мѣстечко **Мишуринъ-рогъ**, иначе Вершино-Каменка, Мишуринорогскій ретраншементъ. Мишуринъ-рогъ имѣетъ свою исторію. «Якъ царыця бигла зъ горы, то означила ёго городомъ, а якъ знызу, то проспала; тоди замистъ ёго поставили Верхнё-Днипровскъ»... Но когда и кѣмъ основано это селеніе—ни документы, ни лѣтописи не говорятъ. По преданію, оно основано какимъ-то козакомъ Мишурою или Михайломъ (Миша-ур-а) на возвышенномъ каменномъ мысѣ, далеко вдавшимся въ правый берегъ Днѣпра. Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, упоминается о Мишуриномъ-рогѣ у писателя половины XVI вѣка Михалона Литвина, подъ именемъ Миссури, литовскаго замка. Изъ остальныхъ

писателей ни Эрихъ Ласота, ни Боплавъ, ни Самовидецъ, ни Мышецкій, ни даже Ригельманъ ничего не говорятъ о Мишуринѣ, точно онъ вовсе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ на ихъ время, прекращалъ свое существованіе. Не словомъ не упоминается о Мишуринѣ и въ 1654 году, при описаніи городовъ и селъ, приведенныхъ Богданомъ Хмельницкимъ въ подданство Россіи, и въ 1672 году, при перечисленіи запорожскихъ городовъ и крѣпостей [1]). Только въ исторіи Георгія Конискаго мы встрѣчаемъ упоминаніе о Мишуриномъ-рогѣ, какъ старѣйшей крѣпости на Запорожьѣ, но такъ какъ эта исторія, съ полнымъ основаніемъ, считается публицистическимъ памфлетомъ, написаннымъ только подъ фирмою Георгія Конискаго, наполненнымъ массою невѣроятностей, искаженій и перенесеній разныхъ событій, современныхъ автору, въ далекое прошлое, то придавать какое бы то ни было значеніе этому упоминанію нѣтъ никакого основанія [2]). Тѣмъ не менѣе у запорожцевъ Мишуринъ-рогъ игралъ не послѣднюю роль. Уже съ 1690 года къ Мишуринурогу вела отъ крѣпости Переволочной черезъ Днѣпръ переправа; это была первая у запорожцевъ переправа, начиная съ верхнихъ окраинъ ихъ владѣній; въ свое время она доставляла запорожцамъ 12000 рублей ежегоднаго сбора [3]). Объ ней упоминаетъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко, подъ 1695 годомъ. Въ то время Петръ I предпринялъ походъ на турецкій городъ Азовъ; въ этой войнѣ ему долженъ былъ помогать малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа. Мазепа долженъ былъ двинуться на турецкій городъ Кизикермень вмѣстѣ съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ; 17 мая онъ вышелъ изъ Батурина; потомъ, добравшись до Днѣпра и простоявъ здѣсь, за неимѣніемъ лодокъ, нѣсколько недѣль, переправился выше Переволочной, противъ Мишурина-рога [4]). Далѣе, названіе Мишурина-

[1]) См. акты южной и западной Россіи, т. X, стр. 291—306; т. XI, стр. 12—14.

[2]) Исторія Русовъ. Москва, 1846 г., предисловіе, стр. IV.

[3]) Исторія Малороссіи, Маркевича. Москва, 1847, т. II, стр. 324.

[4]) Лѣтопись С. Величка. Кіевъ, 1855 г., т. III, стр. 273.

рога упоминается въ слѣдующемъ 1697 году, въ описаніи рѣки Днѣпра, представленномъ тѣмъ же гетманомъ Мазепою царю Петру [1]). Въ 1709 году, близъ Мишурина-рога переправлялись черезъ Днѣпръ Карлъ XII и Мазепа, послѣ несчастнаго для нихъ полтавскаго боя. Въ 1735 году, противъ Мишурина-рога сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ Минихомъ мостъ для переправы русскаго войска, во время войны Россіи съ Турціей, въ 1736 году, и похода на Крымъ, въ 1737 году.

Въ 1741 году, когда дозволено было указомъ императрицы Анны Ивановны всѣмъ бѣглецамъ малороссійскаго и великороссійскаго происхожденія, скрывавшимся дотолѣ въ Крыму, Польшѣ и Молдавіи, селиться въ заднѣпровскихъ степяхъ, то вскорѣ послѣ этого, въ числѣ другихъ слободъ, возникла и слобода въ Мишуринѣ-рогѣ, которая была приписана къ полтавскому полку. Нужно думать, что именно въ это время въ Мишуринѣ устроена была и та земляная крѣпость, которая сохранилась въ прекрасномъ видѣ и по настоящее время. По крайней мѣрѣ на картѣ инженеръ-полковника Де-Боксета, сдѣланной въ 1751 году, Мишуринъ-рогъ значится уже въ числѣ крѣпостей. Въ 1787 году русскій путешественникъ Василій Зуевъ писалъ о Мишуринѣ-рогѣ, что прежде онъ былъ шанцемъ козацкихъ полковъ, а потомъ сдѣлался простымъ селеніемъ, однако сохранившимъ свое укрѣпленіе до 1787 года. Укрѣпленіе это находилось на самомъ верху мыса и охранялось мѣстными жителями-козаками и кромѣ того егерской командой. Въ крѣпости стояла деревянная церковь и для проѣзда двое воротъ; для управленія же устроена была контора, гдѣ засѣдалъ смотритель [2]). Съ устройствомъ въ сѣверо-западныхъ степяхъ Запорожья Ново-Сербіи, Мишуринъ-рогъ отошелъ къ елисаветградскому пикинерному полку сперва пятой, потомъ шестой, а потомъ десятой и осьмой ротъ. Ко всему сказанному о Мишуринѣ-рогѣ нужно прибавить еще то, что

[1]) Записки одесск. общ. исторіи и древн. Одесса, 1853 г., т. III, стр. 577.

[2]) Путешественныя записки. Спб. 1787 года, стр. 244.

здѣсь съ давнихъ временъ различались два селенія: собственно Мишуринъ-рогъ, или городокъ, и слобода, стоявшая внѣ городка; въ первомъ была церковь во имя праведныхъ Симеона и Анны, во второй—церковь во имя Преображенія Господня. Церковь Симеона и Анны возводилась четыре раза: въ первые два раза въ крѣпости (около 1739 года и въ 1736 году), въ третій разъ (1795 года) ниже крѣпости, тамъ, гдѣ теперь дворъ крестьянина Аѳанасія Задорожняго, и въ четвертый разъ на теперешнемъ ея мѣстѣ. Церковь Преображенія воздвигалась три раза: въ 1757 году, 1794 и 1870 году (?), на двѣ версты ниже первой церкви Симеона и Анны.

Изъ древнихъ вещей въ церкви Симеона и Анны хранятся: два евангелія (Кіевъ, 1746 г.), три книги миней (Кіевъ, 1750 г.), книга дѣяній (Кіевъ, 1752 г.) и книга пятидесятницы (Москва, 1759 г.), кромѣ того восемнадцать иконъ стариннаго письма и на колокольнѣ два запорожскихъ колокола, изъ коихъ большій имѣетъ такую надпись: «Сей звн. отмѣнил Іванъ Чумакъ стеблѣевского нижшого курена в город. Мишур. до х: с: пр: симеона: з: г. с. року Божия 1751». Въ церкви Преображенія изъ древнихъ вещей хранятся: книга пятидесятницы (Москва, 1755 г.), тріодь (Москва, 1760 г.) съ надписью по листамъ: «Сия книга церкви Преображенской слободи мишуриногорской Іериа василию попелнѣцкого»; книга дѣяній съ надписью: «1760 года мая 29 дня сию книгу глаголемую апостолъ купилъ житель слободи мишуринсвой козакъ григорѣй гречинъ ценою три рубли до церкви преображенія господня за отпущеніе грѣховъ своихъ вѣчними часи (.) а хто бы сию книгу взялъ до инои церкви отдавши или схотѣлъ украсти, то тотъ осудится во ономъ вѣцѣ предвѣчнимъ судіей (.) а отдана на руки въ сохраненіи тоеяжъ церкви іерею василию григориеву попельницкому приктитору хведору григоренку». Книга акаѳистъ великомученицы Варвары (Кіевъ, 1766 г.), и наконецъ серебряная позлащенная чаша съ надписью: «1779 году сей келихъ отданъ въ мѣстечко мишуринъ рогъ григориемъ». Вѣроятно тѣмъ-же Григоріемъ

Гречиномъ, который пожертвовалъ и книгу апостольскихъ дѣяній.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Мишурина-рога бросается въ глаза прежде всего земляная крѣпость. Выборъ мѣста, гдѣ была устроена крѣпость, показываетъ большія стратегическія соображенія козаковъ. Нужно сказать, что Днѣпръ, пройдя десять верстъ отъ села Куцеволовки, по направленію съ запада на востокъ, вдругъ неожиданно встрѣчаетъ огромную гряду гранитныхъ скалъ, такъ-называемую забору Кротову, у праваго берега, съ страшной силой ударяется объ нее и, не будучи въ состояніи одолѣть, самъ бросается въ лѣвую сторону къ сѣверу. Такимъ образомъ получается огромнѣйшій мысъ съ праваго берега Днѣпра. Этотъ мысъ на живописномъ малороссійскомъ языкѣ и названъ рогомъ, съ прибавленіемъ къ нему собственнаго имени Мишуры. На вершинѣ этого-то рога, между теперешнею пристанью и Пантинетовою могилою, растянулась огромная земляная крѣпость, одна изъ самыхъ большихъ на всемъ бывшемъ Запорожьѣ. По своему устройству она представляетъ собственно двѣ крѣпости, центральную и внѣшнюю: центральная, какъ кремль или дѣтинецъ, имѣетъ видъ правильнаго редюита, боковая линія котораго, отъ сѣвера къ югу, равняется шестидесяти шагамъ, поперечная, отъ запада къ востоку, пятидесяти. Внѣшная крѣпость представляетъ собой открытое укрѣпленіе, состоящее изъ трехъ фасовъ, съ исходящими углами, съ двумя воротами, съ юга и востока, но только втрое или даже вчетверо больше перваго. Оба эти укрѣпленія охватываются съ трехъ сторонъ, отъ запада, юга и востока, такъ-называемой креморьерною линіей съ траверсами. Кромѣ крѣпости, въ томъже Мишуриномъ-рогѣ есть и другія примѣчательности. Таковы четыре, совершенно правильно повыверченныя въ гранитныхъ камняхъ, дырки, въ огородѣ крестьянина Мусія Петрюка; таково подобіе копыта, сдѣланное въ камнѣ, лежащемъ у берега Днѣпра, противъ огорода того-же Петрюка, и имѣющее въ длину двѣ четверти, въ ширину полторы четверти; таковъ камень близь

огорода Панька Крота, у берега Днѣпра, на которомъ выбиты какія-то латинскія буквы; таковы три круглыя ступки, сдѣланныя въ гранитномъ камнѣ, лежащемъ за огородомъ крестьянина Өедора Будки, и таковъ камень противъ хаты солдата Тимона Бѣлоуса, съ высѣченною на немъ буквою *М*. Наконецъ, къ такимъ-же достопримѣчательностямъ принадлежитъ и тотъ камень, который находится выше Мишурина-рога, въ урочищѣ Буянскомъ, на уступѣ, немного поодаль отъ берега; на немъ выбитъ крестъ. «Тутъ жили, кажуть, якись то запорожцы, такъ вони по цимъ скелямъ клали кладь, а надъ кладдю робыли пырмиты. Отамъ у забори и молотокъ бувъ выбытый, и ножныци, а коло хреста цилый рукавъ вучалля лежавъ. Такъ, бачь, славлять у насъ. Сорока сороци, ворона ворони; такъ и мы». Такъ объясняютъ крестьяне происхожденіе знаковъ на камняхъ. Объясненіе, можетъ быть, и правдоподобное, но къ нему въ видѣ дополненія нельзя не прибавить два вопроса: не было-ли выбитое на камнѣ копыто государственнымъ знакомъ литовскихъ князей, владѣвшихъ нѣкогда Мишуринымъ-рогомъ, и не означала-ли буква *М*, сдѣланная на камнѣ, начальную букву гетмана Мазепы, переправлявшагося здѣсь послѣ пораженія подъ Полтавой, а вслѣдъ за нимъ и Карла XII, когда, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, «принуждено было сундуки Мазепины съ богатствомъ и деньгами, почти три доли оныхъ, въ воду сбросить?» [1]).

По разсказамъ старожиловъ, близь Мишурина-рога да и тамъ, гдѣ теперь значительная часть села, въ старину росли огромные лѣса. Таковы: Долгое-проваллля, Лѣщина, Заячій, Кислый, Должикъ, Михайловскій, Голодниваскій, Криничный, Скотоватый, Рядовой, Липовый, Россоховатый, Кужушный, Глыбокій, Бѣлоусовъ, Косый, Патериловъ, Шестигривенный, Лысый, Дрыщальной и Западной; всего около двухъ-сотъ-пятидесяти десятинъ;

---

[1]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Мал.-Росс. Москва, 1847, ч. III, 83.

вездѣ преобладалъ дубъ. Наконецъ, лѣсъ росъ и по островамъ Днѣпра противъ Мишурина-рога, а кое-гдѣ и по заборамъ.

Острова и заборы слѣдуютъ здѣсь въ такомъ порядкѣ, начиная отъ границы земли села Куцеволовки: Свячена, противъ урочища Буянскаго, Дурна, на полторы версты ниже первой, Лихолатова, противъ двора Кондрата Лихолита, Пивнева, противъ двора Василія Пивня, Кротова, противъ балки Кислой, выше пристани; вмѣстѣ съ ними идутъ острова: Почекаливскій, у лѣваго берега Днѣпра, Тахтаивскій, у праваго берега рѣки, длины четверть версты, Средній, начинающійся верхнимъ концомъ между двумя названными островами, и Великій, длины пять верстъ, ниже пристани, отъ Каменской и Переволочной межи.

Верстахъ въ двадцати въ сторону отъ селенія Мишурина-рога, стоитъ большое село Лиховка, по старымъ названіямъ, Омельницкая, расположенное по рѣкѣ Сухому-Омельнику. Основаніе его относится къ 1740 году, когда здѣсь поселилось нѣсколько человѣкъ запорожской старшины и эсауловъ со своими наймитами и хлопцами. Но настоящимъ осадчимъ села былъ мѣстный священникъ Павелъ Писаревскій. Онъ-же первый и основалъ здѣсь въ 1754 году церковь. Съ теченіемъ времени село Омельницкое приписано было къ елисаветградскому пикинерному полку, сперва къ четвертой, потомъ къ шестой, а наконецъ и къ двѣнадцатой ротѣ. Въ 1788 году въ немъ возведена была новая церковь и самое село стало именоваться Лиховкой, отъ переселенца изъ полтавской губерніи Лишевскаго, въ просторѣчіи называемаго Лихомъ. Изъ древнихъ вещей здѣсь хранится: напрестольный крестъ, рѣзной работы, въ серебряной оправѣ, съ надписью: «1756 года генваря 20 крестъ сей до церкви живононачальнія троицы слободи омельницкой здѣланъ»; чаша серебряная позлащенная съ надписью: «1757 года козакъ куреня корьсунского Павелъ Котантинович Сию Чашу Справилъ За отпущение грѣховъ своихъ слободи омельницкой до святой Троицы»; евангеліе, напечатанное въ Москвѣ, въ 1781 году, съ надписью съ наружной стороны на мѣдной доскѣ: «Данила Без-

частного». Небольшая запорожская серебряная чарочка и три запорожскихъ пояса, изъ коихъ два обыкновенные красные, персидскаго сырцу, а третій—великолѣпнѣйшей шалевой матеріи съ превосходными узорами. Въ своемъ родѣ это единственный поясъ изъ множества, сохраняющихся по разнымъ церквамъ.

Между селомъ Лиховкой и правымъ берегомъ Днѣпра стоитъ село **Калужино**, ниже Мишурина-рога. Основаніе его относится къ концу XVI вѣка; оно получило свое названіе, по преданію, отъ какого-то запорожца Калуги, выходца изъ Великороссіи. Первая церковь устроена здѣсь въ 1754 году, во имя Успенія Богоматери, стараніемъ и усердіемъ священника Ѳеодора Иллича, иначе Ильина. Настоящая церковь—третья по счету послѣ основанія села. Въ ней хранится нѣсколько древнихъ вещей, весьма замѣчательныхъ по своей давности. Таковы прежде всего чаша, дискосъ и звѣздица, серебряные позлащенные, съ надписью: «Сей келихъ и дискосъ и звезду надалъ рабъ бож. лаврентій ленецъ сухорски (ій): до церкви (,) обласки року: бож 1639». Эта надпись, сдѣланная по подножію части, къ сожалѣнію, не даетъ понять, въ какое село и въ какую церковь отдана была чаша; тѣмъ не менѣе надпись древнѣйшаго начертанія; но по бокамъ чаши сдѣлана и другая, буквами болѣе поздняго начертанія: «Сей келихъ спорядилъ рабъ божій Ѳеодоръ Илиинъ попъ Успенскій». Видимо чаша эта находилась въ какой-то другой церкви, но перенесена въ церковь Успенія села Калужина, о чемъ и заявляетъ своею подписью священникъ Ѳеодоръ Илиинъ. Изъ множества чашъ, хранящихся въ бывшихъ запорожскихъ церквахъ, эта самая древняя. Изъ книгъ здѣсь замѣчательны слѣдующія: книга дѣяній, напечатанная въ Кіевѣ, въ 1742 г., съ надписью: «Сию книгу глаголемую апостолъ купленную за собственние денги кцерквѣ святоуспенской калужинскимъ козакомъ василіемъ алексенкомъ (.) заручилъ крестовый намѣстникъ Артемій Зосимовичъ 1759 года, іюня 12 дня»; книга тріодь, напечатанная тамъ-же въ 1743 году, съ надписью: «По указу Пресвященнѣйшого Рафаила Заборовскаго архіепископа митро-

полита Киевскаго Галицкого и Малія Россіи сѣю книгу тріодь постную купленную въ церковь Успенскую слободу Калужину заднепрянскую за церковніе денгы чтирѣ рублѣ и пядесятъ копѣекъ (.) Заручилъ Кобыляцкій протопопъ Симеонъ Андреевъ 1755 года декабря 11 дня»; евангеліе, напечатанное въ Кіевѣ, въ 1746 году, съ надписью съ лицевой стороны по отдѣлкѣ: «Сіе евангеліе сооружіся вслободу калужіне до храму успенія б. м. року 1759 стараніемъ иерея ѳеодора илiина»; евангеліе другое, и служебникъ, той-же печати и того-же года; тріодь съ надписью: «сія книга глаголемая цвѣтная тріодь кобеляцкой протопопіи местечка Келеберди намѣсніи кереберданской слободи Калужина церкви успенія Богоматери купленная за общіе денги рублей.... 1755 года октября мѣсяца 5 дня которую книгу по указу потвердилъ кобеляцкій протопопъ Симеонъ Андреевъ»; служебникъ московской печати 1756 года, съ надписью: «Козакъ василіи олексенко до храму успения богоматере слободи калужина а заручилъ крестовий намісникъ Артемій Зосимовичъ 1760 года іюня 18 дня»; служба Богоматери, напечатанная въ Кіевѣ и 1761 году, и книга ирмологія, напечатанная въ Черниговѣ, въ 1769 году.

Смежно съ селомъ Калужинымъ стоитъ село Днѣпро-Каменка, отдѣленное съ западной стороны рѣчкой Сухимъ Омельникомъ. Рѣчка Омельникъ, несправедливо названная Сухимъ, у Ласоты Омельникъ Ворскальскій [1]), беретъ свое начало близь села Хорошева, верхне-днѣпровскаго уѣзда и идетъ черезъ села Байдаковку, Лиховку, Красный-кутъ, Калужино и, дойдя до Днѣпра, впадаетъ въ озеро Каменку, противъ церкви села Днѣпро-Каменки; изъ Каменки вытекаетъ въ рѣчку Кривецъ, изъ Кривца въ озеро Долгое, изъ озера Долгаго идетъ особымъ протокомъ въ Днѣпръ. Всего теченія Сухого Омельника— 65 верстъ. По Боплану, въ ней водилось очень много раковъ [2]).

---

[1]) Путевыя Записки. Одесса, 1873 г., стр. 54.

[2]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 15.

Когда и кѣмъ основано село Днѣпрово-Каменка, неизвѣстно; извѣстно лишь, что въ 1755 году при рѣчкѣ Каменкѣ существовало большое село съ деревянною церковью во имя святителя Николая. Въ 1791 году въ немъ устроена была вторая церковь, существующая и по настоящее время, выстроенная мѣстнымъ зодчимъ крестьяниномъ Васильемъ Лиманомъ, стараніемъ прихожанъ и священника Моисея Зосимовича. Изъ вещей, сохранившихся въ теперешней церкви и перешедшихъ въ нее изъ старой, слѣдуетъ отмѣтить запорожское кадило, увѣшанное бубенцами, оловяное блюдо съ надписью по-татарски: «хозяинъ его (т. е. блюда) Хаджи-Али»; три чаши безъ надписи, четырнадцать церковно-богослужебныхъ книгъ и три евангелія, изъ коихъ послѣднее напечатано въ Москвѣ, въ 1753 году, съ надписью по листамъ внизу: «Сие священное евангелие отмѣнилъ вцерковъ камянскую николаевскую козакъ куреня калнибелоцкого Андрей топчѣй 1756 года мая 10». Но что всего интереснѣе, это писанные документы, относящіеся еще ко времени царствованія въ Россіи императрицы Елизаветы Петровны. Внѣ церкви, за оградой ея, съ западной стороны стоитъ каменный известковый крестъ надъ могилою запорожца Мартюка, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая сдѣланная на немъ надпись, уже сильно вывѣтрившаяся отъ времени. «Во имя отца и сына и святаго духа аминь...... козакъ мартюкъ куреня... стараниемъ раба божия димитрия унука мартюка 1748 году септемврія». Противъ села Днѣпрово-Каменки, въ Днѣпрѣ, слѣдуютъ одинъ за другимъ острова: Лискивскій, длины около двухъ съ половиной верстъ, Видмирскій, такой же величины, Верхній Бѣловодъ, длины около полуторы версты, принадлежащій частію крестьянамъ мѣстечка Переволочны, частью владѣльцу Котельникову. Противъ послѣдняго острова впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны р. Ворскла.

Непосредственно ниже села Днѣпрово-Каменки слѣдуетъ село Бородаевка, иначе Орлянскъ, противъ острововъ въ Днѣпрѣ Алкогузова, Великаго и Песчанаго. Документально извѣстно, что

село Бородаевка основано въ 1707 году запорожцемъ Прокопомъ Бородаемъ, вышедшимъ изъ коша, переведшимъ сюда все свое «домовство» изъ-подъ Кобелякъ и «бадавшимся» здѣсь скотоводствомъ и пчеловодствомъ. До построенія церкви здѣсь проживалъ монахъ Дороѳей, жившій прежде въ Чортомлыцкой Сичи, но послѣ разоренія ея Петромъ I удалившійся въ урочище Бородаевку. Здѣсь онъ собиралъ къ себѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ народъ и читалъ ему разныя священныя книги. Первая церковь основана здѣсь въ 1756 году. Съ открытіемъ Новороссіи, Бородаевка сдѣлалась военнымъ поселеніемъ елисаветградскаго пикинернаго полка, сперва осьмой, а потомъ десятой роты. Во время нападенія на новороссійскій край татаръ, въ 1768 и 1769 годахъ, Бородаевка спасена была командиромъ Яковомъ Дикомъ и Григоріемъ Бутовичемъ. Въ 1771 году Бородаевку посѣтила страшная болѣзнь, чума, прекратившаяся по молитвамъ жителей святой великомученицѣ Варварѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1781 году, въ селѣ Бородаевкѣ заложена была новая церковь, вмѣсто старой обветшавшей, во имя пр. Покрова и великомученицы Варвары, а съ 1788 года и святыхъ архангеловъ. Въ 1787 году село Бородаевка описывается въ такихъ словахъ: «Селеніе Орлянскъ или нынѣ называемая Бородаевка, стоящая на ровномъ и песчаномъ займищѣ, разстояніемъ отъ Днѣпра версты на двѣ или на три. Строеніе въ ней весьма хорошее, снаружи выбѣленное половина бѣлою, другая красною глинами, доставаемыми здѣсь по близости изъ буераковъ; сверху крыши соломою, на голландскій образецъ весьма плотно и ровно. Улица одна широкая идетъ чрезъ все селеніе; равнымъ образомъ дворы около домовъ пространные и всѣ были наполнены скирдами хлѣба. Домы сверхъ того усажены вокругъ деревами отъ жителей нарочно посѣянными, а у иныхъ есть и особливые огороды, въ коихъ молодыя деревца для разсаживанія выращиваютъ... Въ слободѣ, такъ какъ и въ другихъ государственныхъ селеніяхъ, есть церковь и смотрительская канцелярія. Около слободы много было вѣт-

рещыхъ мельницъ, кои равнымъ образомъ по способности своей и уютности достойны примѣчанія... Походитъ она (мельница) нѣкоторымъ образомъ на голландскую вѣтреную мельницу, но легче можно перевозить съ мѣста на мѣсто, и что у ея все строеніе на столбѣ поворачивается, а не одна крыша, какъ у голландской» [1]).

Въ церкви села Бородаевки сохранилось въ настоящее время довольно много запорожскихъ вещей: чашъ, иконъ и книгъ. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующія. Евангеліе, напечатанное въ Кіевѣ, въ 1746 году, съ надписью: «Сию книгу глаголемую священное евангелие отмѣнилъ рабъ божій Симеонъ Латишъ козакъ Сѣчи запорожской куреня кальниболоцкаго вцерковь покровь Богоматере вслободу бородаевку за отпущенние грѣховъ своихъ во вѣчное втой же церкви владѣниіе 1761 года мѣсяца апрѣля 8 дня. А цена оному евангелію девятьдесятъ рублей». Евангеліе той же печати 1747 года, съ надписью: «Сие евангеліе новопоселеннаго казачего полку слободи бородаевки житель афанасій шекеренко купилъ ценою за семъ рублей до храму Покрова пресвятія Богородици 1754 году декабря 21 дня». Евангеліе московской печати 1766 года, съ надписью: «1773 году мая 20 д составленное сие евангеліе рабомъ божіимъ козакомъ воиска запорожскаго Низового куреня нижестеблиевскаго Лукяномъ Белимъ за собственнаго умершаго брата его того жъ куреня Павла Носа за денги ценою за сто двадцать рублей вцерковь покрова пресвятыя богоматере въ роту осьмую Бородаевскую и ими прежде писанними козаками вручено». Евангеліе той же печати 1786 года, съ надписью: «Сие святое евангеліе козака куреня криловскаго илии василиева се есть вѣра отмѣныя въ церковъ трепрестолную Покрова Богоматери вслободу бородаевку о своемъ спасеніи 1789 году июня 24 дня за ное данно съто пядесять рублей». Служебникъ съ надписью: Сія книга глаголема служебникъ купленная... до

[1]) Зуевъ. Путешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 247.

церкви покрова богоматере въ слободу бородаевку сотникомъ нестеромъ Димитриевымъ войновичемъ, 1758 года априля дня». Дѣянія апостольскія съ надписью: «1756 года мѣсяца иуля 20 дня я рабъ божій филипъ бутенко купилъ сию книгу глаголемую Апостоль вцерковъ покровъ пресвятия Богородицы вслободу Бородаевку ценою за два рубли и пятьдесять копеекъ да не присвоитъ же кто либо оную себѣ будетбо наказанъ». Изъ утвари интересны чаша и дискосъ. «Сия чаша сделанная коштом войсковуго пушкаря Івана смолы вцерковъ покровскую бородаевскую старанием ерея гавріила щ» (т. е. щастливцева). «Сий дискусъ: и зда зделана коштомъ бившого войскового пушкара Івана п: Смоли слободи бородаевки у церковъ Покровъ пресвятия богоматере: за отпуще грѣховъ своихъ станиемъ (стараніемъ) ирея гавріла щасливцева». Кромѣ всего этого слѣдуетъ отмѣтить еще икону, изображающую Господа Саваоѳа, писанную на полотнѣ и прибитую надъ престоломъ предѣла Варвары великомученицы; тутъ-же икону снятія со креста Спасителя, на стѣнѣ противъ алтаря, серебрянаго ангела на серебряной привѣскѣ, икону св. великомученицы Варвары, въ алтарѣ Покрова, и двѣ хоругви съ изображеніемъ Варвары и архангела Михаила. Наконецъ, ко всему этому двѣ большія связки дѣлъ, каждая въ четверть толщины, со временъ императрицы Елизаветы Петровны.

На четыре версты ниже села Бородаевки расположено село Глинское, иначе Домоткань, на рѣчкѣ Домоткани, противъ острововъ среди Днѣпра: Глинскаго, Спорнаго и Старова. Основаніе села Домоткани относится уже къ 1696 году. Въ 1756 году въ Домоткани устроена была уже и церковь, во имя архистратига Михаила [1]), а вмѣстѣ съ ней и земляная крѣпость [2]). У запорожцевъ Домоткань извѣстна была какъ мѣсто ярмарки, куда они сгоняли

---

[1]) Матеріалы для историко-статист. описанія. Екатерин., 1880, ч. I, стр. 278; по Г. Миллеру, первая церковь устроена здѣсь между 1740 1845. Матеріалы. Москва, 1848 г., стр. 76.

[2]) Зуевъ. Петешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 249.

для продажи скотъ кіевскимъ и кременчугскимъ торговцамъ. Въ свое время она была причислена къ елисаветградскому пикинерному полку, къ одиннадцатой ротѣ. Въ 1799 году первая церковь села Домоткани сгорѣла и на ея мѣсто велѣно было выстроить новую. Изъ древностей въ церкви села Глинскаго только и есть: евангеліе московской печати 1746 года, двѣ иконы: св. Николая и Бога Вседержителя да двѣ хоругви, въ аршинъ квадрата каждая. Изъ всѣхъ селъ отъ Крюкова и до Екатеринослава Глинское съ его церковью—одно изъ самыхъ бѣднѣйшихъ. На четверть версты ниже села впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны рѣчка Домоткань, о которой писалъ Бопланъ, что въ ней водилось множество большихъ раковъ, въ девять дюймовъ величиною, и кромѣ раковъ превкусные чилики [1]). Близь рѣчки Домоткани въ 1594 году спутники Эриха Ласоты наткнулись на медвѣдя, который и былъ ими застрѣленъ [2]). Рѣчка Домоткань беретъ свое начало близь села Елизаветъ-Семеновки, верхне-днѣпровскаго уѣзда, идетъ мимо селъ Андреевки, Акимовки и впадаетъ въ Днѣпръ подъ селомъ Глинскимъ. Всего теченія Домоткани около 35 верстъ.

На пять верстъ ниже Глинскаго стоитъ село **Пушкаровка**, получившее свое названіе, по преданію, отъ перваго основателя его, козака, служившаго въ Сичи пушкаремъ, между рѣчками Домотканью и Самотканью и противъ острова Песчанаго на Днѣпрѣ. Первая церковь здѣсь построена въ 1781 году; она простояла девяносто семь лѣтъ, а потомъ 11 августа 1878 года была обворована, а 24 декабря того же года подожжена. Изъ древностей только и есть одно евангеліе, напечатанное въ Москвѣ, въ 1760 году. Пушкаровка—послѣднее село верхне-днѣпровскаго уѣзда, съ лѣвой стороны, за которымъ уже начинается самый городъ **Верхне-Днѣпровскъ**.

Городъ Верхне-Днѣпровскъ стоитъ на рѣкѣ Самоткани, въ двухъ верстахъ отъ впаденія ея въ Днѣпръ. Рѣчка Самоткань

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 17.
[2]) Путевыя записки. Одесса, 1873, г., стр. 54.

съ окружающею ея мѣстностью извѣстна была уже въ XVI и XVII вѣкѣ разнымъ путешественникамъ, проѣзжавшимъ близь нея. По теперешнему она начинается верстахъ въ тридцати выше города Верхне-Днѣпровска, близь Вольныхъ хуторовъ, идетъ между селъ Павловкой, Ивановскимъ, Ново-Григорьевкой, Богодаровкой, потомъ черезъ самый Верхне-Днѣпровскъ и впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны. Не въ далекомъ прошломъ мѣста близь Самоткани славились своимъ обиліемъ и растительностью. «Здѣсь находятся многія озера, столь обильныя рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Мѣста сіи называются Самоканъ (т. е. Самоткань). Вокругъ озеръ я замѣтилъ малорослыя вишни въ два съ половиной фута вышиною, которыя въ началѣ августа приносятъ довольно сладкіе плоды, величиною въ сливу. По полямъ Самокана, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ двухсотъ до трехсотъ шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ, малорослыхъ миндальныхъ деревъ, съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ» [1]). Отъ этого неудивительно, что эти мѣста уже въ 1680 году были избраны запорожцами для своихъ поселеній. Запорожцы здѣсь жили до самаго уничтоженія Сичи, послѣ чего мѣстность по рѣчкѣ Самоткани досталась князю Григорію Александровичу Потемкину, который основалъ здѣсь село своего имени Новогригорьевку. Впослѣдствіи (1785 году) онъ передалъ это село въ казенное вѣдомство и предназначилъ его для поселенія отставныхъ семейныхъ солдатъ, отчего село стало именоваться государственною воинскою слободою. Два года спустя, къ поселеннымъ солдатамъ въ Новогригорьевкѣ присоединено было еще нѣсколько переселенцевъ отъ рѣки Буга, «семейныхъ отставныхъ разныхъ чи-

---

[1]) Бошланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16.

новъ людей». Въ 1793 году здѣсь заложена была первая церковь во имя равноапостольныхъ Константина и Елены. Послѣ переименованія новороссійской губерніи въ екатеринославскую, село Новогригорьевка переименовано было съ 1813 года въ уѣздный городъ Верхне-Днѣпровскъ. Въ настоящее время это едва ли не самый худшій городъ изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ екатеринославской губерніи. Въ немъ одна единственная церковь; улицы въ лѣтнее время страшно пыльны, въ зимнее время страшно грязны, рѣчка Самоткань обратилась въ сухой ровъ, близъ города—ни палки лѣса. Изъ острововъ, находящихся на Днѣпрѣ противъ г. Верхне-Днѣпровска и ниже его, замѣчательны по древности: Жуковъ, расположенный какъ разъ противъ устья р. Самоткани, къ лѣвому берегу, Рыбальскій, противъ деревни Губиной, Мартыновъ, Паньковъ, четыре версты длины, противъ дома М. Н. Корбе, Москалевъ и Фурсинъ, находящійся ниже Жукова, у лѣваго берега Днѣпра, и принадлежащій графу Ностицу.

Верстъ на двадцать ниже Верхне-Днѣпровска внизъ по теченію Днѣпра стоитъ село Шошиновка, у запорожцевъ называвшееся Щуровкой. Между запорожцами селеніе Щуровка славилось отлично устроенными здѣсь рыбными ловлями и семеновской ярмаркой, перваго сентября, на которую съѣзжались кіевскіе и кременчугскіе купцы для покупки рыбы и скота. Съ паденіемъ Сичи урочище Щуровка отдано было подполковнику днѣпровскаго пикинернаго полка Якову Шошину, устроившему здѣсь и первую церковь въ 1783 году, во имя Божьей Матери Казанской. Въ настоящее время село Шошиновка—самое бѣднѣйшее на всемъ правомъ побережьѣ Днѣпра отъ Крюкова и до Екатеринослава. Въ церкви его никакихъ древностей, кромѣ пяти церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ самая старая напечатана въ 1757 году въ Москвѣ. За то мѣстоположеніе этого села превосходное: оно лѣпится по страшно-высокому берегу Днѣпра, поросшему вѣковѣчными дубами и окаймленному съ западной стороны прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, идущимъ

снизу вверхъ по-надъ Днѣпромъ версты на четыре и принадлежащимъ владѣльцу П. А. Базилевскому. На самомъ верху крутого берега стоитъ миніатюрная церковца, Богъ вѣсть какою силою поддерживаемая на такой высотѣ: такъ и кажется, вотъ-вотъ схватится буря и унесетъ ее въ Днѣпръ, а она все-таки стоитъ себѣ и стоитъ, и тутъ же ниже ея, у подножія гористаго берега, пріютился микроскопическій домикъ симпатичнѣйшаго, безкорыстнѣйшаго и образованнаго священника отца Ѳедора Свириденка. Если подняться по высокому берегу къ церкви и тутъ стать лицомъ на сѣверъ, то можно увидѣть Днѣпръ во всей его прелести: несется онъ, пышный, по песчано-желтому руслу, среди мягкой зелени лѣсовъ, отражая въ своихъ свѣтлыхъ водахъ яркіе лучи солнца... Отсюда, какъ съ птичьяго полета, видны и забора Пристинь, и острова Сидловскій, Великій и Шелюговатый, и деревня Губина, и хуторъ Корбе.

Село Шошиновка было конечнымъ пунктомъ путешествія императрицы Екатерины II по Днѣпру. По причинѣ весеннихъ непостоянныхъ вѣтровъ и ненастной погоды, доѣхавъ до имѣнія Шошиновки, она должна была выдти на берегъ, сѣсть въ раззолоченную карету и все остальное время ѣхать по правому берегу Днѣпра пролегавшимъ здѣсь трактомъ, сопровождая свою флотилію, двигавшуюся по Днѣпру. Крестьяне села Шошиновки и до сихъ поръ разсказываютъ, какъ царица вышла на берегъ Днѣпра, какая страшная сила народа сюда собралась, какая блестящая свита генераловъ сопровождала ее и какъ ласково и кротко она разговаривала съ людьми, но больше всего говорятъ о томъ, какъ долго восхищалась она прекраснымъ береговымъ видомъ Днѣпра.

На три версты ниже села Шошиновки стоитъ село Аулы [1]), уже екатеринославскаго уѣзда, расположенное противъ косы Голой и заборъ Кобылячьей и Аульской среди Днѣпра. Село

[1]) Татарское слово: «аул»—что значитъ «деревня».

это до 1797 года причислено было къ Романкову, а съ этого года—къ Шошиновкѣ. Первая церковь въ немъ устроена въ 1816 году, и потому изъ древнихъ вещей въ ней рѣшительно нѣтъ ничего, кромѣ одной книги октоиха, напечатанной въ Москвѣ, въ 1756 году, съ надписью: «Сии дава (два) октоихи тимъже козакомъ антономъ Бѣлошапкою куреня ивонѣского (т. е. ивановскаго) куплени також за пять рублей и въ ручилъ ихъ до церкви успенія Богоматере (.) При томъ же козаку Лукияну львову конеловскому (т. е. конеловскаго куреня) и при ктитору василю Костенку и ключнику Тимошу».

За Аулами непосредственно слѣдуетъ село Романково. Село Романково — одно изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ запорожскихъ селъ на всемъ правомъ побережьѣ Днѣпра, начиная отъ верхнихъ предѣловъ Запорожья и кончая нижними. Впрочемъ, начало села Романкова не поднимается ранѣе второй половины XVII вѣка, такъ какъ ни въ XVI вѣкѣ, ни въ первой половинѣ XVII его еще не было. Бопланъ, жившій на Украйнѣ отъ 1620 по 1637 годъ, упоминаетъ лишь о Романковомъ курганѣ, на которомъ козаки имѣли обыкновеніе держать свои рады и собирать войско [1]). Между прочимъ на одной изъ радъ, бывшихъ на Романковомъ курганѣ, запорожцы, въ мартѣ мѣсяцѣ 1659 года, рѣшали вопросъ о построеніи церкви въ Сичи, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, правомъ притокѣ Днѣпра, ниже теперешняго мѣстечка Никополя. Несомнѣнно, что названіе села заимствовано отъ кургана Романково, но почему же самый курганъ получилъ это названіе? Письменныхъ актовъ на то не имѣется, и мѣстные старожилы, каковъ напримѣръ Платонъ Завгородній, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ преданіемъ: «тутъ живъ запорожець Романъ». Собственно Романковъ курганъ не одинъ, а цѣлыхъ двѣнадцать; они расположены правильнымъ кругомъ съ небольшою площадью въ срединѣ, по теперешнему близь вѣтрянки крестьянина Степана Салмая. Во всемъ Романковѣ нѣтъ

---

[1]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 17.

лучше и нѣтъ красивѣе мѣста, какъ мѣсто, гдѣ стоятъ названные курганы. Если взойти на нихъ въ ясный день и взглянуть на сѣверъ и востокъ, то отсюда можно увидѣть село Петриковку, за семнадцать верстъ отъ Романкова, и село Новый-Кодакъ, за двадцать верстъ. Немудрено, что здѣсь часто собирались запорожцы. Что за картина была здѣсь во время рады, можно только воображать себѣ: чистое, безоблачное небо, вольная безконечная степь, широкій синеватаго оттѣнка Днѣпръ, мужественныя загорѣлыя лица, роскошные усы, длинные чубы, бритыя головы, красные жупаны, блестящія сабли, булавы, перначи, бунчуки, вольная рѣчь, говоръ, смѣхъ—все это сливалось въ одну общую, живую, полную и въ своемъ родѣ единственную картину... Но все прошло! «Де це наши, наши дити? де панують-бенкетують?.. Вернитеся»!..

Первая церковь въ селѣ Романковомъ устроена была около 1740 года, на Романковомъ курганѣ, во имя святителя Николая. Это была подвижная церковь, сдѣланная на колесахъ и по внѣшнему виду походившая на «хливыну». Вторая церковь построена въ 1766 году на такъ-называемой Заборѣ, нижней окраинѣ села, къ востоку отъ настоящей, на четверть версты отъ Днѣпра, въ центрѣ тогдашняго сельца Романкова. Она сдѣлана была изъ сосноваго дерева, покрыта гонтомъ, низка, съ однимъ куполомъ, некрашена, на видъ «присадкувата, печеричкою». При ней стояла деревянная колокольня, крытая гонтомъ, высоты до 15 саженъ, съ пятью башнями, некрашеная. На каждой изъ четырехъ сторонъ колокольни стоялъ ангелъ на жестяномъ съ петлями, какъ въ дверяхъ, прутѣ, съ трубой, вставленной въ лѣвую руку и приложенной ко рту; на средней башнѣ стоялъ апостолъ Андрей съ крестомъ въ правой рукѣ и со свиткомъ въ лѣвой, на которомъ было написано: «На сихъ горахъ процвѣтетъ благодать божія». При движеніи вѣтра ангелы поворачивались изъ стороны въ сторону, а трубы ихъ издавали звуки: «Кругомъ двери его гоняе, а воно йграе». Церковь эта просуществовала до 1793 года; послѣ чего была разобрана и

продана въ сосѣднее село Ивановку, на р. Сухой-Сурѣ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Романкова, помѣщику Семпировичу, гдѣ въ 1855 году сгорѣла отъ пожара. А колокольня отъ этой церкви перекачена была на каткахъ къ настоящей церкви, гдѣ простояла до 1827 года. На мѣстѣ этой церкви стоитъ теперь каменная капличка, въ огородѣ крестьянина Ѳедора Ниченка. Въ 1865 году эта капличка была разрыта одесскимъ археологомъ Чириковымъ. При раскопкѣ найденъ, на глубинѣ полутора сажня кусокъ дерева, повидимому остатокъ отъ того деревяннаго креста, который поставленъ былъ при заложеніи церкви. Вмѣстѣ съ кускомъ дерева найдено стальное копье, длины три съ половиной вершка, для вырѣзыванія частицъ просфоръ. Изъ раскопокъ также видно было, что церковь стояла на ничтожномъ фундаментѣ, что полъ у нея былъ земляной, смазанный глиной.

Послѣ второй церкви устроена была въ Романковѣ, въ 1792 году, третья трехъ-престольная: во имя Успенія по срединѣ, во имя святителя Николая справа и во имя апостола Андрея слѣва.

Въ настоящей церкви хранится нѣсколько вещей, перешедшихъ въ нее изъ древней. Таковы: евангеліе московской печати 1759 года, аршинъ длины, двѣнадцать вершковъ ширины, больше двухъ пудовъ вѣса, съ надписью, сдѣланною по листамъ внизу: «Сія книга глаголемая евангеліе купленна рабомъ божіимъ савкою Соломкою за покойного Макара дядка своего (.) ценою за триста шестьдесятъ рублей вцерковъ романковскую свято успенскую 1779 года, ноября 9 дня за памяти священниковъ при оной церкви упомянутого года находящихся Евфимія Сербинова Іоанна Семенова и ктиторей Іоанна Старого и Григорія недоѣда». Крестъ рѣзной въ серебряной оправѣ, съ надписью: «Сей крестъ надалъ козакъ сѣчѣ запорожской куреня шкуринского Мартинъ Сила до храму успенія пресвятія богородицы всело Романковъ 1758 году». Такой-же крестъ, съ надписью: «Отмѣнилъ сей крестъ козакъ куреня сергейвсково леско чорный

вцерковъ романковскую пресвятія богоматере за унокой родителей василія агафію и старанием іерея феодора щетинского 1777 года августа 10 дня». Такой-же крестъ съ надписью: «Сей крестъ отмѣнилъ Алексѣй Гнѣдий в церковъ романковскую за 55 ру.». Тріодь постная, кіевской печати, въ царствованіе императора Петра III, съ надписью «Богоматере всело романково книга триодь постная куплена козакомъ куреня титаровского Іліею Харкуномъ ценою за чтири рубли до храму Успенія 1762 года». Изъ книгъ кромѣ тріоди есть еще: евангеліе московской печати 1745 года, книга Симфонія той-же печати, 1761 года, книга Маргаритъ 1773 года.

Противъ Романкова среди Днѣпра протянулась Забора Косова и за ней островъ Великій, какъ разъ противъ церкви села, имѣющій длины около двухъ верстъ. Это тотъ самый островъ Романковъ, о которомъ упоминаетъ еще Бопланъ: онъ служилъ пристанищемъ для рыбаковъ, пріѣзжавшихъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ ватагами для ловли рыбы [1].

Въ старину противъ острова Романкова съ правой стороны впадало въ Днѣпръ рѣчище Медвѣжье, но-надъ которымъ вверхъ тянулся огромный лѣсъ, а на встрѣчу шла балка Кислицына. Это мѣсто было облюбовано гайдамаками. Много «шкоды» дѣлали людямъ эти гайдамаки. Какъ ѣдетъ человѣкъ по шляху, такъ онъ вылѣзетъ изъ лѣсу, сядетъ на дорогѣ, подложитъ ноги подъ колеса, да и сидитъ; хочешь ѣзжай, хочешь стой; поѣдишь—убьетъ, не поѣдишь—плати деньги. А что жидамъ отъ нихъ доставалось? бѣда! «Ихавъ жидъ изъ ярмарку,—разсказываетъ старикъ Платонъ Завгородній,—тай ставъ коло лиска напувать коній. А тутъ вылазе изъ байрака съ кіюрою гайдамака. Поставывъ кій передъ жидомъ тай каже: «купи, жиде, кій!»—«А на-що винъ мини?» А той якъ пиднимe кіекъ та по плечахъ жида. «Купи, жиде, кій!»—«Не шуткуй, я его куплю, я бачу, шо винъ мини треба. Шо винъ у тебя стоитъ?»—«Пьятде-

[1] Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 17.

сятъ карбованцивъ».—«Ну, я бачу, шо винъ стоить, бери гроши». Отдавъ жидъ гроши, а кіекъ схоронивъ у визъ, тай поихавъ до дому. Прыихавъ до дому, коли це выскочила жидивка оглядать, шо жидъ прывизъ. Побачила кіёкъ тай пыта: «Шо це таке?»—«Кіёкъ!»—«А де ты ёго взявъ?»—«Купивъ».—«А шо ты за нёго давъ?»—«Пьятдесятъ карбованьцивъ».—«Шо ты здуривъ?»—«Цыть, серце, якъ бы ты тамъ було, то ты бъ и сто дало».

Отъ Романкова и до самаго Екатеринослава тянутся одно за другимъ пять селъ, на столько слившихся одно съ другимъ, что ихъ можно принять за одно сплошное громадное село. У запорожцевъ здѣсь надѣланы были въ разныхъ мѣстахъ ходы и лехи, въ которыхъ они хоронили свое добро и сами прятались на случай внезапныхъ набѣговъ со стороны непріятелей. Первое изъ такихъ селъ, стоящее на семь верстъ ниже Романкова, есть село К а м я н с к о е, названное по скаламъ, разбросаннымъ противъ него у берега Днѣпра и расположенное противъ большого острова среди Днѣпра, Слюсарева. Это село издавна принадлежало къ вольностямъ запорожскихъ козаковъ, но первая церковь, во имя Пресвятой Богородицы, устроена въ немъ не ранѣе второй половины XVIII вѣка. Въ видѣ остатковъ старины въ этой церкви хранятся: чаша, серебряная, позлащенная, пожертвованная въ 1777 году войсковымъ старшиной Лукьяномъ Ивановичемъ Великимъ; дискосъ, купленный въ 1795 году Степаномъ Качаномъ; напрестольный крестъ, рѣзной, въ серебряной оправѣ, и серебряная гробница, сооруженные войсковымъ старшиной Макаромъ Ногаемъ въ 1779 году; блюдо для всенощнаго бдѣнія и шесть церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ четыре имѣютъ слѣдующія интересныя надписи: «Куплена сия книга Дѣяній святыхъ апостолъ рабомъ божіимъ савою и братамы его Іоанномъ и антономъ Сѣчи запорожской козаками куреня бруховецкаго ценою за три рублѣ и отдалѣ (и) оную в храмъ рождества Пресвятой Богородицы находячогося вселѣ Камянкѣ в областы Сѣчы запорожской за священнива отца Демияна Иванова и другого священника отца

власия Нестерова и будучихъ в то время ктиторей якова Манжеловского и василія Иванова 1757 году декабря 28 дня». «Сия книга глаголемая менея купленная козакомъ куреня кущовскаго федоромъ Бабкою за цену два рублѣ і пятьдесятъ копѣекъ до церкви рождества богоматере в село Камянское волностей запорожскихъ вовѣчно владѣніе даби отъ оной церкви не отлучать 1759 года іюня 12 дня августа 1». «Сія книга глаголемая октоихъ куплена козакомъ куреня ведмедовскаго Іаковомъ безрукавимъ до храму рождества пресвятія богородици которая книга священнику Демьяну Иванову вручена при свидѣтелю ктитору евстафію кравченку (,) Михайлу Гдеменку да якиму снѣжку 1769 года марта 29». «Сія книга глаголемая апологионъ куплена вбогоспасаемомъ градѣ киевѣ козакомъ куреня тимошѣвскаго евстафиемъ пестомъ денежно за цѣну рублей за 12 и 50 копеекъ волность запорожскую всело Каменское до храму рожества богородици во вѣчное владѣніе и чтоб какъ и священниковъ такожъ и дьячковъ и іспротчих людей никакой продажнивости не имѣли и не причит... во вѣчное владѣніе вцерковъ отдано и записано при той же церкви ктитору максиму чорному запорожской». Всѣ четыре книги печати кіевской.

Смежно съ селомъ Камянскимъ находится село Тритузное, расположенное по возвышенности праваго берега Днѣпра, противъ острова Гречанаго и заборы Рѣчицкой, находящихся въ рѣкѣ. По объясненію старожиловъ, село получило свое названіе отъ запорожца-гниздюка, Данила Семененка. «Пьяницуватый бувъ чоловикъ; якъ напьетця, такъ и крычить: «о, у мене три сыны, якъ три тузы; я на сынивъ, якъ на тузивъ надіюсь! То й прозвали его Тритузомъ, а по нему й село Тритузнымъ». Село Тритузное принадлежало къ кодацкой паланкѣ, и первая церковь основана здѣсь въ 1784 году, что видно изъ указа, хранящагося въ настоящее время въ церкви, подписаннаго преосвященнымъ Іовомъ и заведеннаго въ нумеръ 3909. Вторая церковь заложена въ 1820 году на мѣсто сгорѣвшей.

Въ настоящей церкви изъ древностей, кромѣ названнаго указа пр. Іова, есть только четыре церковно-богослужебныхъ книги черниговской, московской и петербургской печати; изъ коихъ одна имѣетъ такую надпись: «Сия книга глаголемая октоихъ ставшая раба божия павла писменого товарища куреня тверинскаго умершаго року 1768 году марта в 6 день».

Непосредственно ниже села Тритузнаго стоитъ село Карнауховка, противъ острова Просереда и заборъ Ясеноватой и Липовой въ Днѣпрѣ. Она получила свое названіе отъ запорожскаго козака Семена Карнауха, жившаго здѣсь зимовникомъ и приписавшагося къ новокодацкому приходу. А прозванъ онъ былъ Карнаухимъ потому, что былъ безухъ: «чи на войнѣ одрубали, чи на морози поотмерзали». Основаніе села положено въ 1737 году. Спустя немного послѣ этого времени въ немъ устроена была первая деревянная церковца, въ родѣ молитвеннаго домика, по преданію крытаго камышомъ. Въ 1771 и 1772 году въ село Карнауховку проникла моровая язва, и тогда жители ея, по внушенію монаха Ивана Кайдаша [1]), устроили у себя икону святой великомученицы Варвары и передъ ней просили у Бога защиты отъ губительной смерти. Послѣ этого, когда моровое повѣтріе миновало, жители Карнауховки обратились въ запорожскій Кошъ, а черезъ него въ старокодацкое духовное правленіе о дозволеніи имъ построить новую церковь, во имя избавительницы отъ смерти Варвары, въ своемъ селѣ. Кошевой атаманъ, Петръ Ивановичъ Калнишевскій, съ войсковымъ старшиною обратился по этому поводу къ митрополиту кіевскому Гавріилу съ оффиціальной бумагой, на что митрополитъ отвѣтилъ дозволеніемъ о построеніи въ селѣ Карнауховкѣ желаемой козаками церкви. Мѣсто для церкви освящено въ 1773 году, 18 августа, и первыми священниками къ ней посвящены были козакъ куреня Каневскаго, Василій Трофимо-

---

[1]) См. объ немъ «Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринослав. епархіи». Екатеринославъ, 1880 г., т. I, стр. 82.

вичъ Удовицкій, и козакъ того же куреня Іеремія Леонтовичъ. Церковь устроена была деревянная, о пяти главахъ, освящена черезъ два года послѣ основанія и существовала до 1858 года, когда внезапно была разрушена сильной бурей. Въ 1861 году устроена была третья церковь, существовавшая до 1886 года и сгорѣвшая отъ случившагося въ ней пожара.

Изъ древнихъ вещей, теперь хранящихся въ сосѣднемъ селѣ Тарамскомъ, достойны вниманія слѣдующія. Евангеліе московской печати 1771 года съ надписью на страницѣ 425 мѣсяцеслова: «Мѣсяца марта 29 числа 1775 года сотворенная вновь въ Карнауховкѣ церковь Свято-Варваринская [1]) освящена священникомъ старокодацкимъ Григоріемъ Порохнею соборнѣ по благословенію Кіевскаго митрополита Гавріила перваго. Тояжъ церкви первый настоятель священникъ Василій Удовицкій. Второй настоятель священникъ Іеремія Леонтовичъ». Евангеліе второе печати кіевской, 1771 года, съ надписью по листамъ: «Сію книгу священное евангеліе отмѣнилъ рабъ божій куреня каневскаго товаришъ Карпъ дурдука о своемъ здравіи и за отпущеніе грѣховъ и за покойнихъ родителей своихъ евстафія и маріи до храму святія великомученици варвари в село Карноуховку 1774 году февраля 12». Евангеліе третье, московской печати 1771 года, съ надписью по листамъ: «Сію книгу Евангеліе отмѣнилъ рабъ божій житель новокодацкій иоанъ Рѣзниченко о своемъ здравіи и супруги своей Екатерини и за упокой померших иоана (,) Стефаниды родителей и померших же сродниковъ Кодрада (Кодрата) Аккилини (,) иосифа (,) Корнѣя и Өеодосія кцерквѣ святия великомученици христовой варвари всело Карноуховку волностей запорожскихъ 1775 году сентября 20 (.) притомъ бивших иерею тоей же церкви василію Удовицкому и ктитору тишку рибалкѣ и прихожанахъ иоану Забару и лаврѣну Соколовскому и клушнику василю

[1]) Вторая по времени.

«По . . . . ». Евангеліе четвертое, московской печати 1785 года, съ надписью: «Отмѣнилъ рабъ божій бывшой козакъ власъ ивановъ сынъ кривой... Сія книга Евангеліе въ простомъ переплетѣ въ городѣ Полтавѣ у мѣщанина Кирилла Ивановича куплена за семь рублей къ церкви Карноуховской свято Варваринской состоящей въ уѣздѣ Екатеринославскомъ на коштъ тамошняго прихожанина Власа Иванова кривого. Записалъ и договорилъ оправить серебромъ показанной церкви священникъ Василій Удовицкій 1785 года іюня 23 дня». Серебряная позлащенная чаша. «Сію чашу, дискосъ звѣздицу и лжи (лжицу) отмѣнилъ рабъ божій товаришъ кур. (куреня) канѣвского романъ строцинскій за себе и за померших родителей федора и меланіи въ село карноуховку до храму святія великомученици варвари 1775 года мѣсяца октября 1 числа». Другая чаша, серебряная позлащенная: «Сѣю чашу отмѣнилъ рабъ божій стефанъ самсіка о себѣ и завпокой родітелей нестора и ефимію до храму великомученицi варварi всело карноуховку 1777 года». Серебряная позлащенная дарохранительница съ надписью: «1777 года: Здѣлана: Сия Гробница до храму в: м: варвари всело: карноуховку кузмою афанасиечемъ за покойного лукяна б: (бывшаго) воска запорозкого куреня канѣвского за священiко (ковъ) василія і веремія». Крестъ напрестольный, весь серебряный съ пятью камнями, больше трехъ четвертей высоты, съ надписью: «Сей крестъ отмѣнилъ власъ кривой о своемъ здравіи а за упокой родителей иоани (а) и агрипину всело карноуховку до храму великомученичи варвари 1775 году октября». Крестъ напрестольный, рѣзной въ серебряной оправѣ, высоты нѣсколько больше трехъ четвертей. «Сей крестъ соорудилъ рабъ божій Димитрий на брание убиенiи до храму святия великомученицы варвари вслободу кореукову а стараниемъ атамана ефрема иванови (ча) каневского 1771 года мѣсяца сентеврия 19 числа». Такой же крестъ съ надписью: «1775 года сооруженъ крестъ сей въ село Карноуховку до храму свя-

той великомученици Варвары коштомъ козака каневскаго Якима Мякого»[1]).

Непосредственно ниже села Карнауховки слѣдуетъ село Тарамское, раскинувшееся между Днѣпромъ и высокимъ, почти отвѣснымъ, правымъ берегомъ его, по которому идетъ отъ юга къ сѣверу балка Козырева. Вмѣстѣ съ Шошиновскимъ берегомъ Днѣпра это—превосходнѣйшее мѣсто на всемъ протяженіи его отъ Крюкова и до самыхъ пороговъ. Разница между этими двумя мѣстами одного и того же берега та, что берегъ у Шошиновки хотя и высокъ, но не такъ крутъ, къ тому же онъ покрытъ лѣсомъ и даетъ мягкое впечатлѣніе, тогда какъ берегъ у Тарамскаго почти отвѣсенъ, открытъ и производитъ впечатлѣніе громадной горы, придвинувшейся къ берегу Днѣпра и далеко вшедшей въ него. Издали вся эта гора кажется колоссальнѣйшимъ мысомъ или по-малорусски рогомъ, извѣстнымъ у теперешнихъ крестьянъ подъ общимъ названіемъ Высокой горы. У Боплана эта гора называется Тарентскимъ рогомъ. «Никогда не видалъ я,—пишетъ онъ,—мѣста прекраснѣе для житья и удобнѣе для построенія крѣпости, которая бы могла обстрѣливать Днѣпръ, свободно здѣсь текущій, шириною не болѣе двухсотъ шаговъ; помнится, что пуля изъ карабина моего долетала до противоположнаго берега, который нѣсколько выше и называется Высокая гора (Soco gura). Къ удобствамъ Тарентскаго рога можно присоединить еще и то, что онъ окруженъ каналами, наполненными рыбой»[2]). На Днѣпрѣ, противъ села Тарамскаго, слѣдуютъ одинъ за другимъ сверху внизъ островъ Пидмижевный, принадлежащій частію таромцамъ, частію карнауховцамъ, ниже острова забора Кульмичивска, противъ двора священника, за ней заборы Недоступова, Вовча, за Вовчей островъ Погорѣлый, длины двѣсти саженъ, забора Рваная, Бѣлая, заливъ

[1]) Эти надписи, напечатанныя въ брошюрѣ «Селеніе Карнауховка» (Екатеринославъ, 1876 года, стр. 9—11) священника Іоанна Чорнаго и неполны и неточны.

[2]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 17.

Сомивка, съ праваго берега Днѣпра противъ него «густа» Сомивська забора.

Урочище Тарамское съ балкой Козыревой считалось у запорожцевъ однимъ изъ древнѣйшихъ займищъ, приписаннымъ къ заново-кодацкой паланкѣ. Въ 1764 году урочище Тарамское объявлено было государственною воинскою слободою, а въ 1794 году здѣсь освящена была первая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Въ настоящее время эта церковь считается одною изъ бѣднѣйшихъ по части древностей: кромѣ двухъ церковно-богослужебныхъ книгъ, да и то конца XVIII вѣка, въ ней ничего нѣтъ достопримѣчательнаго.

За селомъ Таромскимъ слѣдуетъ село Сухачевка, расположенное у берега Днѣпра, противъ островов Баранченкова, среди рѣки, и Чайчина, къ лѣвому берегу ея. «Тутъ живъ запорожець-чумакъ, Иванъ Сохачъ; багатенькій бувъ: возивъ по шисть, по висимъ у дорогу споряжавъ». Сохачъ былъ и первымъ колонизаторомъ этого села, населивши его выходцами изъ-подъ Сорокъ и Кобелякъ, по преимуществу родственниками и знакомыми своими. Послѣ уничтоженія Сичи, здѣсь не мало осѣлось и собственно запорожскихъ козаковъ. Послѣ объявленія слободы Половицы губернскимъ городомъ Екатеринославомъ, часть крестьянъ ея, по распоряженію начальства, отведена была для жительства по околичнымъ селеніямъ; тогда и въ селеніе Сухачевку прибыли новые поселенцы; они перенесли съ собой упраздненную церковь изъ Половицы въ Сухачевку казанской Божьей Матери; однако, спустя немного времени, нашли болѣе цѣлесообразнымъ устроить у себя новую церковь, во имя апостола Іоанна Богослова, освященіе которой состоялось 23 сентября 1795 года; впослѣдствіи къ ней прибавлена была колокольня и перенесены были иконостасъ, чаша и ризы изъ молитвеннаго дома, бывшаго въ слободѣ Половицѣ, до объявленія ея Екатеринославомъ. Въ настоящее время нигдѣ нѣтъ такой бѣдности по части древностей, какъ въ Сухачевкѣ: въ ней есть одна единственная книга цвѣтная тріодь, напечатан-

ная въ черниговской типографіи, при архимандритѣ Сильвестрѣ, въ 1753 году.

Смежно съ селомъ Сухачевкой стоитъ село Дiевка, раздѣляющееся на собственно Діевку и Ростыковку и расположенное по тому же правому берегу Днѣпра противъ острова Порового, иначе Спорнаго, имѣющаго въ длину до трехъ верстъ. «Діевка звется видъ того, що тутъ живъ запорожець Максимъ Дій, по торговій части, а Ростыкивка — живъ запорожець Ростыка». Документально извѣстнымъ урочище Дія становится уже съ 1755 года. Максимъ Дій сперва служилъ запорожскимъ войсковымъ старшиной, потомъ съ дозволенія новокодацкаго полковника, занялъ себѣ землю около Новаго-Кодака, вызвалъ своихъ родныхъ изъ-подъ города Конотопа и завелъ обширный зимовникъ, послужившій началомъ села Діевки. Съ теченіемъ времени въ Діевку перешла и часть жителей Новаго-Кодака, когда сюда переселились обитатели города Екатеринослава 1-го. Въ 1798 году Діевка объявлена была государственною казенною слободою, а въ 1803 году въ ней устроенъ былъ временный деревянный молитвенный домъ, впредь до окончанія каменной церкви во имя Воздвиженія честнаго креста. Изъ древностей въ церкви села Діевки сохранились только тѣ, которыя были перенесены сюда изъ Новаго-Кодака. Таковы: евангеліе, одинъ аршинъ высоты, три четверти аршина ширины, московской печати 1759 года; чаша серебряная позлащенная съ надписью: «Сия чаша масіма герасімовича журби і жены его анни михайловны и чадъ ихъ сооружілъ отъ своихъ трудовъ до церкви николаевской новокодицкои ради спасенія и всегдашняго поминовенія»; напрестольный крестъ, рѣзной въ серебряной оправѣ съ надписью: «Сей крестъ стараніемъ и коштомъ козака куреня поповичевского василія урского за унокой рабовъ родителей своихъ романа евдокию ивана и федора мѣстечко ново Кодакій до храму николая 1726 году мѣсяца гевара 30»; икона Николая Чудотворца въ серебряной шатѣ съ надписью на ней: «Сія шата здѣлана коштомъ и стараніемъ максима герасимовича журби.

козака и жителя новокодацкаго 1772 года мѣсяца декабря 2 дня»; здѣсь же еще четыре боковыя иконы въ серебряныхъ шатахъ, сдѣланныхъ тѣмъ же Журбою. Изъ книгъ кромѣ упомянутаго евангелія имѣются еще двѣ: минея и служебникъ старой печати кіевской, 1750 года.

Изъ урочищъ села Діевки замѣчательны: Сичова гора, городокъ и балка Безпьята, за могилой Робленной. Сичова гора названа отъ того, что тамъ запорожцы, «сильно выбивали ляхивъ; якъ було орешъ на цій гори, то все головы валяютця». Городокъ находится въ трехъ верстахъ отъ села Діевки, въ хуторѣ Вонючкахъ; «тамъ колись жили татары». Можетъ быть это относится къ набѣгу татаръ между 1768 и 1769 годами. Балка Безпьята, по теперешнему Криничня, получила свое наименованіе отъ того, «то въ неи плодятця було чорты безпьяти».

— А видъ чого ти чорты звутця безпьятыми?

— А отъ видъ чого. Це дило йде ще видъ сотворенія мыра. Якъ Господь людей создававъ, то создавъ винъ упередъ теля; кинувъ его черезъ лиску, воно й побигло. У другій разъ создавъ винъ пороса; кинувъ его черезъ лиску, воно тежъ побигло; у третій разъ Богъ создавъ дитыну; ставъ іи кидати черезъ лиску, а мате за плече: «а, Господи милостивый, не кидай, бо воно маленьке, убьетця».—«Ну, коли тоби шкода его, такъ ты будешъ глядити его до трехъ годъ». А чортъ те все бачивъ тай каже: «дай я зроблю таке, шобъ его людей пошло». И зробивъ винъ вовка. Дме-дме, а винъ ниякъ не оживе. Коли ось иде Богъ, чортъ и давай его питати: «шо ты таке робишъ, шо тильки надмешъ, кинишъ черезъ лиску, а воно и побижить».—«А кого ты зробивъ?» «Вовка».—«Гмъ, такъ ты оттягни его до кручи надъ ричку, стань у рядъ зъ нимъ тай кажи: «устань, вовче, та зъишъ чорта, а самъ мерщи у воду и плыгай». Чортъ послухавсь. Узявъ вовка притягъ отсюда до Днипра, ставъ у рядъ зъ нимъ тай каже: «устань, вовче, та зъишъ чорта!» Вовкъ и схватився. Не вспивъ чортъ и въ воду плыгнуть, а винъ его за пьяты, та такъ и одкусивъ. И стали

чорты безпьяти. Отутъ у ихъ на бальци саме збиговыще було; за ними уже й балку прославили Безпьятою».

Послѣднее село, на пути отъ посада Крюкова до города Екатеринослава, есть Новый-Кодакъ, расположенный вдоль праваго берега Днѣпра, среди зыбучихъ песковъ, противъ островов Насыпного и Каменскаго, покрытыхъ мелкою лозой и травой. Когда возникъ Новый-Кодакъ,—сказать съ точностію нельзя, такъ-же точно, какъ нельзя сказать и того, почему онъ получилъ такое названіе. «Тамъ живъ (ниже Екатеринослава) батька Кодакъ, а тутъ (выше Екатеринослава) сынъ Кодакъ». Но это такъ-же вѣроятно, какъ батько Чугъ (откуда будто-бы Чугуевъ) и сынъ Кермень-Чугъ (откуда будто-бы Кременчугъ). Названіе Новаго-Кодака мы не встрѣчаемъ ни въ XVI вѣкѣ, ни въ началѣ XVII-го, и ни Эрихъ Ласота, ни Бопланъ, ни Ригельманъ, ни Самовидецъ, ни Величко, ни даже баснословъ историкъ Конискій ни однимъ словомъ не упоминаютъ объ немъ. Нѣтъ объ немъ ничего и въ актахъ Южной и Западной Россіи. Одинъ только авторъ «Матеріаловъ», бывшій преосвященный екатеринославскій, Θеодосій, увѣряетъ, что Новый-Кодакъ существовалъ вмѣстѣ съ приходскою церковью во имя св. Николая уже въ 1650 году [1]). Изъ исторіи А. А. Скальковскаго можно понять, что еще въ 1656 году Запорожье раздѣлялось на пять паланокъ, въ числѣ коихъ была и Кодацкая паланка, средоточіемъ которой былъ укрѣпленный городъ Новой-Кодакъ [2]). До самаго конца XVIII вѣка Новый-Кодакъ стоялъ на пути большой дороги изъ Батурина черезъ Гадячъ, Полтаву, Кобыляки, Переволочну, Сичу и до самаго Перекопа. Для этого черезъ Днѣпръ у Кодака устроена была переправа, доставлявшая ея содержателямъ огромные доходы. Это была вторая запорожская переправа черезъ Днѣпръ. Отсюда немудрено, что уже подъ конецъ XVII

---

[1]) Матеріалы для историко-статистич. описанія. Екатеринославъ, 1880 г., т. I, стр. 25.

[2]) Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1885 г., ч. I, стр. 31.

вѣка, въ особенности-же въ началѣ XVIII, близь Новаго-Кодака группируются такъ-называемые запорожскіе гниздюки, т. е. семейные козаки, занимавшіеся коневодствомъ, скотоводствомъ, а отчасти и хлѣбопашествомъ. Быстрый ростъ Новаго-Кодака пріостанавливается только на время отъ 1709 по 1734 годъ, когда запорожцы, послѣ битвы подъ Полтавой, ушли на земли крымскаго хана. Но съ возвращеніемъ ихъ въ Россію прежнее значеніе Новаго-Кодака также возвращается; въ 1750 году онъ уже именуется паланочнымъ городомъ; въ немъ имѣютъ свое мѣстопребываніе полковникъ, эсаулъ, писарь, шафарь съ помѣщеніями для нихъ и для паланочной канцеляріи; церковь его, устроенная въ честь святителя Николая, именуется уже соборною.

Въ 1770 году въ соборной николаевской церкви нашлась было и новоявленная икона Богоматери, подобіемъ ахтырской чудотворной, мѣрою въ полъ-аршина съ тремя вершками высоты, полъ-аршина съ вершкомъ ширины, на липовой склеенной доскѣ, съ потемнѣвшими отъ пожара красками. Она стояла сперва въ церковномъ притворѣ старой николаевской церкви Новаго-Кодака, потомъ перешла въ ризницу, изъ ризницы въ пономарню, а изъ пономарни въ алтарь новой николаевской церкви, гдѣ поставлена была за престоломъ, въ особомъ кіотѣ. На ней висѣло болѣе двадцати серебряныхъ привѣсокъ. Говорили, что она творитъ чудеса. Тогда самъ Кошъ сдѣлалъ предписаніе поставить эту икону, въ новомъ кіотѣ, за лѣвымъ клиросомъ, на виду всѣхъ. Но впослѣдствіи она была взята изъ Новаго-Кодака преосвященнымъ Евгеніемъ и перенесена въ ризницу полтавскаго крестовоздвиженскаго монастыря; отсюда перевезена въ г. Екатеринославъ и изъ Екатеринослава отправлена въ Самарскій пустынно-николаевскій монастырь.

Однако это обстоятельство нисколько не помѣшало дальнѣйшему благосостоянію ново-кодацкаго прихода: въ 1773 году здѣсь было семь священниковъ и четыре дьякона. Тогда за Новымъ-Кодакомъ считалась вся мѣстность снизу отъ Ненасытец-

каго ретраншемента и Стараго-Кодака и сверху отъ Каменского и Романкова. Въ 1777 году бывшее до этого времени въ Старомъ-Кодакѣ такъ-называемое Духовное Правленіе замѣнено Правленіемъ Славянскимъ, а впредь, до открытія самаго города Славянска, пребываніе его назначено въ городѣ Новомъ-Кодакѣ, къ которому, кромѣ собственной церкви, приписаны были еще и другія въ селахъ: Карнауховкѣ, Камянскомъ, Старомъ-Кодакѣ, Волошскомъ, Покровскомъ, Никитинѣ, Омиловомъ и два ретраншемента Кинбурнскій и Збурьевскій. Съ 1780 года, по распоряженію князя Г. А. Потемкина, Новый-Кодакъ долженъ былъ сдѣлаться предмѣстіемъ города Екатеринослава, перенесеннаго съ рѣки Самары, при впаденіи въ нее рѣчки Кильчени, въ бывшую запорожскую слободу Половицу, и временно замѣнить собой этотъ городъ. Спустя два года послѣ этого, въ Новомъ-Кодакѣ возникла другая церковь во имя сошествія св. Духа, сперва въ качествѣ кладбищенской, потомъ въ качествѣ приходской, а через одиннадцать лѣтъ къ ней прибавленъ придѣлъ во имя св. Михаила, князя черниговскаго; спустя девять лѣтъ послѣ этого и деревянный николаевскій соборъ велѣно было замѣнить каменнымъ.

Памятниками усердія жителей Новаго-Кодака къ церкви служатъ сохранившіяся до настоящаго времени разныя церковныя вещи, каковы: икона святителя чудотворца Николая, въ серебряной ризѣ съ надписью: «Сей блатъ отмѣнилъ войска запорожскаго низоваго судия ніколай тимоѳеевичь, куреня деревяннѣвского вново-кодацкои богоматере 1772 года мая 15 д»; напрестольный крестъ рѣзной въ серебряной оправѣ съ надписью: «Отмѣнилъ сей крестъ атаманъ куреня незамайвского стефанъ Чубъ вмѣстечко новии кодакъ до храму святителя христова николая завпокой аѳанасия Бѣлого и завпокой родителя Иоана»; напрестольный крестъ сплошной серебряный съ финифтью: «Сей крестъ отмѣнилъ бившаго запоржа (запорожья) козакъ леонтій лефсинъ за упокой родителей своихъ евстафія и маріи за отпущение грѣховъ ихъ вгородъ новий кодакъ дохраму

сошествѣя святаго духа»; евангеліе, московской печати 1760 года, съ надписью: «сія кныга священное евангеліе купленное вновуи сѣчы запорожской за денги бившого судіи запорожского войскового Грыгорія Якимова Лабуровскаго вцерковъ новокодацкую святителя христова николая ценою засто рублей 1764 года вгенварѣ мѣсяцѣ по смерти его а по обѣщанію еще вживихъ бившого а нынѣ усопшимъ находящагося (.) а ежели какой худой случай кодаку и изгнаніе будеть то сіе евангеліе приказалъ онъ Григорій вживихъ еще будучи взимовнику своему состоящему (,) вездѣ честному іерею новокодацкому Артемію іванову изъ церкви взять и где прійдется церковь будеть жить и служить онимъ владѣть вѣчно (.) при чемъ билъ свидѣтель изъ куреня взимовнику покойного бившій яковъ прозиваемій якубъ»; всенощное блюдо, серебряное позлащенное, съ надписью: «сие блюдо здѣлано коштомъ козака канивскаго максима комлика а стараніемъ священника стефана малишевича дохраму новокодакского святониколаевского 1773 году»; трикирій, серебряный съ надписью: «Сей подсвѣщникъ здѣланъ коштомъ козака пластуновского самуила комлика а стараніемъ священника стефана малишевича до храму новокодацкаго святониколаевскаго»; двѣ ризы, одна на красномъ бархатѣ съ кованнымъ изъ серебра оплечьемъ, съ изображеніемъ святителя Николая, другая, шитая серебромъ и золотомъ, съ изображеніемъ креста на оплечьѣ; церковный уставъ, московской печати 1749 года; большой часословъ, московской печати 1753 года; козацкій поясъ, краснаго цвѣта, издѣлія персидскаго сырцу, длины восемь аршинъ, ширины почти двѣ четверти, съ посеребренными концами, складывавшійся втрое. Кромѣ этихъ вещей, пожертвованныхъ запорожскими козаками, въ церкви Новаго-Кодака есть еще нѣсколько вещей, купленныхъ другими лицами. Таковы, напримѣръ: запрестольный серебряный крестъ высоты два аршина и три четверти, купленный въ 1786 году на средства церкви завѣщаніемъ протоіереевъ Ѳеодора, Ѳомы, Іоанна Быстрицкаго и Кодрата Сѣверскаго; крестъ, купленный сыномъ Петра Баштанникомъ; евангеліе, пожертвованное Павломъ

Малымъ; евангеліе, сдѣланное на средства Ивана Семергеенка; служебникъ, пожертвованный Петромъ Якименкомъ.

Уже съ 1785 года Новый-Кодакъ сталъ именоваться въ церковныхъ бумагахъ, а съ 1787 и въ правительственныхъ городомъ Екатеринославомъ. Въ это время его посѣтила императрица Екатерина II, когда ѣхала изъ Шошиновки въ Половицу, во время своего путешествія по Новороссіи. Въ трехъ верстахъ около Кодака, близь корчмы запорожца Галайды, Екатерина II встрѣтилась съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, пріѣхавшимъ на встрѣчу ей черезъ Херсонъ. Это было 6 мая вечеромъ, 1787 года [1]). Въ памяти мѣстныхъ старожиловъ это свиданіе императрицы съ императоромъ у корчмы Галайды ознаменовалось счастьемъ для послѣдняго: высочайшею волею былъ освобожденъ отъ рекрутчины Галайды племянникъ, Левъ Боровиковскій, впослѣдствіи пріобрѣвшій громкое имя церковнаго живописца. Того же дня, при въѣздѣ въ Новые-Кодаки, высокіе путешественники были встрѣчены княземъ Потемкинымъ и губернаторомъ екатеринославскаго намѣстничества, И. М. Синельниковымъ, у тріумфальныхъ воротъ, разукрашенныхъ гирляндами цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ, съ надписью большими золотыми буквами: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносящихъ». Потемкинъ и Синельниковъ стояли на колѣняхъ и держали въ рукахъ хлѣбъ-соль. Императрица помѣстилась въ нарочно устроенномъ для нея временномъ деревянномъ дворцѣ, построенномъ сперва въ Царичанкѣ, но потомъ перенесенномъ въ Новый-Кодакъ. Императору отведена была квартира въ домѣ священника Кодрата Сѣверскаго. Въ Новомъ-Кодакѣ императрица провела весь день осьмого мая [2]), ожидая прибытія своихъ судовъ по Днѣпру. Для пристани судовъ, на берегу Днѣпра, устроена была башня,

[1]) Въ «Дневникѣ» Храповицкаго (Спб., 1874 г., стр. 34) сказано, что это было 7 числа утромъ.

[2]) По словамъ 104-лѣтняго запорожца Н. Л. Коржа, она пробыла въ Новомъ-Кодакѣ двѣ недѣли, но это не согласуется съ показаніемъ «Журнала путешествія Екатерины II» (Москва, 1787 г.).

въ родѣ колокольни, безъ крыши, съ небольшимъ куполомъ, на подобіе маковки, вся расписанная разными цвѣтами; изъ башни велъ къ рѣкѣ небольшой мостикъ. Скоро прибыли и суда. Тогда отдано было черезъ князя Потемкина приказаніе спросить у мѣстныхъ лоцмановъ, могутъ ли царскія суда пройти черезъ пороги. Лоцманы, осмотрѣвъ суда, отвѣчали, что они могутъ пройти, но въ томъ случаѣ, если въ нихъ замѣнитъ рули на стерна или опочины, т. е. длинныя, на подобіе лопатъ, весла. Императрицѣ донесли объ этомъ, и она дала свое согласіе. Послѣ этого однако она сошла черезъ башню на мостикъ къ Днѣпру и приказала нѣсколькимъ судамъ съ придѣланными стернами сдѣлать нѣсколько движеній по рѣкѣ. Приказаніе ея было исполнено, и плававшія суда не оставляли ничего желать лучшаго. Императрица осталась довольна распоряженіемъ Потемкина и вмѣстѣ съ этимъ пожелала знать имя атамана лоцмановъ. Ей назвали. Это былъ житель Лоцманской-Каменки, Моисей Ивановичъ Полторацкій, при коемъ былъ и помощникъ, житель Старыхъ-Кодакъ, Степанъ Кузьмичъ Неножрытенко. Послѣ этого, назначивъ день для выхода судамъ къ порогамъ, императрица возвратилась во дворецъ и на другой день, 9-го мая, въ 9 часовъ утра, въ сопровожденіи всей своей свиты, сухимъ путемъ уѣхала въ слободу Половицу, гдѣ воздвигался городъ, долженствовавшій, по словамъ князя Потемкина, прославить ея имя. Въ то время вся Половица представляла изъ себя громаднѣйшій складъ разнороднаго строительнаго матеріала; даже предмѣстья ея были загромождены множествомъ камней, извести, алебастра и кирпича съ ихъ заводами, а берега Днѣпра покрыты были плотами сплавнаго строеваго лѣса.

Кто и когда основалъ слободу Половицу, исторія не знаетъ. На этотъ счетъ существуютъ лишь одни преданія да ученые домыслы. Половицу производили отъ извѣстнаго древней Руси народа половцевъ, отъ перваго насельника ея Половика; отъ полуницы, въ обиліи росшей здѣсь; отъ полона или плѣна, потому что здѣсь татары переправляли черезъ Днѣпръ плѣнныхъ

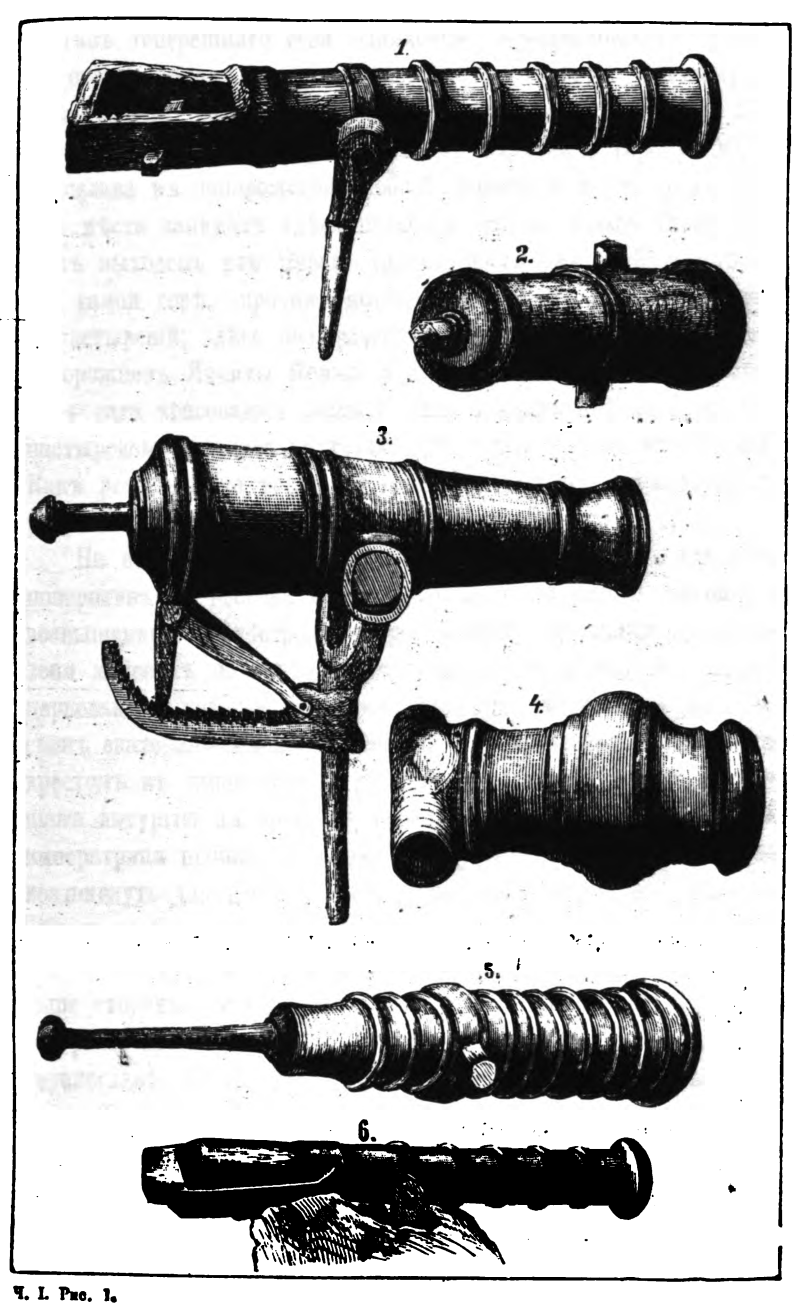
христіанъ; отъ половóго, въ смыслѣ желтоватаго, подобнаго цвѣту мякины, какимъ будто-бы отдавались берега Днѣпра, гдѣ стояла слобода; отъ половье, въ смыслѣ улова или полеванья, такъ какъ въ лѣсахъ, принадлежавшихъ слободѣ, ловили звѣрей; отъ половы: «здѣсь жили запорожцы-хлѣборобы и у нихъ много было половы»; отъ поля, такъ какъ слобода стояла въ полѣ; отъ половины, потóму что половина слободской земли принадлежала монастырю, и наконецъ отъ рѣчки Половицы, протекавшей черезъ слободу и впадавшей въ Днѣпръ. Чему-же вѣрить? Всего вѣроятнѣе, кажется, будетъ послѣднее толкованіе: слобода Половица получила свое названіе отъ рѣчки Половицы; но тутъ опять можетъ явиться вопросъ: отчего же рѣчка Половица получила такое наименованіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ нѣтъ возможности въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было указаній.

Документально извѣстно, что начало поселенія Половицы относится къ 1750 году. На картѣ Де-Боксета, составленной въ 1751 году, Половица помѣчена уже слободой. Въ 1768 году ее посѣтилъ главный командиръ новоросеійской губерніи генералъ Исаковъ. Въ 1768 и 1769 году она осталась нетронутой во время набѣга татаръ на Малороссію; въ 1779 году она состояла въ саксаганскомъ уѣздѣ славянской провинціи. Въ то время слобода Половица сидѣла по балкамъ Крутенькой, впослѣдствіи названной Бобыревой, Сухому-байраку, впослѣдствіи Войцеховой, Кленовой и Долгой, противъ двухъ островов въ Днѣпрѣ: Чортова, небольшого островка, и Монастырскаго, большого острова. Мѣстность, гдѣ сидѣла Половица, покрыта была лѣсомъ дубовымъ, кленовымъ, поросла камышомъ, травой, вдоль берега Днѣпра и по его островамъ. Между лѣсомъ тянулись огороды, на которыхъ росла капуста, подсолнечники, табакъ; На горѣ, противъ берега, стояли вѣтрянки, крытыя камышомъ, а въ Днѣпрѣ устроены были водяныя мельницы, которыя стучали и день и ночь. Сáмая слобода представляла изъ себя кучки хатокъ, частью деревянныхъ, частью земляныхъ, то тамъ,

то сямъ разбросанныхъ: «хата отъ хаты геть-геть». Населеніе ея состояло главнымъ образомъ изъ запорожцевъ, поселившихся здѣсь еще до уничтоженія Сичи, а потомъ и изъ тѣхъ, которые прежде жили на Пидпильненской Сичи и принуждены были отсюда удалиться. Не мало было также здѣсь и выходцевъ изъ Польши. Жители занимались коневодствомъ, скотоводствомъ, обрабатывали землю, косили сѣно, разводили пчелу.

До 1779 года слобода Половица была приписана къ соборной николаевской церкви Новаго-Кодака, но въ это время жители Половицы рѣшили построить у себя собственную. Старателями по этому дѣлу были есаулы: Лазарь Глоба, Игнатъ Кандлунъ, Андрей Мандрыка, полковой хорунжій Данило Косолапъ, ктиторы Өедоръ Крышка и Өедоръ Скокъ и громадскій писарь Василій Кіянинка. Мастеръ былъ приглашенъ изъ села Каменского, Данило Деревянка. Церковь уже была окончена въ 1783 году, какъ 6 августа этого же года, неизвѣстно отъ какой причины, загорѣлась и вся, кромѣ иконостаса, сгорѣла. Жители Половица вновь начали заготовлять матеріалы для церкви, но, прослышавъ, что правительство имѣетъ намѣреніе на мѣстѣ Половицы основать городъ Екатеринославъ, пріостановились; рѣшено было только испросить позволеніе о построеніи въ слободѣ молитвеннаго дома. Дозволеніе было получено въ 1786 году.

Между тѣмъ слухи о переименованіи Половицы въ Екатеринославъ дѣйствительно оправдались. Екатеринославъ уже раньше этого существовалъ. Онъ былъ основанъ, по мысли азовскаго генералъ-губернатора Василія Алексѣевича Черткова въ 1777 году, при впаденіи рѣчки Кильчени въ рѣку Самару, въ пяти верстахъ отъ теперешняго самарскаго моста лозово-севастопольской желѣзной дороги. Здѣсь онъ просуществовалъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, но потомъ, вслѣдствіе неудобства мѣстности, имъ занимаемой, подверженной постояннымъ наводненіямъ и оттого очень нездоровой, въ 1780 году былъ перенесенъ къ Новобогородицкой крѣпости, на четыре версты ниже,

Ч. I. Рис. 1.

Пушки, собранія А. Н. Поля.

противъ теперешняго села Одинковки, новомосковскаго уѣзда. Но отсюда городъ былъ перенесенъ въ слободу Половицу, а пока жители его должны были располагаться въ городѣ Новомъ-Кодакѣ. Такъ и приступили къ построенію города Екатеринослава въ запорожской слободѣ Половицѣ. Въ то время лучшія мѣста занималъ здѣсь полковой есаулъ Лазарь Глоба: онъ былъ выходецъ изъ Новаго-Кодака; жилъ онъ въ Половицѣ на той самой горѣ, противъ которой стоитъ въ Днѣпрѣ островъ Монастырскій; здѣсь онъ развелъ большой садъ, при содѣйствіи запорожцевъ Никиты Коржа и Игната Каплуна. Вверхъ противъ сада красовалась рожь Коржа, а внизъ отъ сада, въ монастырскомъ проливѣ, стучали двѣ водяныя мельницы Глобы. Какъ разъ въ это время въ слободу Половицу прибыла императрица Екатерина II изъ города Новаго-Кодака.

На возвышенности праваго берега Днѣпра, тамъ, гдѣ онъ, поворотивъ съ востока на югъ, образуетъ довольно широкій и возвышенный полуостровъ, устроена была изъ камня, среди зелени майскихъ цвѣтовъ, царская палатка съ походной полковой церковью, у которой встрѣтилъ великую императрицу архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій, Амвросій, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ святою водою въ другой. Выслушавъ литургію въ походной церкви и приложившись ко кресту, императрица прошла къ тому мѣсту, гдѣ предположено было воздвигнуть для города соборъ, спустилась по ступенькамъ въ выкопанный для фундамента ровъ, и тутъ, поцѣловавъ крестъ, поднесенный ей преосвященнымъ, и поклонившись на всѣ четыре стороны народу, положила первый камень въ основаніе соборнаго храма, во имя Преображенія Господня въ городѣ Екатеринославѣ; послѣ нея второй камень положилъ свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ; послѣ Потемкина третій камень положилъ преосвященнѣйшій архіепископъ Амвросій и послѣ Амвросія четвертый—генералъ-маіоръ губернаторъ И. М. Синельниковъ, какъ представитель народа въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Такъ совершилась закладка екатеринославскаго собора, по величинѣ своей обширнѣйшаго въ то время въ цѣломъ мірѣ: длиною 80 саж., шириною 22½ саж., о двѣнадцати престолахъ. Съ заложеннымъ храмомъ въ Екатеринославѣ по величинѣ могъ соперничать только храмъ апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ, и теперешняя ограда екатеринославскаго собора служитъ только указателемъ минувшихъ великихъ предначертаній императрицы Екатерины II, померкнувшихъ вмѣстѣ со смертью Потемкина и перваго губернатора Екатеринослава Синельникова, «правой руки и лучшаго друга свѣтлѣйшаго» [1]).

При громѣ пушекъ, грохотѣ ружей и при восторженныхъ восклицаніяхъ народа, императрица изъ Екатеринослава направилась сухимъ путемъ дальше, къ пятому порогу на Днѣпрѣ, Ненасытецкому.

Прошло сто лѣтъ послѣ этого событія, и время успѣло уже многое изгладить изъ памяти народа. Теперь иныя лица, иные интересы, иныя дѣла; отъ прежнихъ дѣяній есть только одни намеки: городской садъ Глобы, вмѣстѣ съ незатѣйливымъ памятникомъ, поставленнымъ кѣмъ-то надъ прахомъ погребеннаго есаула; дворецъ князя Потемкина, построенный въ бывшемъ саду того же запорожскаго есаула, да три невзрачныхъ памятника, поставленныхъ разновременно въ Екатеринославѣ въ воспоминаніе его основательницы. За то есть здѣсь такой памятникъ прошлыхъ временъ, о которомъ не можетъ умолчать ни историкъ, ни археологъ южно-русской исторіи. Это замѣчательное собраніе древностей извѣстнаго знатока и собирателя южно-русскихъ древностей вообще, запорожскихъ въ частности, Александра Николаевича Поля. Ведя свой родъ, по женской линіи, отъ наказнаго атамана малороссійскихъ козаковъ, Павла Полуботка, Александръ Николаевичъ Поль еще съ ранняго возраста пристрастился къ собиранію запорожскихъ древностей и, занимаясь уже болѣе тридцати лѣтъ этимъ дѣломъ, составилъ у

[1]) При Екатеринѣ II выведенъ былъ фундаментъ собора, который стоилъ казнѣ 71102 р. и 45 съ ¼ коп.

Ч. I. Рис. 2.

Запорожецъ со статуэтки, собранія А. Н. Поля.

себя огромнѣйшій музей, стоющій болѣе ста тысячъ рублей серебромъ. Все собраніе этого музея раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) древности каменнаго вѣка; 2) древности бронзоваго вѣка; 3) древности желѣзнаго вѣка; 4) древности скиѳскія; 5) древности запорожскія; 6) древности екатерининскія; 7) стеклянныя издѣлія; 8) керамическія издѣлія и 9) нумизматическая коллекція. Изъ древностей запорожскихъ особенно замѣчательны слѣдующія. Оружія: пушки—одна бронзовая, двѣ желѣзныя кованныя и двѣ чугунныя литыя; мортиры — двѣ мѣдныя и одна чугунная (см. табл. I), келепа или боевые чеканы, которыми запорожцы разбивали кольчуги, сабли, копья или ратища, пули, ядра, гранаты, бомбы, картечь, дробь, рушницы, пистолеты, ятаганы, топоры, гайдамацкіе «свячени» ножи, подѣланные изъ кось съ деревянными въ видѣ крестовъ ручками, кистени, бронзовые, мѣдные и желѣзные, якирьци для разбрасыванія ихъ по степи въ виду движенія татарской конницы, пороховницы, ногаи, ременные съ желѣзными дротомъ по поламъ и т. п. Сбруя: удила, стремена, желѣзныя, бронзовыя и мѣдныя, бубеньчики, пряжки, серебряныя, бронзовыя и желѣзныя. Клейноты: перначи, булавы, трубы. Одежда: пояса, серебряные съ бляхами, длины соотвѣтственно животу человѣка, кожанные съ металлическими петлями, шерстяныя съ крючками и т. п. Письменныя принадлежности: чернильницы, каламари, флакончики и одинъ выдолбленный изъ дерева портфель. Посуда: ножи столовые, вилки, тарелки, ложки, чарки, кружки съ рельефами, изображающими между прочимъ библейскихъ патріарховъ—Исаака и Іосифа, бѣгущихъ въ Египетъ— съ люльками въ зубахъ, бокалы, кубки, баклажки. Украшенія: перстни, кольца, серьги, позументы, статуэтки. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна статуэточка (см. табл. II), вылитая изъ мѣди, довольно изящной работы, изображающая, въ сидячемъ положеніи по-турецки, запорожца, съ чаркой въ лѣвой рукѣ, съ лицомъ въ полуоборотъ, съ раскрытымъ ртомъ для пѣнія. На бритой головѣ статуэтки превосходно выдѣляется чубъ, на верхней губѣ прекрасно оттѣнены густые усы, на спинѣ, плечахъ

и рукахъ очень хорошо отлитъ кафтанъ съ вылётами, а на поджатыхъ ногахъ явственно выдѣляются широкіе шаровары и ниже ихъ подошвы сафьяновыхъ сапогъ. Видимо, статуэтка имѣла назначеніе если не ручки кинжала, то всего вѣроятнѣе фигурки, стоявшей на столовыхъ часахъ. Высота ея около четырехъ вершковъ. Далѣе картины, изображающія въ разныхъ видахъ запорожцевъ. Одна изъ такихъ картинъ представляетъ группу запорожцевъ изъ шести человѣкъ (см. табл. III). Изъ нихъ одинъ сидитъ и играетъ на бандурѣ, а другой пляшетъ передъ нимъ въ присядку; за этими двумя стоятъ два другіе и угощаются водкой, причемъ одинъ держитъ флягу, а другой «михайлыкъ»; о бокъ съ этими другими стоятъ еще два и дерутся между собой: одинъ поднялъ вверхъ огромную деревянную люльку и ею бьетъ по лѣвому уху другого, отчего изъ уха этого послѣдняго течетъ кровь и изо рта наружу высунулся красный языкъ. Послѣдній держитъ въ лѣвой рукѣ скрипку, опустивши ее внизъ. Другія картины изображаютъ весьма распространенный типъ козака, сидящаго подъ дубомъ, играющаго на бандурѣ, привязавшаго близъ себя коня и разложившаго у ногъ своихъ шапку, люльку, пороховницу, чарку и пляшку съ горилкою. Внизу на каждой изъ картинъ написаны стихи, частью весьма обыкновенные, частью оригинальные:

Ихавъ козакъ полемъ тай отакувався,
Сивъ пидъ зеленымъ дубомъ тай роспырызався:
«Гей якъ мини душно!
Я козакъ Бардадымъ, куды гляну, степъ якъ дымъ!
Гей шкода жъ мини великая молодому,
Що якъ доведетця въ степу помирати,
То никому козацкіи кости мои поховати:
Татаринъ боитця, а ляхъ не приступе,
Хиба прыйде лютый звирь та въ байракъ поцупе.
А я того не боюся, горилки напьюся,
Въ бандуру заграю, зъ товарищемъ погуляю.
Гей я, козакъ, бувъ змолоду добряка,
Що не зоставалось въ Польщи ни жида, ни ляха,
Тамъ-то мы гуляли, ляхивъ оббыралы».

Ч. I. Рис. 3.

Группа запорожцевъ, собранія А. Н. Поля.

Изъ другихъ запорожскихъ вещей, хранящихся въ собраніи А. Н. Поля, обращаютъ на себя вниманіе золотые часы большаго размѣра, безъ верхней крышки, парижской работы, XVII вѣка, кресты, иконы, кадильница, найденная въ запорожской могилѣ села Стараго-Кодака, бандуры, множество трубокъ, черепковыхъ и деревянныхъ; изъ послѣднихъ одна имѣетъ спереди стихъ, составленный изъ жемчуга: «Козацька люлька— добра думка».

Изъ Екатеринослава идетъ путь влѣво, на Новомосковскъ и путь прямо, на Старый-Кодакъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

А вже литъ бильшъ двисти якъ козакъ въ неволи
По-надъ Днипромъ ходе, выкликае долю:
«Гей ты, доле, выйды изъ воды,
Вызволь мене, серденько, зъ тяжкои биды»!—
«Не выйду, козаче, не выйду, сокôле!
Ой рада бъ я выйти, такъ сама въ неволи,
Гей у неволи, у ярми,
Пидъ великимъ калауромъ, у тюрьми».

Народная пѣсня.

Мѣстность при впаденіи рѣки Самары въ рѣку Днѣпръ, обильная водами, богатая прекраснымъ лѣсомъ, наполненная множествомъ звѣрей, дичи и рыбы, съ давнихъ поръ заселена была разнымъ народомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у запорожцевъ въ этой мѣстности были самыя первыя поселенія. Мы не можемъ съ точностью сказать, когда именно здѣсь возникли впервые запорожскія поселенія, какъ не можемъ сказать и того, когда началось самое войско запорожское, потому что появленіе народностей и первые зачатки ихъ культуры всегда опережаютъ самую исторію. Такъ бываетъ вообще, такъ и въ частности. Исторія запорожскихъ козаковъ знаетъ, что въ 1576 году на рѣкѣ Самарѣ уже существовалъ старый городъ Самарь. Въ 1637 году въ этотъ городъ Самарь хлынула большая толпа поселенцевъ, когда гетманъ Павлюкъ былъ разбитъ поляками и когда многіе изъ его козаковъ бросились искать себѣ мѣстъ для поселенія около Днѣпра. Спустя десять-двѣнадцать лѣтъ послѣ этого, при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, старый го-

родъ Самарь пріобрѣлъ уже большую извѣстность. Онъ стоялъ на шесть верстъ выше впаденія рѣки Самары въ рѣку Днѣпръ. Мѣстоположеніе этого города и близость его къ татарскимъ границамъ были причиною того, что на него обратило вниманіе московское правительство, въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ правленіе ихъ сестры Софьи Алексѣевны, и рѣшило здѣсь устроить, въ 1688 году, такъ-называемую Новобогородицкую крѣпость. «Намѣреваючи великіе государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи со сестрою своею великою государынею царевною Софьей Алексѣевною... на Кримъ чинити военній промыселъ, разсудили за благо первѣе на Самарѣ создати городъ для зложеня въ немь не тилки хлѣбныхъ для войска потребнихъ припасовъ але и пушекъ и иныхъ всякихъ воинскихъ наприпасовъ и тяжаровъ»[1]). Этотъ указъ сообщенъ былъ малороссійскому гетману Ивану Степановичу Мазепѣ и сѣвскому воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву. Оба поспѣшили исполнить царское приказаніе и, явившись съ козаками и ратниками весной на указанное мѣсто, заложили «на усцѣ рѣки Самари въ Днѣпръ впадаючей, обаче оподаль отъ Днѣпра, городъ знаменитій и нарекли его Новобогородицкій градъ»[2]). «Тамъ (въ городѣ) при вшелякихъ запасахъ, людомъ московскимъ осадили военнимъ, немалимъ комонникомъ и пѣшимъ»[3]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что возведенная Новобогородицкая крѣпость устроена была въ старомъ городѣ Самарѣ. «Точію татара дѣлали покушеніе на новую крѣпость, проименовавшеюся тогда Богородицкою, нынѣ-же старая Самара». «Воономъ 1691 году въ крѣпости Богородицкой, тожь и Самара, былъ великій моръ на людей»[4]). Несомнѣнно также, что этотъ самый Новобогородицкій городъ есть тотъ-же Старо-самарскій ретраншементъ.

---

[1]) Лѣтопись Самоила Велички. Кіевъ, 1855, стр. 60.

[2]) Тамъ-же, стр. 61.

[3]) Лѣтопись Самовидца. Москва, 1846 г., стр. 80.

[4]) Ригельманъ. Лѣтопис. повѣств. о Мал. Рос. Москва, 1847 г., III, II. См. также стр. 112.

Въ странѣ запорожской Новобогородицкій городъ, или Старосамарскій ретраншементъ, былъ первымъ базисомъ московскаго правительства противъ татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ самихъ запорожцевъ. Оттого онъ и пришелся не по вкусу послѣднимъ. Запорожцы приписали мысль о построеніи Новобогородицкаго города Ивану Мазепѣ и потребовали, черезъ своего кошеваго атамана Ивана Гусака, его къ отвѣту. Требованіе выражено было въ такой рѣзкой формѣ, что гетманъ рѣшилъ было посчитаться съ запорожцами оружіемъ, но его воинственныя намѣренія остановлены были открывшеюся на Самарѣ моровою язвою, въ 1691 году. Однако уже въ слѣдующемъ году ненавистная запорожцамъ Новобогородицкая крѣпость выжжена была внезапно набѣжавшими сюда татарами, не безъ содѣйствія впрочемъ самихъ козаковъ. Но московское правительство, понимавшее все значеніе Новобогородицка, не думало однако отказываться отъ города и снова возобновило его. Такъ городъ возросталъ и расширялся, пока не насталъ несчастный для Россіи 1711 годъ. Въ этомъ году Петръ I вынужденъ былъ заключить невыгодный для себя миръ въ Прутѣ, по которому обязывался туркамъ срыть у себя нѣсколько крѣпостей, въ числѣ коихъ былъ и Новобогородицкій городъ. Въ это время запорожцы жили подъ властью турецкаго султана, а татары придвинулись до самой рѣки Самары и въ 1733 году заняли Новобогородицкій городъ своими аулами. Спустя однако годъ, запорожцы вновь переселились въ Россію и заняли свои прежнія урочища. Все Запорожье теперь раздѣлено было на восемь округовъ или паланокъ, изъ которыхъ главнѣйшая была самарская съ городомъ, основаннымъ на 25 верстъ выше устья р. Самары. Вскорѣ послѣ этого, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, когда у русскихъ начались войны съ турками, отъ монастыря до устья Самары, въ 1736 году, построено было «нѣсколько ретраншементовъ и нѣсколько редутовъ», а на самомъ устьѣ ея «ретраншементъ и нѣсколько редутовъ» [1]). Такимъ образомъ воз-

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорож. Одесса, 1852, стр. 60.

никла крѣпость Усть-Самарская [1]). Въ 1742 году, при заведеніи такъ-называемой старой украинской линіи крѣпостей, въ числѣ восемнадцати крѣпостей означена и Усть-Самара. Въ 1751 году на картѣ Де-Боксета по р. Самарѣ снизу вверхъ означены крѣпости: Усть-Самара, Старая Самара и Песчаная Самара. Въ 1783 году Усть-Самара была уничтожена, а артиллерія изъ нея перевезена въ крѣпость Кинбурнъ, къ устью Днѣпра.

Превращеніе старой Самары въ Новобогородицкую крѣпость и наплывъ въ нее людей московскаго званія были причиною того, что запорожскіе козаки и ихъ посполитые крестьяне оставили этотъ городъ и основали близь него новый, извѣстный на оффиціальномъ языкѣ Новоселицей, на простомъ языкѣ— Самарою, Самарчикомъ, Самарчукомъ. «Названіе Новоселицы ясно показываетъ, что первые обитатели ея были выходцы изъ разныхъ мѣстъ Запорожья, и особенно изъ близь лежащаго города старой Самары. И точно, въ старинныхъ бумагахъ мѣстныхъ архивовъ есть прямыя и ясныя указанія на то, что когда городъ старая Самара сдѣлался главнымъ станомъ русскихъ воискъ и поступилъ какъ бы въ полное владѣніе ихъ, многіе изъ жителей старой Самары сами собою ушли изъ города и поселились между старой Самарой и Самарскимъ монастыремъ, т. е. заняли мѣстность нынѣшняго Новомосковска, образовали слободу Новоселицу» [2]). Близость къ Днѣпру, счастливое мѣстоположеніе, сосѣдство съ древнимъ Самарскимъ монастыремъ были причиною того, что уже въ 1755 году въ Новоселицѣ учреждена была почтовая станція по дорогѣ изъ Полтавы въ Керчь, а съ 1769 года устроенъ постъ для «бекетовъ и фигуръ»; съ 1775 года Новоселица объявлена была слободой Новоселовкой, азовской губерніи, екатеринославскаго уѣзда, и сдѣлалась такимъ

---

[1]) На лѣвомъ берегу Днѣпра, между селъ Огренью и Чаплями, прямо противъ средины острова Становаго, у самаго берега Днѣпра. Екатерин. губ. вѣд., 1887 г., № 35.

[2]) Θеодосій. Матеріалы для историко-статист. опис. Екатеринослава, 1880 г. I, 306.

виднымъ пунктомъ, что въ ней нашли нужнымъ назначить мѣсто для постояннаго пребыванія полтавскаго пикинернаго полка. Въ это время, близь Новоселовки, при впаденіи р. Кильчени [1]) въ р. Самару, въ трехъ верстахъ отъ Новобогородицкой крѣпости, съ 1777 года, стоялъ уѣздный городъ азовской губерніи, Екатеринославъ. Въ виду неудобства мѣстности, нашли нужнымъ перенести его въ другое мѣсто, а пока именоваться не Екатеринославомъ, а Новомосковскомъ. Это было между 1782 и 1786 годомъ. Но въ 1786 году приказано было и самый Новомосковскъ перенести «на возвышенное мѣсто къ богородицкому ретраншементу». Простоявъ восемь лѣтъ, Новомосковскъ въ 1794 году перенесенъ былъ въ третій разъ на то мѣсто, гдѣ была военная слобода Новоселовка. Такъ и возникъ городъ Новомосковскъ, перемѣнивъ три мѣста осѣдлости за время своего историческаго существованія [2]).

Со времени основанія новой Самары, Новоселовки или Новомосковска и по настоящее время въ ней было только двѣ церкви послѣдовательно. Первая, устроенная съ давнихъ поръ и существовавшая до 1773 года, была маленькая, однопрестольная, деревянная, крытая камышомъ. Вторая, заложенная въ 1773 году. была большая, о трехъ престолахъ, девятиглавая, высокая, но также деревянная церковь. О построеніи первой не сохранилось никакихъ подробностей, о построеніи второй сохранились и письменные документы, и устныя преданія. Не одно сколько-нибудь важное дѣло не предпринималось у запорожцевъ безъ общей рады, а тѣмъ болѣе такое выдающееся, какъ построеніе храма на цѣлую паланку. Уже всѣ видѣли, что старая троицкая церковь въ Самарѣ приходила въ ветхость и требовала замѣны ея новою. Сперва объ этомъ заговорили простые козаки, а по-

---

[1]) «Кильчень»—можетъ быть, видоизмѣненное персидское «Гюльшенъ»—«розовый палисадникъ».

[2]) См. Г. П. Надхина. Память о запорожьѣ. Москва, 1877 г., 49—51. Болѣе точныя показанія см. у М. М. Владимірова: Первое столѣтіе г. Екатеринослава. Екатеринославъ, стр. 15 и 16.

томъ и значная старшина. Въ лѣтній жаркій день собрались въ саду ктитора Якова Андреевича Легкого паланочный сердюкъ, полковой старшина, полковой есаулъ и подъ-есаулій, писарь и подписарій, самарскаго перевоза шафарь, мѣстный протопопъ, мѣстные священники, начальникъ сосѣдняго самарскаго монастыря и нѣсколько почетныхъ прихожанъ, чтобы порѣшить вопросъ о построеніи новаго храма въ Самарѣ. Въ холодку, подъ яблонями и тополями сада, раскинуты были дорогіе персидскіе ковры, разостланы были узорные украинскіе келемы, растянуты были бурки, повсти и коци, и тутъ гости размѣстились, кто какъ попалъ: кто на боковеньку, оперши́сь на локоть, кто по-турецки, поджавъ подъ себя ноги, обутыя въ сапьяньци. Подана была въ чашкахъ душистая варе́на, самый любимый напитокъ у козаковъ, предлагаемый у зажиточныхъ хозяевъ и всегда въ торжественныхъ случаяхъ. Собраніе рѣшило постройку церкви утвердительно, вопросъ лишь касался мастера. Паланочный сердюкъ, хлебнувъ изъ чашки вареной, какъ бы мимоходомъ спросилъ:

— А кто же намъ выстроитъ церковь?

— Кто? Я знаю кто, — отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— А ну, скажи!

— И скажу. Былъ я недавно въ Мерефѣ [1]), тамъ славная церква о пяти верхахъ; въ ясный день на ней кресты горятъ точно паникадила. Христіанская душа не нарадуется, «дивлячись» на нее.

— Кто же ее строилъ?

— И то скажу. Строилъ ее человѣкъ изъ Водолагъ [2]), а прозывается онъ Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ!

— Нечего ѣздить, коли онъ здѣсь. Агу! Якиме, вражій сыну, а йди сюды!

---

[1]) Село въ 27 верстахъ отъ Харькова.

[2]) Село въ 30 верстахъ отъ Харькова.

Якимъ явился; это былъ человѣкъ высокаго роста, на масть рыжій.

— Можешь ли ты построить намъ церковь?

— Можу, панове, дайте мнѣ только силы да плоти,—дерева да кирпича.

— Ну, гдѣ тебѣ такому непоказному выстроить храмъ Божій?

— Ой, выстрою, батьки! Да коли на то пошло, такъ я вамъ прежде всего намалюю ее.

— А намалюй, намалюй!

Якимъ поднялъ съ земли щепочку, и тутъ же на песку садовой дорожки начертилъ фасадъ церкви съ пятью куполами.

— Да, это церковь и славная церковь, но какъ же ты выстроишь ее?

— Строить намъ не первина, батьки; я еще и не такую съумѣю выстроить: я сдѣлаю церковь съ девятью куполами.

— Ну, козаче, отозвался на это одинъ изъ батькйвъ,—и я, когда былъ малымъ, то также брехалъ, какъ и ты, только меня за то кормили не разъ березовой кашей.

— Отъ же можу! Я вамъ и эту намалюю, коли хочете.

— А намалюй!

— Гей, отецька дочка, Богъ бы тебя любилъ,—обратился Погребнякъ къ прислуживавшей дивчинѣ въ красныхъ монистахъ, съ вызолоченнымъ дукачемъ;—а принеси-ка мнѣ дошку да крейду.

Дивчина принесла. И Погребнякъ начертилъ на доскѣ церковь, но уже съ девятью куполами нынѣшняго новомосковскаго собора.

Запорожцы какъ увидѣли, такъ и ахнули: такъ имъ понравилась написанная церковь; но тутъ они вдругъ спохватились и замѣтили:

— Какъ же это ты говоришь? церковь будетъ на девять баштъ?

— На девять баштъ, панове.

— По три башты въ рядъ?

— По три башты въ рядъ.

— И со всѣхъ четырехъ сторонъ?

— И со всѣхъ четырехъ сторонъ.

— Такъ это выйдетъ двѣнадцать, а не девять.

— Нѣтъ, вельможные батьки, будетъ только девять.

— Да считай самъ: въ одинъ рядъ три, въ другой рядъ три, въ третій и четвертый по три, выходитъ двѣнадцать.

— Нѣтъ, батьки, будетъ девять.

Запорожцы недоумѣвали. Они сразу не могли понять того, что здѣсь каждая крайняя сторона трехъ башенъ при общемъ счетѣ повторяется, оттого, имѣя со всѣхъ четырехъ сторонъ по три башни въ каждой, церковь на дѣлѣ имѣла только девять. Но когда это было понято, приступили къ торгу, рѣшили дѣло за 2000 рублей и, какъ слѣдуетъ, заключили контрактъ. Но изъ договорной цѣны Погребнякъ уступилъ на поминъ своей души 24 рубля. Такимъ образомъ, за издѣлку церкви, какъ значится въ аттестатѣ ея, заплачено 1976 рублей.

Прошло нѣсколько времени; уже совершилась и закладка церкви; нужно было приступить и къ дѣлу. Но вдругъ оказалось, что Погребнякъ куда-то исчезъ. Начали безпокоиться объ его отсутствіи. Ктиторъ Павелъ Ѳедоровичъ Кореневскій, принявшій на себя надзоръ за работами, нашелъ на площади работника, который очищалъ тамъ разный хламъ [1]).

— Гдѣ мастеръ?

— Не знаю.

— Да не куликаетъ-ли онъ?

— Не такой человѣкъ: онъ воды въ ротъ не возьметъ, пока служба святая не отойдетъ.

Ктиторъ не зналъ послѣ этого что и подумать о мастерѣ.

— Ну, пришли его ко мнѣ, когда онъ вернется.

На третій или четвертый день послѣ этого, только что Кореневскій хотѣлъ, по старосвѣтскому обычаю, уснуть послѣ обѣда,

[1]) Ктиторовъ въ Самарѣ было два.

какъ вдругъ въ его хатѣ скрипнула дверь, и вошелъ Погребнякъ. Ктиторъ уже собрался было его пожурить, но, взглянувъ на него, съ удивленіемъ остановился.

— Ну, вотъ она вамъ вся тутъ. Берите ее, смотрите, со всѣхъ четырехъ сторонъ по три башты въ ней, а всѣхъ таки девять, а не двѣнадцать.

Съ этими словами Погребнякъ подалъ ктитору небольшую церковь. Ктиторъ взялъ ее, поставилъ на столъ и съ изумленіемъ началъ разсматривать со всѣхъ сторонъ. То была модель, сдѣланная изъ оситнягу.

— Вижу, вижу... Все такъ, какъ ты говорилъ. Гдѣ же ты былъ, божій человѣкъ?

Тутъ открылось, что зодчій изнемогъ-было подъ собственною мыслью, испугался, что не будетъ въ состояніи выстроить такую церковь, какую обѣщалъ, и бѣжалъ.

— Бѣжалъ я въ наши самарскіе камыши и залегъ въ нихъ, а думка моя точно споритъ со мной: то выстрою, то не выстрою. Доведу, вотъ, кажется, до самыхъ верховъ, смотришь, какой-нибудь сучекъ, либо задоринка и остановятъ; пройдешь и то и другое, дойдешь до крестовъ, кроква въ крокву не приходится, одно—гнетъ, другое—претъ, того и гляди все полетитъ стремглавъ книзу. Я совсѣмъ ослабъ... Лежалъ я въ очеретахъ нашего Николаевскаго самарскаго монастыря и вотъ, обратясь лицомъ къ монастырю, гдѣ обрѣтается престолъ святителя Николая, помолился я св. Николѣ. Послѣ молитвы я заснулъ, и спалъ, помню, долго: заснулъ чуть не въ пору обѣда, а проснулся, солнце было только на два дуба надъ землей. И вѣрно угодникъ божій услышалъ грѣшную мою молитву: во снѣ я видѣлъ св. Николая чудотворца сѣдымъ старичкомъ, который указывалъ мнѣ, какъ строить этотъ храмъ, да такъ ясно, какъбудто теперь вижу его передъ очами. Я всталъ бодрый и свѣжій и сталъ, какъ во снѣ мнѣ указано было, плести эту церковцу изъ оситнягу и вотъ сплелъ, какъ видите.

— Ну, будь тебѣ святая сила въ помощь! Начинаешь ты,

Господь съ тобою, какъ-то необычайно, дай-то тебѣ Богъ такъ и кончить [1]).

Таково-то существуетъ въ народѣ преданіе о построеніи второго храма въ Самарѣ, теперешняго собора въ Новомосковскѣ. Заложенъ онъ, какъ значится въ «описи имущества», хранящейся въ немъ, въ 1773 году архіепископомъ славянскимъ Евгеніемъ или въ 1775 году, 2 іюня, какъ утверждаетъ авторъ «Матеріаловъ для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи» [2]), по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила. Главный престолъ церкви посвященъ св. живоначальной Тройцѣ, боковой правый—апостоламъ Петру и Павлу, боковой лѣвый—тремъ святителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому. Зодчимъ ея былъ названный выше Якимъ Погребнякъ, блюстителями «войска запорожскаго бригадиръ» Антонъ Головатый и «войска запорожскаго кошевой» Иванъ Чепига. Вся она сооружена изъ лѣса, — частью дуба, частію сосны, доставленныхъ изъ сосѣднихъ самарскихъ лѣсовъ,— кромѣ фундамента, выведеннаго изъ камня. Украинскій зодчій обошелся безъ желѣза; и всѣ балки храма, косяки, обшивки сколочены при помощи тиблей, т. е. вставленныхъ посрединѣ между бревенъ шиповъ и замковъ, т. е. вырѣзанныхъ по концамъ бревенъ связей. Церковь окончена была уже въ 1778 году; отдѣлывались только иконостасы. Въ это время въ г. Екатеринославъ I пріѣхалъ, обозрѣвая епархію, преосвященный славянскій Евгеній. Обыватели Новоселицы нашли нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ. Тогда нѣсколько старшинъ, два ктитора и нѣсколько человѣкъ духовенства собрались на общую раду и рѣшили поставить временный въ главномъ престолѣ

---

[1]) Весь этотъ превосходный разсказъ заимствованъ нами изъ сочиненія весьма даровитаго, но, къ сожалѣнію, безвременно угасшаго, Г. П. Надхина «Церковные памятники Запорожья», стр. 3—6. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы позволили себѣ сокращенія и незначительныя видоизмѣненія, чтобы разсказъ не казался слишкомъ длиннымъ.

[2]) Матеріалы. Екатеринославъ, 1880 г., т. I, стр. 309.

иконостасъ изъ старинной церкви и просить преосвященнаго освятить главный престолъ церкви, во имя св. Троицы. Преосвященный изъявилъ свое согласіе и 13 мая 1778 года, съ архимандритомъ Ѳеоктистомъ, освятилъ его. Въ 1780 году окончены были иконостасы и въ боковыхъ придѣлахъ троицкой новоселицкой церкви и того же года, 1780, (а по «Описи имущества», 1781 г.), 30 августа, освящены мѣстнымъ протопопомъ Григоріемъ Порохней.

Архитектура церкви проста: ни колоннъ, ни украшеній; снаружи церковь была обшита шилевкой и окрашена бѣлой краской, кромѣ куполовъ, окрашенныхъ зеленой краской; внутри стѣны и своды ея расписаны были картинами религіознаго содержанія. Иконостасъ возведенъ до сводовъ, съ рѣзьбой и разными фестонами, завитками и другими хитростями столярнаго искусства. Живопись на немъ сдѣлана въ старинномъ византійскомъ вкусѣ. Высота церкви 31 с., объемъ 58 с.; стоимость, вмѣстѣ съ иконостасомъ и другой отдѣлкой, кромѣ колокольни, 16785 р. и 71 к. При церкви впослѣдствіи поставлена была отдѣльно колокольня съ шестью колоколами, изъ коихъ самый большій вѣсилъ 262 п. и 24 ф., цѣною въ 7220 рублей, два дома, деревянная ограда и за оградой колодезь съ деревяннымъ навѣсомъ. Колокольня, ограда, такъ-же какъ и соборъ, окрашены были бѣлою краскою. Снаружи, на стѣнѣ, близь западной входной двери, повѣшено чугунное «било» съ украшеніями вверху, въ видѣ двухъ лошадиныхъ головъ и въ срединѣ въ видѣ какихъ-то углубленій или буквъ. Въ «било» ударяли деревяннымъ молоткомъ, созывая запорожцевъ на раду. Звукъ била—пріятный серебристый.

Воздвигнутый въ 1778 году новомосковскій соборъ стоитъ и по настоящее время, несмотря на многія перемѣны времени и поколѣній. Въ послѣднее время онъ былъ стянутъ желѣзными болтами и укрѣпленъ деревянными столбами. Не разъ онъ испытывалъ бури и даже ураганы. Однажды подъ Новомосковскомъ разразился такой ураганъ. который посрывалъ

Ч. I. Рис. 4.

Новомосковскій соборъ.

крыши съ домовъ, повыворачивалъ дубы съ корнями, а соборъ остался невредимъ; въ немъ только, по словамъ очевидца, паникадило вздрагивало да связи по угламъ скрипѣли.

«Достоинство архитектуры собора — въ необыкновенномъ изяществѣ общихъ очертаній и въ смѣлой до дерзости постановкѣ. Надо взглянуть на эту церковь днемъ, съ той горы, откуда въ первый разъ открывается самарская долина и городъ Новомосковскъ: издали это что-то поражающее. Надо посмотрѣть на нее въ ясный лѣтній вечеръ съ берега Самары, когда нельзя распознать, изъ какого матеріала она построена: тогда представится на горѣ, въ розовомъ отблескѣ потухающей зари, величественный монументальный девятикупольный силуэтъ ея, который поспоритъ красотой рисунка со многими знаменитыми и богатыми храмами. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ храмѣ соединеніе башенъ: сложенныя изъ сосновыхъ и частью дубовыхъ брусьевъ, въ отрубѣ отъ шести до десяти вершковъ, почти нигдѣ нескрѣпленныхъ гвоздями, онѣ служатъ одна опорою другой на основаніи равновѣсія, угаданнаго съ замѣчательною вѣрностью» (см. табл. IV) [1]).

Въ настоящее время въ Новомосковскомъ соборѣ сохранилось нѣсколько древнихъ вещей, доставшихся ему частью отъ запорожцевъ, частью изъ церкви города Екатеринослава I. Таковы: картина, иконы, шесть евангелій, пять напрестольныхъ крестовъ, двѣ чаши, три дискоса, плащаница, двѣ ризы, подризникъ, дарохранительница и антиминсъ. Картина изображаетъ собой страшный судъ, гдѣ представлены демоны, огни, смола, орудія пытки и вмѣстѣ съ ними люди, раздѣленные по сословіямъ, начиная съ архіереевъ и кончая простыми мужиками. Она стоитъ въ передней части храма, съ правой стороны, занимая почти всю половину стѣны отъ двери до угла. Изъ иконъ всѣхъ интереснѣе та, которая представляетъ собой соборъ апостоловъ, съ надписью: «Сію икону отмѣнилъ козакъ

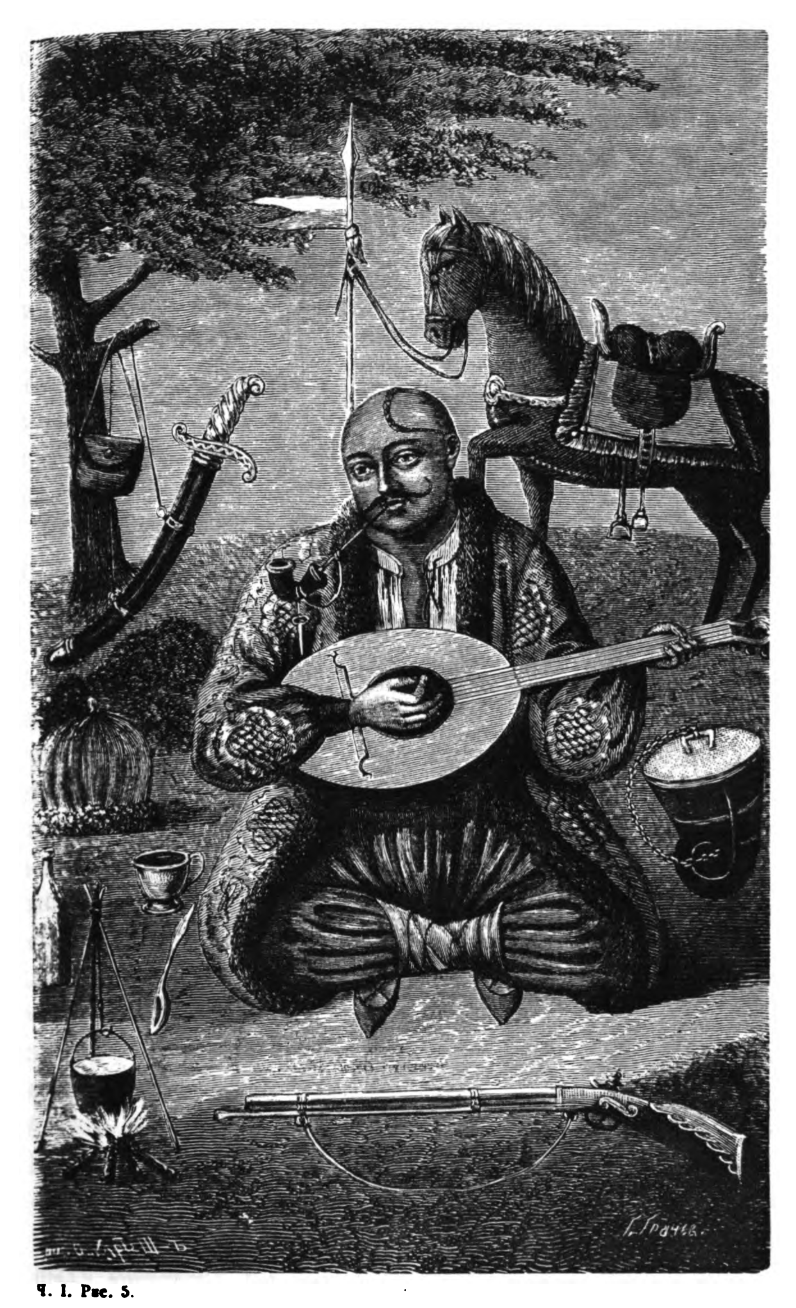
[1]) Г. П. Надхинъ. Церковные памятники Запорожья, стр. 10.

Иванъ Батуринскій [1]) Терещенко до храму святыя Тройцы Новомосковскаго 1774 года апрѣля 18 дня». Изъ шести евангелій первое напечатано въ 1748 году, въ Москвѣ; второе—въ 1750 году, пожертвовано козакомъ Лаврентіемъ Плихою; третье напечатано въ той же Москвѣ, 1759 года, и пожертвовано Иваномъ Сребреникомъ: «сию книгу святое Евангеліе отмѣнилъ своимъ коштомъ и стараніемъ рабъ Божій Іоаннъ Андреевъ сынъ Сребреникъ ко храму святыя живоначальныя Тройцы въ Государственную слободу Новоселицу 1782 года мѣсяца марта 26 дня»; четвертое напечатано въ томъ же 1759 году и пожертвовано въ 1781 году козакомъ Иваномъ Прудкомъ; пятое евангеліе напечатано въ 1763 году и шестое въ 1773 году; оба въ Москвѣ. Изъ пяти крестовъ четыре пожертвованы общимъ коштомъ запорожскаго войска (1771, 1772, 1774 и 1775 г.), а послѣдній принесенъ въ даръ отдѣльно тремя запорожскими козаками, какъ о томъ гласитъ слѣдующая надпись: «Сей крестъ надалъ (нъ) до храма святого Троицы доброхотними стараніямі атаманомъ булахомъ (,) иоаномъ неклесою (,) Иоаномъ булахомъ испрочими товариші ихъ въ 1782 году». Изъ трехъ чашъ одна пожертвована запорожцемъ Иваномъ Чумакомъ и имѣетъ надпись: «Козакъ войска запорожского куреня кане [2]): отмѣнилъ сей келюхъ Иванъ Чумакъ до церкви живоначальной троицы самаріицкой: 1754 году». Другая чаша принесена въ даръ козакомъ Федоромъ Колотнечею и имѣетъ такую подпись: «1766 году декабря 17 дня соорушилъ сию чашу до церкви самарчицкой святотроецкой рабъ божій федоръ Колотнеча (,) только Чтобъ Подчасъ Всякаго нещастия наслѣдственнимъ моимъ до рукъ отобрать дозволено было». Третья чаша куплена общимъ коштомъ запорожскаго войска. Изъ трехъ дисковъ первый пожертвованъ общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1761 году;

---

[1]) Т. е. Батуринскаго куреня.

[2]) Очевидно, Каневскаго куреня.

Ч. I. Рис. 5.

Играющій на бандурѣ гайдамака, собранія Я. П. Новицкаго.

второй данъ въ даръ Федоромъ Колотнечею въ 1763 году, а третій купленъ общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1772 году. Изъ остальныхъ вещей дарохранительница пожертвована въ 1768 году общимъ коштомъ запорожскаго войска; риза—первая куплена священникомъ Михайловымъ, въ 1763 г., риза — вторая пожертвована общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1764 году; подризникъ—«отъ козака Стефана Прилуки, 1758 года» и наконецъ антиминсъ привезенъ въ церковь въ 1780 году съ надписью: «Освященъ Евгеніемъ архіепископомъ славянскимъ и херсонскимъ 1779 года мѣсяца февраля 14 дня, а данъ 1780 года августа 14 дня. Выдалъ смиренный Никаноръ Архіепископъ славянскій и херсонскій въ слободѣ Новоселовкѣ».

Изъ памятниковъ не церковнаго характера въ Новомосковскѣ есть интересный портретъ запорожца, достояніе крестьянина Ивана Чуприны, унаслѣдованное имъ отъ его предковъ (см. табл. V). На полотнѣ, имѣющимъ въ длину аршинъ съ четвертью, въ ширину ровно аршинъ, масляными красками изображенъ запорожецъ, въ сидячемъ положеніи, по-турецки, съ круглою осьмиструнною бандурою въ рукахъ, въ дорогихъ желтаго цвѣта съ черными крапинками шатахъ, въ широкихъ синяго цвѣта шароварахъ, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ короткой, дымящейся люлькой-носогрійкой въ зубахъ, съ открытой гладко выбритой головой, на которой протянута толстая чупрына изъ черныхъ какъ смоль волосъ, замотанныхъ за лѣвое ухо, и съ длинными черными усами на загорѣломъ молодомъ лицѣ. Передъ запорожцемъ, слѣва, лежитъ круглая съ барашковымъ сивымъ околышемъ и съ краснымъ суконнымъ верхомъ съ китицей шапка; справа — небольшая, темно-зеленаго стекла фляжка и возлѣ нея металлическая, довольно объемистая чарка. На томъ же фонѣ, но въ отдаленіи, съ лѣвой стороны, изображенъ конь съ сѣдломъ на спинѣ, привязанный къ ратищу, воткнутому въ землю; съ правой стороны поставлено огромныхъ размѣровъ дерево, покрывающее своими листьями и го-

лову запорожца и всего его коня; на дерево повѣшаны лядунка краснаго сафьяна съ буквою *П* и длинная кривая сабля на черномъ ремнѣ. Ко всему этому внизу картины помѣщены стихи.

«Хоть дывысь на мене, та ба не вгадаешъ,
Звидкиль родомъ и якъ звуть, не чичиркъ не взнаешъ.
Кому жъ трапилось хоть разъ у стану бувати,
То той може и призвыще мое угадати.
Въ мене менния не одно, а есть ихъ до ката,—
Такъ зовуть, якъ набижишъ на якого свата:
Жидъ-псяюха мене зъ ляку за брата прыймае.
Милостивымъ добродіемъ ляхва величае;
А ты якъ хочъ называй, на все позволяю.
А бы крамаремъ не звавъ, бо за те полаю.
А якого роду я, то всякъ про те знае,
Хто по̀-свиту ходе-блука та доли шукае.
У степахъ насъ знають вси звиры и птыци
Въ городахъ насъ знають дивки и молодыци,—
Одна дивка угадала тай лошака дарувала.
Я козакъ—душа правдыва сорочки не маю,
Коли не пью, такъ воши бью, а все жъ не гуляю.
Я козакъ-запорожець, не объ чимъ не тужу,
Якъ люлька е й тютюнець, то мини й байдуже.
Гей, бандура моя золотая, коли бъ до тебе жинка молодая!
Скакала бъ, спивала ажъ до то́го лыха,
Шо не одинъ бы чумакъ видцуравсь и грошій миха.
Бо я якъ заграю, то не одинъ поскаче,
А пождавши трохи, то й не одинъ заплаче.
Гай, гай якъ бувъ же я молодымъ, яку мавъ я сылу,
Ляховъ борючи й жидивъ, и рука не млила,
А теперь видъ лыха-горя и вошъ одолила.
Здаетця плечи вже, не ти, а ноги чужіи,
Кругомъ менѐ одолили вороги тяжкіи.
Якъ бачу я, недобра е козацька година:
Цвите-вьяне, наче въ степу молода былына.
Хоча̀ мили и нестрашно въ степу помирати,
А жаль тильки, шо никому въ степу поховати:
Жидъ цураитця, а ляхъ не приступе,
Хиба яка зла звирюка у байракъ поцупе.
А може я въ городахъ умирати мушу,
Може хочъ тамъ одпомянуть попы мою душу,
Бо на степу попы, ченьци извертали зъ шляху.
Протопопы, филозопы набирались жаху.

Алѐ жъ мини не годитця на лави вмирати,
Бо ще въ мене е охота и ляхивъ шарпаты,
Бо ще въ мене е що-небудь прокинуть до смерти,
Жидамъ, ляхамъ ще мушу я и носа утерти.
Хочь я трохи и злыдащивъ, однакъ чують плечи,
Здаетця, я поборовся бъ зъ ляхами и въ гречи [1]).
Случалось же, ще й не разъ, варити те пиво,
Що пивъ турокъ и татаринъ, що пивъ ляхъ на дыво.
Багато десь и теперь лежать исъ-похмилля
Мертвыхъ головъ по степу изъ того весилля.
Надія въ мене на мушкетъ, на ту сиромаху,
Що не ржавіе николи,—на шаблю, на сваху.
Бохо чъ вона и не разъ аасокою мылась,
А вже жъ таки и теперь якъ бы разизлылась,
То не одна бъ голова на дви розвалылась.
Надія въ мене и на списъ, на гостре ратыше,
Коли хочешъ утикать, скачъ на него выще.
Якъ натяну жъ лука я, брязну тытевою,
То видъ него и ханъ крымській мусыть утикати
Та исъ скрыни усе добре, червинцы хапаты.
Гей, ну-жъ, братцы, запалимо у степу пожары,
Що бъ кожухи поминяти на лядськи жупаны!
Якъ ярмарокъ добрый буде, удачу покаже,
То не одинъ и жидъ, и ляхъ видъ снысивъ поляже.
А посли, братци, повертати до Сичи, до стану
Кожухи нумо искидати та геть ихъ до ката,
А бы добигти до корчмы, до першого свата
Та могорычу бильшъ у Сичу та грошій достати».

Этотъ портретъ—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, которые ходятъ съ разными варіяціями по Старой и Новой Малороссіи, съ подписанными подъ ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными. Одинъ изъ такихъ портретовъ попалъ въ одесскій музей исторіи и древностей; копія съ него напечатана въ приложеніи къ «Исторіи о казакахъ запорожскихъ» князя Мышецкаго, изданной въ Одессѣ въ 1852 году.

На разстояніи не болѣе четверти версты ниже Новомосковскаго собора, по направленію отъ востока къ западу, идетъ рѣка Самара къ Днѣпру, а въ двухъ верстахъ отъ лѣваго бе-

[1]) «Гречь»—особый способъ битвы, на сабляхъ.

рега Самары стоитъ Самарскій монастырь. Самара, или въ «Географіи южной Россіи» 1698 года, Малая Самара, у казанскихъ татаръ Сакмаръ, у запорожскихъ козаковъ Самарь, въ «Книгѣ большаго чертежа» Самаръ [1]) вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близь села Самарскихъ прудъ, и впадаетъ въ Днѣпръ, съ лѣвой стороны, противъ Самарскаго острова. Теченіе ея необыкновенно тихое, вода на видъ зеленоватая, потому что уже съ 9 мая подвергается цвѣтенію; берега рѣки по мѣстамъ усѣяны гранитными глыбами, по мѣстамъ покрыты травой, камышомъ, лѣсомъ; причемъ правый ея берегъ почти вездѣ возвышенный, лѣвый—низменный. Вся длина рѣки не свыше 200 верстъ, ширина отъ двадцати до ста саженъ, наибольшая глубина до семи саженъ. Сперва Самара идетъ однимъ русломъ, потомъ, подъ селомъ Знаменкой, она отдѣляетъ отъ себя вправо большой заливъ, который неопытные пловцы принимаютъ за настоящую рѣку. Вслѣдъ за этимъ, не доходя Самарскаго монастыря, она раздѣляется на Старую Самарь и Новую Самарь, иначе Самарчикъ, и потомъ тотъ-же часъ ниже монастыря за Левягинымъ хуторомъ опять сходится въ одно русло. Отъ этого раздѣленія рѣки на Старую Самару и Новую Самару образуется огромный островъ, почти въ двѣ съ половиной тысячи десятинъ земли. При самомъ впаденіи въ Днѣпръ Самара вновь даетъ отъ себя заливъ вправо.

Названіе «Самара, Самарь, Самарчикъ, Самарчукъ» распространено у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ названіемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, Самарію, Іудею и Перею. По сказанію житій «Сорока двухъ мучениковъ, Павла Аѳонскаго» и др., въ Азіи на рѣкѣ Ефвратѣ былъ городъ Самара, принадлежавшій сарацинамъ; по извѣстію русскихъ лѣтописей, въ Сибири былъ остяцкій князь

[1]) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 97.

Самара, неудачно сражавшійся съ русскимъ покорителемъ этой страны, Ермакомъ Тимоѳеевичемъ. На горѣ Аѳонѣ и теперь есть утесъ Самара; на Волгѣ есть городъ Самара, на рѣкѣ Самарѣ-же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ [1]). Наконецъ, слово «Самара» встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово ученые, но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго, на которомъ «самара» значитъ круглое озеро. Искусственнѣе всего производство Самары отъ народовъ сарматовъ или савроматовъ: «Самарцы построили себѣ городъ Савромару, въ просторѣчіи называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того-же имени» [2]).

Такъ это или иначе, но у запорожскихъ козаковъ рѣка Самара послѣ Днѣпра пользовалась огромною извѣстностью. «Она весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ этомъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакѣ... Козаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть за счастливое богатство ея» [3]). То, что сказано о самарскихъ лѣсахъ двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, почти то же можно сказать о нихъ же въ настоящее время. Несмотря на варварское обращеніе владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все-таки поражаютъ человѣка даже и теперь и особенной высотой и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ есть сосны въ обхватѣ шесть аршинъ, дубы въ обхватѣ девять, вербы—десять аршинъ. Но что же тутъ было въ далекомъ прошломъ отъ насъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ гигантамъ дубамъ, которые находятся въ руслѣ Самары въ окаменѣломъ видѣ. Такихъ дубовъ можно видѣть

---

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ. Москва, 1877 г., стр. 46 и 47.

[2]) «Arx Sauromaris, vulgo vocatur sumaris cum ejusmodem nominis flumne». Историч. обозрѣніе церкв. екатер. епар. Екатеринославъ, 1876 г. стр. 12.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 18.

цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близь села Вольнаго, на двѣ версты ниже дома владѣльца А. А. Короленка, въ такъ-называемомъ «пристѝни», близь Думной (иначе Лысой) горы; по разсказамъ старожиловъ, здѣсь были «несходимые и невидимые» лѣса. У запорожцевъ тутъ ископана была криница, имѣвшая чудодѣйственную силу: если освятить ее въ засуху, то немедленно вся окрестность Самары оросится дождемъ. Самарскій лѣсъ состоитъ изъ деревьевъ самыхъ разнообразныхъ породъ: дуба, сосны, клена, береста, ясеня, липы, березы, орѣшника и др., съ преобладаніемъ однако дуба. Лѣсъ тянется на протяженіи около ста верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, начиная почти отъ впаденія ея въ Днѣпръ и кончая какъ разъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она принимаетъ въ себя рѣку Волчью, на границѣ уѣздовъ павлоградскаго и новомосковскаго. Нечего говорить о томъ, какіе и сколько водилось здѣсь птицъ, звѣрей и гадовъ. Воспоминанія старожиловъ всего больше говорятъ о дикихъ козахъ и турахъ, а находимые рога ихъ подтверждаютъ разсказы стариковъ. Близь села Вольнаго, въ материковомъ слоѣ земли, найденъ рогъ тура полторы четверти длины, около четверти ширины, по формѣ напоминающій тотъ малорусскій пранықъ, которымъ колотятъ бабы бѣлье на рѣчкѣ. Изъ гадовъ всего больше говорятъ о желтобрюхахъ. Желтобрюхи и теперь не извелись; множество ихъ водится около такъ-называемаго Зеленаго моста, въ лѣсу, повыше названной Думной горы, близь села Вольнаго. Здѣсь они достигаютъ по истинѣ громадныхъ размѣровъ: шести аршинъ длины и около четверти толщины: «товсти, наче оглобля». Они бросаются на человѣка со свистомъ и кусаются точно собаки: «подниме голову у гору тай свыстыть янъ чабанъ на вивци». При яркомъ солнцѣ издали они кажутся желтыми-желтыми точно золото, въ обыкновенное же время и вблизи они кажутся серебристаго цвѣта: «лежить, наче срибне колесо звернене». Если наѣдутъ на желтобрюха во время оранки земли плугомъ, то онъ схватывается за лемешъ съ такою силою, что его иногда и двумя парами воловъ потянуть нѣтъ ни-

какой возможности. Если же его станешь тащить изъ норы, то скорѣе перервешь пополамъ, а не вытащишь. Разсказываютъ, что однажды желтобрюхъ впутался между ногъ какому-то крестьянину, шедшему по лѣсу, и до того сильно обвился кругомъ ногъ, что несчастнаго человѣка едва могли вырвать шесть здоровыхъ мужиковъ изъ колецъ чудовища; бѣдный человѣкъ на другой же день и умеръ отъ испуга. Если разозлить желтобрюха, то онъ подскакиваетъ вверхъ, бросается на человѣка, рветъ на немъ цѣлые шматья одежды и вырываетъ куски мяса. Къ счастью, эти укушенія, кромѣ весьма немногихъ случаевъ, не бываютъ смертельны: укушенный страдаетъ лишь отъ опухоли да отъ страшнаго жара въ ранѣ, отчего поминутно проситъ пить. Отъ разозленнаго желтобрюха можно спастись, если бѣжать такъ, чтобы солнце ударяло ему въ глаза: на солнцѣ онъ не видитъ. Въ селѣ Голой-Грушевкѣ, екатеринославскаго уѣзда, желтобрюхъ жилъ въ церкви, подъ престоломъ, но тамъ, говорятъ, былъ такой батюшка [1]), который умѣлъ свистомъ подзывать къ себѣ желтобрюховъ и укрощать ихъ. Въ настоящее время крестьяне села Вольнаго занимаются ихъ ловлею, для того, чтобы убивать и дѣлать изъ ихъ кожи пояса. Всѣ желтобрюхи удивительно прожорливы: найдетъ яйцо хохитвы—съѣстъ; найдетъ лягушку—съѣстъ; найдетъ ящерицу—съѣстъ: «усѐ жме, а за шпаками такъ по комышахъ и лазе».

Кромѣ огромныхъ богатствъ, которыя доставляла запорожцамъ рѣка Самара, она пріобрѣла извѣстность у нихъ еще и потому, что здѣсь устроена была паланка [2]), что черезъ нее вела самарская переправа и что на ней стоялъ знаменитый Самарскій пустынно-николаевскій монастырь. Самарская паланка считалась у запорожцевъ самою богатою и самою благоустроенною; центромъ ея былъ сперва городъ Старая-Самара, а потомъ сдѣлался городъ Новая-Самара. Здѣсь устроены были церковь,

[1]) Отецъ Андрей Барышпольскій.

[2]) «Паланка»—съ турецкаго значитъ крѣпость. У запорожцевъ этимъ словомъ означалась и самая крѣпость, и цѣлый округъ или уѣздъ.

помѣщенія для паланочнаго сердюка, т. е. полковника, войсковаго хорунжаго, паланочнаго шафаря и цѣлой канцеляріи. Самарская переправа была одной изъ многолюднѣйшихъ, а слѣдовательно и одной изъ доходнѣйшихъ переправъ на всемъ Запорожьѣ. Рѣка Самара была центромъ, около котораго расходились шесть большихъ дорогъ: съ сѣвера къ ней тянулся Муравскій шляхъ [1]), ниже Муравскаго, съ правой стороны, шелъ Сумской шляхъ, ниже Сумскаго—Глуховскій; съ лѣвой стороны, ниже Муравскаго, тянулся Изюмскій шляхъ, ниже Изюмскаго—Калміускій, а всѣ эти шляхи пересѣкались шляхомъ, соединявшимъ городъ Очаковъ съ городомъ Азовомъ, шедшимъ понадъ верховьями Самары. Такимъ образомъ, близь Самары всегда, особенно весной и осенью, происходило безпрерывное движеніе; у города Самары устроена была переправа, за которой наблюдалъ шафарь, взимавшій съ проѣзжавшихъ плату и выдававшій имъ паспорта въ Крымъ, Турцію или Польшу. Переправа устроена была въ самомъ узкомъ мѣстѣ Самары, немного выше такъ-называемаго Чернечьяго пекла въ рѣкѣ. Когда-то переправлялись въ лодкѣ черезъ Самару чернецы; наскочила страшная буря, опрокинула лодку, и монахи пошли въ воду. Съ того времени и стало называться мѣсто пониже переправы Чернечьимъ пекломъ.

Тотчасъ у переправы, отъ лѣваго берега рѣки, начинается дорога, ведущая въ историческій Самарскій пустынно-николаевскій монастырь, главную святыню запорожскихъ козаковъ. Дорога идетъ среди прекраснаго дубоваго лѣса, славившагося громадностью своихъ деревьевъ, множествомъ звѣрей и птицъ еще съ отдаленнѣйшихъ временъ.

Монастырь раскинулся на огромномъ островѣ, который образуютъ собой рѣки старая Самара и новая Самара. Этотъ островъ искони покрытъ былъ высокимъ дубовымъ лѣсомъ или, по-ко-

[1]) Въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка онъ назывался Чумацкимъ и Крымскимъ, теперь называется Большимъ или Битымъ.

зацкп, товщею. Вблизи острова находилось нѣсколько озеръ, наполненныхъ множествомъ рыбы и раковъ и обилующихъ самою разнородною дичью. Повсюду росла высокая, густая, сочная трава, между которой шныряли цѣлыми стаями лѣсные звѣри. Въ такомъ-то укромномъ, какъ бы нарочно созданнымъ самимъ Богомъ, уголкѣ пріютилась скромная монашеская обитель. По отрывкамъ документовъ и по преданію, болѣе или менѣе вѣроятному, она возникла во второй половинѣ XVI вѣка, при польско-литовскомъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Сначала сюда уединились два какихъ-то монаха—отшельника. Предаваясь молитвамъ и воздержанію, они дальше своего уголка никуда не выходили и никого, кромѣ неба да лѣса, дикихъ звѣрей да птицъ, не видали. Но, вѣроятно, это мѣсто манило къ себѣ не однихъ отшельниковъ, оно влекло къ себѣ и тѣхъ, кому нужно было скрываться отъ преслѣдованія со стороны законной власти и кто промышлялъ не молитвами и подвигами, а гнуснымъ грабежомъ и кровавымъ разбоемъ. Такъ, скоро сюда явились такъ называемые каменники, т. е. разбойники, жившіе прежде въ береговыхъ каменныхъ пещерахъ Днѣпра, а потомъ удалившіеся въ самарскіе вѣковѣчные лѣса. Случайно набрели они на монаховъ и нашли избранныя ими мѣста весьма удобными для себя. Но монаховъ они не тронули, напротивъ того, стали приносить имъ пищу, воду, помогать въ работахъ и подъ конецъ даже построили имъ маленькую келійку [1]). Свое званіе и свой промыселъ разбойники тщательно скрывали отъ своихъ сожителей. Спустя однако нѣкоторое время, старцы узнали страшную тайну своихъ благодѣтелей и рѣшились бѣжать. Разбойники, провѣдавшіе объ этомъ, удержали монаховъ, быть можетъ изъ опасенія, чтобы они не предали ихъ въ руки правосудія, а быть

[1]) Для исторіи Самарскаго монастыря мы располагаемъ тремя сочиненіями: «Историческ. записки» арх. Гавріила, Одесса, 1833 г., «Самарскій пустынно-никол. мон.» еп. Өеодосія, Екатеринославъ, 1873 г., и Топографическое опис. Самар.-никол. мон.» въ «Запис. одес. общ. исторіи и древностей», т. XII, стр. 472.

можетъ въ виду того, чтобы ихъ молитвами выпросить у Бога прощеніе за свои злодѣянія. Старцы волею-неволею должны были оставаться съ разбойниками. Но воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели, такъ и каменники: скоро ихъ открыли запорожскіе разъѣзды. Можно себѣ представить недоумѣніе запорожцевъ, когда они вмѣстѣ съ разбойниками открыли и монаховъ! Однако недоумѣніе ихъ разсѣялось, и запорожцы, схвативъ злодѣевъ, оставили на свободѣ старцевъ, предоставивъ имъ разныя льготы и обставивъ ихъ возможными удобствами. Такъ, старцамъ дарованы были «властные грунты», т. е. лѣсъ и земля, имъ построена была крѣпостца, при крѣпостцѣ погреба, склады, небольшая деревянная церковца, во имя святителя Николая, а при церквицѣ «шпиталь» для недужихъ и убогихъ козаковъ. Скоро для этой обители вызванъ былъ и настоятель, бывшій іеромонахъ Кіево-межигорскаго монастыря Паисій, родомъ волохъ. Онъ переименовалъ крѣпость въ монастырь, добылъ для него ставропигію, установилъ общія правила, ввелъ въ богослуженіи иноческій уставъ, устроилъ для братіи общую трапезу. Для запорожцевъ Самарскій монастырь былъ самою высокою святыней на землѣ: «Это—рай божій, это—святая Палестина, это—истинно новый Іерусалимъ», говорили запорожцы о своемъ монастырѣ. Но возникнувъ такъ быстро и такъ быстро возвеличившись, Самарскій монастырь много претерпѣлъ бѣдъ, оттого много измѣнился за время своего историческаго существованія. Нѣсколько разъ онъ былъ ограбляемъ поляками [1]), русскими [2]), татарами [3]), нѣсколько разъ онъ былъ опустошаемъ саранчей и такъ-называемой наглой смертью или чумой [4]); тогда кельи его оставались пустыми, церкви безъ богослуженія, поселки безъ жителей. Въ началѣ XVIII вѣка

---

[1]) Въ 1635 году, въ 1654 году.

[2]) Въ 1687 году, во время похода кн. Василія Голицына.

[3]) Въ 1654, 1736 и 1737 гг.

[4]) Въ 1690 и 1750 гг.

особенное бѣдствіе монастырь испыталъ еще и оттого, когда, по прутскому миру Россіи съ Турціей, въ 1711 году, значительная часть земель запорожскихъ козаковъ, а въ томъ числѣ и земли самарскихъ иноковъ, достались туркамъ. Тогда въ немъ поселились татары, которые разграбили все его достояніе, обратили въ пепелъ всѣ его зданія, вырубили и выжгли большую часть его прекраснаго дубоваго лѣса. Однако время бѣдствій, хотя и не надолго, миновало, и монастырь вновь организовался: въ немъ введенъ былъ аѳонскій уставъ, увеличено было число братіи, устроены «витальницы», т. е. страннопріимческіе дома и «загоны», открыты школы, лечебницы, насажены хутора и верхолазные борты, заведены рыбныя ловли по р. Самарѣ и по озерамъ Луковатомъ, Глушковомъ и Мазничномъ, офундовано цѣлое село Чернечье для подданныхъ, вотчинниковъ и прислужниковъ монастыря, число которыхъ доходило тогда до тысячи пятисотъ шестнадцати человѣкъ обоего пола. Тогда Самарскій монастырь сталъ имѣть громадное значеніе для всего запорожскаго края. «Кромѣ того, что онъ исполнялъ всѣ христіанскія требы для окружавшихъ его поселянъ—крестилъ, хоронилъ ихъ, онъ даже имѣлъ при Запорожьѣ оригинальное для монастыря право вѣнчать ихъ. Многіе запорожцы ѣздили сюда для говѣньи издалека; нѣкоторые, послуживъ матери Сичи и рукою и головою, селились, чтобъ быть вблизи храмовъ божіихъ, вокругъ монастыря зимовниками, хуторами; такимъ образомъ монастырь дѣлался центромъ поселенія, которое постепенно разросталось: у стѣнъ его завелись даже сельскія ярмарки; онѣ составились сами собою, естественнымъ путемъ, большею частью изъ пріѣзжихъ на богомолье въ дни его храмовыхъ праздниковъ: первая—девятаго мая, въ день св. Николая, а вторая—шестого августа, на праздникъ Преображенія Господня. Тогда стекались сюда богомольцы изъ Малороссіи, изъ польской и слободской Украйны, отъ тихаго Дона и даже изъ сосѣднихъ великороссійскихъ курской и орловской губерній. Были сичовики, которые оконча-

тельно затворялись въ Самарской обители» [1]), были и такіе, которые удалились сюда съ цѣлью окончить здѣсь свое земное поприще. Таковъ, напримѣръ, кошевой атаманъ, Филиппъ Федоровъ, который, «подякувавъ Сичь за панство», т. е. отказавшись отъ званія кошеваго, ушелъ въ Самарскій монастырь и здѣсь умеръ въ 1795 году, имѣя отъ роду сто одинъ годъ.

Въ 1775 году, послѣ паденія запорожской Сичи, Самарскій монастырь остался нетронутымъ; тогда за нимъ считалось земли 18697 десятинъ и 615 квадр. саж. Но спустя пять лѣтъ онъ лишился своей самостоятельности и приписанъ былъ къ кіевскому Межигорскому спасо-преображенскому монастырю. Это однако не мѣшало братіи Самарскаго монастыря возобновить у себя свой обветшавшій соборъ. При содѣйствіи священника Кирилла Николаевича Тарловскаго, извѣстнаго болѣе подъ прозвищемъ «дикаго попа», соборъ дѣйствительно былъ возобновленъ и сохранился въ такомъ видѣ до нашего времени (см. табл. VI). Но съ 1791 года бѣдствія для монастыря вновь начались: сперва его сдѣлали «домомъ екатеринославскихъ архіереевъ, затѣмъ, съ 1794 года, по приказанію кн. Григорія Потемкина, отъ него отобрали крестьянъ, а потомъ, наконецъ, лишили большей части его владѣній: изъ 18697 съ излишкомъ десятинъ земли оставивъ только 1632 десятины и 1630 квадр. саж. Тогда прежнее благосостояніе монастыря смѣнилось лишеніемъ и даже нищетой, а братіи осталось самое ничтожное число. Въ 1865 году въ монастырѣ было семнадцать иноковъ и десять служителей; въ 1871 году ихъ осталось всего лишь семь, и то престарѣлыхъ и убогихъ; теперь въ Самарскомъ монастырѣ иноковъ еще меньше того; земли за монастыремъ считается всего лишь 341 десятина, изъ коихъ большая часть находится подъ дубовою пущею.

Въ настоящее время мѣстоположеніе Самарскаго монастыря представляется въ такомъ видѣ. Онъ стоитъ на очень ровной

[1]) Надхинъ. Церковные памятники Запор. Москва, 1878, стр. 22 и 23.

Ч. I. Рис. 6.

Самарскій соборъ.

мѣстности, окруженной съ трехъ сторонъ—восточной, сѣверной и отчасти западной—высокимъ дубовымъ лѣсомъ и съ одной стороны—южной—окаймленной песчаною равниною, по которой торчатъ сухіе пни, отъ нѣкогда росшихъ здѣсь дубовъ. Лицевая сторона монастыря открывается съ запада, гдѣ онъ отгороженъ отъ лѣса прекрасной деревянной оградкой съ воротами на самой срединѣ ея и съ небольшимъ, также очень красивымъ, домикомъ для пріѣзжихъ и захожихъ богомольцевъ. Первое, что бросается въ глаза путешественнику, по входѣ во дворъ монастыря, это высокая каменная колокольня и за ней каменная же, хорошо выбѣленная церковь,—соборъ монастыря, возобновленный иждивеніемъ священника Кирилла Тарловскаго.

Всѣхъ церквей въ монастырѣ три: главная николаевская церковь, построенная въ 1787 году, другая трапезная, преображенская, построенная въ 1815 году; третья, при архіерейскомъ домѣ, георгіевская, построенная въ 1838 году. При главной церкви стоитъ высокая каменная колокольня; она построена въ одинъ годъ съ архіерейскимъ домомъ, 1828-й, на мѣсто деревянной четырехъ-ярусной колокольни, поставленной новокодацкимъ жителемъ Карпомъ Яковенкомъ. На новой колокольнѣ виситъ большой колоколъ, въ 169 пудовъ и 22 фунта, сохранившійся еще отъ времени запорожскихъ козаковъ и стоившій имъ 8320 р. и 90 коп.

Въ каждой изъ названныхъ церквей есть свои достопримѣчательности. Если войти въ главную николаевскую церковь и спуститься подъ полъ ея, въ усыпальницу, то тутъ можно увидѣть четыре гроба, скрывающихъ въ себѣ четырехъ архіереевъ: Аѳанасія Иванова († 1805 г., 18 августа), Платона Любарскаго († 1811, 20 октября), Іова Потемкина († 1823, 28 марта) и Онисофора Боровика († 1828, 20 апрѣля). Въ средней части храма, передъ алтаремъ, съ правой стороны, можно видѣть и главную святыню монастыря, икону Богоматери, ту самую, которая стояла прежде въ городѣ Новомъ-Кодакѣ, потомъ перевезена была въ полтавскій Крестовоздвиженскій

монастырь, отсюда отправлена была въ Екатеринославъ и изъ Екатеринослава—въ Самарскій монастырь. На серебряной позлащенной шатѣ ея сдѣлана слѣдующая достопаматная надпись: «Сія шата сдѣлана къ Богоматери въ Новую Кодацкую церковь въ цѣну сто-шестьдесятъ одинъ рубль двадцать-пять копѣекъ коштомъ его вельможности папе Кошового Атамана Петра Ивановича Калнишевскаго 1772 г. декабря 30 дня а вѣсу въ ней три фунта 21 лотъ». Поименованный здѣсь Петръ Ивановичъ Калнишевскій былъ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ, умершимъ въ 1803 году, въ ссылкѣ на Соловецкомъ острову. Въ самомъ алтарѣ собора хранится множество запорожскихъ церковныхъ вещей, изъ коихъ замѣчательнѣйшія слѣдующія. Большой кипарисовый крестъ въ серебряной оправѣ по концамъ и со стекломъ по рединѣ, высоты два аршина безъ четверти. Онъ вставленъ въ серебряную подставку, на подобіе подсвѣчника, по краямъ которой сдѣлана слѣдующая надпись: «Сооруженъ сей крестъ коштомъ и стараніемъ Василый Бѣлыи (Василія Бѣлаго), козакъ (козакомъ) куреня рогѣвского въ монастиръ Самарскій до храму святителя николая 1783 году мѣсяца сентября: 7 дня в нему вѣсу 8: фунтовъ». Крестъ, также кипарисовый, въ серебрянной оправѣ съ надписью: «Сей крестъ соружилъ монах аврама (авраамъ) запѣшнаго (запѣшный) 1768 года мѣсяца іюня 17 дня». Крестъ малый серебряный съ надписью: «Сеи крестъ сооруженъ рабомъ божиимъ василіемъ федоровскимъ до храма святопустинаго николаевскаго монастиря купленъ за 18 р. 1785». Чаша, серебряная позлащенная: «Надалъ захарія мартиновъ козакъ товаришъ куреня Доского (Донскаго)». Чаша серебряная позлащенная, большихъ размѣровъ: «Сія чаша сдѣлана коштомъ отъ козака войска запорожскаго куреня поповичевскаго Алексѣя Бѣлиского (Бѣлицкаго), бывшого кошового въ Самарскій монастыръ въ церковъ святителя христова николая кіево межигорскому прыписніи (приписной) 1771 года сентября 3 дня». Ковчегъ, большой серебряный, въ аршинъ вы-

соты, съ надписью: «Сія гробница сооружена подпоручикомъ іеремiемъ максимовичемъ малымъ въ самарскоі монастиръ въ церковъ николая чудотворца на престолъ 1780 года октября 28 дня вѣсу серебра: фунтовъ 4: и 12». Евангеліе большое, московской печати 1735 года съ надписью на переднемъ листѣ: «сіе Евангеліе купленное за покойного Никифора прозываемаго Рабошапка знатнаго Товариша куреня Поповичевского за отпушеніе грѣховъ, до монастыра святого, Успенского, Нехворощанского заорѣлского тщаніемъ высоце къ Богу Преподобнѣйшого Отца Архимандрита Гавріила Яновского. Тогожъ монастыра вышеозначеннаго начальника. Цѣною рублей 15 изполтиною, бес серебра 1740 года мѣсяца мая 6 дня. Цена въ тетратехъ три рубля шедеся копеек (.) продано купцу семену петрову на монастырь, на протчас ярмонки». Евангеліе малое съ надписью: «1756 года Мая 2 дня надалъ сіе Евангеліе (въ) Монастиръ Пустинно-Николаевскій Самарскій воиска запорожскаго Низового Знатный товаришъ козакъ куреня величковского Деміянъ Легуша во вѣчное владѣніе».

Изъ другихъ вещей особенно интересны евангеліе и икона съ запорожскими фигурами, въ церкви Преображенія Господня. въ трапезномъ флигелѣ. Евангеліе имѣетъ надпись внизу по листамъ: «Сия книга глаголемая Евангеліе сооружено атаманомъ куреня величковского Демьяномъ Легушею за покойного Петра Гогу и отдана въ монастиръ святониколаевскій Самарскій на вѣчное владѣніе въ году 1759 вмѣсяцѣ ноябрѣ дня 20, и ризъ двое зеленого златоглаву». Икона выразительнѣе всякой надписи передаетъ свое содержаніе. На полнотѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель, въ высокой тіарѣ на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державнымъ яблокомъ въ лѣвой. Въ послѣднемъ именно и состоитъ интересъ иконы. Здѣсь представленъ лѣсъ и посреди лѣса озеро; изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фи-

гуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а коло рѣчки видна одномочтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ.

Наконецъ, въ монастырѣ есть еще два портрета замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей запорожскаго края, находящіеся въ архіерейскомъ домѣ и писанные масляными красками,—это портретъ такъ-называемаго «дикаго попа» [1]) и портретъ полковника Аѳанасія Колпака. Кириллъ Николаевичъ Тарловскій, или дикій попъ, былъ родомъ дворянинъ черниговской губерніи, но дальній предокъ его былъ полякъ, носившій фамилію Тарахъ-Тарловскаго, переселившійся еще въ 1587 году изъ мазовецкаго округа въ Кіевъ. Тарахъ-Тарловскій въ Кіевѣ же получилъ и образованіе, въ духовной академіи; изъ Кіева же онъ переѣхалъ сперва въ Остеръ, потомъ изъ Остра въ Козелецъ, черниговской губерніи, гдѣ, «получа осѣдлость», женился на шляхтянкѣ Софьѣ Ходавской. Въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ этого брака и произошелъ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій. Отецъ его былъ священникомъ при козелецкой николаевской церкви. Какъ и первый изъ Тарловскихъ, Кириллъ Николаевичъ также воспитывался въ Кіевѣ, въ духовной академіи. По окончаніи курса, онъ сдѣлался священникомъ сперва при козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ черниговской гу-

---

[1]) Свѣдѣнія о дикомъ попѣ заимствованы нами, во-первыхъ, изъ сочиненія преосв. Ѳеодосія «Самарскій монастырь», Екатеринославъ, 1873 г., стр. 57; во-вторыхъ, изъ статьи г. Мацѣевича: «Нѣчто о дикомъ попѣ», «Кіевская старина», 1886 г., т. XIV, стр. 821; т. XIX, 1887 г., стр. 577; въ-третьихъ, изъ разсказовъ, доставленныхъ намъ священникомъ с. Голубовки, новомосковскаго у., от. Терентіемъ Чевягою, и въ-четвертыхъ— изъ словъ священника с. Выше-Тарасовки, с. Іоанна Курилина, екатеринославскаго уѣзда. Но большинство изъ этихъ свѣдѣній разнорѣчивы и носятъ на себѣ явные слѣды анекдотичности.

берніи, а потомъ, по смерти отца, при приходской николаевской церкви. Здѣсь онъ оставался до 1744 года, когда Козелецъ посѣтила императрица Елизавета Петровна. Проѣздомъ въ Кіевъ она остановилась временно въ деревянномъ дворцѣ, устроенномъ для нея на берегу рѣки Остра. Въ этомъ дворцѣ, какъ гласитъ преданіе, императрица, соблюдая строгую тайну, сочеталась бракомъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ, уроженцемъ села Лемешовъ козелецкаго уѣзда. Обрядъ вѣнчанія совершалъ о. Кириллъ Тарловскій. Выѣзжая изъ Козельца, Елизавета Петровна взяла съ собой въ Петербургъ и Тарловскаго, здѣсь она назначила его духовникомъ и учителемъ супруги наслѣдника русскаго престола, Петра Ѳедоровича, Екатерины Алексѣевны, впослѣдствіи императрицы Екатерины II. Въ Петербургѣ о. Кириллъ Тарловскій познакомился со многими особами высшаго круга и между прочимъ особенно сошелся съ В. А. Чертковымъ, впослѣдствіи гонераломъ-губернаторомъ азовской губерніи. Есть разсказъ, что будто бы онъ былъ даже женатъ на одной изъ дочерей Черткова, которую видѣлъ еще въ Кіевѣ, будучи студентомъ. Такъ или иначе, но, живя въ Петербуртѣ, Кириллъ Николаевичъ уже вскорѣ послѣ смерти Елизаветы Петровны попалъ въ опалу. При восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, онъ держалъ сторону супруга ея, императора Петра III. Потомъ, боясь наказанія, бѣжалъ изъ Петербурга въ Кіевъ и здѣсь пристроился, въ качествѣ смотрителя, къ мельницамъ лаврскихъ монаховъ, рѣшившись впослѣдствіи сдѣлаться монахомъ печерской лавры. Вскорѣ послѣ этого, кіево-печерскую обитель посѣтила императрица Екатерина II, передъ отправленіемъ своимъ въ Крымъ. Когда государыня, сопровождаемая большой свитой своихъ придворныхъ, вошла въ церковь лавры, то тутъ одинъ изъ ея вельможъ случайно остановилъ свое вниманіе на одномъ монахѣ и потомъ вдругъ неожиданно спросилъ его: «Ты не Тарловскій?» — «Нѣтъ, вы ошибаетесь! Я монахъ и больше ничего!..» Однако это обстоятельство заставило Тарловскаго

покинуть и печерскую обитель; въ ту же ночь онъ бѣжалъ въ дикія степи Низа, къ рѣкѣ Самарѣ и ея знаменитымъ лѣсамъ. Ходитъ онъ здѣсь, любуется мѣстами, собираетъ дикіе плоды, спитъ на голой землѣ, укрывается монашеской рясой. Зашелъ какъ-то въ одну балку, близь теперешняго села Кочережекъ, павлоградскаго уѣзда. Чувствуя усталость и испытывая голодъ послѣ продолжительной ходьбы, монахъ присѣлъ въ балкѣ, развелъ огонь и сталъ варить себѣ кулишъ. Но не успѣлъ онъ еще хорошенько и наладиться, какъ вдругъ передъ нимъ, точно изъ земли, выросли два всадника. Дивятся они монаху, а монахъ дивится имъ. Но монахъ скоро пришелъ въ себя и поспѣшилъ пригласить проѣзжихъ присѣсть къ казанку и раздѣлить съ нимъ то, что ему Богъ послалъ на этотъ разъ. Всадники охотно приняли предложеніе. Во время ужина знакомцы разговорились. Рѣчь зашла о божественныхъ предметахъ. Монахъ оказался пріятнымъ собесѣдникомъ и большимъ знатокомъ священнаго писанія. Всадники оказались запорожцами, ѣхавшими изъ степи въ Сичъ. По окончаніи ужина и послѣ продолжительнаго разговора, запорожцы стали приглашать монаха на Сичъ. Монахъ сперва подумалъ, но потомъ сказалъ: «Быть по-божьему, согласенъ передъ Богомъ помолиться о благополучіи вашего коша». Слѣдующимъ днемъ, чуть поднялось солнце, запорожцы, въ сопровожденіи монаха, отправились въ путь и скоро прибыли въ Сичъ. Товарищество съ восторгомъ приняло гостя, и скоро Кириллъ Тарловскій сдѣлался настоятелемъ покровской сичевой церкви, и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ подъ именемъ «дикаго попа», потому что открытъ былъ запорожцами въ дикой степи. Но однако «дикій попъ» скоро оставилъ и Сичу: не поладилъ онъ съ запорожцами и опять ушелъ въ вольныя степи. Уже послѣ паденія Запорожья, о «дикомъ попѣ» узналъ генералъ-губернаторъ азовской губерніи, В. А. Чертковъ, и донесъ о немъ императрицѣ Екатеринѣ II, прося у нея отъ его имени прощенія. Императрица, умѣвшая всегда прощать своихъ враговъ, даровала

«дикому попу» званіе «лейбъ-кампаніи священника» во время наставшихъ турецкихъ войнъ и послѣ заключенія мира наградила его десятью тысячами десятинъ земли около теперешняго села Бузовки и восемнадцатью тысячами десятинъ земли около теперешняго села Воскресеновки новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; сверхъ того, она подарила ему еще нѣсколько тысячъ десятинъ въ Крыму. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій оставался попрежнему священникомъ и съ этого времени пріобрѣлъ извѣстность, какъ фундаторъ Самарскаго монастыря и колонизаторъ двухъ теперешнихъ уѣздовъ, павлоградскаго и новомосковскаго. Для монастыря онъ жертвовалъ скотъ, живность, хлѣбъ, продукты, дѣлалъ разныя постройки, возводилъ новыя зданія, а для края заводилъ хутора, деревни, села, въ чемъ находилъ себѣ помощниковъ въ лицѣ генералъ-губернатора Черткова и собственнаго брата, вызваннаго имъ изъ черниговской губерніи съ тремя сыновьями. Прежде основанія всякаго села, Кириллъ Николаевичъ обыкновенно закладывалъ, по собственной модели, церковь, потомъ строилъ хаты, затѣмъ собиралъ переселенцевъ, давалъ каждому изъ нихъ пару воловъ, лошадь, девять овецъ, хозяйственный инвентарь и такимъ образомъ послѣдовательно колонизовалъ пустынный край. Такъ, мало-по-малу, онъ основалъ села: Малую-Терновку [1]), Кочережки, Межирѣчье, Булаховку [2]), Васильевку [3]), Бузовку, Пески [4]), Новоселку [5]) и Воскресеновку. Послѣднее село было мѣстомъ пребыванія самого основателя его. Здѣсь Кириллъ Николаевичъ въ день храмового праздника, 21 сентября, любилъ устраивать торжественные обѣды; для этого онъ разставлялъ на протяженіи четырехъ верстъ столы и на нихъ накладывалъ разныя яства, уставлялъ

---

[1]) Теперь с. Юрьевка, павлоградскаго уѣзда.

[2]) Имѣніе владѣльца Сокологорскаго.

[3]) Имѣніе графа Ностица, въ 30 верстахъ отъ Новомосковска.

[4]) Иначе Панкова.

[5]) Шинѣевъ.

разные напитки и приглашалъ къ столамъ всякаго прохожаго и проѣзжаго, всего больше изъ ближайшихъ селъ теперешней полтавской губерніи, Орчика и Залинейной. Послѣ обѣда каждому гостю давалъ по алтыну денегъ и по руну овечьей волны и отпускалъ домой. Въ Воскресеновкѣ и въ настоящее время сохраняется домъ «дикаго попа», въ которомъ живетъ родственникъ Тарловскаго, землевладѣлецъ Ѳ. И. Бѣлицкій. Въ домѣ сдѣлано четверо дверей съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе было бѣжать на случай нападенія со стороны враговъ: если нападающіе ворвутся въ одну дверь, то хозяинъ дома можетъ убѣжать черезъ вторую, а если они проникнутъ во вторую, то онъ можетъ уйти въ третью и т. д. Тутъ-же хранилось нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Кириллу Николаевичу, а въ самой церкви с. Воскресеновки находится помянникъ, въ которомъ означены годъ смерти и мѣсто погребенія его. Подъ конецъ жизни Кириллъ Николаевичъ удалился въ Самарскій пустынно-николаевскій монастырь и здѣсь оставался до самой смерти, послѣдовавшей на 75-мъ году его жизни. «Священноіерей Кириллъ Тарловскій скончался 1784 года декабря 4 дня и погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ въ каменной церкви» [1]). Въ настоящее время ходитъ въ устахъ мѣстныхъ жителей разсказъ, что будто бы по смерти Кирилла Николаевича, его камердинеръ, нѣкто Яшный похитилъ всѣ его документы и выдалъ себя за Тарловскаго, отъ котораго якобы и произошли настоящіе Тарловскіе. Но правдоподобнѣе, что настоящіе Тарловскіе—поколѣніе брата Кирилла Николаевича, вызваннаго имъ изъ черниговской губерніи.

На портретѣ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій изображенъ во весь ростъ одѣтымъ въ зеленую рясу, съ правой рукой, положенной на сердце, и съ лѣвой, опущенной на евангеліе, раскрытое на текстѣ: «Господи, возлюбивъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы твоея». Съ правой стороны портрета

---

[1]) Изъ помянника, хранящагося при воскресенской церкви села Воскресеновки.

изображено распятіе, за распятіемъ виднѣются окна церкви, а внизу помѣщено слѣдующее двустишіе:

«Тарловскаго портретъ священника кирилла,
Щедрота коей сей храмъ соорyжила».

Такова личность знаменитаго въ свое время дикаго попа, изображеннаго на портретѣ, находящемся въ самарскомъ архіерейскомъ домѣ. Что касается изображенной также на портретѣ личности Аѳанасія Колпака, то о немъ мы знаемъ, что онъ происходилъ изъ малороссійскихъ старшинныхъ дѣтей и владѣлъ зимовникомъ по р. Орели, въ теперешнемъ новомосковскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, знаемъ и то, что Аѳанасій Колпакъ съ 1745 года и по 1780 служилъ въ запорожскомъ войскѣ, сперва простымъ товарищемъ, потомъ атаманомъ шкуринскаго куреня, а затѣмъ и полковникомъ полтавскаго полка, причемъ въ чинѣ полковника онъ участвовалъ въ походѣ 1771 года противъ крымцевъ, подъ командою князя Долгорукаго, за что получилъ награду, золотую медаль на голубой лентѣ для ношенія на шеѣ. Знаемъ наконецъ и то, что Аѳанасій Колпакъ въ послѣдніе годы историческаго существованія Сичи «велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній». Находясь во время похода продолжительное время на Кинбурнской косѣ, Аѳанасій Колпакъ скоро завелъ близь косы поселокъ, Колпаковку, существующую съ тѣмъ же названіемъ и понынѣ, съ церковью, построенною въ 1777 году, во имя сошествія св. Духа. А возвратясь изъ похода, Аѳанасій Колпакъ вскорѣ основалъ другой поселокъ, Аѳанасьевку, при р. Богатой, впадающей въ Орель, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, съ деревянною церковью во имя Успенія пр. Богородицы. Въ 1775 году, послѣ паденія Сичи, Колпакъ получилъ «ранговую дачу», какъ полковникъ полтавскаго пикинернаго полка. Въ 1781 году, 31 декабря, Аѳанасій Колпакъ получилъ отставку съ чиномъ армейскаго полковника, а черезъ

шесть лѣтъ выбранъ былъ предводителемъ дворянства алексапольскаго уѣзда, екатеринославскаго намѣстничества, причемъ за особое усердіе по службѣ пожалованъ былъ отъ императрицы Екатерины II золотой табакеркой. Таковы наши свѣдѣнія о личности Аѳанасія Колпака, но когда онъ родился, гдѣ провелъ дѣтство, какъ попалъ въ козаки, наконецъ, кто писалъ его портретъ и какъ попалъ этотъ портретъ въ Самарскій монастырь, объ этомъ намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Поколѣніе Колпака въ настоящее время носитъ три фамиліи: Магденковыхъ, Ильяшенковыхъ и Болюбашей. На портретѣ Аѳанасій Колпакъ изображенъ во весь ростъ. (См. табл. VII). Это — плечистый, коренастый мужчина съ открытой, гладко остриженной, безъ чуба, головой, съ кривой короткой саблей въ лѣвой рукѣ и съ двухъ-колѣнчатой съ набалдашникомъ палкой въ правой; на голубой лентѣ, надѣтой на шеѣ, у него виситъ большая золотая медаль съ отчетливо вылитымъ бюстомъ Екатерины II; подъ мышку лѣвой руки вложена шапка съ барашковымъ околышемъ, перевернутая вершкомъ внизъ. Онъ одѣтъ въ длинный зеленаго цвѣта, съ откидными рукавами, кафтанъ, опоясанъ широкимъ съ застежками поясомъ, къ которому, при помощи цѣпочки, прикрѣплена сабля; обутъ въ сафьяновые, свѣтло-желтаго цвѣта, сапоги. Внизу портрета сдѣлана надпись: «Воиска запорожскаго Низового Аѳанасій Ѳеодоровичъ Колпаковъ».

Въ Георгіевской церкви замѣчательны двѣ слѣдующія вещи: евангеліе и икона. Икона имѣетъ краткую надпись: «Сію икону отмѣнилъ козакъ Степанъ Ченересъ», а евангеліе—болѣе пространную: «Сия книга Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа данная изъ Сѣчи запорожской въ память предбудущіе лѣта боголюбивымъ всечестнымъ архимандритомъ Гавріиломъ вмонастир Нефорощанскій вцерковъ Успенія Пресвятыя Богородицы за игумена тоей же обители іеромонаха Гавріила Шишацкаго 1731 г. Септемврія 19». Евангеліе напечатано въ Москвѣ, въ 1717 году. Кромѣ всего этого, въ Самарскомъ мо-

настырѣ отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранилось еще шесть золотыхъ медалей съ разными изображеніями и надписями; изъ послѣднихъ замѣчательна слѣдующая: «Войска запорожскаго полковому есаулу Евстафію Кабелану за его храбрыя и мужественныя дѣла». Вмѣстѣ съ медалями хранится трость какого-то запорожскаго кошеваго съ драгоцѣнными камнями, золотою головкой и тремя рельефными купидонами.

Таковы тѣ историческіе памятники, которые находятся въ Самарскомъ пустынно-николаевскомъ монастырѣ, бывшей обители запорожскихъ козаковъ. Въ заключеніе всего этого рекомендуемъ путешественнику отправиться на колокольню, подняться на самый верхъ ея и осмотрѣть оттуда ближайшія окрестности монастыря. Съ высоты колокольни открывается превосходный видъ на всѣ четыре стороны, особенно же на южную: здѣсь, среди ровной открытой мѣстности, мелькаютъ лишь головки степныхъ цвѣтковъ, да въ отдаленіи мрѣютъ крыши деревянныхъ хатъ села Песчанки и хутора Махна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Якъ иду я шляхомъ, всюды позираю,
Стринетця оселя, я iи минаю;
Iхатымуть люде, й те мини байдуже,
Бо й зъ людьми сгриватись я люблю недуже.
Якъ же що могила де забованiе,
Заразъ въ мене сердце такъ и звеселiе.
Лину я до неи, наче до родыны,
Сяду уклонюсь близько до вершины.
Степъ и сыне небо поглядомъ окину,
Бачу жъ мою неню, бачу Украину!

Я. Щоголевъ.

Отъ Самарскаго монастыря вверхъ по рѣкѣ Самарѣ тянется рядъ селъ, мало чѣмъ замѣчательныхъ. Изъ нихъ можно отмѣтить лишь село Вольное, названiе котораго извѣстно было уже въ концѣ XVII вѣка. Видимо, подъ теперешнимъ селомъ Вольнымъ скрывается та самая крѣпость Вольное или Сергiевъ городокъ, о которомъ упоминаетъ малороссiйскiй лѣтописецъ Самоилъ Величко и который, по его словамъ, въ 1690 году, весь вымеръ отъ морового повѣтрiя [1]). Остатки этого городка, какъ кажется, уцѣлѣли въ видѣ земляной крѣпости, находящейся за селомъ Корбовкой, смежнымъ съ Вольнымъ, на правомъ берегу рѣки Самары, въ видѣ обыкновеннаго редута съ выступами для фланкированiя рвовъ. Въ окрестностяхъ с. Вольнаго часто скры-

[1]) Лѣтопись С. Величка. Кiевъ. 1855 г., т. III, стр. 88.

вался извѣстный въ свое время разбойникъ, «харцызъ и характерникъ», Семенъ Гаркуша, пойманный потомъ въ 1784 году, 17-го февраля, въ г. Ромнѣ, полтавской губерніи. Къ сѣверозападу отъ Вольнаго идетъ рядъ селъ уже болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ тѣ, которыя протянулись вдоль рѣки Самары. Изъ такихъ особенно интересно село Аѳанасьевка, основанное упомянутымъ выше полковникомъ запорожскаго войска, Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ, на рѣчкѣ Богатой, близь рѣки Орели. Начало ему положено въ 1780 году; тогда же заложена была въ селѣ и деревянная церковь во имя Успенія Богородицы; спустя годъ, данъ былъ и планъ подцерковной земли, сохранившійся въ церкви и до настоящаго времени съ собственноручною подписью Колпака: «Геометрическій планъ Азовской губерніи, екатеринославскаго уѣзда, 1781 года. Мѣстность и планъ сочинялъ межевщикъ прапорщикъ федоръ галичъ (;) при семъ межеваніи были и подписуемся къ сему плану села аѳанасьевки помѣщикъ полковникъ афанасій федоровъ колпакъ руку приложилъ». Спустя еще годъ, окончено было и построеніе церкви. Изъ нѣскольких селъ, которыя основалъ Колпакъ, видимо больше другихъ онъ любилъ село Аѳанасьевку, такъ какъ назвалъ ее своимъ именемъ, жилъ здѣсь собственнымъ домомъ о бокъ съ домомъ теперешняго священника о. Евфимія Чайкина, на старомъ дворищѣ владѣлицы Е. А. Ильяшенковой. По разсказамъ настоящихъ родственниковъ Аѳанасія Ѳедоровича, вся его семья состояла изъ одного сына Ивана и двухъ дочерей: Анисьи и Надежды; изъ нихъ сынъ умеръ еще неженатымъ, вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади; старшая дочь вышла замужъ за помѣщика Магденка, отъ котораго имѣла дочь, вышедшую замужъ за помѣщика Ильяшенка, владѣльца Аѳанасьевки; а младшая вышла замужъ за помѣщика Болюбаша, фамилія котораго сохранилась въ теперешнемъ селѣ Колпаковкѣ, основанномъ тѣмъ же Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ. Церковь, основанная въ с. Аѳанасьевкѣ, снесена только въ 1886 году и продана въ село Катериновку, полтавской гу-

берніи, константиноградскаго уѣзда. Въ алтарѣ теперешней церкви села Аѳанасьевки хранится нѣсколько вещей, принадлежавшихъ старой церкви. Вотъ онѣ: два креста, серебряныхъ позлащенныхъ; дарохранительница, серебряная позлащенная; дискосъ, чаша съ надписью: «1780 году мѣсяца октября 12-го дня. Сия чаша сооружена рабомъ божиимъ василиемъ бѣлимъ вслободу аѳонасьевку до храму успенія. яды мою плоть и піяи мою кровь во мнѣ пребываетъ і азъ внемъ». Кромѣ этого въ церкви хранятся три иконы, шитыя золотомъ, изъ старой церкви: Богоматерь, архистратигъ Михаилъ и Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.

А. А. Русовъ, видѣвшій старую церковь въ с. Аѳанасьевкѣ, года три тому назадъ, описываетъ ее въ такихъ краскахъ: «Церковь эта незначительныхъ размѣровъ, въ формѣ креста, съ небольшимъ крылечкомъ, и не отличается ни архитектурою, ни богатствомъ ризницы, кромѣ развѣ своего иконостаса, современнаго построенію церкви. Иконостасъ пятиярусный съ рѣзбою и позолотою: письмо на иконахъ для того времени очень тонкое и искустное. Нѣкоторыя изъ иконъ отъ времени, солнца и сырости пострадали въ такой степени, что трудно опредѣлить, что на нихъ изображено, другія отлично сохранились и свидѣтельствуютъ объ искусствѣ живописца. Въ срединѣ иконостаса, выше царскихъ вратъ, утвержденъ большой образъ Господа Вседержителя, а у престола его позади, справа, архангелъ Гавріилъ, а слѣва архистратигъ Михаилъ, и оба эти начальники небесныхъ силъ изображены въ видѣ запорожцевъ; Михаилъ явственно даже въ смушевой шапкѣ и съ мечомъ».

«Что за дикая фантазія?» спроситъ читатель. Прежде всего, можно думать, здѣсь проглянуло высокое сознаніе о себѣ запорожцевъ, что они всесвѣтные «лыцари» на морѣ и на сушѣ, достойны охранять престолъ Господа Вседержителя; но вѣрнѣе, кажется, предполагать здѣсь ту мысль, что запорожцы несутъ къ престолу Господню свою завѣтную храбрость и отвагу и готовы сложить головы за имя Его. Если сопоставить, впро-

чемъ, стоящихъ здѣсь на стражѣ у престола Господня запорожцевъ съ малороссійскими козаками вообще, которые, какъ удалось намъ прочесть въ одной рукописи XVII столѣтія, отгоняютъ отъ креста Спасителя распинающихъ его поляковъ и жидовъ, то внутренній смыслъ названнаго выше изображенія получаетъ новый оттѣнокъ національнаго сознанія своей близости къ Богу и угодности Ему сравнительно съ мучителями христіанскаго рода, въ данную пору ляхами и жидами, а также сосѣдями бусурманами. Уцѣлѣвшія другія изображенія въ этомъ родѣ, а также нѣкоторыя произведенія старинной нашей письменности, указываютъ на присущую нашимъ предкамъ особую наклонность къ антропоморфизму, стремленіе приблизить себя къ божественному, низвести оное въ кругъ обыденныхъ своихъ образовъ и представленій [1]).

Къ западу отъ села Аѳанасьевки, на разстояніи пятидесяти верстъ по прямому направленію, стоитъ замѣчательное мѣстечко, Котовка, того же новомосковскаго уѣзда, имѣніе владѣльца Георгія Петровича Алексѣева. По преданію, оно основано какимъ-то запорожцемъ Степаномъ Котомъ, выходцемъ изъ полтавской губерніи [2]). Первая церковь въ м. Котовкѣ заложена 5-го октября 1774 года старокодацкимъ намѣстникомъ Григоріемъ Порохней, по просьбѣ кошеваго атамана съ войсковою старшиною и товариствомъ, Петра Ивановича Калнишевскаго, и графа Петра Александровича Румянцова и по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила. Въ это время въ Котовкѣ было семьдесятъ три двора, въ которыхъ жили козаки, бывшіе въ Сичи, но потомъ вышедшіе изъ нея, поженившіеся и осѣвшіеся у лѣваго берега Орели, противъ села Ряжскаго, стоявшаго на пол-

---

[1]) Кіевская Старина, 1887 г., т. XIX, стр. 587—588.

[2]) Изъ владѣльческихъ записей видно, что поселокъ Котовка въ 1758 году, по купчей крѣпости, перешелъ отъ запорожца Кота къ секундъ-маіору Илларіону Спиридоновичу Алексѣеву, участвовавшему въ семилѣтней войнѣ противъ Пруссіи и потомъ бывшему губернаторомъ въ Псковѣ, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1798 году.

тавскомъ берегу рѣки. Для нихъ-то и построена была первая церковь. Въ эту церковь опредѣленъ былъ священникомъ бывшій козакъ кисляковскаго куреня. Иванъ Андреевичъ Высота, восемнадцать лѣтъ проживщій при войсковой запорожской школѣ и потомъ служившій дьячкомъ при походной войсковой церкви Георгія Побѣдоносца. «На сраженіяхъ не былъ,—показалъ онъ о себѣ сказкою,—и потому никого не убилъ» [1]). За паденіемъ Сичи церковь эта окончена на собственный счетъ помѣщика, статскаго совѣтника и кавалера Илларіона Спиридоновича Алексѣева. Вторая церковь основана въ Котовкѣ уже черезъ семнадцать лѣтъ, такъ какъ первая уже признана была обветшавшей.

Мѣстность, въ которой находится мѣстечко Котовка, расположена по лѣвому берегу р. Орели [2]), отдѣляющей екатеринославскую губернію отъ полтавской. Рѣка Орель, у древнихъ руссовъ Угълъ или Уголъ, у русскихъ гидрографовъ Ерель, Орелъ, Орѣлъ, у малороссійскихъ лѣтописцевъ Орель, начинается въ теперешней харьковской губерніи двумя рѣчками, Верхнею Орелью и Нижнею Орелью, иначе Орелькой или Попильнушкой. Верхняя Орель беретъ начало близь села Лимана, зміевскаго уѣзда; Нижняя Орель беретъ начало около села Верхней Береки, того же уѣзда, впадаетъ въ Верхнею Орель ниже такъ-называемой стрѣлки, у которой сходятся три губерніи: харьковская, полтавская и екатеринославская. Послѣднюю Нижняя Орель охватываетъ на протяженіи 30 верстъ, начиная отъ села Ново-Петровки павлоградскаго уѣзда. Всего теченія рѣки Орели отъ истоковъ и до устья 400 верстъ. Она составляетъ собой лѣвый притокъ Днѣпра, впадая въ него выше села Песокъ, новомосковскаго уѣзда, и какъ разъ противъ начала села Бородаевки, екатеринославскаго уѣзда, которое раскинулось по правому берегу Днѣпра. Во время существованія Запорожья Орель слу-

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-стат. опис. Екатеринославъ, 1880 г., I, 346.

[2]) Орель одного корня со словомъ Уралъ.

Ч. I. Рис. 7.

Полковникъ А. Ѳ. Колпакъ, собраніе Г. П. Алексѣева.

жила границей между владѣніями запорожскихъ козаковъ и малороссійскихъ [1]).

За время ухода отсюда запорожцевъ подъ власть турокъ, съ 1709 по 1734 годъ, русское правительство построило здѣсь цѣлую линію крѣпостей, почти отъ самой вершины и до устья Орели, сдѣлавшейся въ то время пограничной рѣкой между россійскими владѣніями и татарскими. Эта линія крѣпостей возводилась въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ 1731 и по 1733 годъ, подъ присмотромъ трехъ полковниковъ: кіевскаго Антона Танскаго, прилуцкаго Григорія Галагана и лубенскаго Петра Апостола, сына извѣстнаго малороссійскаго гетмана Даніила Апостола. Работало 20000 козаковъ и 10000 малороссійскихъ крестьянъ. Крѣпости, возведенныя по рѣкѣ Орели, были таковы: св. Параскевы, Орловская, св. Іоанна, Бельсовская, Козловская, св. Өеодора, Ряжская, Васильковская, Лявенская и Борисоглѣбская. Большинство названій крѣпостей дано «на имя тезоименитыхъ ея величества государыни императрицы Анны, такожъ сестрицъ ея величества, государынь царевенъ, Екатерины и Параскевіи» [2]).

Въ настоящее время лѣвое побережье рѣки Орели, выше и ниже мѣстечка Котовки, представляетъ изъ себя обширную, совершенно открытую долину, обильно орошенную водой, покрытую у самыхъ береговъ рѣки прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, поросшую густою сочною травой и обилующую множествомъ дичи и звѣрей. Въ дождливое лѣто орельская долина кажется по истинѣ палестиной, текущею млекомъ и медомъ. Недаромъ на ней останавливали свое вниманіе уже путешественники XVII вѣка. Извѣстный французскій инженеръ Бопланъ съ особенною подробностью описываетъ орельскіе лѣса, а о самой рѣкѣ говоритъ, что въ ней водилось неимовѣрное количество

---

[1]) Въ этомъ убѣждаютъ насъ универсалъ польско-литовскаго короля Стефана Баторія, 1576 года, и карта инженеръ-полковника Де-Боксета 1740 г.

[2]) Лѣтопись Самовидца. Москва. 1846 г., стр. 104.

рыбъ: въ одну тоню ловили ихъ здѣсь по 2000 штукъ; тутъ же, близь Орели, были такія озера, въ которыхъ рыба отъ множества задыхалась, пропадала и портила воздухъ [1]). Можно себѣ представить, послѣ этого, что-то было на этой долинѣ три-четыре тысячи лѣтъ отъ нашего времени! Множество лѣса, травы, воды, рыбы, птицъ и звѣрей не могло не обратить на себя вниманія человѣка, особенно въ то доисторическое время, когда онъ еще не умѣлъ заниматься ни хлѣбопашествомъ, ни скотоводствомъ, ни овцеводствомъ и находился въ полной зависимости отъ природы и ея даровъ. Оттого человѣкъ въ отдаленнѣйшее отъ насъ время избралъ мѣстомъ своего жительства орельскую долину. Подтвержденіе этому находимъ въ тѣхъ могильныхъ памятникахъ, которые спорадически и группами раскинуты по орельской долинѣ и которые относятся, главнымъ образомъ, къ доисторическимъ временамъ, къ такъ-называемому каменному вѣку.

Мѣстечко Котовка принадлежитъ владѣльцу Георгію Петровичу Алексѣеву. Г. П. Алексѣевъ извѣстенъ въ наукѣ какъ нумизматъ, а во всемъ новороссійскомъ краѣ—какъ собиратель древностей и обладатель большого музея, стоющаго около сотни тысячъ рублей. Въ его музеѣ есть не малая часть и запорожскихъ вещей. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: оружія: пушки, ружья, пистолеты, пули, копья, сабли, ятаганы, шашки, кинжалы, келепа, пороховницы, якирьци, ногаи; клейноды: булава, знамя, трубы; сбруя: сѣдла, стремена, удила, узды; одежа: пояса, пряжки, гудзыки; посуда: кружки, кубки, штофы, чарки; письменныя принадлежности: чернильницы, каламари; украшенія: перстни, серьги, кольца. Сверхъ всего этого въ собраніи Г. П. Алексѣева есть нѣсколько образовъ, крестовъ, крестиковъ запорожскихъ, множество трубокъ, большихъ и малыхъ, деревянныхъ и черепковыхъ, и наконецъ пять картинъ: князь

[1]) См. карту лѣсовъ Боплана и «Описаніе Украйны». Спб., 1832 г., стр. 16.

Потемкинъ, умирающій въ степи и окруженный запорожцами; гайдамака, играющій на бандурѣ съ люлькой въ зубахъ, подъ вѣтвистымъ деревомъ; Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ, въ двухъ видахъ—поясной, оригиналъ, и во весь ростъ, копія съ самарскаго, и дикій попъ, Кириллъ Тарловскій, поясной; оригиналъ.

Ниже мѣстечка Котовки, по той же рѣкѣ Орели, стоитъ слобода Чернетчина, новомосковскаго уѣзда. Эта слобода принадлежала запорожскому Нехворощанскому Орельскому монастырю. Нехворощанскій-Орельскій монастырь основанъ, на сколько можно судить по синодику его, около 1714 года и просуществовалъ до 1799 года. Первымъ игуменомъ его былъ Паисій Монковскій. Намъ неизвѣстны подробности ни основанія монастыря, ни закрытія его. О немъ не упоминаетъ никто изъ малороссійскихъ лѣтописцевъ; онъ пропущенъ въ росписаніи епархій малороссійскихъ императрицы Екатерины II [1]); о немъ два слова сказано у преосвященнаго Гавріила [2]) и столько же у преосвященнаго Ѳеодосія [3]). Причиною закрытія Нехворощанскаго монастыря была его бѣдность и малолюдство. Церковная сумма его, вещи и колокола перенесены въ Самарскій пустынно-николаевскій монастырь, келіи снесены и проданы, а церковь, во имя св. Успенія, отдана была жителямъ слободы Чернетчины. Теперь на мѣстѣ бывшаго монастыря холмятся однѣ развалины, покрытыя кустарниками да густой непролазной травой. Мѣсто дикое, унылое, наводящее тяжелую тоску.

Изъ остатковъ старины въ слободѣ Чернетчинѣ сохраняются требникъ, напечатанный въ гетманство Мазепы въ Кіевѣ, напрестольный кипарисовый крестъ, обложенный серебромъ, высоты полторы четверти, съ надписью: «Сей крестъ здѣланъ козакомъ куреня колниболоцкаго степаномъ единимъ 1773 года»,

---

[1]) Ригельманъ. Лѣтописн. повѣствованіе. Москва, 1847 г., ч. IV, стр. 59.

[2]) Очеркъ повѣствованія о новоросс. краѣ. Тверь. 1857 г., I, 34 II, 82.

[3]) Самарскій пустынно-никол. мон. Екатеринославъ, 1873 г., стр. 82.

и синодикъ или помянникъ, принадлежавшій нѣкогда Нехворощанскому монастырю, а потомъ, послѣ закрытія его, перешедшій вмѣстѣ съ церковью въ слободу Чернетчину. Онъ начинается 1714 годомъ и оканчивается 1787-мъ. Какъ документъ еще нигдѣ не напечатанный, этотъ синодикъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ перечисляются игумены монастыря, числомъ десять, роды нѣкоторыхъ историческихъ малороссійскихъ дѣятелей, роды нѣкоторыхъ извѣстныхъ духовныхъ лицъ, пановъ, купцовъ, мѣщанъ и, что всего для насъ интереснѣе, цѣлыя сотни запорожскихъ козаковъ, представленныхъ здѣсь по куренямъ.

Точное заглавіе синодика таково: «Синодикъ, рекше поминаніе вселенскаго родословія, изложенъ по умышленію святыхъ 12-ти апостоловъ и богоносныхъ отецъ отъ правилъ святыхъ седмихъ соборовъ, како жити намъ въ вѣрѣ закона христіанскаго, написанный року 1714, мѣсяца марта въ 18 день, іеромонахъ ворсонофій ігуменъ М. Н.». За этимъ заглавіемъ книги идетъ слѣдующее двустишіе:

«О смерти, смерти, неисповѣданный намъ часе,
Душамъ и тѣломъ нашимъ прекрѣпкій ужасе»

Ниже этого двустишія на синодикѣ изображены кости человѣка, въ видѣ буквы X, и надъ костями, въ томъ же видѣ, сдѣлана надпись: «Исчезоша яко дымъ дніи мои, кости моя яко сушило сосхошася». Подъ костями вставленъ стихъ:

«Бдите и молитеся, яко не вѣсте дне ни часа»;

ниже этого стиха изображена голова человѣка и ниже головы— новые стихи:

«Взирая, человѣче, на смертную главу,
ни во что не вмѣняй красоту и славу.
Да не прельщаешися лицомъ си тѣлеснымъ,
помятуй, яко прахомъ будеши безчестнымъ,
Днесь живешъ, а утріе яко цвѣтъ увянешъ,
погребенъ сый подобнымъ смертной главѣ станешъ.

«Предисловіе съ синодика сего, како въ православіи живущимъ утверждатися, и яко въ святыхъ церквахъ божіихъ по-

минаемыхъ бывати». За этимъ предисловіемъ идутъ поминанія царей (съ Ивана Грознаго и до Елизаветы Петровны включительно), царицъ, царевичей, царевенъ, вселенскихъ патріарховъ, московскихъ патріарховъ, кіевскихъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, игуменовъ св. обители сея: Герасима, Паисія, Варсонофія, Трифилія, Өеодосія, Софонія, Гавріила, Исаака, Петра, Демьяна; іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ. Затѣмъ перечисляются особо роды игуменовъ монастыря Нехворощанскаго: Паисія Монковскаго, Исаака Собѣцкаго, Варсонофія Жученка, Игнатія Максимовича, 1769 г., Трифилія Одинца, Софонія. Дальше слѣдуютъ роды: архимандрита Гавріила Яновскаго, постриженца монастыря Нехворощанскаго 1743 г.; игумена Нехворощанскаго монастыря Гавріила Шишацкаго, намѣстника монаха Петра, начальника обители сея Лаврентія Гординскаго, игумена Петра Артовскаго 1765 года, намѣстника Василія Өеодоровича. Затѣмъ перечисляются роды девяти простыхъ іеромонаховъ, родъ одного духовника, одного іеродіакона, девяти простыхъ монаховъ, послѣ чего уже идутъ роды пановъ.

Изъ панскихъ родовъ здѣсь между многими другими записаны слѣдующіе: Григорія Герцика, Михаила Коростовца, Ивана Рубана, Ивана Сагайдака, Ивана Леонтьевича Черняка, пана Данила Максимовича, полтавскаго полковника Василія Кочубея, его милости гетмана Даніила Апостола (1732 года), пана полковника Аѳанасія Өедоровича Колпака, пана Полѣшки, Леонтія Ивановича Сипегуба, пана Ивана Росковскаго, пана Бѣлозерскаго, пана Ревы; тутъ-же вставлены роды архимандрита печерскаго Тимофея Щербацкаго и, что всего интереснѣе, послушницы Нехворощанскаго монастыря Анастасіи. Тутъ-же, наконецъ, подъ 1759 годомъ, стоитъ помѣтка: «хлѣборобенно» [1]).

Перечисливъ роды пановъ, казаковъ, мѣщанъ, пань, монахинь, игуменовъ, поминаніе затѣмъ перечисляетъ роды запо-

---

[1]) Полный синодикъ см. въ Матеріалахъ для исторіи запорожскихъ козаковъ Д. И. Эварницкаго. Спб., 1888 года.

рожскихъ козаковъ, которымъ принадлежалъ Нехворощанскій монастырь. Здѣсь перечисленіе идетъ уже по куренямъ, которыхъ насчитывается 38. Курень пашковскій («пашъковскій»); здѣсь названо тридцать три рода. Впереди всѣхъ стоитъ родъ Малашевичей (нужно думать, родъ кошеваго атамана Ивана Малашевича): Гордія, Евдокію, Алексія, Параскевію, Константина и др. Курень кущевскій («кущувскій»); всѣхъ родовъ названо двадцать-девять, на полѣ стоитъ: «сего куреня козака Андрея Красы родъ». Курень кисляковскій стоитъ безъ именъ, только на полѣ сдѣлана приписка: «родъ Калѣника Сови». Курень ивановскій; записано восемнадцать именъ. Курень конеловскій; записано двѣнадцать именъ. Курень сергѣевскій; записано двѣнадцать именъ; на полѣ сдѣлана надпись (другими чернилами): «родъ Сидора Горидня». Курень донской; записано сорокъ одно имя; изъ нихъ тридцать-четыре другими чернилами; на полѣ прибавлено: «родъ Наума Левченка, родъ Якова Бѣлицкаго 1779 года». Курень крыловскій; записано двадцать-пять именъ; на полѣ добавлено: «родъ Ивана Бурноса-Таранъ». Курень каневскій (каневъскій»); записано двадцать-три имени; на полѣ добавлено: «родъ Мороховця, родъ Григорія Чернявскаго». Курень батуринскій; записано восемнадцать именъ, на полѣ добавлено: «родъ Лукьяна Шульги». Курень поповическій; записано шестьдесятъ-семь именъ. на полѣ добавлено: «родъ Максима Чернаго, родъ Пилипа Лелека, родъ Павла». Курень васюринскій; записано одиннадцать именъ. Курень незамайковскій,—безъ записей. Курень ирклѣевскій,—четыре имени. Курень щербиновскій; записано сорокъ-четыре имени, на полѣ добавлено: родъ Григорія Кирпи, родъ Максима Задераки, родъ Федора Товстонога». Курень титаровскій; записано двадцать три имени; на полѣ добавлено: «родъ Шара-Умира». Курень шкуринскій («шкуринъскій); записано двадцать-девять именъ; на полѣ добавлено: «родъ козака Власовскаго, родъ Аѳанасія Ѳеодоровича Ковпака полковника Орѣльскаго 1768 года: Ѳедора, Евдокію, Іоанна, Марію, іерея Василія. младенцу Екатерину,

младенцу Дарію, Пелагію; родъ Малого 1776 года». Курень кореневскій; записано двадцать-одно имя; на полѣ добавлено: «родъ атамана Іоанна Рабого, родъ послушника Алексія Посунка 1782 года». Курень роговскій; записано одиннадцать именъ, на полѣ добавлено родъ атаманъ (а) Суботи, родъ Григоріе». Курень корсунскій; записано два имени; на полѣ добавлено: «родъ Федора Шишацкаго». Курень колниболоцкій; записано два имени. Курень уманскій («оуманскій»); записано семь именъ, на полѣ добавлено: «родъ Ивана Тарана, родъ Ивана Родана, родъ Моисея Барлита». Курень деревянковскій («деревянъковскій»), записано пятьдесятъ три имени, на полѣ добавлено: «родъ Гармашенка, родъ Василія Кирпи, родъ Василія Литвина, родъ Василія Хрелензучко, родъ Криси Прокопа 1777 года». Курень стебловскій — нижній; записано восемь именъ. Курень стебловскій — высшій; записано четырнадцать именъ. Курень жереловскій; записано три имени; на полѣ добавлено: «Родъ козака Івана Мѣрочника». Курень переяславскій; записано пять именъ. Курень полтавскій; записано двадцать-одно имя; на поляхъ прибавлено: «родъ Герасима Галушки, родъ паламоря сѣчового Ивана Гаркущи, родъ Величковъ». Курень мышастовскій; записано семнадцать именъ, на полѣ стоитъ: «родъ атамана Кирпы». Курень менскій (менъскій); записано четырнадцать именъ. Курень тимошевскій («тимошувскій»); записано двѣнадцать именъ. Курень величковскій; записано одиннадцать именъ; на полѣ добавлено: «родъ Петра Безрукаго». Курень левушковскій; записано семь именъ. Курень пластуновскій; записано девять именъ; на полѣ стоитъ: «родъ Аврама Шрама». Курень дядьковскій («діадковскій»); записано десять именъ; 1772 года марта 3 дня Галалимъ. Курень брюховецкій («бруховецкій»); записано девятнадцать именъ; на полѣ: «Іоанниа», а на верху: «кошовый». Курень ведмедовскій; записано восемь именъ. Курень платнировскій («платьнировскій»); записано восемь именъ.

Складывая всѣ имена по куренямъ, получаемъ до 700 че-

ловѣкъ. Само собою разумѣется, что синодикъ не имѣлъ въ виду, да и не могъ, перечислить всѣхъ козаковъ, отъ перваго до послѣдняго, но во всякомъ случаѣ, показанія его не лишены интереса.

Ниже мѣстечка Котовки идутъ хутора Шевцовы, село Магдалиновка, деревни Королевка, Поливановка (на рѣчкѣ Кильчени), села Очеретоватое и Спасское. На этомъ пути, между селомъ Очеретоватымъ и Спасскимъ, на землѣ спасскихъ крестьянъ, стоитъ огромнѣйшій курганъ, единственный по величинѣ, сколько намъ извѣстно, на всемъ югѣ Россіи. Онъ носитъ названіе Великой могилы и имѣетъ черезъ вершину, по направленію отъ сѣвера къ югу, сто саженъ, а въ окружности ровно пятьсотъ саженъ. Великая могила насыпана на поемномъ лугу, между двухъ рѣкъ, Губинихой съ востока и Кильченемъ съ запада, и съ трехъ сторонъ закрыта лѣсомъ. Если смотрѣть на Великую могилу по направленію отъ востока къ западу, то кажется, какъ-будто она упирается въ гору праваго берега р. Кильчени и какъ-будто сливается съ ней. Это обстоятельство служитъ причиною того, что многіе проѣзжающіе мимо могилы принимаютъ ее за естественный холмъ. На самой вершинѣ Великой могилы насыпана другая могила, имѣющая въ окружности тридцать-одну сажень, а ниже Великой стоитъ третья могила Богомазова, въ окружности триста саженъ, черезъ вершину—восемьдесятъ-три. На вершинѣ этой послѣдней сдѣланы еще двѣ могилы, одна у сѣверной оконечности, другая—у южной.

Въ селѣ Спасскомъ живетъ крестьянинъ Самойло Прусъ, восьмидесяти-лѣтній старикъ, лучшій знатокъ своего края, знающій нѣсколько преданій о запорожскихъ козакахъ.

— Диду, чи давно васъ Господь прызвивъ на свитъ?

— Тысяча висимъ-сотъ семого году, мисяця сентября, шостого числа.

— А шо жъ у васъ за фамылія така?

— Моя фамылія видъ дида пруса; винъ бувъ подарованый царици. Та якъ выслуживъ ій службу, то й ставъ проситьця

до себе, а вона й каже: усе ровно, шо прусъ, шо русъ, служи у мене.

— А якъ вы думаете, диду, за ци могилы: чи ихъ хто покопавъ, чи вони сами выросли?

— Та яки давъ Богъ, яки одъ людей узялись, а яки ще одъ потопа: якъ бувъ потопъ, то де яки вода повыкручувала, а якъ були запорожци, то инчи могилы воны понасіяли. Оця могила Богомазова, такъ вона и зветця видъ того, шо у неи запорожецъ Богомазъ захованый. У цій могыли стоїть десь срйбна кобыла.

— Такъ бачу, тутъ запорожци жили.

— Запорожци. Це жъ воно одъ ихъ и село завелось. Тутъ зъ давнихъ давенъ хрыстіяне усе ховались видъ татаръ: якъ набижить орда, то хрыстіяне и спасаютця тутъ саме видъ неи, ото воно и Спаське прозвалось. А тутъ де въ Бога взялись запорожци та давай іи кишкать, давай кишкать тай зигнали ажъ за Крымъ, тамъ вона и зосталась. Ото жъ тоди запорожьци и церкву тутъ поставили, вона выстроина такъ, якъ и самарьска, уся на тыбляхъ, безъ гвиздкивъ; тамъ же воны, за Спаськимъ и городокъ поставили, а отутъ около могилъ и жилы воны: Залипы, Ткачи, Мыроны, Богомазы. Старый Богомазъ якъ умеръ, то его и поховали у могыли. Ото жъ и находять тутъ люде усячину запорожську: и зализячча, и пицтоли, и сволыны, и кули.

— Якъ же ти запорожци жили?

— Жили такъ, якъ вовкулаки, шо все у ихъ навыворотъ було. Ото жъ недаромъ про ихъ и спивають писню:

«Славни хлопци-запорожци
Викъ звикували, церкви не видали;
Якъ забачили тай у поли скырту,
Отаманъ каже: «ото, братци, церква!»
Савулъ каже: «така высокая?»
Славни хлопци-запорожци
Викъ звикували попа не видали;
Якъ забачили тай у поли цапа,
Отаманъ каже: «ото, братци, пипъ, пипъ!»

Савулъ каже: «що я й причащався!»
Славни хлопци-запорожци
Викъ звикували, дивки не видали;
Якъ забачили на болоти чаплю,
Отаманъ каже: «ото, братци, дивка!»
Савулъ каже: «що я й женихався!»

— О такъ у ихъ и було?

— Ни ще й не такъ! У ихъ хто ранійше прійшовъ у Сичъ, то той и батько, а хто пизнійше, то той и сынъ. Тоби, прымирно, двадцять годъ, а до тебе кажуть: «батьку», а мени, скажитъ, симдесятъ годъ, мене называють: «сыньку». А якъ прійде було якій-небудь новичокъ на Сичъ, то заразъ ведуть его у куринь. «Ну, сынку, оце и вся тоби домовына! [1]) А якъ умрешъ, то ще меньшъ буде. Це що? Були у ихъ ще й не таки; чи чули вы, шо таке звалось у запорожцивъ гострою палею»?

— Чути чувъ, а добре не знаю; а шо воно таке есть?

— Такій стовпъ зъ зализнымъ шпилемъ на вѐрси, шо на него сажали злодіивъ. Якъ хто убивъ товариша; то заразъ его на палю. Пидведуть его, пиднимуть по дрибыни тай посадять на шпиль. И выскоче той шпиль ажъ на спыни, мижъ лопатками. Такъ и стоить злодій на пали, ажъ поки не высохне у него нутро та не спаде тило. Якъ витеръ опахне кистнякъ, то винъ обернется кругомъ, заскрыпить, якъ ти двери на ржавыхъ петляхъ, тай знову зупинитця. Стовпова смерть!

Була у запорожцивъ така поведенція: передъ тимъ якъ посадити на палю, объявляли скризь по всій округи, чи не знайдетця де така дивка, шобъ выйшла за стовповыка замижъ, тоди его ослобоняли одъ казни, а тильки высылали геть за Сичу, на зимовникъ. Отъ и вызвалась якась. Прыйшла уся завьязана платками. Стовповыкъ пидійшовъ до неи тай каже: «А роскрыйся, я подывлюсь на тебе, яка ты есть». Вона роскрылась. Глянувъ винъ, ажъ вона ряба якъ петривська зузуля. «Якъ съ такимъ

[1]) Игра словъ: «домовына» на малорусскомъ языкѣ собственно значитъ «гробъ», но здѣсь придано значеніе «дома». Вотъ тебѣ и домъ!

падломъ виньчатьця, такъ лучче на пали мотатьця!» Тай пишовъ на палю.

— Якъ же-жъ воно було имъ жити отутъ, чи такъ, якъ и теперь.

— Э, куды вамъ! Тоди яки селетельни балки тутъ були! Оця Богомазова балка така була, шо въ неи за лисомъ и свита божого невыдко було: якъ пиде дощъ, хочъ якій густый, то добижи тилько въ балку, тамъ его и не чути: шумить тилько зъ обохъ бокивъ, а въ середыну и не доходе.

— А чи довго жъ воны жили тутъ?

— Жили, ажъ поки царыця Катерина Ѳлексіевна не розигнала. Землю ихъ роздала панамъ, а людей повернула въ работу: «пидвертайте и робить ими; будете робити ими ажъ до то того царя, который буде на вторій служби». Теперь царь чинами дарує, а вона землями та людями. Почули оте запорожци тай кажутъ: чого жъ мы тутъ будемъ жити, щобъ намъ кровъ на кровъ идты, паны-браты? Лучше жъ намъ каптаны драть та дубы затыкать та пидъ турка тикать». Силы та за Дунай и подались...

За селомъ Спасскимъ идутъ деревня Куроѣдова, село Огрень, Чапли, у лѣваго берега Днѣпра и село Старый-Кодакъ у праваго. Кодакъ, Кудакъ, Койдакъ, Кадакъ, Кайдакъ, какъ крѣпость, становится извѣстнымъ уже съ 1635 года; основаніе его положено извѣстнымъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ. «Ниже острова Козацкаго на пушечный выстрѣлъ,— говоритъ самъ основатель крѣпости,—находится Кодакъ: здѣсь начинаются пороги... На Кодакѣ въ іюлѣ 1635 года былъ заложенъ мною замокъ; но послѣ моего отъѣзда, въ августѣ мѣсяцѣ, нѣкто Солиманъ (слѣдуетъ читать Сулима), предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждаетъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоящій подъ начальствомъ полковника Моріона» [1]). Впрочемъ, уже въ 1638 году крѣ-

[1]) Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 19.

пость Кодакъ снова возникаетъ и опять подъ наблюденіемъ того-же Боплана. На этотъ разъ для защиты крѣпости лично отправился въ Кодакъ «Конецпольскій съ 4,000 воиновъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца; потомъ удалился изъ крѣпости съ 2000 солдатъ» [1]). Когда крѣпость была окончена, то тотъ-же коронный гетманъ, Конецпольскій, осматривавшій ее, лукаво спросилъ козаковъ: «Каковъ вамъ кажется Кодакъ»? — «Что руками созидается, то руками-же и разрушается» (Manu facta manu distruo), отвѣтилъ также лукаво, по-латыни, сотникъ г. Чигирина, Богданъ Хмельницкій [2]). И предсказаніе его сбылось. Уже въ 1648 году Кодакъ былъ взятъ козаками Богдана Хмельницкаго, объявившаго войну польскому правительству, а съ 1656 года онъ считается за запорожскими козаками; тогда здѣсь учреждена была первая береговая стража изъ охотниковъ козаковъ-лоцмановъ, коимъ, по строгому наказу Коша, вмѣнено было въ обязанность всячески содѣйствовать судоходству по Днѣпру. Для береговой стражи въ Старый-Кодакъ отправлена была изъ Сичи запорожской походная церковь св. архистратига Михаила и при ней іеромонахъ Межигорскаго монастыря» [3]). Въ 1672 году крѣпость Кодакъ, по словамъ описи городовъ въ Запорожьи, представлялась въ такомъ видѣ: «Городъ Кодакъ. Земляной валъ стоитъ на Днѣпровскихъ верхнихъ порогахъ, подъ первымъ порогомъ урочищемъ Кодакомъ на той сторонѣ Днѣпра отъ Кіева; а строили, по указу полского Владислава короля, тотъ городъ нѣмцы [4]) тому лѣтъ съ 40 или болши; а бойницы сдѣланы изъ земли; входъ въ него съ одной стороны межъ рѣкъ, а палей и обломковъ нѣтъ. А отъ пороговъ, кругомъ

[1]) Тамъ-же, стр. 21.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Спб., 1884 г., ч. I, стр. 181.

[3]) Ѳеодосій. Матеріалы истор.-статист. Екатерин. 1880 г., т. I. 71—72.

[4]) Бопланъ былъ родомъ французъ.

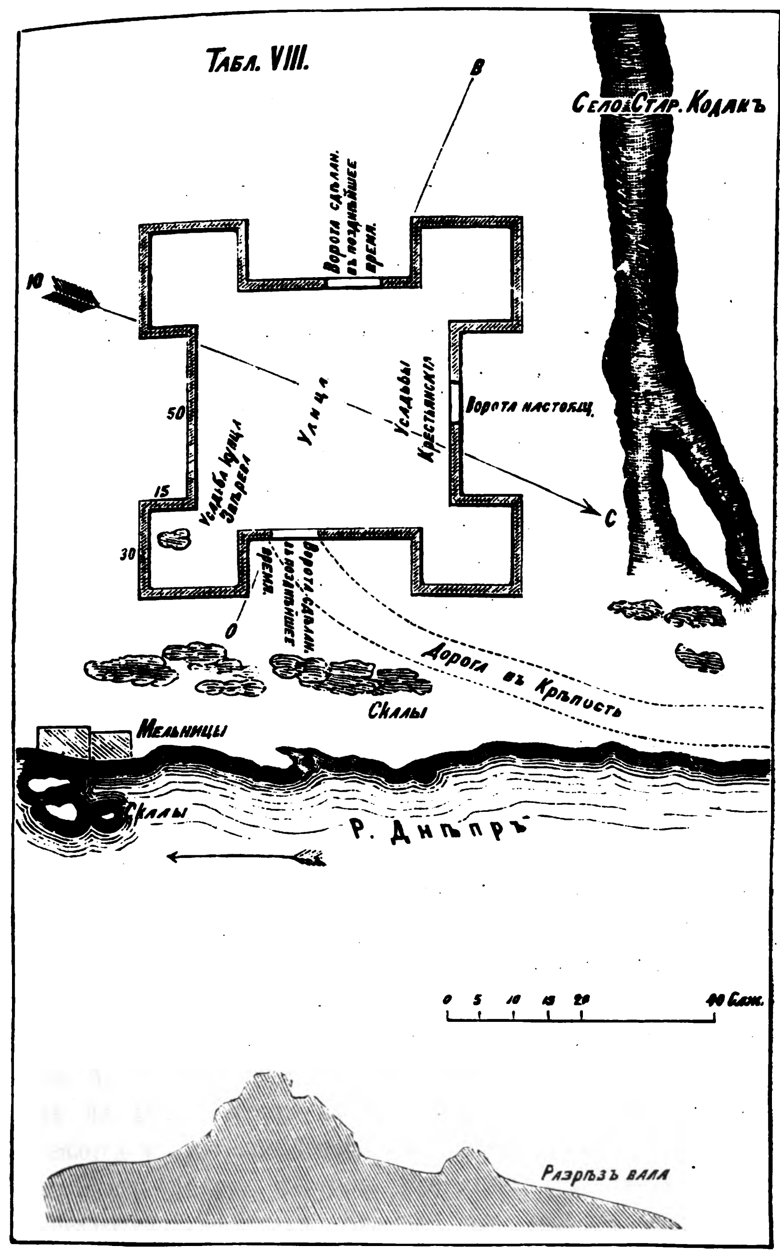
его ровъ обрѣзной и во рву набитъ чеснокъ дубовой. А мѣрою де тотъ городъ Кодакъ кругомъ 900 саженъ. Пушекъ въ немъ двѣ желѣзные городовые да двѣ затинные пищали; а сколько къ тѣмъ пищалямъ ядеръ и зелья, фитилю и запасовъ, того они не вѣдаютъ» [1]). Открытое мѣстоположеніе, близость къ Днѣпру, близость къ проѣзжей дорогѣ, остатки самаго укрѣпленія въ Кодакѣ обращали на себя вниманіе и другихъ лицъ военнаго званія: князя Голицына, Леонтьева, Бутурлина, Глѣбова, Самарина и даже императора Петра Перваго, посѣтившаго Старый-Кодакъ въ 1699 году, во время второго похода подъ Азовъ. Крѣпость охранялась лоцманами, жившими отдѣльно отъ нея, въ селѣ Старомъ-Кодакѣ, и составлявшими главное ядро населенія даже въ то время, когда, по повелѣнію Петра, уничтожена была, въ 1709 году, самая Сича запорожская. Только съ 1739 года Старый-Кодакъ подновленъ былъ выходцами изъ Старой-Малороссіи, а съ 1775 года—козаками послѣдней Сичи. Въ исторіи запорожскаго и малороссійскаго козачества Старый-Кодакъ игралъ огромную роль, такъ что нѣтъ ни одной лѣтописи, нѣтъ ни одной исторіи Малороссіи или Запорожья, нѣтъ ни одного собранія актовъ Южной Россіи, гдѣ бы не упоминалось о Старомъ-Кодакѣ [2]).

Въ настоящее время о прошломъ Стараго-Кодака говорятъ только остатки земляной крѣпости да тѣ немногія вещи, которыя сохраняются въ церкви села. Крѣпость расположена у самаго берега Днѣпра, противъ Кодацкаго порога, и заключаетъ въ себѣ пять десятинъ земли; она имѣетъ видъ редута бастіоннаго начертанія, въ которомъ высота валовъ достигаетъ до десяти саженъ. (См. табл. VIII). Теперь въ бывшей крѣпости стоитъ десять крестьянскихъ хатъ и кромѣ того большая усадьба купца

[1]) Акты Южной и Зап. Росс. Спб., 1879 г., т. XI, стр. 14.

[2]) См. Акты Южн. и Запад. Росс., т. VI, стр. 15, 17, 18, 29, 72, 174; т. VII, стр. 103, 154, 338; т. VIII, стр. 214, 313; т. X, стр. 441, 452, 476, 484, 697; т. XI, стр. 13—14, 113, 118, 126, 169, 171, 173, 212, 213, 255, 259, 260; т. XII, стр. 47, 570, 813, 818. См. также «Kudak Dubieckiego». Варшава, 1879.

Зверева, имѣющаго на Днѣпрѣ, у праваго берега, противъ самаго порога, огромную мукомольную и сукновальную мельницу. Изъ вещей, оставшихся въ теперешней церкви села отъ времени запорожскихъ козаковъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: чаша, небольшая, серебряная, съ надписью, сдѣланною въ срединѣ: «вѣсу 90 зо (золотниковъ), Ивана Кравчины» и снаружи: «Чашу спасенія пріиму имя Господне призову»; ковчегъ или гробница, серебряная позлащенная съ надписью: «Сия гробница Семена Бардадима здѣлана до храму святителя христова Николая за отпущеніе грѣховъ своихъ: 1761 году Ноября»; копье, стальное, оканчивающееся ручкой съ крестомъ, длины четверть аршина; мирница, сдѣланная изъ липоваго дерева съ изображеніемъ положенія Спасителя во гробъ и съ надписью: «ангели мира горько плакаху»; напрестольный крестъ съ серебряною подставкою; два вѣнца, сдѣланные изъ бѣлой жести; два деревянныхъ ставника, очень простой работы, въ полтора аршина высоты каждый, окрашенные въ голубую краску; одинъ аналой, стянутый сверху телячьей кожей; книга октоихъ или осмогласникъ кіевской печати, 1739 года, съ надписью по листамъ: «Сия книга ѿктоихъ покойного ивахна жителя кодацкого купленная ценою, за шесть рублей и врученная нимъ-же Ивахномъ еще прежде смерти его Іерею стефану андреевичу Кодищанову даби онь владѣль ею гдѣ будетъ жить при храму божию до смерти своея 1752 года мѣсяца мая 15 дня»; служебникъ московской печати, 1751 года; требникъ черниговской печати святотроицкой ильинской обители, 1754 года; трофолой или мѣсячная минея, съ надписью по листамъ: «Сей трофолой купленъ козаками куреня канѣвского яковомъ лепетію да петромъ плясо(у)номъ всело карноуховку до храму святія великомученици варвари 1774 года іуніа 22»; фонарь, деревянный, набитый на простую деревянную неотесанную ручку и наконецъ два запорожскихъ пояса, персидскаго сырцу, по девять аршинъ длины, по двѣ четверти ширины каждый.

Ч. I. Пл. VIII.

Планъ крѣпости Кодака

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бьють пороги, мисяць сходе,
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ!
Нема Сичи; очереты
У Днипра пытають:
«Де то наши диты дились?
Де воны гуляють?»

Т. Шевченко.

Изъ села Стараго-Кодака мнѣ предстояло два пути: или правымъ берегомъ Днѣпра, степью, или по самой рѣкѣ Днѣпру, черезъ пороги. Я рѣшился избрать второй. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Днѣпръ отъ города Екатеринослава и до города Александровска съ цѣлью ознакомиться съ его порогами, заборами, островами и балками. «Всего удобнѣе вамъ идти на плоту, хотя это далеко небезопасный способъ путешествія по Днѣпру», говорили мнѣ днѣпровскіе лоцманы, и я рѣшилъ идти на плоту. Плоты пускаются съ верховьевъ Днѣпра съ «горишними» лоцманами и идутъ безпрепятственно мимо Смоленска, Кіева, потомъ на десять верстъ ниже города Екатеринослава останавливаются у пристани Лоцманской-Каменки, расположенной у праваго берега Днѣпра, и отсюда уже идутъ большею частью съ «низовыми» лоцманами. Низовые или вольные лоцманы живутъ въ селѣ Лоцманской-Каменкѣ и за деньги нанимаются

проводить суда черезъ всѣ пороги, почти до самаго города Александровска, что составляетъ болѣе восьмидесяти верстъ по прямому направленію рѣки. По степени опытности и ловкости лоцманы дѣлятся на три класса съ атаманомъ во главѣ въ каждомъ классѣ. Лоцманъ за свою оплошность штрафуется собственнымъ атаманомъ. Но прежде чѣмъ сдѣлаться лоцманомъ, каждый долженъ держать экзаменъ въ присутствіи выборныхъ лоцмановъ и начальниковъ. Большинство лоцмановъ—потомки запорожскихъ козаковъ; они вполнѣ достойны своихъ предковъ «низовыхъ—рыцарей». Про ихъ подвиги разсказываютъ чисто чудеса. Объ одномъ лоцманѣ, жившемъ еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, говорятъ, что онъ за свою ловкость и умѣнье переправлять суда черезъ днѣпровскіе пороги получилъ отъ бывшаго въ то время министра путей сообщенія, графа Клейнмихеля, жалованный синяго сукна кафтанъ съ серебряными кистями и обшивками. Это былъ Григорій Ѳедоровичъ Бойко. О другомъ лоцманѣ разсказываютъ, что онъ на своемъ вѣку спасъ жизнь цѣлымъ сотнямъ людей, тонувшимъ въ порогахъ. Это былъ Василій Десятка. Люди, видѣвшіе старыхъ лоцмановъ и знакомые съ молодыми, отзываются о тѣхъ и другихъ такимъ образомъ: «Старые лоцманы! То были молодцы! И по виду и по удальству то—настоящіе запорожцы! Въ нашей памяти они и до сихъ поръ живутъ; имя ихъ свято чтится и понынѣ въ Каменкѣ. Теперь такихъ ужъ нѣтъ. Теперь лоцманы перевелись, совсѣмъ перевелись. Чортъ знаетъ, что стало, а не лоцманы»! Такъ отзываются о теперешнихъ лоцманахъ старые люди, а между тѣмъ меня поражали всегда и настоящіе лоцманы. Что за молодцы! Словно на подборъ подобраны! Какъ надѣнетъ это лоцманъ на себя широкія шаровары синяго цвѣта, какъ опояшется широкимъ зеленымъ поясомъ, какъ закрутитъ свои роскошные, черные, какъ смоль, усы да какъ выйдетъ «у недилю, або въ свято» на улицу, подопрется кулакомъ въ бокъ,—что за красавецъ писанный! А какъ протянется онъ гдѣ-нибудь подъ хатой, въ холодочку,

около жинки и начнетъ «ськатьця въ голови»,—что за пышная фигура, не налюбоваться!.. Но еще лучше онъ кажется на своей родной стихіи, водѣ, во время переправы черезъ пороги барокъ и плотовъ.

На плотъ лоцманъ идетъ за какой-нибудь сущій пустякъ, сравнительно съ опасностью, десять—пятнадцать рублей да полведра или ведро горилки, и деньги беретъ не на себя лично, а на всю лоцманскую общину. Но черезъ пороги онъ пускается въ путь только при самой тихой погодѣ, когда, что называется, ничто и не шелохнетъ. Тутъ лоцманъ священнодѣйствуетъ. Тѣ, кому предстоитъ съ нимъ идти черезъ пороги, собираются въ назначенный день на лоцманско-каменской пристани и прежде всего, по командѣ лоцмана, садятся по мѣстамъ, «щобъ усе добре сидало, а все зле тикало», а затѣмъ, по командѣ же лоцмана, поднимаются съ мѣстъ, обнажаютъ свои головы, молятся на востокъ и тогда уже «рушаютъ» въ путь.

— Скажи, добродію, страшно ли переправляться черезъ пороги? [1]).

— Такъ страшно, что всякій разъ, когда я черезъ нихъ иду, такъ и хлѣба не ѣмъ: два дня плыву, два дня почти и крошки во рту не бываетъ. Когда чарочку маленькую выпью, тогда и съѣмъ, а то и насильно не вобьешь въ горло хлѣба; но много пить, Боже сохрани! Страшно, паничу, очень страшно. Только вотъ сколько я плаваю, сколько переправляюсь черезъ пороги, а все таки, какъ видите, и до сихъ поръ и живъ и здоровъ. Много разъ приходилось видѣть мнѣ и Кодацкій порогъ, и Лоханскій; много разъ приходилось хватать горячого до слезъ и отъ Дида [2]), много разъ приходилось «водить старцивъ и по Вовнизи» [3]) а вотъ и теперь, въ добрый часъ сказать, въ лихой помолчать, кое-какъ двигаюсь. Вы, вѣроятно, въ первый

[1]) Для удобства пониманія предлагаю всѣ разговоры съ лоцманомъ въ переводѣ съ малорусскаго.

[2]) Дидомъ лоцманы называютъ Ненасытецкій порогъ.

[3]) Образное выраженіе, употребленное въ смыслѣ «куликать».

разъ идете черезъ пороги? Коли въ первый разъ, то я бы вамъ вотъ что посовѣтывалъ. Если нашъ плотъ будетъ разбитъ, чего со мной еще на всемъ моемъ вѣку не было и отъ чего, конечно, боро́нь насъ Боже, то вы осторожно спуститесь въ воду, и одной рукой старайтесь ухватиться за бортъ плота, а другой старайтесь защищать себя отъ ударовъ камней, и такъ плывите по теченію рѣки до тѣхъ поръ, пока не встрѣтите болѣе надежнаго спасенія. Поняли?

— Какъ не понять? Понялъ!

— Но такъ совѣтую вамъ спасаться именно въ томъ случаѣ, когда будетъ разбитъ только одинъ нашъ плотъ. Въ противномъ случаѣ прежде всего хватайтесь за поперечный, непремѣнно поперечный, хворостъ на плоту и потомъ старайтесь держаться на немъ лицомъ не за водою, а непремѣнно противъ воды. Тутъ вотъ въ чемъ опасность: если вы пойдете лицомъ впередъ, то на васъ наскочитъ бревно отъ плота, разбитаго позади, смотри, зацѣпитъ васъ по головѣ, и тогда вы уже и готовы: сейчасъ же и на дно опуститесь. Если же вы пойдете спиною впередъ, то будете видѣть, плыветъ ли бревно прямо на васъ или мимо васъ, тутъ вы можете или остаться въ прежнемъ положеніи, или же своротить нѣсколько въ сторону. Вотъ такъ у насъ многіе спасаются. Если же плотъ нашъ только наскочитъ на камень, тогда бросайтесь отъ камня въ сторону. Коли умѣете плавать, спасетесь, коли не умѣете, погибните. Въ старину, говорятъ, когда разбивало плотъ, лоцманъ еще и такъ дѣлалъ: соскочитъ съ плота да на дно рѣки да тамъ и сидитъ, пока проплывутъ всѣ бревна, а потомъ уже и вылазитъ изъ-подъ воды. Но то, вѣроятно, въ «дуже давню» старину было, когда лоцманы были богатыри—не мы, теперь у насъ никто и не отважится такъ дѣлать.

Съ такими предосторожностями я сѣлъ на плотъ и ввѣрилъ себя испытанному лоцману. Лоцманъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ сталъ на передней части плота, снялъ съ себя шапку, перекрестился широкимъ крестомъ и подалъ знакъ плотовщи-

камъ-бѣлоруссамъ или, какъ ихъ называютъ малороссіяне, литвинамъ, чтобы они брались за стерно (руль).—«А, ну, хлопцы, къ стерну». Плотовщики выстроились по обѣ стороны стерна, въ двѣ линіи, одна противъ другой, и начали двигать имъ то въ одну, то въ другую сторону; плотъ, раскачиваясь по водѣ, медленно шелъ внизъ по направленію къ порогу. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ порогу, тѣмъ сильнѣе раздавался шумъ воды въ моихъ ушахъ и тѣмъ бо́льшая опасность вырастала передъ моими глазами. Прошла одна минута, и мы очутились въ самомъ порогѣ, носящемъ названіе Кодацкаго. Нашъ плотъ какъ-то особенно сильно качнуло и потомъ съ быстротою молніи пронесло по всѣмъ четыремъ лавамъ или уступамъ порога... Не успѣли мы и очнуться, какъ уже были далеко ниже порога, протянувшагося на три четверти версты въ длину... Вслѣдъ за Кодацкимъ мы прошли Сурской, потомъ Лоханскій, далѣе Звонецкій и наконецъ увидѣли порогъ Ненасытецкій, самый большой и самый страшный. (См. табл. IX). Онъ тянется почти на протяженіи полуторы версты, а плотъ бѣжитъ черезъ него въ одну, только въ одну минуту.—Вотъ порогъ, такъ порогъ! Что передъ нимъ Кодацкій, Сурской, Лоханскій и Звонецкій? Это всѣмъ порогамъ порогъ! Не даромъ лоцманы называютъ его Дидомъ, а крестьяне—Ненасытецомъ.

— Отчего онъ называется Ненасытецомъ?

— Оттого, что никакъ не насытится: все ѣстъ да ѣстъ, все лопаетъ да лопаетъ, а никакъ не наѣстся и не налопается. И чего только онъ не поглотилъ? Какъ-то шла по Днѣпру въ Херсонъ берлина со стекломъ и съ большимъ колоколомъ, да какъ наскочила на камень Чекуху, что по срединѣ Ненасытица торчитъ, такъ люди не успѣли и осмотрѣться, какъ берлина уже разлетѣлась пополамъ, а стекло и колоколъ только загули на дно. Сейчасъ же все и пескомъ покрылось. Берлину послѣ гдѣ-то нашли и вытащили-таки изъ воды, а колоколъ и стекло и по нынѣ на днѣ рѣки лежатъ.

— А людей много губитъ Ненасытецъ?

— Хи, и говорить нечего! Вотъ оборотитесь къ лѣвому-то берегу Днѣпра и посмотрите, сколько ихъ плаваетъ тамъ. За недѣлю передъ нашимъ выходомъ на Лоханскомъ порогѣ было разбито двѣнадцать плотовъ: наскочила, видите-ли, такая полоса вѣтра, ну и пошло нанизывать плоты одинъ за другимъ на скалы, да такъ цѣлыхъ двѣнадцать и нанизало. И сколько народа тогда погибло! Спасли только немногихъ, а большая часть вотъ и теперь плаваетъ. А плаваютъ они потому, что ихъ убирать не приказано. Уже осенью ихъ собираютъ въ одно мѣсто и хоронятъ.

Я оборотился и точно увидѣлъ нѣсколько плавающихъ труповъ. Вотъ одинъ зацѣпился за скалу ногами и болтается въ водѣ; онъ одѣтъ въ старую свиту, подпоясанъ краснымъ поясомъ, обутъ въ большіе сапоги; голова его разбита, ротъ открытъ, губы страшно распухли и между зубовъ выросла какая-то зеленая плесень. Какъ сейчасъ вижу его!... Вотъ другой трупъ; онъ попалъ въ заливъ, между берегомъ и мысомъ, и вертится въ страшномъ водоворотѣ. Онъ плаваетъ вверхъ спиной, уже почернѣвшей отъ времени и покрытой множествомъ червей; руки его опущены внизъ и какъ будто схватываютъ кого-то въ свои страшныя объятія... И теперь безъ содроганія не могу вспомнить объ немъ... А вотъ женщина съ ребенкомъ на груди, крѣпко прижавшимся къ ней,—это несчастная мать со своимъ малюткой!.. А вотъ два трупа вмѣстѣ, мужчина и обвившая его за шею рукой женщина. Должно быть, мужъ и жена!.. Но довольно! Такихъ утопленниковъ много можно видѣть на Днѣпрѣ, ниже его пороговъ, въ такъ-называемомъ Великомъ лугу, или большой плавнѣ, начинающейся непосредственно за островомъ Хортицей, и идущей внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки, на протяженіи около семидесяти верстъ. По разсказамъ весьма компетентнаго лица, въ Великомъ лугу, послѣ полой воды, собирается до сорока и даже болѣе труповъ. Въ опредѣленное время эти трупы свозятся въ одно мѣсто и погребаются въ общей могилѣ...

Ч. I. Рис. 9.

Видъ Ненасытецкаго порога.

... Уже далеко не доходя Ненасытецкаго порога слышенъ былъ страшный ревъ его. При одномъ взглядѣ на тотъ адъ, который кипѣлъ въ порогѣ, волосы на головѣ поднимались вверхъ. Лоцманъ и двадцать плотовщиковъ-бѣлоруссовъ, еще не вступая въ самый порогъ, начали брать разныя мѣры предосторожности на случай несчастья. Всѣ посбрасывали съ себя лишнюю одежинку, всѣ поснимали съ ногъ сапоги, стали прощаться другъ съ другомъ и потомъ, опустившись на колѣни, всѣ стали креститься и читать вслухъ святыя молитвы. У нѣкоторыхъ навертывались слезы на глазахъ. Всѣ были блѣдны, всѣ какъ-бы превратились въ застывшіе остовы; одинъ только лоцманъ выказывалъ полное спокойствіе. Сбросивъ съ ногъ сапоги и снявъ съ головы шапку, онъ остался босой въ шароварахъ синяго цвѣта, опоясанный краснымъ поясомъ, въ вышитой мережками сорочкѣ и съ полуоткрытой, выдавшейся впередъ грудью. Онъ стоялъ впереди всѣхъ, нѣсколько закинувъ назадъ голову и, молча, однимъ движеніемъ правой руки, показывалъ ходъ работавшимъ у стерна плотовщикамъ. И плотъ, гонимый неимовѣрно быстрымъ движеніемъ воды, мчался прямо по направленію средины порога. Но пока онъ приближался только къ порогу, опасности большой еще не было. Страшная минута настала собственно тогда, когда плотъ вошелъ въ самый порогъ. Тогда роль лоцмана, и безъ того великая, еще больше того выростаетъ: всѣ ждутъ отъ него или жизни или смерти. А онъ спокойно стоитъ впереди всѣхъ и спокойно помахиваетъ своимъ сжатымъ кулакомъ то въ одну, то въ другую сторону. Небольшой низовой вѣтерокъ широко раздуваетъ и безъ того широкія шаровары его, да шевелитъ концами краснаго пояса, охватывающаго стройный станъ лоцмана. Онъ не слышитъ, кажись, ни того страшнаго шума, которымъ стонетъ грозный порогъ и отъ котораго на самомъ близкомъ разстояніи невозможно разслышать ни одного слова сосѣда, какъ-бы громко ни силился онъ кричать. Онъ не видитъ, кажись, ни того великана-орла, который взобрался на самую вершину огромной скалы Корабля,

торчащаго среди порога, и спокойно, убійственно-спокойно смотритъ на несчастныхъ пловцовъ, осмѣлившихся ринуться въ самую пропасть страшнаго порога... То картина по истинѣ достойная кисти величайшаго въ мірѣ художника!.. Но вотъ мы очутились у самаго страшнаго мѣста Ненасытеца, Пекла. Раздался ужасный трескъ, и нашъ плотъ, какъ-бы схваченный желѣзными когтями цѣлаго милліона демоновъ, началъ погружаться въ воду... Онъ все ниже и ниже опускается, а вода на немъ все выше и выше прибываетъ... Вотъ она уже по косточки, потомъ по колѣни, потомъ и по поясъ. Сердце у меня сперва страшно застучало, а потомъ какъ-бы совсѣмъ замерло: казалось, что его схватилъ кто-то въ стальные тиски и безжалостно вырываетъ изъ груди. Братцы, братцы, идемъ ко дну!... Господи, прости мою козацкую душу! отпусти ей тяжкіе грѣхи!.. Но тутъ плотъ нашъ, какъ-бы толкнутый снизу цѣлымъ сонмомъ тѣхъ-же адскихъ силъ, быстро поднялся вверхъ, принялъ свое естественное положеніе, и скоро мы очутились далеко-далеко за порогомъ... Я оборотился назадъ и увидѣлъ лишь одни пѣнистые пузырьки отъ взволнованной на порогѣ воды; страшный ревъ его показался мнѣ тогда ревомъ разъяреннаго чудовища, стонавшаго при видѣ жертвы, вырвавшейся изъ его алчной пасти.

«Ахъ, ты, рѣчушка быстрáя, слава твоя дорогая»! грянули хоромъ бойкіе пловцы, за минуту передъ этимъ прощавшіеся и съ цѣлымъ свѣтомъ, и съ собственною жизнью. И пѣсня ихъ широко лилась вдоль по шумному Днѣпру, отрадно отдаваясь въ сердцѣ того, кому дорогъ русскій человѣкъ, въ комъ острою болью отзываются его страданія и кто живою радостію откликается на его радость.

Способъ переправы черезъ пороги на плоту — безспорно самый опасный. Безопаснѣе всего плыть черезъ пороги на дубу,—это большая лодка на шесть, на восемь, иногда на двѣнадцать и больше гребцовъ, довольно высоко поднимающаяся надъ водой и по внѣшнему виду напоминающая запорожскую

чайку. Дубъ идетъ всегда въ каналъ порога, оттого онъ очень рѣдко рискуетъ разбиться о подводныя скалы рѣки. Можно даже вмѣсто дуба употреблять каюкъ,—это небольшая лодочка, могущая вмѣстить въ себя иногда до четырехъ человѣкъ, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева съ пришитыми по краямъ ея двумя досками, въ видѣ бортовъ.[1]) Въ такихъ каюкахъ плаваютъ обыкновенно рыбалки, которые всего больше стараются держаться вблизи пороговъ, такъ какъ здѣсь ловится самая дорогая на Днѣпрѣ рыба, осетры и сомы. Однако для того, чтобы владѣть каюкомъ, нужна большая сноровка и еще бо̀льшая осторожность, особенно близь Ненасытеца. «Ему никогда неможно вѣрить, потому что онъ все равно, что пьяница: никому шляху не свернетъ; больше его никто тутъ ни плотовъ, ни дубовъ, ни каюковъ не бьетъ: уже если онъ не полатаетъ, такъ и некому латать; на немъ всякое лѣто, вѣроятно, сотня людей зарына̀, да и будетъ таки сотня». Больше всего не любитъ Дидъ шутокъ, страшно не любитъ. «Какъ-то разъ на спасовку, въ воскресенье, послѣ обѣда, какъ сей часъ помню, вышелъ до праваго берега Днѣпра панокъ,—онъ жилъ тутъ въ Николаевской экономіи,—вышелъ, взялъ себѣ каючекъ, сѣлъ въ него и поплылъ по Днѣпру. Плыветъ и въ книгу смотритъ. Плылъ—плылъ да такъ и не замѣтилъ, какъ очутился на самой быстрѣ Днѣпра. А на быстрѣ держись, хлопче, хорошенько! Видитъ панокъ, что бѣда, схватился за весло, сюда-туда тѣмъ весломъ мотаетъ, но ничего не можетъ сдѣлать. Помчало его сердечнаго въ самый порогъ. Недолго плылъ онъ: наскочилъ каюкъ на камень, и панокъ только чабулькъ да въ воду!.. Пошелъ на дно... А въ ту пору на Ненасытецѣ, между камнями, рыбалки поразставляли свои снасти для ловли рыбы. Вотъ одинъ сидитъ за скелей и не видитъ ничего, что дѣлается кругомъ.

[1]) «Каюкъ»—видоизмѣненное турецкое слово «каикъ», что значитъ лодка съ круглой кормой; изъ этого же слова образовалось и слово «чайка»—тоже въ смыслѣ лодки; это вышло такъ: «каи-къ-чаи-къ-чай-ка»; изъ «чайки» вышло «шай-ка», уже въ смыслѣ посуды.

Только смотритъ, что сѣть его начало какъ-то подбрасывать вверхъ. «Ну, думаетъ, вѣроятно, сомъ»! Скорѣй за веревку и давай тащить сѣть. Вытащилъ, ажъ гулькъ! а тамъ вмѣсто сома да панъ. Гукнулъ рыбалка на товарищей; тѣ прибѣжали; давай тогда качать пана. Качали-качали и таки откачали. Отто знай, пане, что Дидъ не любитъ шутокъ. Но тутъ для пана счастье было, что онъ не попалъ въ Пекло.

— А развѣ попасть въ Пекло страшнѣе, чѣмъ попасть въ другое какое-нибудь мѣсто Ненасытеца?

— А еще бъ таки! Пекло—это самое страшное мѣсто не только на Ненасытецѣ, а на всемъ Днѣпрѣ; у насъ говорятъ: «Попавсь у Пекло, буде тоби и холодно и тепло». Тамъ бережись, козаче, а то какъ разъ будешь ловить раковъ на днѣ. Въ Пеклѣ не одинъ изъ плотовщиковъ, да и не одинъ изъ лоцмановъ пробовалъ желтаго песку. Боже храни, наскочитъ полоса вѣтра на плотъ, когда онъ идетъ мимо Пекла: тутъ ужъ ему й гакъ [1]). Какъ-то шелъ черезъ Ненасытецъ горишній лоцманъ. Тихо было, совсѣмъ тихо; когда вотъ гдѣ не взялась полоса вѣтра. Какъ загуло, какъ зашумѣло да какъ понесло тотъ несчастный плотъ да прямо въ Пекло!.. Такъ въ одну минуту на мелкіе куски все и пошматовало; остались только однѣ дубовыя колоды; стоятъ онѣ стоймя среди Днѣпра, точно мачты. Но вотъ на нихъ несутся задніе плоты. Страхъ одинъ смотрѣть! Разогнались, шарахнулись плоты о стоячія колоды, сбили ихъ съ мѣстъ и вмѣстѣ понеслись по страшнымъ камнямъ порога. Люди, бывшіе на плотахъ, не успѣли и придти въ себя, какъ уже очутились въ самомъ Пеклѣ. Вмигъ все какъ-то страшно поперемѣшалось между собой: тамъ поднимается вверхъ колода и изъ-подъ нея выбивается человѣкъ, тамъ плывутъ пять-десять бревенъ вмѣстѣ, а на нихъ сидятъ три-четыре человѣка, поднимаютъ кверху руки, молятъ о спа-

[1]) «Гакъ» съ польскаго «hak, haczek»—крюкъ. «Тутъ ему и гакъ»—образное выраженіе—тутъ его и на крюкъ поймаютъ—тутъ ему и погибель.

сенія. но напрасны ихъ мольбы: за шумомъ воды ихъ жалобныхъ воззваній не слышать... Погибли! всѣ, безвозвратно погибли! Одинъ лоцманъ, казалось, спасся: онъ схватился за большое бревно и поплылъ внизъ по Днѣпру; но вотъ противъ него несется страшенная колода отъ разбитаго плота... Берегись, несчастный пловецъ! Но пловецъ не видитъ своей опасности. Вотъ наскочила на него колода, ударила вдоль спины, и несчастный лоцманъ разлетѣлся пополамъ. Кипучія волны тутъ же и похоронили куски разбитаго тѣла... Вотъ какое то Пекло!

— И часто такъ бываетъ?

— Не такъ, чтобы часто, да и не такъ, чтобы рѣдко. Видите ли, лоцманы почти всегда спасаются, а плотовщики почти всегда погибаютъ: ихъ, какъ мухъ, лущитъ. Сколько такихъ несчастныхъ зарыто по балкамъ да по островамъ днѣпровскимъ! Не было имъ счастья на землѣ, да нѣтъ счастья и въ землѣ. Тогда они терпѣли отъ людей, а теперь отъ собакъ. Вотъ это захоронятъ какого-нибудь несчастнаго литвинка въ балкѣ, а собаки уже и тутъ: вынюхаютъ, гдѣ онъ лежитъ, да и давай «бандурить». Да такъ и «ухекаютъ» клятыя; останется одинъ только кожухъ да голова. Качается несчастная по балкѣ!

— Страшны, братику, твои пороги!

— Страшны, паниченьку! А въ старину были еще страшнѣй. Если бы вы посмотрѣли на нихъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, да если бы вы послушали, что говорятъ о нихъ наши дѣды, такъ теперешняя переправа черезъ нихъ показалась бы вамъ просто шуткой.

— Вѣрю, добродію, вѣрю!

Скоро мы оставили Ненасытецкій порогъ, потомъ спустились черезъ Волниговскій («Внукъ порогъ»), оставили за собой Будиловскій и наконецъ очутились около Лишняго порога. Тутъ я распростился съ лоцманомъ, оставилъ плотъ и передалъ себя вольнымъ лодочникамъ, которые давно уже слѣдовали за мной.

— А что, хлопцы, бывали на Лишнемъ порогѣ?

— Овва! Еще бъ таки! Бывали и на Лишнемъ, бывали и на Вильномъ, да бывали, коли хотите, и на Гадючьемъ [1]), отвѣтилъ мнѣ старшій изъ лодочниковъ, Иванъ Чавуненко, крестьянинъ с. Петровскаго, александровскаго уѣзда. И нельзя было не вѣрить ему: уже съ перваго взгляда казалось, что то былъ человѣкъ отважный, много испытавшій и много видѣвшій на своемъ вѣку. Высокаго роста, стройный, съ тонкими чертами лица, съ длинными, но рѣдкими рыжеватыми усами, съ маленькими, но смѣлыми, выразительными глазами, этотъ человѣкъ казался воплощенной энергіей и мужествомъ. Любо было посмотрѣть на него, когда онъ своею небольшою, но сильною мускулистою рукой взялся за длинное весло, выставилъ впередъ свою высокую, полураскрытую грудь и съ нѣкоторою гордостью сталъ повѣствовать о своихъ приключеніяхъ на Днѣпрѣ, во время частыхъ плаваній по немъ.

— Такъ бывалъ ты и на Лишнемъ, и на Вильномъ, и на Гадючьемъ?

— Бывалъ, да еще и не разъ! Да что мнѣ Вильный, какъ я и Дида видѣлъ? Разъ какъ-то ночью, плылъ я черезъ него въ каюкѣ, а ночь была темная претемная, хоть въ глазъ коли. Разогналъ я свой каюкъ, перекрестился да и пустился на волю Божію черезъ порогъ... Такъ онъ, какъ стрѣла! Только что выскочилъ я до Чекухи, скели, что близь Пекла торчитъ, тутъ какъ торохнется мой каюкъ объ ту скелю, такъ я, вѣроятно, аршина на два такъ и подскочилъ вверхъ, потомъ перекинулся внизъ головою, да опять-таки попалъ въ каюкъ, да и выплылъ изъ порога... А то какъ-то шелъ я на плоту черезъ Вовнигу. Уже миновали мы Коростеву забору, уже стали «наближаться» до самаго порога. Только дошли до первой лавы, тутъ вдругъ какъ потянуло насъ, какъ понесло, да прямо на скелю Грозу. Какъ начала жъ та Гроза «типàть» нашъ плотъ, такъ и теперь

[1]) Своего рода острота: Вильный порогъ, по мѣстному, называется еще Гадючьимъ.

страшно вспомнить. Смотрю уже одинъ литвинокъ шелеснулся въ Днѣпръ... Только вода покраснѣла. За нимъ другой, тамъ третій... Вижу, что лихо, давай спасаться. Мигомъ, и самъ не замѣтилъ, какъ и петельки порвалъ въ сорочкѣ, какъ и штаны съ себя схватилъ; бросился скорѣй въ воду, схватился за дубъ, да и потомъ черезъ порогъ. И таки, слава Богу, выплылъ; только пришелъ въ рыбальню голый, совсѣмъ голый, какъ мать на свѣтъ народила.

— Теперь вижу, что ты бывалъ на порогахъ. А попробуй еще и со мной побывать!

— Отчего же не такъ? Готовъ попробовать и съ вами.

Скоро мы снарядили свою лодку, уложили въ нее всю движимость, заняли на ней свои мѣста и направились внизъ по Днѣпру, къ Лишнему порогу. Было около полудня, когда мы добрались до самого порога. Въ тотъ день съ утра стояла превосходная погода, но теперь вдругъ въ воздухѣ похолодѣло, подулъ сильный вѣтеръ, и весь Днѣпръ страшно заколыхался. Въ такую погоду плыть черезъ порогъ совсѣмъ было опасно.

— Паничу!

— А что, Иване?

— Видите ли, какая буря поднимается?

— Вижу, а что же изъ этого?

— А то, коли бъ вы страху не набрались.

— Нисколько!

— Оно-то такъ, а все же осторожность не мѣшаетъ: вы бы легли въ лодку, то мы бы васъ такъ и переправили черезъ порогъ.

— И что это ты разсказываешь мнѣ? Да это одинъ срамъ и больше ничего. Развѣ жъ таки можно, чтобы вы меня лежачого, точно какую-нибудь безрогую скотину, переправляли черезъ порогъ? Да я, коли хочешь, то еще и вотъ что сдѣлаю: выну изъ кармана часы да буду смотрѣть, скоро ли мы перебѣжимъ черезъ порогъ.

— Смотрите, какъ лучше!

— Да ужъ я самъ знаю, какъ мнѣ лучше!

— Ну, хоть вы и знаете, а все-таки вотъ что я вамъ совѣтую: сядьте вы такимъ образомъ, чтобы вамъ волна была не въ лицо, а въ спину; тогда хоть и черезъ голову будетъ плескаться вода, а вы сидите себѣ смирно и ничего не бойтесь: мы уже васъ вынесемъ. Одного только и остерегайтесь, чтобъ волна не ударила васъ въ лицо, тогда вы можете упасть навзничь въ воду и, боронь Боже, затонуть.

— Добре! это я готовъ сдѣлать.

Итакъ я усѣлся. Лѣвой рукой взялся за бортъ лодки, а въ правую взялъ раскрытые часы, чтобы видѣть, сколько минутъ мы будемъ бѣжать черезъ порогъ. Но не прошло, кажись, и секунды, какъ лодка наша уже очутилась въ устьѣ канала.

— Хлопцы, смотрите у меня въ оба! Слышите?

— Слышимъ! Слышимъ!

— Господи благослови! Дай, Боже, часъ добрый!

Всѣ поснимали шапки, перекрестились и ринулись въ каналъ. А между тѣмъ погода была по истинѣ ужасная. Вода въ порогѣ такъ высоко вздымалась, точно она готовилась вырваться изъ гранитныхъ тисковъ рѣки и быстрымъ потокомъ разлиться по всѣмъ окрестностямъ Днѣпра. Чѣмъ ниже спускалась наша лодка, тѣмъ выше поднимались противъ насъ волны. Но вотъ мы очутились въ самой срединѣ канала. Тутъ лодка наша вдругъ сильно качнулась и приняла почти вертикальное положеніе. Признаюсь, холодъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ моего тѣла... Но въ этотъ моментъ два дюжихъ лодочника налегли на корму лодки, и она приняла свое естественное положеніе, хотя поминутно то опускалась на переднюю, то садилась на заднюю сторону. Мы готовы уже были выскочить изъ канала, какъ вдругъ на насъ налетѣлъ боковой вѣтеръ. Онъ поднялъ вверхъ огромный валъ бѣлой рѣчной пѣны и съ страшной силой ударился о правый бокъ нашей лодки. Вода хлестнула мнѣ въ лицо и наполнила собой половину лодки.— «Хлопцы, налегай на лѣвый бортъ! А ну, крѣпче!.. Подъ скелю!

Держите подъ скелю!.. А ну, еще!.. Охъ, Господи, и откуда берется такая сила въ этомъ вѣтрѣ»?..

«Ну, слава тебѣ, Боже, теперь, кажется, выскочили счастливо!» въ одинъ голосъ воскликнули мои спутники, какъ вдругъ въ это самое время наша лодка шарахнулась кормой о подводный камень и тутъ-же минуту остановилась. Одинъ моментъ, и она могла бы опрокинуться на бокъ, выбросивъ насъ въ бушующія волны Днѣпра. Но находчивость старшаго лодочника, Ивана Чавуненка, спасла насъ отъ непріятной перспективы разбиться о скалы и пойти на дно Днѣпра. Онъ моментально бросился, въ чемъ былъ, въ воду и моментально схватился одной рукой за лодку, не позволяя ей склоняться на бокъ. Глубина рѣки оказалась здѣсь довольно большая, и Чавуненку пришлось все время одной рукой плавать вокругъ лодки, а другой лавировать, чтобы снять ее со скалы. Дѣло было далеко не легкое и далеко не такъ простое, какъ показалось съ перваго раза. Нужно было употребить не мало времени и ловкости, чтобы прежде всего не разрѣзать лодки о камень, а затѣмъ спустить ее такъ, чтобы она, быстро подхваченная движеніемъ воды, не перевернулась или не ринулась «въ быстрю». Но Чавуненко, провозившись цѣлую четверть часа, все-таки сдѣлалъ свое дѣло. Лодка была снята со скалы безъ всякихъ поврежденій и поставлена на новый ходъ. «Эхъ, ты зѣвака», замѣтилъ Иванъ Николѣ; «и какъ это ты не замѣтилъ скели?» — «Да гдѣ же ее замѣтить, когда тутъ поднялась такая страшенная буря»? «Ну, добре! пусть же вотъ тотъ камень, на который ты наскочилъ, будетъ называться Зѣвакой». — «Ну й добре! пусть называется Зѣвакою. Вотъ такъ у насъ, коли хотите, часто даются названія камнямъ».

Уже мы оставили злосчастную скелю, уже причалили къ гранитному берегу рѣки, а надъ Днѣпромъ все еще волновалась разнузданная стихія... И долго сидѣли мы въ глубинѣ земли, подъ гранитной скалой, и долго слышали мы дикія завыванія вѣтра, угрожающій плескъ воды и жалобный шелестъ листьевъ

дубовъ, стоявшихъ у лѣваго берега Днѣпра... Но странно, прислушиваясь къ рокоту волнъ и говору высокаго лѣса, я слышалъ въ нихъ не диссонансъ, а полное гармоническое едино...

— А что, хлопцы, давно видѣли такую хуртовину на Днѣпрѣ?

— Да таки давненько: такая година не всегда на немъ гуляетъ.

— Ну теперь, братцы, можно гдѣ-нибудь и переночевать да кстати и оковытои [1]) попробывать, а то какъ будто что-то холодитъ.

— Да гдѣ же тутъ переночевать, какъ не въ Чортовой хатѣ?

— Что жъ то за Чортова хата?

— Пещера такая, пониже Лантуховскаго острова, въ балкѣ Вильной.

— Вотъ оно что! Такъ ступайте до пещеры; найлучше этого и выдумать ничего нельзя.

Проплывъ мимо нѣсколькихъ островов, камней, заборъ и балокъ, мы наконецъ круто поворотили къ лѣвому берегу Днѣпра и вошли въ устье балки Вильной. Поднявшись версты на двѣ вверхъ балки, мы очутились у самой пещеры, находящейся на возвышенномъ берегу ея. Пещера оказалась чѣмъ-то въ родѣ углубленія, сдѣланнаго самой природой въ скалистомъ берегу балки, съ большимъ навѣсомъ, немного выдавшимся впередъ. Длина ея—около четырехъ саж., ширина около двухъ саж., высота около двухъ аршинъ, отчего въ пещерѣ можно стоять только согнувшись. Въ общемъ она похожа на простую малорусскую печь съ большимъ устьемъ, въ видѣ входа въ нее. Своды пещеры оказались закопченными дымомъ, а сплошное каменное дно оказалось засыпаннымъ пескомъ и золой. Въ этой-то пещерѣ мы и расположились на ночлегъ, выгорнувъ предварительно изъ нея песокъ и золу. Не мягко было наше ложе, но, утомленные продолжительнымъ плаваніемъ по Днѣпру,

---

[1]) Изъ латинскаго aqua vitae т. е. вода жизни, горилка.

подкрѣпленные, какую Богъ послалъ, пищею и согрѣтые «доброю оковитою», мы заснули на немъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, подъ шумъ высокаго лѣса, которымъ покрыта вершина балки, и подъ свистъ вѣтра, гулявшаго въ ту ночь по вершинамъ деревьевъ.

.... Оставивъ Дурну хату, мы спустились вновь въ балку Вильную и изъ балки вновь вышли въ Днѣпръ. Миновавъ два маленькихъ островка и два большихъ камня, мы увидѣли девятый, послѣдній по счету порогъ, Вильный, съ очень красивымъ, стоящимъ противъ него на лѣвомъ берегу Днѣпра, маякомъ, въ видѣ небольшой на пьедесталѣ пирамидки. Вильный порогъ или у древнихъ гидрографистовъ Вольный, Волный, у мѣстныхъ жителей Гадючій, находится на пять съ половиной верстъ ниже Лишняго порога, противъ дома нѣмца-колониста Корніенка, бывшаго хутора Маріенталя, съ правой стороны, и падаетъ шестью лавами: Сѣренькой, Похилой, Рядовой, Переймой, Волчьимъ-горломъ и Шинкарской. Въ порогъ вступили мы при самой превосходной погодѣ: солнышко только что поднялось изъ-за горизонта и первыми своими лучами озолотило весь Днѣпръ, дотолѣ окутанный прозрачными водяными парами, отдѣлявшимися отъ воды. На душѣ было не только пріятно, но даже весело. Усѣвшись поглубже въ лодку и взявшись покрѣпче за ея борты, мы стремительно пустились черезъ каналъ и не больше какъ черезъ полминуты уже были далеко ниже его, пробѣжавъ цѣлую треть версты.

Пройдя черезъ узкій проходъ Волчье-горло, непосредственно ниже порога, миновавъ деревню Павло-Кичкасъ, иначе Миркусивку, расположенную у лѣваго берега Днѣпра, мы увидѣли съ правой стороны рѣки плотину, устроенную нѣмцами колоніи Кичкасъ и ограждающую ихъ отъ наводненія Днѣпра: Днѣпръ дѣлаетъ здѣсь большую излучину отъ запада къ востоку, отчего вода, при большомъ половодьи, идетъ не по руслу рѣки, а устремляется вправо, затопляя колонію Кичкасъ, расположенную какъ разъ противъ излучины Днѣпра, на правомъ берегу. Есть

полное основаніе думать, что именно въ этомъ мѣстѣ находилась та рѣчка Кичкасовка, о которой упоминаетъ еще Бопланъ. «Кичкасовка впадаетъ въ Днѣпръ или Борисѳенъ со стороны Татаріи; отъ нея получилъ свое названіе мысъ, омываемый Днѣпромъ и окруженный двумя неприступными скалами, между коими лежитъ низкая лощина, въ двѣ тысячи шаговъ, служащая единственнымъ проходомъ» [1]).

Ниже плотины мы увидѣли два камня Разбойника и потомъ вступили въ самое узкое мѣсто Днѣпра. Освободившись отъ пороговъ и поворотивъ съ юго-запада на юго-востокъ, Днѣпръ потомъ поворачиваетъ обратно съ юго-востока на юго-западъ и идетъ между гранитными скалами, до крайности съуживающими его; здѣсь берега его настолько приближаются одинъ къ другому, что разстояніе между ними не восходитъ больше восьмидесяти саженъ. Неудивительно поэтому, что въ этомъ случаѣ уже въ очень отдаленное отъ насъ время существовала черезъ Днѣпръ переправа, называвшаяся сперва Крарійскою (можетъ быть, отъ имени «Киммеріянъ»), а потомъ Кичкасскою. «Они (русскіе),—говоритъ греческій императоръ Константинъ Багрянородный (905 — 959), — доходятъ до такъ-называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Русіи и печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ ширины съ гипподроміонъ (т. е. 608 русскихъ футовъ), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только доступна удару стрѣлы» [2]). Въ 1594 году Крарійская переправа становится извѣстною подъ названіемъ Кичкаса [3]); съ тѣмъ же именемъ она остается и въ 1620. «Здѣсь (у Кичкаса), — говоритъ Бопланъ, — по моему мнѣнію, ширина Днѣпра самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ

[1]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 23.
[2]) De administrando imperio. Конст. Багр., стр. 286.
[3]) Эрихъ Ласота. Путев. зап. Одесса, 1873 г., стр. 29.

тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (около 80 с.), берега его удобно приступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ» [1]). «Въ ширинѣ 300 саженей, говоритъ Лербергъ, Днѣпръ течетъ полторы версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣсняясь еще болѣе, поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ (около 80 с.), берега его не круты и земля открыта» [2]).

Къ этому, совершенно справедливому, описанію Кичкаской переправы можно добавить лишь то, что противъ нея берега Днѣпра какъ-бы раздвигаются: правый дѣлается отлогимъ, а лѣвый, по прежнему возвышенный, далеко отступаетъ отъ рѣки. При всемъ этомъ быстрота рѣки нисколько не уменьшается. Оттого мы, сдѣлавъ два-три поворота и не успѣвъ оглянуться, очутились ниже южнаго конца колоніи Кичкасъ (иначе Эйнлаге). Названіе колоніи заимствовано отъ переправы; время возникновенія ея относится къ послѣднему десятилѣтію прошлаго столѣтія (1789 году), спустя четырнадцать лѣтъ послѣ паденія запорожской Сичи, происшедшаго въ 1775 году. Бопланъ, обозрѣвавшій берега Днѣпра близь Кичкаса, обрашаетъ особенное вниманіе на правый берегъ его, къ которому примыкаетъ низкая лощина въ двѣ тысячи шаговъ, служащая здѣсь единственнымъ проходомъ. «Укрѣпивъ оный, можно выстроить на мысѣ красивый и крѣпкій городъ, который, хотя по своему положенію и будетъ подверженъ выстрѣламъ съ татарскаго берега, но за то и самъ можетъ обстрѣливать оный» [3]). Однако городу не суждено было возникнуть здѣсь; возникла только колонія Кичкасъ, въ которой поселились нѣмцы-меннониты, выходцы

---

[1]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 24.

[2]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древн. росс. истор. Спб., 1814 г., 277 стр.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 24.

изъ Данцига и Эльбинга [1]). У запорожцевъ близъ Кичкаса были зимовники. Русскій путешественникъ, Василій Зуевъ, бывшій на Кичкасѣ въ 1781 году, уже послѣ паденія Сичи, видѣлъ еще здѣсь «избушку, въ коей живетъ запорожецъ» [2]). Въ настоящее время Кичкасъ—одна изъ обширнѣйшихъ, многолюднѣйшихъ и цвѣтущихъ нѣмецкихъ колоній. Приложивъ къ превосходному мѣстоположенію нѣмецкое стараніе, колонисты сдѣлали изъ Кичкаса прелестнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ уголокъ на берегу Днѣпра. Колонія тянется въ одну линію параллельно Днѣпру, имѣя съ обѣихъ сторонъ широкой улицы чистенькіе, свѣтлые, высокіе домики и прекрасные зеленѣющіе сады. Всѣхъ хозяевъ въ Кичкасѣ—тридцать-шесть; хозяевами у нѣмцевъ-меннонитовъ называются собственно тѣ, которые, кромѣ дворовъ, имѣютъ надѣлы земли.

Оставивъ колонію Кичкасъ и взявъ къ лѣвому берегу рѣки, мы увидѣли такъ-называемое «попилище Сагайдака», которое находится у самаго конца урочища Сагайдачнаго. Названіе пепелища и урочища именами Сагайдачнаго показываетъ, что здѣсь когда-то пребывалъ нѣкто Сагайдакъ. Но какой и въ какое время? Основываясь на свидѣтельствѣ автора «Исторіи о козакахъ запорожскихъ», князя Мышецкаго, можно думать, что урочище получило свое названіе отъ извѣстнаго историческаго лица, Петра Конашевича-Сагайдачнаго, который пребывалъ въ этихъ мѣстахъ со своимъ войскомъ въ 1618 или 1620 году [3]). Съ тѣмъ вмѣстѣ можно допустить, согласуясь съ преданіемъ, записаннымъ Я. П. Новицкимъ, что урочище Сагайдачное могло получить свое названіе и отъ нѣкоего сагайдака, простого запорожца, который жилъ здѣсь уже послѣ паденія запорожской Сичи [4]). Свидѣтельствомъ нѣкогда жившихъ здѣсь козаковъ слу-

---

[1]) См. соч. Скальковскаго. Хронологич. обозрѣніе новоросс. края. Одесса, 1836, ч. I, стр. 183.

[2]) Путешествен. записки В. Зуева. Спб., 1787, стр. 260.

[3]) Исторія о козакахъ запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

[4]) Драгомановъ. Малорус. преданія и разсказы. Кіевъ, 1873, 415—419.

жатъ десять ямъ, остатки разной посуды и большія кучи золы, покрытыя густою степною травой. «Попилище Сагайдака» находится въ балкѣ Колодежной, которая была въ старину покрыта большимъ лѣсомъ. О существованіи здѣсь лѣса свидѣтельствуютъ какъ остатки пней и нѣкоторыхъ деревьевъ въ самой балкѣ, такъ и тотъ прекрасный дубовый лѣсъ, который растетъ ниже «попилища», въ Сагайдачномъ урочищѣ. Сагайдачное урочище—одно изъ прекрасныхъ береговыхъ мѣстъ Днѣпра, ниже его пороговъ, которое ежедневно въ лѣтнее время привлекаетъ къ себѣ множество публики изъ близь лежащаго города Александровска.

Непосредственно за Сагайдачнымъ урочищемъ мы увидѣли такъ-называемую Середню скелю. Это довольно возвышенный, покрытый древесными кустарниками и далеко вдавшійся въ Днѣпръ мысъ. Скеля эта интересна уже въ томъ отношеніи, что съ нея открывается одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ на ближайшія окрестности Днѣпра. Но кромѣ того, на скелѣ находится драгоцѣнный историческій памятникъ, кресло Сагайдака. «Мѣстность эта отъ горы (съ востока и юга) окружена скалами; внизу растетъ дубовый лѣсъ; среди самой мѣстности возвышаются двѣ огромныя скалы (точнѣе, два мыса), изъ которыхъ одна, южная, носящая названіе «Дурнои скели», вдалась въ Днѣпръ, а во время весенняго разлива Днѣпра окружена со всѣхъ сторонъ водою, образуя такимъ образомъ большой каменный островъ [1]); другая, «Середня скеля», расположена въ 80—100 саженяхъ отъ первой, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, ближе къ горѣ отъ степи и окружена дубовымъ лѣсомъ. «Въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ стариковъ, на Середней скелѣ можно было видѣть оригинальный камень «люльку», формой своей представляющій громаднаго размѣра трубку «съ чабукомъ и протычкою»; а въ 1875 году и позже на этой скалѣ лежало

---

[1]) Отъ материка «Дурна скеля» отдѣляется такъ-называемымъ Проризомъ; величина острова—до трехъ десятинъ.

замѣчательное, по своей оригинальности, каменное «лижко» или кресло, выдолбленное, какъ полагаютъ, для Сагайдака; это просто грубо обработанный камень, взнесенный на возвышенность скалы, откуда есть возможность наблюдать окрестности; въ немъ искусно выдолблено сидѣнье такого размѣра, что свободно можно улечься человѣку средняго роста; съ наклонной стороны камня продолблено мѣсто спускать ноги, а вверху—мѣсто для головы. Отъ долбленія-ли, или отъ замерзанія въ немъ во время сильныхъ морозовъ случайно попавшейся воды, камень раскололся на двѣ части; но росколотыя половины плотно слеглись одна съ другой. Съ обѣихъ скалъ хорошо видны окрестности: островъ Хортица (сѣверный конецъ) и колонія Кичкасъ, на правой сторонѣ Днѣпра, а также окрестныя приднѣпровскія степи; внизу быстро струится хрустальный Днѣпръ. Словомъ, взору наблюдателя рисуется прелестный ландшафтъ; а шумъ воды, пробивающейся между ущельями пересѣкающихъ Днѣпръ камней, оживляетъ эту дикую природу. На «Дурной скелѣ», занимающей огромное пространство мѣстности, растутъ кусты ракиты, дубъ и татарскій кленъ, не говоря уже о травахъ и цвѣтахъ, которыми бываетъ роскошно наряжена скеля въ весенніе и лѣтніе мѣсяца» [1]).

Еще шесть лѣтъ тому назадъ, во время моего перваго путешествія по запорожскимъ урочищамъ, я нашелъ кресло Сагайдака въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно только что описано. Въ настоящее же время отъ этого кресла остались одни только осколки. И стыдно сказать, отчего это произошло: изъ г. Александровска выѣхала пьяная компанія, предводимая фельдшеромъ Бурнашовымъ и псаломщикомъ Кирилловымъ, подложила подъ кресло порохъ и взорвала его на воздухъ. Возмутительное дѣйствіе, стоящее примѣрнаго наказанія!.. Два съ половиной года тому назадъ, лѣтомъ, въ концѣ августа, на скелѣ Середней произошла такого рода печальная драма. Нѣкто К. П. П., по

---

[1]) Я. П. Новицкій. Малорус. преданія Драгоманова. Кіевъ, 1876 г., 421. Степь, 1886 г., 11 мая, 291.

занятію коммерсантъ, по происхожденію грекъ, женился, по слѣпой любви, на только что окончившей курсъ екатеринославской гимназіи дѣвицѣ Е. И. Г.; мужу было сорокъ лѣтъ, женѣ едва шестнадцать. Бракъ, повидимому, состоялся по разсчету. Въ теченіе полугода мужъ издержалъ на прихоти жены одиннадцать тысячъ и потомъ, не будучи въ силахъ удовлетворять дальнѣйшимъ капризамъ ея, бросился со скалы Сагайдака въ Днѣпръ... Невольно скажешь: «о, времена! о, нравы!» Сагайдачный «проминявъ жинку на тютюнъ та люльку», а П. черезъ эту самую жинку бросается со скалы, носящей имя Сагайдачнаго. Впрочемъ, и то сказать,—двѣ противоположныя натуры: закаленный запорожецъ и пылкій грекъ.

Миновавъ скелю Дурну, огромные камни Стоги, числомъ два, среди самого Днѣпра, мы скоро добрались до трехъ, еще болѣе огромныхъ камней, Столповъ, расположенныхъ противъ сѣверо-западнаго угла большого острова Хортицы, нѣсколько лѣвѣе такъ-называемой Головы. Самый западный изъ Столповъ носитъ названіе Дивана и дѣйствительно представляетъ изъ себя нѣчто похожее на диванъ, только чудовищно большихъ размѣровъ. По преданію, на этой скалѣ отдыхала императрица Екатерина II, когда ѣхала отъ Ненасытецкаго порога внизъ по-надъ Днѣпромъ. Разсказываютъ, что на Диванѣ была сдѣлана какая-то надпись, высѣченная въ присутствіи императрицы однимъ изъ вельможъ, сопровождавшихъ ее во время путешествія по-надъ Днѣпромъ. Мы не знаемъ, чтобы императрица Екатерина II поднималась на скалу Диванъ; хотя близь этого мѣста, въ селѣ Верхней-Хортицѣ, принадлежавшемъ титулярному совѣтнику Черткову, она ночевала 22 мая, когда ѣхала въ Херсонъ. Очевидно, преданіе почти со всякой скалой, болѣе или менѣе замѣчательной, желаетъ соединить имя Екатерины II. Диванъ интересенъ въ томъ отношеніи, что съ него открывается величественный видъ на четыре стороны: Новый Днѣпръ, Большую Хортицу, Старый Днѣпръ и колонію Кичкасъ; это—положительно единственное мѣсто на всемъ Днѣпрѣ; отсюда открывается такая

богатая картина, для описанія которой не достанетъ воображенію красокъ, а языку словъ... Въ этомъ отношеніи Диванъ— одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ на всемъ Днѣпрѣ. Замѣчателенъ онъ еще и тѣмъ, что если подняться на него и крикнуть что-нибудь, то отъ этого крика получится отчетливое, съ полной интонаціей голоса, но только въ болѣе сильной степени, эхо. Крикните басомъ, эхо отвѣтитъ басомъ; крикните дискантомъ— эхо отвѣтитъ тѣмъ же; выругайтесь, и эхо выругается.

Спустившись съ Дивана къ Средней скалѣ Столповъ, мы увидѣли здѣсь интересное углубленіе, сдѣланное въ огромномъ гранитномъ камнѣ, находящемся нѣсколько выше уровня днѣпровскихъ водъ. Углубленіе носитъ названіе «Запорожской миски» и дѣйствительно представляетъ собою нѣчто похожее на миску. Въ поперечникѣ эта миска имѣетъ больше трехъ аршинъ, въ глубину — полтора аршина. Есть основаніе думать, что эта миска образовалась отъ того, что въ углубленіе скалы сравнительно мягкой породы попалъ камень твердой породы и, вертясь вслѣдствіе водоворота, постепенно расширяя и углубляя его, сдѣлалъ изъ него настоящую миску.

— Чого жъ ця миска звется запорожскою?

— Та того, то изъ неи йлы запорожци.

— А якъ же воны йлы изъ такои миски?

— Та такъ, мабуть, якъ йлы у царици въ Петенбурси... Посидали одинъ противъ одного та черезъ мыску и годуютця: цей того, а той цёго.

Отъ Столповъ мы поворотили въ правый рукавъ Днѣпра и тутъ, миновавъ село Вознесенку или Нешкребивку, у лѣваго берега Днѣпра, причалили у пристани Александровска, уѣзднаго города екатеринославской губерніи. Здѣсь я рѣшилъ остаться на нѣкоторое время и потому распростился со своими лодочниками.

— Бувайте, пане, здорови, якъ волы та коровы! Бубликомъ хвистъ завертайте тай насъ не забувайте!..

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сонце гріе, витеръ віе на степу козачимъ.
На тимъ степу скризь могилы стоять та сумують;
Пытаютця у буйнаго: «де наши панують?
Де панують, бенкетують, де вы забарылись?
Вернитеся!..»

Т. Шевченко.

Городъ Александровскъ стоитъ при впаденіи р. Большой Московки въ Днѣпръ и представляетъ изъ себя мало чего замѣчательнаго. Онъ имѣетъ всего лишь двѣ церкви, лѣтомъ пыленъ, осенью и весной грязенъ; въ немъ нѣтъ ни гимназіи, ни реальнаго училища, также какъ нѣтъ ни садовъ общественныхъ, ни театровъ; за то есть острогъ, зданіе въ архитектурномъ отношеніи превосходное. Мѣстоположеніе города возвышенное, къ югу нѣсколько покатое. Коренные жители малороссы, пришлые—евреи и нѣмцы. Съ восточной стороны къ Александровску непосредственно примыкаетъ нѣмецкая колонія Шенвизъ, съ западной—деревня Слободка и за ней село Вознесенка или Нешкребивка. Время возникновенія города относится къ 1771 году, ко времени царствованія императрицы Екатерины II, такъ много заботившейся о населеніи новороссійскаго края. Въ 1770 году указомъ Екатерины II въ тѣхъ видахъ, «дабы какъ Малороссія, такъ Слободская губернія навсегда отъ варваровъ обезпечена была», повелѣно было генералъ-майору Щербинину учредить «новую днѣ-

провскую» линію крѣпостей отъ Азовскаго моря до Днѣпра [1]). Въ томъ же году, десятаго мая, государственная коллегія, по распоряженію императрицы, дала знать генералъ-поручику Деденеву о построеніи на рѣчкахъ Московкѣ и Бердѣ такъ-называемой ново-днѣпровской линіи съ городами и о содержаніи въ нихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Въ 1771 году такая новоднѣпровская линія дѣйствительно была заведена: она начиналась у Азовскаго моря крѣпостью Петровскою и оканчивалась на Днѣпрѣ противъ острова Хортицы крѣпостью Александровскою. Кромѣ того, на этой же линіи предполагалось возвести крѣпости: Никитинскую, Григорьевскую, Кирилловскую, Алексѣевскую и Захарьевскую [2]). Въ крѣпости Александровской, крайней къ Днѣпру, велѣно было устроить резиденцію линейнаго оберъ-коменданта [3]). Вотъ время возникновенія крѣпости Александровской, теперешняго города Александровска. Возведенный сразу на степень крѣпости, Александровскъ пользовался въ то время большою извѣстностью. Въ немъ стояли батальоны артиллерійскихъ и инженерныхъ командъ, множество разныхъ козацкихъ полковъ, жили тысячи посошныхъ рабочихъ людей и сотни разныхъ торговыхъ и промышленныхъ артелей; сверхъ того, черезъ Александровскую крѣпость уже тогда проложенъ былъ торговый трактъ изъ Великороссіи въ Малороссію и изъ Малороссіи въ Крымъ, это такъ-называемый великій чумацкій, крымскій стовповый шляхъ; наконецъ въ Александровской крѣпости устроена была даже таможня и содержался карантинъ [4]).

Но не тѣмъ интересенъ г. Александровскъ, что нѣкогда онъ былъ крѣпостью, онъ интересенъ для занимающагося исторіей запорожскихъ козаковъ тѣмъ, что на одномъ изъ его кладбищъ покоится прахъ извѣстнаго кошевого атамана, Осипа

---

[1]) Памятн. книжка Екатеринослав. губерніи, 1864.

[2]) Записки одес. общ. ист. и древн. Одесса, 1853 г., т. II, стр. 292.

[3]) Памятн. книжка Екатеринослав. губерн. 1864 г.

[4]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-статистическаго опис. екатеринослав. епар. Екатеринославъ, 1880 г., т. II, стр. 247 и 251.

Михайловича Гладкаго, того самаго Гладкаго, который въ 1828 году, 9 мая, возвратилъ запорожскихъ козаковъ изъ предѣловъ Турціи въ предѣлы искони имъ родной Россіи.

Бросимъ бѣглый взглядъ на это дѣло. Въ 1775 году, по различнымъ политическимъ соображеніямъ русскаго правительства, была «скасована» запорожская Сича, находившаяся на р. Пидпильной, въ мѣстечкѣ Красномъ-кутѣ, теперешняго екатеринославскаго уѣзда. Тогда очень плохо пришлось запорожцамъ, но они большинствомъ голосовъ рѣшили не поднимать оружія противъ своего же брата «москаля», хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и не даваться ему въ руки: «лучче закивати пьятами», т. е. совсѣмъ оставить свою отчизну въ Россіи и поискать себѣ пристаница у турка на Дунаѣ, нежели позволить «москалю убрати себе у шоры», разсуждали братчики—сиромахи. И точно. Многіе изъ нихъ скоро нашли «ворота въ великую Порту». Но какъ же больно и горько было «низовымъ лыцарямъ» подчиняться тому самому басурманину, противъ котораго они считали священнымъ долгомъ своимъ вести войну и котораго всею своею козацкою душею ненавидѣли! Такъ прошло много времени. Но духъ козацкій не ослабѣвалъ, сила запорожцевъ не оскудѣвала, да и сношенія съ родной Украйной не прекращались: многіе изъ молодыхъ украинцевъ покидали свои родныя «осели» и удалялись на тихій Дунай къ своимъ «бидолашнымъ братчикамъ» искать у нихъ счастья, широкой доли. Между такими бурлаками былъ и нѣкто Осипъ Михайловичъ Гладкій, чистокровный украинецъ, родомъ изъ села Мельниковъ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, третій сынъ головы [1]) Михаила Григорьевича Гладкаго [2]). Осипъ Михайловичъ и «дружился» уже на родинѣ: у него была жена Өедосья Андреевна Мазуръ, по предкамъ полька, но по рожденію истая украинка. Но объ этомъ не вѣдали низовые братчики, какъ не вѣдали они и того, что Осипъ Михай-

[1]) Михаилъ Григорьевичъ былъ 30 лѣтъ головой несмѣняемо.

[2]) Два старшіе его сына назывались Аөанасій и Максимъ.

ловичъ, по козацкому обычаю, прокутилъ все свое состояніе и кромѣ жены покинулъ на произволъ судьбы въ деревнѣ Красно-хижинцахъ, той же губерніи и уѣзда, еще четверыхъ дѣтей: сына Василія, дочерей Елену и Наталью и сына Демьяна [1]). Обо всемъ этомъ запорожцамъ не было сказано, да и нельзя было: женатыхъ на Сичу не принимали. Прошло еще нѣсколько времени. Случилось, что греки, народъ подвластный туркамъ, вынужденные ужасными насиліями со стороны своихъ властителей, подняли противъ нихъ возмущеніе. Надо было возмутившихся усмирить. Отъ султана Махмуда II пришелъ приказъ къ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ выслать 500 добрыхъ молодцевъ, которые должны были присоединиться къ турецкимъ войскамъ и идти противъ возмутившихся грековъ. Отрядъ собрали подъ начальствомъ походнаго кошевого атамана Якова Мороза. Въ числѣ простыхъ козаковъ, посланныхъ противъ грековъ, былъ и Осипъ Михайловичъ Гладкій.

Но греки усмирены; война окончена, и запорожцы снова въ Сичи; въ Сичи и Осипъ Михайловичъ Гладкій. Наступило первое генваря новаго года: «А шо, панове-молодци, треба намъ на курень нового отамана выбирати!» — «Тай треба!» «А кого-жъ обрать»? — «Та кого-жъ, якъ не Осипа Гладкого?» И точно, кромѣ него не было болѣе подходящаго. Всѣмъ онъ взялъ: онъ былъ храбрый, расторопный, добрый рубака, цѣкавый на слово. «Нехай винъ буде у насъ куреннымъ!» говорили друзья-товарищи Осипа Гладкаго. — «Ну, й нехай!» отвѣчало большинство товарищества платгиривскаго куреня. Прошло еще нѣсколько времени; насталъ 1827 годъ, первое генваря. Въ этотъ день, по исконному обычаю запорожскихъ козаковъ, смѣнялась прежняя старшина и назначалась новая. Ударили въ котлы; собралась рада; явилась вся старшина на лицо. «А шо, панове-молодци, треба намъ на сичь нового кошового!!

---

[1]) Къ четыремъ дѣтямъ у Осипа Михайловича впослѣдствіи, когда онъ возвратился изъ-за Дуная въ Россію, прибавилась еще дочь Марія.

«Тай треба таки!» «А кого жъ мирволимъ выбрати?» — «Гладкого! Гладкого! Осипа Гладкого!» загудѣло сичевое товарищество... И такъ Осипъ Гладкій выбранъ кошевымъ атаманомъ всею запорожскою Сичею и назначенъ двухъ-бунжучнымъ пашею самимъ султаномъ турецкимъ. Но вотъ затѣвается война Турціи съ Россіей; козаки, какъ подданные турецкаго султана, должны были выступить противъ его врага, русскаго императора. «А що, панове-молодци, чи добра наша служба?» — «Гирка, батьку!» — «Правда ваша, молодци: гирка наша служба! И вирямь, за кого мы будемъ битьця и противъ кого?» — «За бусурмена противъ христіянъ!» «И то правда. Гирка наша служба»!... — «А де жъ вона лучча, батьку?» «А де вона лучча? У москаля, чесне товариство! Ось подывитьця на нашу жъ братію, чорноморцивъ: е мижъ ними и охвицери, и полковники; е таки, що й землю у себе мають и гришми побрязкують; та е у ихъ и таки мисця, де й гроши можно пропити. А у насъ? Чортъ зна що! Що у насъ за земля? Голый писокъ, та ще й того, гляди, не буде: онъ, кажуть, султанъ хоче, щобъ насъ у Египетъ перевести»... — «Що жъ робити, батьку? Порадь насъ!» «Що робити? Вы тилько слухайте мене, то все гараздъ буде. Турокъ воюе зъ москалемъ; москаль стоитъ у Змайлови (въ Измаиловѣ)... У насъ буде сорокъ дви лодки; мы сядемо на ти лодки та въ море, а зъ моря въ Килійске гирло, а изъ Килійського гирла въ Дунай, а за Дунаемъ городъ Змайловъ, а тамъ мы уже и у москаля въ гостяхъ. Гараздъ?» — «Гараздъ, батьку»!... И вотъ Осипъ Гладкій съ вѣрными ему козаками, хотя и далеко не со всѣми, въ Измаиловѣ крѣпости предъ лицомъ государя императора Николая Павловича. «Прости, великій царю»! — «Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю! Я знаю, что вы за люди»!.. Осипъ Гладкій повергъ у ногъ государя свою булаву, саблю и шапку и взамѣнъ того получилъ на андреевской лентѣ золотую медаль, чинъ полковника, далѣе командира, затѣмъ кошевого и наказного атамана вновь сформированнаго изъ выведенныхъ коза-

ковъ «запорожскаго войска», названнаго потомъ «дунайскимъ козачьимъ полкомъ» и вновь переименованнаго въ «азовское козачье войско». Прошло послѣ этого много времени. Наступилъ 1855 годъ. Осипъ Михайловичъ теперь уже въ отставкѣ; теперь онъ генералъ-маіоръ; живетъ въ станицѣ Ново-Спасовкѣ, потомъ переѣзжаетъ въ купленный имъ за шесть тысячъ руб. хуторъ Ново-Петропавловку, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, между селъ Славгородомъ и Покровскимъ, на р. Солоной, въ шестидесяти верстахъ отъ уѣзднаго города Александровска. Теперь онъ уже не разлученъ со своей женой Ѳедосьей Андреевной, теперь онъ ведетъ мирную жизнь помѣщика-хуторянина; дѣти его воспитываются: старшій, Василій, сперва въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ екатеринославской губернской гимназіи, которую оканчиваетъ съ серебряною медалью, имѣя съ тѣмъ вмѣстѣ уже и чинъ офицера; Демьянъ учится въ александровскомъ царско-сельскомъ малолѣтнемъ корпусѣ [1]); Наталья—въ полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; Марія и Елена—дома, подъ руководствомъ самихъ родителей. Прошло еще нѣсколько времени и наступилъ 1866 годъ, роковой годъ для Осипа Михайловича. Лѣтомъ, въ іюньскую жару, въ день апостоловъ Петра и Павла, Осипъ Михайловичъ отправился въ г. Екатеринославъ на ярмарку. Уже онъ оставилъ его; уже благополучно добрался до г. Александровска. Но тутъ внезапно почувствовалъ припадки страшной болѣзни холеры, свирѣпствовавшей не задолго передъ этимъ въ г. Екатеринославѣ, и послѣ продолжительныхъ страданій, пятаго іюля, и покончилъ свое земное существованіе, проживъ 79 съ половиной лѣтъ. За нимъ послѣдовала и его жена, безотлучно находившаяся при больномъ мужѣ и заразившаяся тою же болѣзнью, холерою; какъ и Осипу Михайловичу, Ѳедосьѣ Андреевнѣ было точно также 79 съ половиной лѣтъ.

[1]) Онъ умеръ бездѣтнымъ, въ 1862 году, въ званіи баталіоннаго командира.

Оба погребены на городскомъ кладбищѣ г. Александровска. «Генералъ-маіору, бывшему кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Осипу Михайловичу Гладкому.» Такъ гласитъ надпись, сдѣланная на небольшомъ песчаниковомъ крестѣ, поставленномъ сыномъ умершаго, Василіемъ Осиповичемъ Гладкимъ. Изъ всѣхъ дѣтей бывшаго кошевого атамана запорожскихъ козаковъ въ настоящее время осталось только двое: Василій Осиповичъ, въ отставкѣ подполковникъ, и Наталья Осиповна, въ замужествѣ Слоновская. Первый живетъ въ деревнѣ Екатерининской, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, на рѣчкѣ Ганчулѣ, въ имѣніи своей жены Бѣляевой; онъ имѣетъ восьмеро дѣтей: четырехъ сыновей и столько-же дочерей; изъ нихъ старшій, Петръ Васильевичъ, по окончаніи курса математическихъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ, оставленъ былъ по каѳедрѣ математики и отправленъ за-границу, но потомъ, по возвращеніи изъ-за-границы, поступилъ на службу въ чугунно-литейный заводъ князя Демидова-Санъ-Донато, въ Нижній-Тагилъ, пермской губерніи; слѣдующій сынъ, Осипъ Васильевичъ, по окончаніи курса юридическихъ наукъ въ томъ же университетѣ, поступилъ на земскую службу и выбранъ мировымъ судьей въ одинъ изъ участковъ александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; послѣдніе, Демьянъ и Степанъ, учатся: первый въ московскомъ университетѣ, второй— въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Старшая дочь Настасья Васильевна, въ замужествѣ за неслужащимъ дворяниномъ, фотографомъ А. М. Иваницкимъ, живущимъ въ г. Харьковѣ; слѣдующая дочь, Ирина Васильевна, состоитъ въ числѣ классныхъ дамъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, остальныя двѣ дочери, Домникія и Варвара, при отцѣ; всѣ онѣ прекрасно окончили курсъ въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ [1]).

---

[1]) Печатныхъ свѣдѣній о личности О. М. Гладкаго очень мало: можно указать только на слѣдующія: «Историческое свѣдѣніе объ азовскихъ и дунайскихъ козакахъ», напечатанное въ «Инвалидѣ» за 1847 г.;

Вотъ чѣмъ интересенъ г. Александровскъ для того, кто занимается исторіей запорожскихъ козаковъ. Въ городѣ Александровскѣ на этотъ разъ я имѣлъ разыскать Якова Павловича Новицкаго, извѣстнаго южно-русскаго этнографа. Но Новицкій, въ то время былъ на Хортицѣ. Хортица — это его постоянная лѣтняя дача. Тамъ онъ беретъ себѣ подъ наемъ небольшой клочечекъ земли подъ бакчу и, забившись въ курень, проводитъ въ немъ цѣлые дни и ночи... Нечего было дѣлать: нужно было идти пѣшкомъ къ Днѣпру, чтобы переправиться черезъ него на Хортицу. Пройдя около получаса по хорошо утрамбованной дорогѣ, я очутился у песчанаго берега рѣки, ярко заблестѣвшей передо мной отъ солнца. Поклонившись пышному и широкому Днѣпру, омочивъ свою разгоряченную голову его водой, я сталъ высматривать себѣ каючка. Какъ вотъ на мое счастье плыветъ внизъ по теченію въ маленькомъ каючкѣ «дидокъ». Я подалъ знакъ рукой диду, и онъ подвернулъ къ моему берегу.

— Здоровеньки були, дидуню!

— Здоровеньки були, паничу!

— А шо я вамъ скажу, дидуню?

— Якъ шо е що казати, то кажить,—послухаю!

— Перевезить мене, спасиби вамъ, на той бикъ Нипра!

— Це бъ то на Хортицу?

— Якъ есть туда!

— Я бъ то васъ и перевизъ, такъ каюкъ ненадежный.

— Чомъ ненадежный? а жъ винъ не хисткій?

— Та винъ-то не хисткій, та шо зъ дирками, отъ шо бида!

— Це ничогисенько; мы ѓго заразъ оснастимъ, тай подамось.

«Осипъ Михайловичъ Гладкій», напечатанное въ «Русской Старинѣ» за 1881 г., II; «Задунайская Сѣчь» въ «Кіевской Старинѣ», за 1883 г.; «Полковникъ изъ Золотоноши», въ «Нивѣ» за 1883 г., сочиненіе Кириллова. Послѣднее носитъ характеръ повѣсти или романа; но оно наполнено самыми грубыми и непростительными историческими ошибками.

— Ну, якъ такъ, то й такъ!

Забивъ въ каюкѣ дырки, мы заняли свои мѣста и скоро поплыли поперекъ Днѣпра, по направленію отъ сѣвера къ югу.

— Вы, мабуть, изъ города, паничу?

— Изъ города, диду!

— Такъ це, мабуть, за якимъ-небудь диломъ до нимцивъ йдыте?

— Та такъ: и за диломъ и не за диломъ, а бильшъ усёго, шобъ подивитьця на Хортицю. А шо бувають тутъ таки, шо дивлятця на неи?

— Бувають! Та коли хочете, то я дня три тому назадъ переправлявъ каюкомъ на Хортицю якось янорала. Оттаке-лезни на нему опалеты! Якъ переправивъ его на Хортицю, такъ винъ виннявъ изъ саквоюза книгу тай давай у ню читати. У книгу читае и на острив дивитця... Потимъ читавъ-читавъ тай каже мини: — «эхъ, диду, тай роботы жъ тутъ буде нашимъ письмакамъ»!.. Та й закрывъ книгу, потимъ давъ мини ажъ цилисенького двугривенного та й подавсь на островъ, а я соби подавсь на свий бикъ Нипра.

Быстро шло время за разговоромъ, и мы не успѣли оглянуться, какъ уже были у берега Хортицы. Поблагодаривъ дида и словами и деньгами, я направился вдоль берега Хортицы, въ нѣмецкую колонію островъ-Хортицу (Insel-Chortiz). Пройдя около пяти верстъ черезъ разныя балки, выбалки, извилины и заточины, я наконецъ добрался до дома колониста Фризена. Фризенъ, старикъ очень высокаго роста, симпатичный, ласковый, встрѣтилъ меня у порога своего дома и попросилъ войти въ сѣни. Я послѣдовалъ за нимъ.

— А десь я васъ та бачивъ?

— А де жъ вы мене бачили?

— Та вы у насъ торйкъ не були?

— Бувъ!

— Такъ, такъ! Тоди я васъ и пачивъ [1]).

Отъ Фризена я добрался до небольшого куреня Я. П. Новицкаго. Солнце все еще пекло сильно, и потому на баштанѣ никого не было видно. «Пугу! пугу! козакъ зъ лугу!» самъ себѣ закричалъ я.—«Який козакъ?! зъ якого лугу?» — «А ось вылазь, то й побачишъ, якый».—Въ куренѣ мы рѣшили раннимъ утромъ слѣдующаго дня отправиться въ путь вверхъ понадъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра.

Уже было за полночь, когда мы оставили Хортицу и, сѣвъ на лодку «Ластивку», пустились внизъ по Днѣпру, къ пристани г. Александровска. Что за ночь была въ то время, и до сихъ поръ не могу забыть! Тихо, до того тихо, что, казалось, вода въ Днѣпрѣ совсѣмъ остановилась, совсѣмъ застыла и какъ-бы превратилась въ хрустальную, чистую и свѣтлую массу. «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»!... А между тѣмъ лодка наша, сама собой, безъ веселъ, быстро скользила по Днѣпру, почти съ быстротою молніи уносимая его теченіемъ. Не знаешь, чѣмъ и любоваться: роскошнымъ-ли, полнымъ и величественнымъ Днѣпромъ, массивными-ли, высокими гранитными его берегами, или прозрачнымъ, чистымъ небомъ, усѣяннымъ миріадами свѣтлыхъ звѣздъ и залитымъ мягкимъ свѣтомъ луны... То была картина, полная прелести, величія и обаянія. Тутъ лишни были слова и движенія восторга... Уже около получаса плыли мы по Днѣпру, въ нѣмомъ восторгѣ, не смѣя ни единымъ словомъ, ни единымъ звукомъ нарушить царственной тишины... Но вотъ впереди насъ показался островъ Розстёбинъ, и мы пристали къ нему, желая пройтись по немъ. Однако островъ оказался покрытымъ такой высокой и густой лозой, что пробраться черезъ него не было никакой возможности; нѣсколько разъ сваливались мы въ ямы, нѣсколько разъ запутывались въ кустахъ и подъ конецъ рѣшили воротиться къ лодкѣ. Однако это не сразу да-

---

[1]) Нѣмцы-колонисты говорятъ по-малорусски съ акцентомъ нѣмецкимъ.

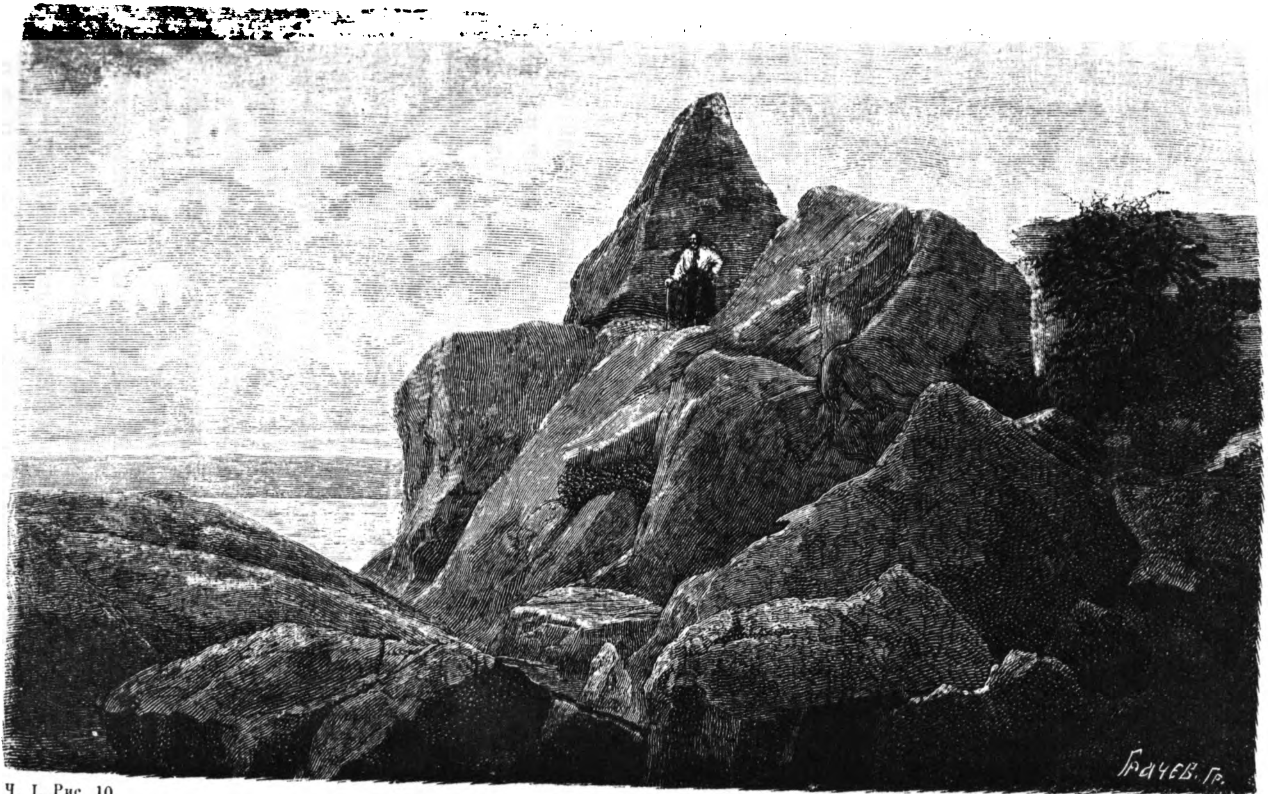
лось намъ: мы заблудились! Какъ тутъ быть? Кругомъ не видно ни зги, кромѣ мрѣющихъ въ небѣ звѣздъ. «Стой, хлопче! а гдѣ Большая Медвѣдица»?—«А вотъ она»!—«Ну, на нее же намъ и держать»! Такъ мы выбрались къ берегу, сѣли въ лодку, скоро добрались до пристани и отъ пристани дошли до города.

Слѣдующимъ днемъ мы поднялись поздно и тотъ-же часъ начали собираться въ путь. Не долги были наши сборы. Кусокъ сала, рыба, хлѣбъ и фляшка горилки составляли весь нашъ продовольственный запасъ; чумарка, блуза, длинные сапоги, дымчатыя очки, походныя палки составляли наше убранство. Отъ Александровска мы рѣшили направиться на сѣверо-западъ, прямо къ Кичкасу, и оттуда уже подняться вверхъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, насколько хватитъ у насъ силъ и бодрости идти пѣшкомъ. Сложивъ свою скудную провизію въ сумку и повѣсивъ сумку при помощи палочки на плечо, мы весело и шибко зашагали впередъ, останавливаясь и разспрашивая по временамъ встрѣчныхъ дидовъ о какой-нибудь балочкѣ, скелькѣ или могилкѣ, одиноко торчащей въ степи. Чвалаемъ себѣ по степи, какъ тѣ козаки-сиромахи! Идемъ-идемъ, присядемъ на травѣ, повалимся на бокъ, полежимъ, отдохнемъ; тутъ кто пѣсню пропоетъ, кто думу проговоритъ:

«Якъ гулявъ козакъ-нетяга симъ годъ ще й чотыри,
То потрявъ спидъ себе три кони вороніи,
И якъ на девьятый годъ навертае,
А козакъ-нетяга до города, до Черкасъ, прибувае,
И шо на козаку-нетязи три сыромьязи:
Опончина рогозовая, поясына хмелёвая,
Сапьянци выдни пьяты й пальци,
Шапка-бырка—зверху дырка,
Хутро голе, околици Бигъ мае;
Вона дощемъ покрыта,
Травою пошита,
А витромъ на славу козацьку пидбита.
Куды віе, туды й прививае,
Молодого козака та й прохоложае».

А вотъ войдемъ мы въ балку, увидимъ грушевое дерево; тутъ одинъ изъ насъ тотчасъ влѣзетъ на дерево и начнетъ трусить созрѣвшіе фрукты, а другой станетъ подъ деревомъ и подбираетъ падающіе плоды въ сумку «про запасъ на голодные годы».

Такъ прошли мы нѣсколько балокъ, выбалокъ, миновали нѣсколько могилъ, могилокъ и наконецъ очутились у лѣваго берега Днѣпра, близь громадной скели Дзвиныци. «Верхъ вывела гостро, мовъ и справди дзвиныця!» (См табл. X). Близь Дзвиныци мы увидѣли пещеру Школу и рѣшили изслѣдовать ее. Для этой цѣли мы сошли къ берегу Днѣпра, и тутъ передъ нашими взорами раскинулась небольшая, но въ высшей степени живописная площадка, поросшая густою высокою травой, съ западной стороны упирающаяся въ Днѣпръ, съ сѣверной и восточной—затѣненная густыми кустарниками деревъ, а съ южной—загроможденная огромнѣйшей стѣной гранитныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ. Вотъ гдѣ дичь! Кромѣ деревьевъ, сѣрыхъ скалъ, да голубого неба ничего и никого здѣсь не видно. Посидѣвъ и отдохнувъ на зеленой площадкѣ, подзакусивъ и подкрѣпившись доброю горилкою, мы рѣшили послѣ этого проникнуть во внутрь пещеры. Собственно говоря, отыскать сразу входъ въ пещеру довольно затруднительно. Нужно сперва найти углубленное въ стѣну отверстіе съ огромнѣйшимъ навѣсомъ надъ нимъ, едва только на полъ-аршина возвышающимся надъ землей, и потомъ уже въ этомъ навѣсѣ надо искать самую пещеру. Согнувшись, что называется, въ три погибели, мы влѣзли въ отверстіе стѣны и тотъ же часъ увидѣли надпись, сдѣланную на скалѣ, прикрытой навѣсомъ и состоящую изъ буквъ, выведенныхъ красной краской, очевидно, въ самое позднѣйшее время: Е. М. Е. Т. Н. М. В. Ю. Э. Г $^{27}/_{VI}$ 81. Взобравшись въ отверстіе, мы замѣтили здѣсь два темные хода: одинъ влѣво, другой вправо. Послѣдній ходъ и велъ собственно въ пещеру. Самая пещера (точнѣе, гротъ) оказалась состоящею изъ двухъ корридоровъ, изъ коихъ одинъ идетъ съ сѣвера на югъ, параллельно Днѣпру,

Ч. I. Рис. 10.

Камень Дзвиныця.

а другой — съ востока на западъ, встрѣчно Днѣпру. Высота пещеры—четыре аршина. На протяженіи девяти аршинъ она сперва идетъ съ сѣвера на югъ, послѣ чего подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ съ востока на западъ и идетъ на протяженіи пяти аршинъ, оканчиваясь отверстіемъ въ берегу Днѣпра. Проходъ изъ перваго корридора во второй до того узокъ, что здѣсь надо особеннымъ образомъ вытянуться, чтобы пролѣзть черезъ него. Тутъ грозитъ большая опасность застрять между скалъ и остаться на всегда въ пещерѣ; опасность увеличивается еще отъ того, что второй корридоръ не имѣетъ внизу пола и, представляя изъ себя зіяющую расщелину, оканчивается гдѣ-то далеко внизу, въ самомъ материкѣ земли, на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Держа въ зубахъ кусокъ стеариновой свѣчки, обмотанной въ бумагу, мы осторожно стали пробираться изъ перваго корридора пещеры во второй и, чтобы не оборваться въ расщелину, хватались руками за небольшой карнизъ, которымъ оканчивается пещера вверху, у самаго потолка. Каждую минуту можно было ожидать, что вотъ-вотъ соскользнетъ рука, и тогда прости-прощай всё, что любо-дорого!.. Страшна была именно пропасть, зіявшая подъ ногами: она, чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ больше съуживалась, представляя изъ себя нѣчто въ родѣ огромнаго расщепленнаго камня, въ которомъ можно было заклиниться, какъ заклиняется топоръ, вгоняемый въ бревно. Много нужно было имѣть смѣлости, а еще больше того—ловкости, чтобы пробраться чрезъ этотъ второй корридоръ пещеры, но мы благополучно совершили свой подвигъ и скоро выбрались изъ пещеры, чтобы продолжать дальнѣйшій путь. Въ пещерѣ Школѣ, если вѣрить разсказамъ стариковъ, «нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли кожанную сумку, наполненную копьями, позументы отъ какого-то форменнаго платья, большую берцовую кость человѣческаго скелета, въ которой оказалась стрѣла, и, наконецъ, въ одномъ ущельѣ скалы, у входа пещеры къ Днѣпру,—нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ» [1]).

[1]) Я. П. Новицкій. Степь. 1886 г., 16 февраля, стр. 102.

Оставивъ пещеру Школу и миновавъ нѣсколько балокъ, скалъ и островов, мы наконецъ, уже къ вечеру, добрались до деревни Маркусивки или Павлокичкаса. Деревня Маркусивка раскинулась по высокому взгорью вдоль лѣваго берега Днѣпра. Солнце совсѣмъ садилось за горизонтъ, когда мы приблизились къ хатѣ дида Дмитра Бута. Хата дида Бута обращена была крыльцомъ къ Днѣпру; у крыльца стояла скамеечка, а на скамеечкѣ сидѣлъ дидъ и смотрѣлъ на заходящее солнце. То было чудное, хотя и мимолетное зрѣлище. Солнце, прежде чѣмъ зайти за горизонтъ, вдругъ погрузилось въ Днѣпръ, и отъ этого вся рѣка сдѣлалась ярко-багровою полосой, горѣвшею милліонами огней, невольно приковывавшихъ къ себѣ взоръ человѣка. Эта картина очаровала, видимо, и дида Бута. Онъ сидѣлъ противъ Днѣпра и смотрѣлъ на заходившее солнце, приложивъ свою лѣвую руку ко лбу, замѣнявшую ему подзорную трубу. Мы подошли къ диду и поздоровались.

— А угадайте, диду, чого це мы до васъ прійшли?

— А кажить чого, тоди и угадаю.

— Чи не можно у васъ, дидуню, передохнути?

— А чомъ не можно? Можно, якъ шо вы добри люде.

— Та мы люди, якъ люди!

— Мабуть писари зъ города, або таки, шо дихтырыка̀ гоните [1]).

— И те, и друге, диду: хто писарюе, а хто дихтырыка гоне.

— Добре, сидайте!

Мы присѣли на скамью, одинъ съ одного бока дида, а другой—съ другого.

— Отъ же я десь васъ бачивъ,—замѣтилъ дидъ, обращаясь къ моему спутнику.

— Ще бъ таки не бачили, колы я три годы пидъ рядъ не минаю вашои хаты. А згадайте!

---

[1]) Дифтеритъ выгоняете.

— Те-те-те! Згадавъ, сердце, згадавъ! Та це вы Якивъ Павловичъ?... Бачъ яка памьять у старого стала!.. Це вже, мабуть, про старовинку хочете чого-нибудь запытать?

— Про старовинку, диду, про старовинку! Та це сперше до васъ затягнули. Ну, якъ вы тутъ живете?

— Та такъ тильки шо маслаки [1]) тягаемъ!

Тутъ едва успѣли мы обмѣняться еще двумя-тремя фразами, какъ по деревнѣ показалась пыль и вмѣстѣ съ пылью—«череда» коровъ.

Скоро въ ворота вошла корова и за коровой невѣстка дида; она низко поклонилась намъ и затѣмъ исчезла. Немного спустя, за невѣсткой явился сынъ дида, потомъ внукъ. Оба подошли къ намъ, и тутъ завязался общій разговоръ. Но не прошло и часу, какъ изъ хаты вышла невѣстка и пригласила всѣхъ насъ «вечерять». Мы послѣдовали приглашенію. Хата оказалась хотя и низкою, но очень опрятною, убранною цвѣтами, вымазанною мѣломъ. Въ углу ея стоялъ столъ, застланный бѣлой скатертью, вокругъ стола широкія лавки, въ самомъ углу образа и за образами ручники съ мережками. Меня усадили въ самый уголъ, «на покуть», въ срединѣ между Яковомъ Павловичемъ, съ одной стороны и самимъ дидомъ—съ другой; остальные члены семьи стояли у стола: «такъ звучай показуе». Скоро на столѣ явилась горилка, а за горилкой и разная «страва», состоявшая изъ цѣлыхъ шести перемѣнъ, начиная съ борща и кончая медомъ. Жидкую пищу ѣли съ особенною предосторожностью: опускавшій ложку въ миску не иначе доносилъ ее до рту, какъ подставивъ подъ нее кусокъ хлѣба, «щобъ скатертыну не закапати»; причемъ во время разговора всѣ выпускали ложки изъ рукъ и вѣшали ихъ на края чашки. Оба эти пріема мы быстро усвоили, къ видимому удовольствію дида. Во время ужина мнѣ хотѣлось свернуть на тему о запорожцахъ, и я сталъ накидать «ключечку» на дида.

[1]) Маслаки—кости.

— Ну й миста жъ у васъ, диду, чудесни!

— Шо теперь воны за чудесни? Якъ бы вы побачили годъ пьятьдесятъ тому назадъ, отъ коли були миста! Тутъ у литку було тихъ зайцивъ, такъ видимо-невидимо: такъ коло хаты и лазять якъ коты, а зимою такъ и мандрують було по крызи цилыми кущами, якъ ягнята. А вовки, то ти такъ на заднихъ лапахъ и стоять. Прыйдуть до возу тай выють. Оце було якъ ночуешъ на степу, то кладешъ коло себе выла, сокыру и косу, шобъ було чимъ одбытысь. Того й гляди, шо ухопе або тебе, або хлоцця, шо быля тебе. Якъ поженешъ вивцю пасти, то такъ и держись за хвистъ... Миста дуже звиряни були! А качокъ, коришокъ, перепеливъ—наче хмара. Якъ вечіръ, то тильки й чуешъ: пидъ-под"мъ! пидъ-подёмъ!... Та такъ усю ничъ, хиба уже на свитаньци трохи угамуютця. А гаду? Господи, скильки его було тутъ! Мини и теперь у памьятку, якъ старому Коваленкови жовтобрюхъ одирвавъ, звыняйте, матню... Насылу вырвавсь живымъ покойныкъ!...

— Отакъ воно було.

— Отакъ и було.

— А скажить, диду, якъ отой остривъ зветця, що понизче Вильного порога?

— Та якый же вамъ треба: тамъ есть остривъ, есть острывокъ, есть и острывець.

— Мини треба отого, шо якъ выскочишъ за поригъ, а винъ и есть.

— Э, такъ це Пурысивъ остривъ!

— Пурысивъ, кажете, остривъ?

— Пурысивъ.

— Такъ винъ и спреже звався?

— Ни не такъ! за запорожцивъ ёго звали Дубовымъ островомъ.

— За запорожцивъ, кажете, диду?

— А то жъ.

— Шо жъ воно таке за запорожци?

— Вояки велики, и велики знахури; воны зъ нечистымъ зналысь.

— Якъ такъ, диду?

— А такъ: зналысь та й годи!

— А же жъ вони були таки, якъ оце й мы?

— Таки, якъ оце й мы!

— И горилку пили, якъ мы?

— И горилку пили!

— И отакъ, якъ и мы борщъ или?

— И отакъ, якъ мы, и борщъ или!

— И въ штаняхъ, и въ сорочкахъ ходили?

— И въ штаняхъ, и въ сорочкахъ ходили, а зъ нечистымъ знались.

— Якъ же воно такъ?

— А ось якъ! Я вамъ роскажу, а вы послухайте. Воно, хай Богъ простить, объ нихъ за хлибомъ-силью и згадувати грихъ, та вже дарма, роскажу. Вони оце запьють-загуляють. Поставляють коло себе два ведры; въ одно ведро наньють горилки, а въ друге воды, та горилку пьють, а въ воду дивлютьця, горилку пьють, а въ воду дивлютьца. А ногайва, а ляхва, а кимлашня такъ кругомъ и обсида ихъ, а воны горилку пьють, а въ воду дивлютця.

— Чого жъ вони дивлютця?

— Постойте, докажу!.. А вони горилку пьють, а въ воду дивлютця... Потимъ уже який-небудь ляхъ пидкрадетця сзади до запорожця та хапъ его за чуприну, а винъ тоди чабулькъ у те видро, шо зъ водою, та звидциля, де мы сидимо, та ажъ пидъ Карцономъ (Херсономъ) опынитця. Такъ хиба жъ ото вони не знались зъ нечистымъ?

— Теперь бачу, диду, шо знались.

Я вновь было началъ закидывать «ключечку» на счетъ запорожцевъ, но дидъ вдругъ оборотился ко мнѣ и, глядя испытующимъ окомъ, замѣтилъ:

— Охъ, здаетця мини, пане, що вы бильшъ мене знаете про тихъ запорожцивъ!

— И де жъ мини знати бильшъ противъ васъ, диду? Вамъ, може, десятокъ сёмый пишовъ, а у мене ще й молоко на губахъ не обсохло.

— Та воно-то такъ. Та аже жъ вы читаете книжки?

— Читати читаю, та тильки якъ? По складахъ: «буки-азъ-ба, види-азъ-ва, глаголи-азъ-га»... Отъ якъ я читаю. Та хочъ бы й лучче читавъ, такъ я у ти книжки, диду, не вирю и вамъ не совѣтую вирити, бо тамъ усе брехни понаписани,—скризь брехни, диду, окримъ святого письма.

— Отъ правду, такъ правду сказали! Я й самъ не вирю тимъ книжкамъ, окримъ святого письма.

Такъ довѣріе было возстановлено, и мы вновь начали бесѣдовать на тему о запорожцахъ. Разговоръ протянулся далеко за полночь, но подъ конецъ мы высказали просьбу, чтобы намъ указали мѣсто для ночлега. Намъ отвели «свитлицу», небольшую хатку черезъ сѣни отъ той, въ которой мы ужинали; туда, по нашей просьбѣ, внесли свѣжаго сѣна, разостлали его «по долівці»,—и мы, покрывъ сѣно пледомъ, тотъ же часъ растянулись на немъ и тотъ же часъ заснули. Проснулись мы еще до восхода солнца. Умывшись и помолясь Богу, тотъ же часъ позавтракали предложеннымъ намъ молокомъ и потомъ, поблагодаривъ хозяина, который отказался взять съ насъ какую бы то ни было плату, отправились въ дальнѣйшій путь, все въ томъ же направленіи, по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Теперь характеръ мѣстности измѣнился: то шли мы по скаламъ, кое-гдѣ только покрытымъ деревьями, теперь шли сплошнымъ лѣсомъ, начавшимся тотчасъ по выходѣ изъ Маркусивки. Лѣсъ упирался въ самый берегъ рѣки и по немъ, съ юга на сѣверъ, тянулась маленькая тропинка, по которой мы, одинъ за другимъ, и зашагали. Весь Днѣпръ окутанъ былъ легкими водяными парами, которые отдѣлялись отъ воды, застилали берега рѣки и густо садились на высокія

деревья. Влага чувствовалась даже на нашихъ платьяхъ и на нашихъ посохахъ. Вотъ увидѣли мы островъ Голый (на старыхъ картахъ, Скалистый) и прилегающую къ нему съ сѣверной стороны косу. Батюшки мои, сколько же на этой косѣ разныхъ птицъ! сколько голосовъ, пѣнія, свистовъ! какой тутъ крикъ, пискъ!.. Мнѣ показалось, что предо мной необитаемый австралійскій островъ... Пройдя часа два лѣсомъ, мы выбрались затѣмъ на открытый, очень возвышенный, берегъ и увидѣли съ него среди Днѣпра островъ Большой-Дубовый или, по-теперешнему, Лѣвшинъ (иначе Маркусивъ), весь покрытый прекраснымъ лѣсомъ. Солнце уже поднялось высоко и начало согрѣвать наши немного продрогшіе въ лѣсу члены. Пройдя еще нѣсколько времени, мы наконецъ увидѣли небольшую сторожку, у берега Днѣпра, на землѣ помѣщика Левшина. Здѣсь жилъ лѣсной сторожъ, еврей Гершковичъ. Отдохнувъ немного на завалинкѣ хаты, мы готовы были уже отправиться въ дальнѣйшій путь, какъ къ удивленію своему увидѣли большую чугунную плиту съ какою-то надписью. Плита стояла у завалинки сторожки и была загажена птичьимъ пометомъ. Я велѣлъ очистить ее, послѣ чего прочелъ на ней слѣдующія слова: «Судообходные каналы въ днѣпровскихъ порогахъ сооружены по повелѣнію Государя Императора Николая I распоряженіемъ главнокомандующаго путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля. Работы начаты въ 1843 году, окончены въ 185...» (уголъ отбитъ). Гдѣ стоялъ этотъ памятникъ, почему онъ попалъ къ сторожкѣ еврея Гершковича, мнѣ на это не дали отвѣта. Хорошо у насъ сохраняются историческіе памятники!

Сопровождаемые множествомъ злѣйшихъ собакъ, мы отправились дальше, имѣя съ правой стороны хуторъ Тарана, съ лѣвой—Днѣпръ, и скоро увидѣли среди Днѣпра Малый-Дубовый или, по-теперешнему, Пурысовъ островъ, а за нимъ послѣдній, если считать сверху, и первый, если считать снизу, порогъ Вильный или Гадючій. Съ высоты берега мы замѣтили въ по-

рогѣ маленькую мельничку, прицѣпленную на канатахъ къ большому камню, и возлѣ мельнички «вештающагося» дидка. «Какъ-будто дидъ? А зиркни, хлопче, въ быноклю!» — «Такъ и есть—дидъ!» — «Ну, такъ потягнемъ до порога!» Скоро спустились мы внизъ съ берега, остановились какъ разъ противъ мельнички и начали махать палками диду, подавая знакъ, чтобы онъ приблизился къ намъ. Дѣдъ понялъ наше желаніе, сѣлъ въ каюкъ и подплылъ къ берегу.

— Здоровеньки були, диду!

— Здоровеньки були, паны!

— А що, диду, чи не перевезли бъ вы насъ у порогивъ, до мельнички?

— Чомъ же не перевезти?

— Отъ спасыби вамъ, такъ спасыби! А шо жъ тамъ у васъ и рыбка буде?

— И рыбка буде!

— И юшка буде?

— Та й юшка буде!

— Э, якъ у васъ и рибка и юшка буде, то у насъ и отъ яка буде,—замѣтилъ я, показывая диду бутылку съ горилкой и повертывая ею передъ нимъ. У дида глаза заблестѣли отъ удовольствія.

— О, то! саме дидивська харчъ: нема ни шкоринки, ни маслачка.

— А знаете, диду, яка ій була прызказка у запорожцивъ?

— Ни, не знаю.

— А якъ не знаете, то я скажу. Запорожець оце поставе передъ собою пляшку горилки та самъ себе пита и самъ соби одвича.

— Хто ты?

— Оковыта!

— А съ чого ты?

— Изъ жита!

— А звидкиля ты?

— Изъ неба!

— А куды ты?

— Куды треба.

— А билетъ у тебе е?

— Ни, нема!

— Такъ отъ-тутъ же [1]) тоби и тюрьма!

Такая присказка очень понравилась диду и видимо сразу расположила его къ намъ. Скоро мы сѣли въ каюкъ и черезъ пять минутъ очутились въ порогѣ. Дидъ соорудилъ намъ два стула изъ гранитныхъ скалъ, послѣ чего сдѣлалъ маленькую кабичку, навѣсилъ надъ нею казаночекъ, налилъ въ казаночекъ воды, разложилъ костеръ и, предоставивъ водѣ кипѣть, самъ занялся рыбой. Заразъ тілько й витягнувъ рыбыну изъ порога: ще и жива! Мы, между тѣмъ, не теряя времени, раздѣлись, выкупались въ самомъ порогѣ Днѣпра, потомъ помолились Богу на востокъ и затѣмъ подсѣли къ казанку. Пошли разспросы, разсказы. Оказалось, что дидъ былъ изъ с. Андреевки, что онъ занимается въ мельницѣ сукновальствомъ, что у него дома есть и баба, и сынъ, и внучата. Не успѣли мы за разговоромъ и осмотрѣться, какъ уже рыба и сварилась. Дидъ принесъ «ночвы», вытащилъ въ нихъ рыбу, посолилъ черною не молотой солью и отставилъ ее въ сторону; послѣ этого снялъ съ кабички казанокъ и приблизилъ къ намъ; вмѣстѣ съ казанкомъ явились деревянныя некрашенныя ложки и большіе куски бѣлаго пшеничнаго хлѣба. Мы поснимали шапки, перекрестились, выпили по чаркѣ горилки, причемъ диду поднесли первую чарку, и принялись за уху. Дидъ сидѣлъ противъ насъ на корточкахъ и ѣлъ юшку, подставляя, по привычкѣ, подъ ложку кусокъ хлѣба, щобъ «не закапати штанівъ». Скоро мы выпили по другой чаркѣ, потомъ по третьей и уже стали черкать ложками дно казанка. Тогда дидъ принялъ отъ насъ казанокъ и вмѣсто него поставилъ «ночвы» съ рыбой.

[1]) Въ животѣ.

«А шо жъ, диду, рыба плава!»—«Та вже такъ!» Выпили и по четвертой. Скоро и отъ рыбы остался одинъ остовъ. Послѣ этого дидъ поднялся съ мѣста, ушелъ въ мельницу и принесъ оттуда два большихъ арбуза. Арбузы оказались безподобно хороши. И такъ нашъ завтракъ конченъ, мы поднялись съ мѣстъ, помолились на востокъ, «подякували» дида, потомъ выпросили у него каюка и отправились на Малый-Дубовый островъ.

Прошло около трехъ часовъ, когда мы воротились съ острова къ порогу, оставили здѣсь каюкъ, распростились съ гостепріимнымъ дидомъ и поднялись дальше вверхъ по-надъ Днѣпромъ. Уже часамъ къ тремъ дня мы добрались до с. Андреевки. Здѣсь мы передохнули часа два-три и потомъ отправились дальше, все въ томъ же направленіи, къ с. Петровскому (Свистунову), александровскаго уѣзда. Въ ногахъ чувствовался страшный зудъ. Мы уже начинали молить Бога, чтобы намъ попался какой-нибудь возъ или бричка, на который мы могли бы хоть немного подъѣхать, но на наше сиротское счастье никакой брички не попадалось. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ хуже чувствовали себя; ноги совсѣмъ уже отказывались служить намъ, и мы еле-еле двигались съ мѣста. Уже часовъ около десяти ночи добрались до с. Петровскаго и направились къ дому управляющаго имѣніемъ незабвеннаго Василія Александровича Сипягина. Намъ отперли на нашъ стукъ двери. «Кто тутъ?»—«Козаки»!—«Какіе такіе козаки?»—«А вотъ посмотрите и увидите!»—Ахъ, батюшки мои! да откуда-же вы? На чемъ вы?»—«На собственной четверкѣ. Василій Александровичъ!»—Какъ, отъ самаго Александровска? Это сорокъ-то верстъ пѣшкомъ?»—Да, отъ самаго Александровска, сорокъ или пятьдесятъ пѣшкомъ; вѣдь шли-то мы не по прямому пути, а по извилинамъ Днѣпра.»—«Ну, козаки! вижу, что козаки!» Скоро подали намъ обильный ужинъ, а затѣмъ сдѣлали постели на балконѣ дома, выходящемъ къ самому Днѣпру. Покончивъ съ ужиномъ, мы вышли на балконъ, гдѣ и расположились на ночлегъ, въ виду острова Дубоваго и порога Ненасытецкаго, шумѣвшаго въ

эту ночь съ особенною силою. Долго мы прислушивались къ Ненасытецу, прежде чѣмъ могли заснуть, и въ это время замѣтили такое интересное явленіе на Днѣпрѣ: зашумитъ сперва Ненасытецъ, Дидъ-порогъ, шумитъ-шумитъ, очень долго, потомъ стихнетъ; послѣ него начинаетъ шумѣть Вовнига, Внукъ-порогъ, шумитъ-шумитъ, столько же, какъ и Ненасытецъ, потомъ стихнетъ, и тогда начинаетъ шумѣть опять Ненасытецъ. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Долго мы наслаждались этой музыкой и наконецъ заснули подъ плескъ днѣпровскихъ водъ и подъ ихъ переливы черезъ пороги.

Слѣдующимъ днемъ мы едва поднялись съ постелей: и руки и ноги были точно не наши. Особенно давали себя знать ноги. Но внимательный хозяинъ предложилъ намъ замѣнить сапоги мягкими туфлями, и тогда мы почувствовали себя несравненно лучше. Послѣ завтрака мы рѣшили поѣхать къ Волниговскому порогу, гдѣ жили диды-рыбалки, славившіеся въ селѣ своимъ умѣньемъ разсказывать про старину. Намъ подали старинную бричку, на подобіе ноева корабля, и мы медленно потянулись къ Волнигѣ. Не прошло и часа, какъ мы были уже у рыбальни; тутъ мы увидѣли дида, который сидѣлъ на землѣ, протянувши ноги впередъ, держалъ между колѣнъ большой горшокъ и поворачивалъ въ этомъ горшкѣ какую-то большую дубину.

— Помогай Бигъ, диду!

— Спасиби, отвѣчалъ дидъ, не взглянувъ даже на насъ.

— А що рыба е?

— Тутъ не до рыбы, коли свое дило стоить: вы, бачу, и не журитесь, що у мене табака не стерта.

Оказалось, что дидъ занятъ былъ приготовленіемъ табаку для себя и ни о чемъ другомъ и знать не хотѣлъ. Обѣ пучки его рукъ, борода, усы, носъ были въ табакѣ: это онъ все пробовалъ, мягко-ли стерся табакъ. Мы оставили дида въ покоѣ и вошли въ землянку. Землянка оказалась полна дыму, который не позволялъ намъ разсмотрѣть находившихся въ ней другихъ рыбалокъ. Мы при-

сѣли на корточки и тогда увидѣли, что въ ней было еще пять человѣкъ дидовъ. Въ землянкѣ устроена была печь съ длинной лежанкой, по самой срединѣ стоялъ столбъ, на которомъ висѣли сумки съ разнымъ добромъ дидовъ, и отъ столба вверхъ подымалась лѣстница въ видѣ ступенекъ, сдѣланныхъ по землѣ. Мы поздоровались съ дидами и вступили въ разговоръ. Сперва шло дѣло о рыбѣ, о плотахъ, о литвинкахъ «якъ іхъ ловлять пороги», а потомъ незамѣтно поднялся вопросъ о томъ, что находять въ порогахъ послѣ полой воды. Тутъ одинъ изъ дидовъ, Демьянъ Муха, разсказалъ намъ, что онъ лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ вмѣстѣ съ семью человѣками, своими односельчанами, вытаскивалъ изъ Волнигоськаго порога двѣ пушки. «Це було за годъ до воли, у восени. Пишовъ я зъ Михайломъ Вельскимъ рыбальчити у поригъ. А передъ тимъ зробилось такъ тепло, що ажъ крыга провалылась коло Вовниги: прыйшли мы й давай у оддушини ворхоту пускати та кукульванити рыбу. Лазили-лазили тамъ, коли бачимо, ажъ на дни порога шось блещить: придивляемось, дви пушки. Пишли у село, прызвалы до себѣ ще шисть чоловика та й давай отомы, восьмеро, тягти ти пушки. Витягли. Такъ одна була, якъ заразъ помню, тринадцять пудивъ и дванадцять хунтивъ, а друга — дванадцять пудивъ и висимнадцять хунтивъ; на ихъ були й митки, — хрестики, понизже затравки, у четверть довжини; обидви пушки трехъ—аршинни. Признали, що одна изъ бронзы, а друга изъ польскаго золота; а жидъ, — тутъ таки изъ нашои Свистунивки, — признавъ, що то пушки якогось князя Святославського. Потимъ объ тихъ пушкахъ доложили нашому губернатору [1]), такъ винъ якъ ухопивъ ихъ тай помчавъ кудысь ажъ у Москву».

Вышедъ изъ рыбальни и полюбовавшись величественнымъ порогомъ, мы направились въ степь, прямо на востокъ отъ Днѣпра, въ сопровожденіи дида-рыбалки.

[1]) Это былъ губернаторъ Сиверсъ

— А шо, диду, есть табака?
— Есть; а хиба вы нюхаете?
— А тожъ!
— А якъ нюхаете, то извольте-сь!

Я подставилъ щепотку, и дидъ мѣрно отсыпалъ мнѣ табаку на ноготь, постучавъ предварительно рожкомъ о колѣно своей правой ноги.

— Добра табака!
— Уже жъ шо добра, колы чхаете!

Такъ мы идемъ потихоньку, не спѣша, медленно подвигаясь, на палочки опираясь и мирные разговоры ведемъ.

— А шо, диду, чи не знаете вы якои-небудь козацькои писни?
— Знавъ колись, та теперь не зведу.
— А багато знали?
— Та до гибели.
— А яки жъ вы знали?
— Та ось и ту знавъ, шо про козака та про долю співають.
— Яки жъ у неи слова?
— Та слова у неи отъ яки:

«Уже литъ бильшъ съ десять, якъ козакъ въ неволи
По-надъ Днипромъ ходе, выклыкае долю:
Гей ты, доле, выйди изъ води,
Визволь мене, серденько, зъ тяжкои биди»....

— Гарна писня! Отъ якъ бы заспивати!
— И заспивавъ бы вамъ, паниченьку, такъ зовсимъ гласу нема.
— Ну, хай коли-небудь у друге.

Идемъ дальше, все также не спѣша, медленно подвигаясь и на палочки опираясь.

— А якъ воно, диду, у старовыну тутъ було?
— Якъ у старовыну тутъ було? У старовыну тутъ таке було, шо й сказати трудно. Травы таки, що якъ иде това-

ряка у степу. такъ и ригъ не видко; рыбы тіеи стилько. що якъ уткнешъ було рогелю у Нипро. такъ ажъ ручка трещить. якъ назадъ потягнешь.

— Чого-жъ воно теперь того нема?

— Чого? Людей богацько наплодилось, отъ чого! Теперь ты выйдешь на Нипро одным каюкомъ, а за тобою йдуть десять; тоди на всю слободу двое тилько рыбалокъ и було, а теперь имъ и счоту нема; такъ усяке надъ рыбою и навыса; теперь и воды не знать: усе рыбалки. Було!... И травы було. и лиса. и звиру—всего богато було. Оце бувало устанешъ ничью. пидешь до Нипра. сядешь у каюкъ та й хода! А ничъ така, що, Господи великий, умирати не хочетця!.. Вода не шелесне, а зори такъ и типаютця у неби. Така затишь. така затишь. шо наче бъ то, якъ тамъ кажуть у казкахъ, усе заколдоване. Тилько й почуешь. якъ шубовтне яка рыбына у води, або завые де въ бальци. середъ лису, вовкъ.

— Такъ тутъ и лиса були?

— Були! Вони и теперь есть. та вже не ти. Ось тутъ на Россоховатій бальци, росла така дубына, шо теперь и близко такои нема: тутъ и печери були.

— И печери, кажете, диду. були?

— И печери були; та вони десь и теперь зостались.

— Не вже? А чи не можно яку-нибудь побачити?

— А чомъ-же не можно? Потягнемъ до балки, то, може. и побачимъ.

И такъ, мы направились къ балкѣ Слободской Россохѣ. Идемъ да идемъ. медленно подвигаясь. на палочки опираясь и пріятные разговоры ведемъ. Вотъ и балка Россоховатая, но пещеры пока не видимъ. Гдѣ-же она? Да вотъ и пещера. Чтобы точно опредѣлить мѣстонахожденіе пещеры, нужно прежде всего сказать. что балка Слободская Россоха находится версты на двѣ ниже села Свистунова, между церковною землей и крестьянскимъ надѣломъ и впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, по направленію отъ юга къ сѣверу. Затѣмъ нужно замѣтить, что

съ самой вершины, отъ юга, балка идетъ сперва однимъ жолобомъ, а потомъ, приблизившись къ Днѣпру, раздѣляется на два рукава, въ видѣ «россохи». Почти отъ самой вершины и до устья балка покрыта довольно густымъ дубовымъ лѣсомъ. Не далеко отъ устья ея мы и наткнулись на желанную пещеру. Она идетъ по направленію отъ запада къ востоку, т. е. отъ одного рукава балки и до другого. Съ запада въ пещеру, видимо, вела дверь, которая прикрывалась большимъ дубомъ, отъ коего остался въ настоящее время лишь одинъ огромный пень. Изгибаясь, что называется, въ три погибели, мы пролѣзли сквозь отверстіе, сдѣланное сверху пещеры, во внутрь ея. Пещера оказалась длины болѣе, чѣмъ двадцать аршинъ, высоты болѣе, чѣмъ сажень; своды ея закопчены дымомъ; въ срединѣ пещеры образовался обвалъ, который не позволялъ намъ на большое пространство изслѣдовать ее. Видимо, пещера служила для кого-то жильемъ. Самое расположеніе ея представляется въ такомъ видѣ: главный ходъ ея идетъ сперва однимъ направленіемъ, срединнымъ; затѣмъ, срединное отдѣляетъ отъ себя боковое правое, по направленію къ югу, въ степь, и боковое лѣвое, по направленію къ сѣверу, на Днѣпръ. Очевидно, въ стратегическомъ отношеніи пещера устроена какъ нельзя лучше. Черезъ боковое правое отверстіе пещеры, подъ прикрытіемъ лѣса, можно было пронести въ нее все необходимое для пропитанія, а черезъ боковое лѣвое, также подъ прикрытіемъ лѣса, можно было бѣжать изъ пещеры на Днѣпръ и дальше внизъ по рѣкѣ. Само собою разумѣется, что при бѣгломъ осмотрѣ пещеры мы не могли найти никакихъ данныхъ для опредѣленія того, къ какому времени она относится и какой народъ въ ней обиталъ: только внимательный осмотръ и систематическая раскопка ея могутъ дать отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Послѣ осмотра пещеры мы возвратились въ село. Здѣсь я рѣшилъ отдохнуть два дня, а мой спутникъ нашелъ нужнымъ возвратиться въ г. Александровскъ. Прошло два дня, и я, совершенно оправившись, двинулся дальше, мимо Времьевки.

Варваровки, Васильевки до д. Вороной, имѣнія помѣщика Андрея Михайловича Миклашевскаго, новомосковскаго уѣзда. Теперь я ѣхалъ на лошади, но это было уже не такъ удобно для научныхъ изысканій, какъ идти пѣшкомъ.

Бойко помчалась моя тройка съ горы на плотину, усаженную по сторонамъ тѣнистыми вербами, завидя невдалекѣ деревню. Я подъѣзжалъ къ Вороной съ юго-востока и тутъ близь рѣки Вороной, по правому берегу ея, увидѣлъ рядъ земляныхъ укрѣпленій, противъ которыхъ и остановился. Пройдя по всѣмъ укрѣпленіямъ, я тотъ-же часъ схватилъ общую схему ихъ и положилъ на бумагу. Въ общемъ эти укрѣпленія состоятъ изъ двухъ квадратовъ неодинаковой величины, соединенныхъ между собой тремя ломанными линіями, на которыхъ сдѣлано двое воротъ и за которыми, внутри укрѣпленія, вырыто семь ложементовъ. На вопросъ о томъ, кто сооружалъ эти земляныя укрѣпленія, отвѣчаетъ авторъ «Исторіи о козакахъ запорожскихъ», князь Мышецкій. «На оной рѣчкѣ Вороной,—пишетъ онъ,—въ томъ-же, 1736 году, былъ отъ Россіянъ построенъ ретраншементъ съ редутами» [1]). Въ этотъ именно 1736 годъ, во время войны съ турками, при имп. Аннѣ Ивановнѣ, знаменитый русскій полководецъ Минихъ понастроилъ очень много земляныхъ укрѣпленій по обоимъ берегамъ Днѣпра. Къ такимъ-то укрѣпленіямъ, надо думать, принадлежитъ и видѣнное мной на р. Вороной.

Осмотрѣвъ укрѣпленіе, я направился уже къ самому дому владѣльца Андрея Михайловича Миклашевскаго; здѣсь я встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Въ д. Вороной я рѣшилъ остаться возможно продолжительно, имѣя цѣлью раскопать нѣсколько кургановъ; тѣмъ болѣе, что здѣсь я нашелъ себѣ помощницу въ лицѣ дочери Андрея Михайловича Миклашевскаго, Анастасіи Андреевны Карцовой, страстной любительницы археологіи.

Въ имѣніи А. М. Миклашевскаго всѣхъ кургановъ больше

[1]) Исторія о козак. запор. Одесса, 1852 г., стр. 60.

шестидесяти, изъ нихъ самые большие: Рясная могила, въ окружности 72 саж., черезъ вершину 10 саж., съ двадцатью-пятью малыми курганами вокругъ нея, и Яцева могила, въ окружности 70 саж., черезъ вершину 9 саж., съ пятнадцатью малыми вокругъ нея. Обѣ расположены на востокъ отъ Днѣпра, на разстояніи двухъ верстъ. Есть еще нѣсколько могилъ ниже Рясной и Яцевой; здѣсь изъ большихъ одна называется Москалевой, а другая—Довгой. Изъ всѣхъ этихъ могилъ разрыто двадцать, причемъ однѣ вскрыты А. А. Карцовой, другія Д. Я. Самоквасовымъ, а третьи—лично мной. Но такъ какъ ни одна изъ этихъ могилъ не оказалась запорожскою могилою, то мы не считаемъ умѣстнымъ сообщать здѣсь о результатахъ нашихъ раскопокъ и отсылаемъ интересующихся этимъ дѣломъ къ статьямъ, спеціально посвященнымъ археологическимъ раскопкамъ [1]).

[1]) См. газету «Новости», 1887 г., № 36, 94 и др.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ой, Днипре мій, Днипре,
Прыхильный та щирый!
Богато ты, друже, у душу мою
Перелывъ своеи теплои, ладкои,
Бравои души!
Росполахавъ мріи,
Зогривъ мои думы,
И въ серцеви хворимъ розбудивъ надін.

Изъ деревни Вороной я поднялся къ г. Екатеринославу, откуда имѣлъ проплыть по берегамъ Днѣпра до самаго г. Александровска, съ спеціальною цѣлью изучить острова, заборы, камни и балки, находящіеся въ немъ и впадающія въ него. Меня особенно это занимало въ виду той запутанности, которая существуетъ на этотъ счетъ въ разныхъ атласахъ Днѣпра. Теперь уже нечего было переправляться черезъ самые пороги: нужно было избрать путь по-надъ правымъ берегомъ рѣки, перебираясь, въ случаѣ надобности, съ праваго на лѣвый и по временамъ останавливаясь въ прибрежныхъ селахъ или рѣчныхъ островахъ. Я шелъ на небольшой лодкѣ съ опытнымъ и знающимъ лоцманомъ, Иваномъ Костырею.

Первый островъ, который мы увидѣли въ Днѣпрѣ противъ г. Екатеринослава, былъ Монастырскій, иначе Потемкинъ. Бураковскій или Рябининъ, покрытый дубовымъ лѣсомъ и расположенный какъ разъ противъ Потемкина сада. Этотъ островъ замѣчателенъ тѣмъ, что уже въ IX в. по Р. X. служилъ мѣстомъ

жительства греческихъ монаховъ-аскетовъ, выходцевъ изъ Константинополя: красивое мѣстоположеніе и богатая природа острова понравились монахамъ, и они избрали его мѣстомъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Кромѣ того, этотъ островъ интересенъ еще и тѣмъ, что его посѣтила, въ 957 году, великая княгиня кіевская Ольга; плывя въ Царьградъ, она долго проживала на немъ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся бури на Днѣпрѣ и устраивая свою дружину для предотвращенія нападенія со стороны хищныхъ печенѣговъ. Въ 988 году на островѣ Монастырскомъ останавливался и великій князь Владиміръ, когда плылъ со своею многочисленною дружиной по Днѣпру въ Корсунь, объявивъ войну грекамъ. Въ 1152 году великій князь Мстиславъ Изяславичъ, предпринявшій походъ противъ половцевъ и разбившій ихъ въ союзѣ съ Черными клобуками на рѣкѣ Углѣ (Орели) и при рѣкѣ Самарѣ, посѣтилъ Монастырскій островъ и старался поддержать его отъ нападеній иноплеменниковъ. Въ 1240 году, при нашествіи на южную Русь татаръ, Монастырскій островъ былъ разграбленъ и испепеленъ монгольской ордой. Около 1400 года христіане пытались вновь возобновить на Монастырскомъ островѣ разрушенную святыню, но видимо неудачно, потому что Бопланъ, бывшій на этомъ островѣ въ началѣ XVII ст., еще не видѣлъ здѣсь монастыря. «Ниже лежитъ Монастырскій островъ, крутой, высокій, окруженный скалами, возвышающимися на 25 или на 30 футовъ; одна только сѣверная сторона его отложе. Поэтому островъ сей не потопляется полноводіемъ; названіе свое онъ получилъ отъ существовавшаго нѣкогда на немъ монастыря, коего и слѣдовъ не осталось. Если-бъ берега Днѣпра и повелѣвали имъ, то онъ былъ-бы весьма удобенъ для житья; въ длину имѣетъ около тысячи, а въ ширину отъ восьмидесяти до ста шаговъ, и наполненъ ужами и другими змѣями» [1]). Однако около 1655 года, при гетманѣ Богданѣ Михайловичѣ

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 18.

Хмельницкомъ, на Монастырскомъ островѣ уже вновь поселились монахи, а спустя пять лѣтъ ниже острова Монастырскаго, противъ устья р. Самары, произошла битва между татарами и знаменитымъ въ свое время кошевымъ атаманомъ запорожскаго войска, Иваномъ Дмитріевичемъ Сиркомъ. Татары сдѣлали набѣгъ на Украйну, захватили множество плѣнныхъ христіанъ, въ томъ числѣ даже боярина Шереметева, и, возвращаясь назадъ, стали переправляться черезъ Днѣпръ въ виду Монастырскаго острова. Кошевой настигъ здѣсь хищниковъ, разбилъ ихъ, плѣнныхъ освободилъ, а ихъ добычу забралъ себѣ. Съ того времени Монастырскій островъ сталъ собственностью запорожцевъ, и съ 1700 года ему принадлежала вся та мѣстность, гдѣ теперь стоитъ соборъ, потемкинскій дворецъ, архіерейскій домъ и богоугодное заведеніе въ г. Екатеринославѣ. Но спустя 47 лѣтъ, Монастырскій островъ вмѣстѣ съ означенною мѣстностью отданъ былъ полковникомъ самарской паланки Кирилломъ Красовскимъ въ собственность Самарскому пустынно-николаевскому монастырю. Однако долго и послѣ этого Монастырскій островъ привлекалъ къ себѣ вниманіе людей благочестивыхъ. Въ 1750 и 1760 годахъ Монастырскій островъ посѣтилъ извѣстный въ свое время полтавскій протопопъ, Евстаѳій Могилянскій; противъ него, на возвышенной мѣстности, въ монастырскомъ подворьѣ, жилъ въ это время благочестивый іеромонахъ Самарскаго монастыря, Памва Гамалій, со своимъ келейникомъ, козакомъ Петромъ Чередниченкомъ; сюда къ знаменитому сподвижнику нерѣдко пріѣзжалъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, жившій въ то время въ собственномъ имѣніи, Гендриковкѣ, бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи [1]). Послѣ паденія Сѣчи, въ 1775 году, Монастырскій островъ достался князю А. А. Прозоровскому, а во время основанія г. Екатеринослава князь Г. А. Потемкинъ предназначилъ его для увеселенія

[1]) Вся исторія Монастырскаго острова представлена у Ѳеодосія. «Матеріалы для историко-статист. описанія Екатериносл. епархіи». Екатеринославъ, 1880 г., ч. I и II.

жителей и для городскихъ доходовъ отъ рыбной ловли и предполагалъ устроить на немъ ботаническій садъ для университета; но такъ какъ этому не суждено было исполниться, то Монастырскій островъ, въ 1797 году, поступилъ сперва въ управленіе лѣсного вѣдомства, а потомъ съ 1815 года перешелъ въ частныя руки. Отъ праваго берега Днѣпра островъ этотъ отдѣленъ такъ-называемой Архіерейской канавой, загроможденной въ началѣ Архіерейскою заборой.

Противъ южнаго конца Монастырскаго острова начинается вершина Шевскаго острова, имѣющаго длины три четверти, ширины одну четверть версты и принадлежащаго владѣльцу Курилину. Ниже Монастырскаго и Шевскаго острововъ стоялъ островъ Чортовъ [1]), у праваго берега Днѣпра, длины полторы версты, ширины одна осьмая версты, теперь совершенно смытый водой. Ниже того мѣста, гдѣ былъ Чортовъ островъ, слѣдуетъ Становой, Прозоровскій или Воронцовскій островъ, противъ балки Широкой, предмѣстья Екатеринослава, Мандрыковки [2]), съ правой стороны, и села Огреня—съ лѣвой стороны: онъ имѣетъ въ длину три съ половиной, въ ширину одну съ осьмой версты. Послѣ паденія Сичи этотъ островъ достался во владѣніе князю А. А. Прозоровскому; теперь онъ принадлежитъ князю И. И. Воронцову-Дашкову. Становой островъ несравненно ниже Монастырскаго, онъ состоитъ изъ рѣчного песку и покрытъ лѣсомъ мягкой породы. За Становымъ островомъ слѣдуетъ забора Пундыкова, а за Пундыковой заборой Серебряная коса, къ лѣвому берегу Днѣпра, противъ церкви с. Огреня. Свое названіе она получила отъ множества рыбы, которая ловится близь нея: «рыба добре ловилась». За Серебряной косой слѣдуетъ островъ Самарскій, противъ устья р. Самары, у Боплана Конскій островъ,

---

[1]) Второй съ этимъ же названіемъ: первый былъ выше Монастырскаго.

[2]) Мандрыковка получила свое названіе отъ запорожца Андрея Мандрыки, который послѣ объявленія с. Половицы Екатеринославомъ, въ 1783 г., 30 марта, не захотѣлъ оставаться въ городѣ и перешелъ на южный склонъ его, гдѣ основалъ селище Мандрыковку.

отдѣленный съ лѣвой стороны отъ материка притокомъ Старухой. «Онъ имѣетъ въ длину $^3/_4$, а въ ширину при вершинѣ $^1/_4$ мили; покрытъ лѣсомъ, болотами и потопляется весеннимъ полноводіемъ. На немъ живутъ многіе рыбаки, которые ловятъ рыбу въ Самарѣ и по недостатку соли пересыпаютъ ее золою или сушатъ для сбереженія. Самара впадаетъ прямо противъ вершины Конскаго острова» [1]) или, по-теперешнему, между Серебряной косой и Самарскимъ островомъ. Преданіе говоритъ, что противъ Самарскаго острова, на песчаномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, происходило побоище кошевого И. Д. Сирка съ татарами. «Тутъ труповъ, череповъ видимо-невидимо валялось, а кровь запеклась на четверть вершка». Ниже Конскаго острова, къ правому берегу, идетъ балка Пихотинка, а среди Днѣпра, какъ разъ противъ села Лоцманской-Каменки, стоитъ Московскій островъ. Ниже Московскаго острова впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны балка Перевалъ, за которой слѣдуетъ островъ Каменоватый, иначе Скалистый или Князевъ, «который есть не что иное, какъ скала длиною отъ 500 до 600, а шириною до 100 шаговъ, безопасная отъ полноводья» [2]); на немъ въ 1737 году русскіе построили ретраншементы и редуты. Островъ Каменоватый стоитъ противъ конца села Лоцманской-Каменки и балки Сажавки, съ правой стороны. За Каменоватымъ островомъ слѣдуютъ камни Мокрые Трояны, Близнючки (первые), противъ балки Середней или Череповатой, съ правой стороны, и ниже камней Близнючковъ островъ Кодачекъ, извѣстный у Боплана подъ именемъ Козацкаго острова, безлѣсный, покрытый скалами, неподверженный наводненіямъ, наполненный змѣями [3]) и расположенный какъ разъ противъ балки Середней. Между островомъ Кодачкомъ и правымъ берегомъ Днѣпра стоитъ порогъ Кодачекъ,—это какъ бы сынъ настоящаго порога Кодака, находящагося нѣсколько ниже. По другую сторону острова Ко-

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 18.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

дачка, противъ сѣверо-западнаго угла его, торчитъ камень Середнякъ, а ниже его раскинулась забора Бажанова.

Ниже острова Кодачка слѣдуетъ балка Домашняя, съ правой стороны, забора Шерестюкова, камень Байдужинъ, у лѣваго берега рѣки, забора Пундыкова, у самаго берега Днѣпра, съ лѣвой стороны, камни Близнючкі (вторые), Сухіе Трояны, Горбатый противъ Байдужева, Верхній или Большой Плоскій, Сидлачъ, Близнючки (третьи), Нижній или Малый Плоскій. Здѣсь уже начинается первый Кодацкій порогъ, падающій четырьмя лавами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мышиной. Лодка идетъ, при большой водѣ, прямо черезъ камни, при малой—черезъ каналъ порога.

— А сколько лѣтъ строились каналы въ порогахъ? спросилъ я у своего лоцмана Ивана Костыри.

— Пятьдесятъ-шесть,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— А сколько они стоили?

— Двадцать милліоновъ.

— А сколько теперь стоятъ?

— Двадцать копѣекъ.

Я былъ пораженъ такимъ отвѣтомъ, но потомъ, подумавъ немного, согласился, что Костыря былъ правъ. Дѣло въ томъ, что сооруженіе каналовъ, стоившее казнѣ громадныхъ денегъ, въ сущности оказалось безполезнымъ: суда по нимъ совсѣмъ не ходятъ, а плоты—только въ малую воду, да и то на короткій срокъ. Но почему же такъ? «Для сплавнаго судоходства во всѣхъ порогахъ Днѣпра, въ самомъ руслѣ рѣки, устроены девять открытыхъ каналовъ со стѣнками изъ накидного камня, шириною въ пятнадцать саженъ, глубиною въ четыре фута. Но для судовъ эти каналы оказались негодными по тремъ причинамъ: во-первыхъ, по незначительности глубины: для судоходства нужно имѣть по крайней мѣрѣ шесть футовъ, но для этого нужно было мѣстами углублять сплошной гранитъ, лежащій на днѣ рѣки; во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что самое пространство между порогами загромождено множествомъ камней, которые

поднимаются далеко выше и ниже каналовъ и не позволяютъ, при малой водѣ въ Днѣпрѣ, идти судамъ по рѣкѣ; въ-третьихъ, по причинѣ необыкновенной силы воды въ весеннее время, которая не даетъ возможности направлять суда въ каналы, устроенные сбоку, а не по самой срединѣ рѣки. По Старо-Кодацкому каналу еще въ 1843 году произведенъ былъ опытъ надъ взводкою небольшихъ размѣровъ судна по каналу, прикрѣпленному къ якорю посредствомъ придѣланнаго къ судну ворота, и привелъ къ довольно удовлетворительному результату. Но въ настоящее время суда идутъ черезъ Кодакъ только сверху внизъ и тѣмъ же первобытнымъ способомъ, какъ то было во времена древнихъ руссовъ, а потомъ позже во времена удалыхъ запорожцевъ [1]).

За Кодацкимъ порогомъ слѣдуютъ забора Мудрина, камень Буцъ, заборы Пурысова, Любимовская, иначе Синельникова, находящаяся въ Днѣпрѣ противъ дома владѣлицы Ю. М. Синельниковой, на лѣвомъ берегу рѣки (см. табл. XI), Волошинова и Носулина, одна ниже другой, и по обѣимъ сторонамъ заборъ два острова: Малый-Татарчукъ, къ правому берегу, длины сто, ширины двадцать-пять саженъ, и Большой-Татарчукъ, къ лѣвому берегу, длины двѣсти-пятьдесятъ, ширины двѣсти саж., противъ балки Татарки, съ лѣвой стороны. Ниже островов Малаго-Татарчука и Большого-Татарчука идутъ острова Носули, числомъ два, посреди Днѣпра, Демека, иначе Домайскій, Доханскій или Нѣмецкій островъ, длины полторы версты, ширины одна пятая версты. Объ этомъ островѣ въ 1772 году, 6 декабря, писано слѣдующее: «Старокодацкій житель Федоръ Шаповалъ намъ донесъ, что ниже Стараго Кодаку на Днѣпрѣ есть островецъ, зовущійся Демека. Въ немъ имѣющееся черное (т. е. лѣсное) дерево и родючее (т. е. плодовое), порубляясь на дрова, такъ опустошается сильно, что когда отъ того не предохранить, то во всеконечное непустошеніе прійдить можетъ. И какъ противъ сего

[1]) Кронштадтскій Вѣстникъ. 1853 г.

Ч 1. Рис. 11.

Забора Волошинова.

Тип. Эд. Гоппе.

острова жительствуетъ онъ, Шаповалъ; то ему способно сего острова смотрѣть, дабы мимо вѣдома его никто не дерзалъ пустошить разнаго дерева чернаго и родючаго, потому оный островъ ему, Шаповалу, на содержаніе опредѣленъ впредь до нашего разсмотрѣнія, съ тѣмъ, чтобы въ немъ ни самъ онъ не рубилъ и ни другаго кого-либо опустошать какимъ то ни есть образомъ не допускалъ, дабы симъ способомъ въ прежнее состояніе привесть на общую пользу» [1]). Ниже острова Демеки, у лѣваго берега Днѣпра, стоитъ островъ Яцевъ или Ярцевъ, длины полторы версты, ширины одна четверть версты, противъ балки Демской, съ правой стороны, за нимъ слѣдуютъ заборы Яцева и Пурысова, а за балками острова Песковатый, Сурской и Муравный. Островъ Песковатый имѣетъ въ длину полверсты, въ ширину около десятой версты, находится противъ колоніи Ямбурга, съ правой стороны. Островъ Сурской имѣетъ въ длину двѣ съ половиной версты, ширины полверсты, находится противъ балки Яцевой, съ лѣвой стороны, и рѣчки Мокрой-Суры, съ правой, отдѣляющей колонію Ямбургъ отъ села Волошскаго; онъ покрытъ дубомъ, берестомъ и осокоремъ и принадлежитъ частью нѣмцамъ, частью волохамъ. Между сѣверной головой острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра торчитъ большой камень Вырь, весьма опасный для плавателей. Муравный островъ имѣетъ длины полверсты, ширины одну десятую, покрытъ небольшимъ лѣсомъ и расположенъ у лѣваго берега Днѣпра. Противъ южнаго конца Сурскаго острова начинается Сурской порогъ, падающій двумя лавами, Чугунной и Бондаревой.

Ниже Сурскаго порога идутъ камни Селезень, къ правому берегу, и противъ него Чаунъ, къ лѣвому, затѣмъ Гернецъ, Куликъ, два островка Кулики, въ рядъ съ каналомъ Лоханскаго порога, забора Кривая, островъ Лоханскій, раздѣленный на четыре мелкихъ островка, балка Должикъ, съ правой стороны, около которой раскинулось с. Волошское, близь самой

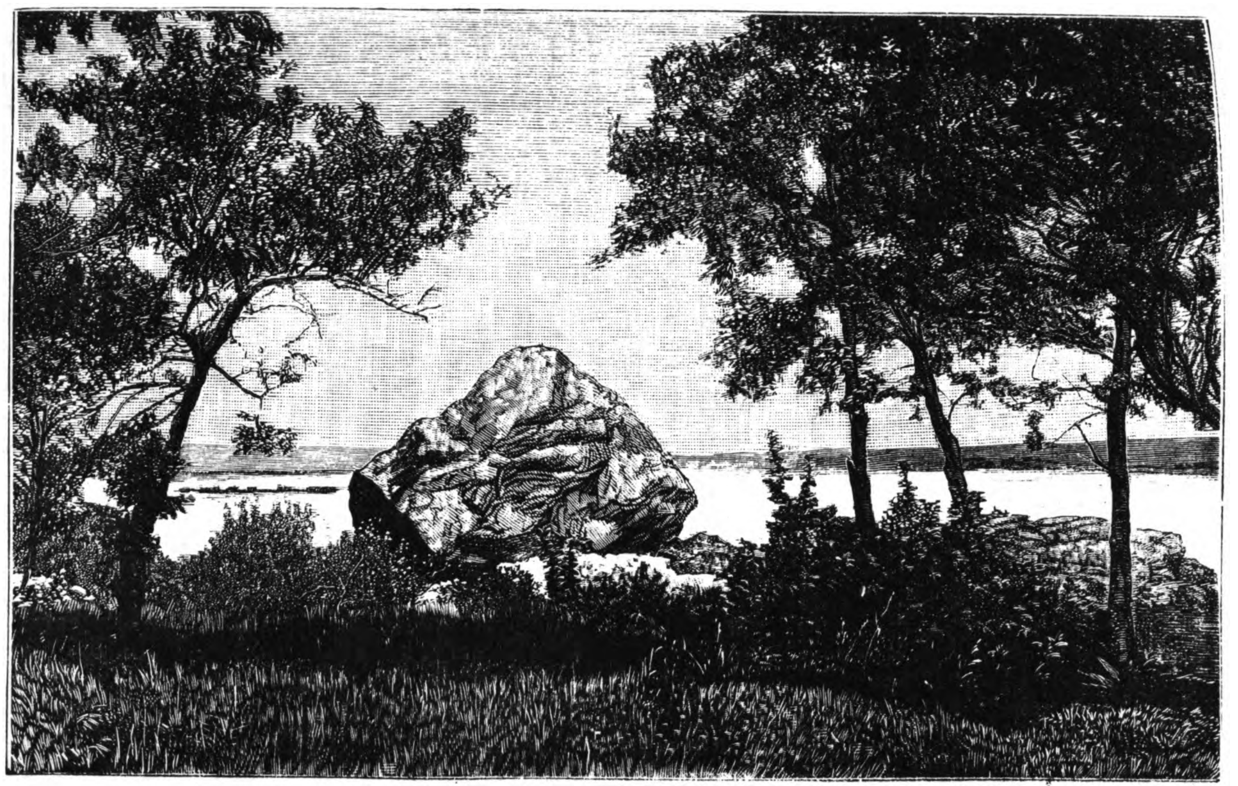
[1]) Екатеринославскій юбилейный листокъ. 1887 г., 17 мая, стр. 170.

рѣки. Въ с. Волошскомъ въ гранитной скалѣ у ливады крестьянина Якима Алексѣевича Заскоки, есть пещера, носящая названіе Зміеной и имѣющая въ длину больше двадцати-пяти аршинъ. Чтобы пробраться въ эту пещеру, нужно сперва проползти сажени двѣ животомъ по сырой землѣ, вытянувъ впередъ руки, а потомъ уже подняться на ноги и идти ногами. Что было въ той пещерѣ, неизвѣстно. Самъ Заскока разсуждаетъ, «що мабуть у неи жывъ якій-небудь скительныкъ».

За Куликовыми островками начинается Лоханскій порогъ, падающій тремя лавами: Куликовскою, Плоскою и Черепашиною; затѣмъ слѣдуютъ: балка Лоханская, съ лѣвой стороны, покрытая прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, острова Скалистый, сто саженъ длины, шестьдесятъ три ширины, Стрѣльчатый или Лоханская Стрѣлица, громадной высоты, у самаго берега Днѣпра, съ правой стороны, тотчасъ ниже послѣдней хаты с. Волошскаго. За Стрѣльчатымъ островомъ идутъ: камень Черепаха, заборы Стрѣльчья и Богатырская и два камня Богатыря, одинъ въ самомъ Днѣпрѣ, у праваго берега его, а другой на сушѣ, у лѣваго берега рѣки, на землѣ владѣльца А. М. Миклашевскаго. (См. табл. XII). Изъ двухъ камней Богатырей—большій тотъ, который стоитъ на лѣвомъ берегу; издали онъ похожъ на огромную копну сѣна.

— Отчего эти камни называются Богатырями?

— Старые люди разсказываютъ, что это произошло вотъ отчего. Когда-то, въ очень давнюю старину, сошлись здѣсь два богатыря, русскій и турецкій; турецкій сталъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, а русскій—на правомъ. Сошлись они да и кричатъ одинъ другому черезъ Днѣпръ. Первый говоритъ: «уступи мнѣ эти мѣста, я поселюсь здѣсь со своимъ народомъ», а второй говоритъ: «уступи мнѣ это мѣсто, я заселю этотъ край, а ты прочь отсюда». Тогда русскій богатырь и говоритъ: «коли такъ, то давай лучше помѣряемся силами; кто кого пересилитъ, тому и земля отойдетъ». — «Давай», говоритъ турецкій богатырь. Вотъ взяли они поотколуповали изъ скалъ камни одинаковой

Ч. I. Рис. 12.

Камень Богатырь.

тяжести, постановились на горѣ, по-надъ Днѣпромъ, одинъ съ одного бока, а другой съ другого, и давай ши урлять эти камни Какъ бросилъ камень турецкій богатырь, а онъ и упалъ тутъ же, около праваго берега, въ водѣ, недалеко отъ Стрѣльчьей заборы; тогда съ праваго берега русскій богатырь какъ шпурнулъ свой камень, такъ онъ очутился на лѣвомъ боку, на сухомъ берегу. Тогда богатырь турецкій и кричитъ: «ну, коли такъ, то я пойду дальше, а ты заселяй землю». И пошелъ чужой богатырь дальше, а нашъ поселилъ свой народъ и на томъ и на этомъ берегу. На томъ камнѣ, который на лѣвомъ берегу, и до сихъ поръ остался слѣдъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатырь брался руками: такъ и видны и руки, и пальцы, и ладони» [1]).

Тотчасъ ниже камней Богатырей, съ лѣвой стороны, впадаютъ въ Днѣпръ балка Стрѣльчья, съ правой—балки Майрова и Звонецкая, по срединѣ Днѣпра идутъ камни Буцъ, Черные, Плоскій, а ниже камней начинается порогъ Звонецкій съ лавами: Плоской, Черной, Глухой и Кобылячьей; ниже порога снова впадаютъ въ Днѣпръ балки Тягинская и Должикъ, съ правой стороны, и за ними рѣчка Вороная, у лѣваго берега, отдѣляющая собой уѣздъ новомосковскій отъ уѣзда павлоградскаго, послѣ чего тянутся острова Шулаевъ, длины полверсты, ширины одна седьмая версты; Песковатый, длины полверсты, ширины одна шестая версты; Козловъ, длины полторы версты, ширины около полуверсты; Ткачевъ, длины три четверти версты, ширины одна шестая версты, противъ балки Царевой, или Тягинской, съ лѣвой стороны, за которой выдвигается забора Тягинская, или по древнему порогъ Технинскій, находящійся на пять верстъ ниже Звонецкаго порога, между островами Песковатымъ и Козловымъ. Тутъ-же, у праваго берега Днѣпра, бурлитъ страшный водоворотъ Смоляръ, а ниже его идутъ камень Раковецъ,

[1]) Это преданіе записано Я. П. Новицкимъ. См. малорусск. преданія Драгоманова, Кіевъ, 1876 г., стр. 230; но слышано и мной отъ лоцмана Ивана Костырн, съ небольшой варіаціей.

острова Дмитровъ или Библовъ, длины полверсты, ширины одна седьмая версты; Солонча, Раковы, Витки или Жидивскіе; балка Жучина, съ правой стороны, камни Рваный, Зеленый, Служба [1]), Остренькій-Верхній, Остренькій-Нижній, наконецъ порогъ Ненасытецкій съ его двѣнадцатью лавами: Рваною, Службою, Остренькой, Одинцовой, Рогожной, Буравленной, Булгарской или Богатырской, Долгополой, Казенцовой, Мокрыми-Кладями, Рогатой, и близь Ненасытеца, у лѣваго берега Днѣпра, островъ Майстровъ, иначе Жмура, а у праваго берега камень Булгаръ и скеля **Монастырько** со страшнымъ мѣстомъ около нея **Пекломъ**.

— Отчего эта скала называется Монастырькомъ?

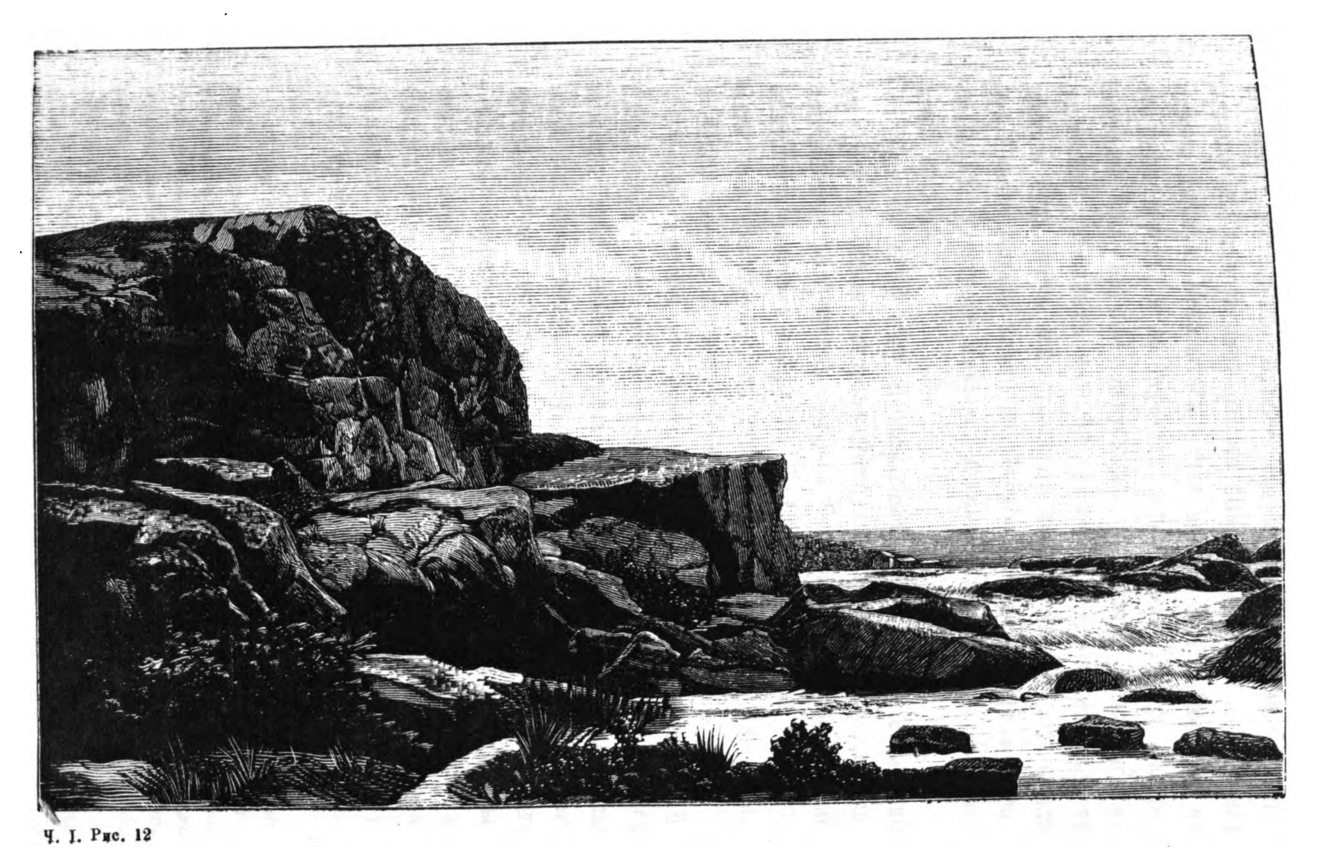
— Этого уже вамъ не докажемъ; отчего она называется Монастырькомъ, Богъ ее святой знаетъ. Мы и родились, а она Монастырько; мы и повыростали, а она Монастырько; мы и поплыли по Днѣпру, а она все Монастырько дай Монастырько. Онъ у насъ по камню, что лежитъ поверхъ его, называется Царицыной скелей. Разсказываютъ старые люди, что на томъ камнѣ когда-то была царица Екатерина. Какъ взошла на нее, такъ и ахнула отъ удивленія: такъ-то тамъ хорошо. Тамъ, гдѣ стояла царица, и теперь есть ступни. Тогда, видите-ли, люди были «тверді, а скели миягкі»; оттого какъ стала царица на скелѣ, такъ и вошла въ нее. Не тотъ народъ былъ въ старину, да и не тѣ цари!.. Тамъ теперь пять ямокъ, гдѣ стояла царица. Говорятъ, что на этой скелѣ царица и отдыхала и что для нея на скелѣ выдолбили столъ, скамью и тарелки.

— Такъ вотъ какой этотъ Монастырько! Всмотритесь въ него! Господи, какое чудовище! Природа словно нарочно придвинула его сюда, къ самому страшному порогу, чтобы тѣмъ еще больше устрашить человѣка! (См. табл. XII). Неудивительно, что онъ привлекъ вниманіе и императрицы Екатерины II...

Это было послѣ отъѣзда Екатерины II изъ Екатеринослава.

---

[1]) Камни Зеленый и Служба расположены одинъ противъ другого: первый справа, второй слѣва.

Ч. I. Рис. 12

Камень Монастырько.

во время извѣстнаго путешествія ея по Новороссіи. Въ это путешествіе императрицѣ угодно было взглянуть и на главный порогъ Днѣпра, Ненасытецкій, что пониже Екатеринослава на тридцать верстъ, и на переходъ черезъ него своихъ галеръ, которыя она вручила искуснымъ кодацкимъ и каменскимъ лоцманамъ, взявшимъ на себя смѣлость провести въ цѣлости царскія суда чрезъ всѣ страшные пороги. Галеры эти плыли отъ Новаго Кодака внизъ по теченію Днѣпра и передъ Ненасытецомъ, у острова Козлова, должны были ожидать высочайшаго пріѣзда.

Еще въ 1780 году Ненасытецкій порогъ съ прилегающими къ нему съ обѣихъ сторонъ Днѣпра землями, на довольно значительномъ пространствѣ, отданъ былъ императрицею въ собственность генералъ-маіору И. М. Синельникову, гдѣ онъ основалъ села: Васильевку, съ лѣвой стороны Днѣпра, Николаевку и Войсковое—съ правой стороны [1]).

Чтобы достойно встрѣтить высокую путешественницу, И. М. Синельниковъ на всемъ пространствѣ своего имѣнія, по обѣ стороны пролегавшей черезъ него дороги, насадилъ цвѣтущія розы въ окопанныхъ треугольникахъ, которые долго потомъ оставались въ цѣлости и только лѣтъ двадцать тому назадъ безслѣдно перепаханы. Кромѣ того, у Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога, на возвышенныхъ вершинахъ гранитныхъ вѣковыхъ скалъ, нѣсколько сглаженныхъ землей и покато неправильными уступами вдавшихся въ порогъ, Синельниковъ соорудилъ временный деревянный дворецъ съ балкономъ [2]), съ ко-

---

[1]) Въ сочиненіи г. Скальковскаго «Хронологическое обозрѣніе новоросс. края», во II томѣ, на стр. 119, въ примѣчаніи, И. М. Синельниковъ названъ почему-то «бывшимъ старшиной запорожскихъ козаковъ». Это невѣрно. Изъ фамильныхъ бумагъ И-а М-а видно, что онъ былъ родомъ изъ воронежской губерніи, откуда пришелъ на службу въ Новороссію. Объ этомъ см. нашу статью «Иванъ Максимовичъ Синельниковъ», «Историческій Вѣстникъ», 1887 г., май.

[2]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у настоящей владѣлицы калитка и выходъ изъ сада на порогъ.

тораго открывался чарующій видъ на «Старый дидъ», дикій, грозный, могучій, величественный и бурный порогъ Ненасытецъ... Въ этомъ мѣстѣ, полномъ завѣтныхъ историческихъ думъ, въ этомъ дворцѣ, полномъ роскоши золотого екатерининскаго вѣка, императрица рѣшила отдохнуть во время своего продолжительнаго путешествія и оказать честь хлѣбу-соли хозяина. Обѣдъ происходилъ въ самомъ дворцѣ, а не на камнѣ скалы Монастырька, какъ говоритъ объ этомъ преданіе, а вслѣдъ за нимъ повторяетъ и г. Скальковскій въ своемъ сочиненіи «Хронологическое обозрѣніе новороссійскаго края» [1]), и предложенъ былъ губернаторомъ Синельниковымъ, а не запорожскими козаками, какъ утверждаетъ тотъ-же г. Скальковскій. Вотъ тому доказательства. Во-первыхъ, самое положеніе камня, находящагося у берега рѣки, внизу подъ отвѣсной громадной скалой, которая еще во время запорожцевъ называлась, да и теперь называется Монастырькомъ и возлѣ которой кипитъ страшная пучина волнъ, извѣстная подъ именемъ Пекла, не позволяетъ думать, чтобы на него спускалась императрица Екатерина II. Камень этотъ, получившій потомъ громкое названіе Царицыной или Екатерининской скалы, лежитъ въ такомъ мѣстѣ, куда и въ теперешнее время съ трудомъ можно пройти; тѣмъ меньшая была возможность пройти къ нему въ то время, до постройки Фалѣевскаго канала въ Ненасытецѣ, когда и самую скалу Монастырько отдѣлялъ отъ берега непроходимый пустырь. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что императрица Екатерина II въ то время страдала отекомъ ногъ и на чулочной фабрикѣ въ Екатеринославѣ изготовлялись для нея шелковые чулки вдвое шире обыкновенныхъ. Послѣ этого могла-ли она больными ногами спускаться на такую скалу, какъ Монастырько? Наконецъ, въ-третьихъ, запорожская Сича была уничтожена уже въ 1775 году, за 11 лѣтъ до посѣщенія пороговъ императрицею: недовольные козаки скоро послѣ

[1]) Одесса, 1836 г., ч. II, стр. 119, примѣчаніе.

этого покинули Днѣпръ и разбрелись не только по окраинамъ Россіи, но и далеко за предѣлы ихъ. Какіе-же запорожцы могли угощать Екатерину II-ю на Царицыной скалѣ мыса Монастырька?

Предварительно передъ проходомъ царскихъ галеръ черезъ Ненасытецкій порогъ, для пробы, велѣно было пустить дубъ. т. е. большую лодку съ пятью человѣками рыбалокъ изъ мѣстныхъ крестьянъ имѣнія Синельникова, во главѣ съ кормчимъ Бѣляемъ. Вмѣстѣ съ рыбалками пожелали отправиться князь Потемкинъ и французскій посланникъ графъ Сегюръ. Но императрица рѣшительно воспретила имъ подвергать себя такой опасности.

Тогда рыбалки пустились черезъ порогъ одни. Они сѣли на дубъ и смѣло ринулись въ самый каскадъ страшныхъ волнъ... Уже прошли они одиннадцать лавъ (уступовъ) порога, уже вступили въ послѣднюю, двѣнадцатую, но тутъ лодка ихъ быстро нырнула въ воду, и они мгновенно исчезли въ кипучихъ волнахъ. Императрица, сидѣвшая въ это время на балконѣ дворца и слѣдившая за плывшимъ по Днѣпру дубомъ, съ испугомъ отворотилась отъ порога и, взглянувъ на Потемкина, съ жалостью и укоризной замѣтила: «они погибли!».. Князь былъ самъ встревоженъ этимъ, но И. М. Синельниковъ, зная своихъ молодцовъ, приблизился къ государынѣ и спокойно указалъ ей на плывшихъ ниже порога отважныхъ рыбалокъ. Императрица дивилась ихъ смѣлости и приказала привести ихъ къ себѣ. Пловцы явились, удостоились выслушать похвалу изъ устъ государыни, получили денежную награду, изъ коей на долю кормчаго Бѣляя досталось 50 р. Послѣ этого опыта пошло судно Фалѣева, а потомъ уже двинулась черезъ пороги и самая флотилія, которою управляли новокодацкіе и каменскіе лоцманы. Стерномъ царской галеры управлялъ лоцманъ Моисей Ивановичъ Полторацкій. Суда прошли сперва черезъ четыре верхнихъ порога и потомъ вступили въ пятый, Ненасытецкій. Императрица

смотрѣла на ихъ спускъ съ высокаго балкона дворца, устроеннаго И. М. Синельниковымъ. Можно себѣ вообразить, что за зрѣлище представляли изъ себя плывшія черезъ порогъ, одна за другой, восемьдесятъ царскихъ галеръ! Императрица не безъ основанія опасалась за ихъ цѣлость и все время, когда онѣ двигались по Днѣпру, не сводила съ нихъ глазъ. Но прошелъ одинъ мигъ, и суда уже были въ совершенной безопасности... Безстрашные и ловкіе лоцманы въ совершенствѣ выполнили свое дѣло. Тогда императрица призвала ихъ къ себѣ и однихъ наградила деньгами, другихъ произвела въ дворяне и пожаловала землю. Дворянское достоинство и землю получилъ лоцманъ Полторацкій [1]), произведенный въ чинъ поручика вмѣстѣ съ тринадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ, помогавшимъ отцу, и за это произведеннымъ въ чинъ прапорщика. Остальные лоцманы получили денежныя награды.

Слѣдующимъ днемъ, 10 мая, императрица оставила кровъ гостепріимнаго хозяина и направилась сухимъ путемъ къ г. Херсону. Любопытно въ данномъ случаѣ именно то, что преданіе связываетъ пребываніе императрицы Екатерины II у Ненасытецкаго порога не съ дворцомъ и не съ балкономъ дворца Синельникова, а со скалой Монастырькомъ, стоящей противъ страшнаго порога и открывающей съ себя, точно съ высоты птичьяго полета, поразительнѣйшій видъ на дикій, но по истинѣ полный плѣнительной прелести. Ненасытецъ, который и реветъ и стонетъ, и шумитъ и воетъ, и высоко вздымается надъ своими вѣковѣчными скалами, разбиваясь милліонами брызгъ бѣлой жемчужной пѣны, называемой здѣсь рѣчнымъ букомъ... По своему положенію Монастырько есть мысъ, отдѣляющійся отъ праваго берега Днѣпра, вдающійся въ нижній конецъ Не-

---

[1]) Хуторъ Полторацкаго уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, выше села Лоцманской-Каменки, въ балкѣ Сажавкѣ.

Ч. I. Рис. 18.

Каналъ Ненасытецкаго порога.

насытеца и вѣнчающійся на южной окраинѣ своей высокой и совершенно отвѣсной скалой. Отдѣляясь отъ праваго берега Днѣпра, онъ служитъ какъ бы частью плотины, которая сдерживаетъ движеніе воды, стремящейся черезъ порогъ. Уже выше вода, попавшая между лавъ порога и встрѣтившая на своемъ пути несокрушимыя препятствія отъ громадныхъ, но пологихъ скалъ, вдругъ какъ бы неожиданно натыкается на громадную и непомѣрно высокую скалу Монастырько и, ударившись съ страшной силой объ ея гранитную стѣну, бросается къ лѣвому берегу рѣки, а потомъ, встрѣтивъ массу другихъ скалъ, бѣшено вздымается вверхъ и затѣмъ разливается бурными валами по нижнимъ лавамъ порога... Отъ этого-то у самаго Монастырька образуется страшный водоворотъ, извѣстный у лоцмановъ подъ названіемъ Пекла, т. е. ада. «Отъ де, братци, пекло! тутъ и самому чорту, на шо вже винъ прывыкъ къ вогню, буде и жарко и тепло»!...

Но если для Ненасытеца Монастырько остается вѣковѣчной и несокрушимой преградой, за то для человѣка онъ болѣе податливъ: природа сдѣлала Монастырько мысомъ, а человѣкъ обратилъ его въ островъ. Еще при Екатеринѣ II Монастырько отдѣленъ отъ берега Днѣпра такъ-называемымъ Фалѣевскимъ шлюзнымъ каналомъ (см. табл. XIII), теперь, правда, уже совершенно высохшимъ, вслѣдствіе каменной перемычки, сдѣланной при входѣ въ него, но тѣмъ не менѣе въ весеннее время наполняющимся водой и обращающимъ мысъ въ островъ [1]). Впрочемъ, нерѣдко люди обращали свое вниманіе на Монастырько совсѣмъ съ другою цѣлью: на немъ, года три тому назадъ, застрѣлился директоръ херсонской гимназіи З. И. Марковъ. Почти за годъ до смерти передъ тѣмъ, какъ покончить съ собой, З. И. Марковъ, будучи еще инспекторомъ екатеринославской гимназіи, отправился въ компаніи посмотрѣть на Ненасытецъ. Взобравшись на

---

[1]) О каналахъ на Днѣпрѣ см. нашу статью: «Топографич. очеркъ Запорожья». Кіевъ, 1884 г., стр. 26 и 27.

Монастырько и стоя на самомъ возвышенномъ мѣстѣ его. Марковъ. восхищенный великолѣпнымъ видомъ. открывающимся со скалы на порогъ, какъ бы въ шутку замѣтилъ: «Если мнѣ случится умереть, то я умру именно здѣсь». Въ то время никто, конечно, не придалъ словамъ Маркова особеннаго значенія. Но прошло около года и слова, сказанныя, можетъ быть, со значеніемъ, а можетъ быть, и безъ всякаго значенія, сбылись. З. И. Марковъ пріѣхалъ изъ Херсона къ порогамъ, взошелъ на Монастырько и, ставши на сѣверной окраинѣ его, выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ собой, какимъ-то чудомъ однако удержавшись на скалѣ. Несчастнаго самоубійцу сняли со скалы и погребли на кладбищѣ села Николаевки, гдѣ на могилѣ покойнаго поставленъ былъ деревянный крестъ А. В. Васильевымъ, живущимъ теперь въ с. Ивановскомъ, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда.

Ниже Монастырька, съ правой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ балка Домашняя, а по самому Днѣпру идутъ камни: Крутенькій, Рогозинъ, какъ разъ противъ Пекла, камень Долгополый, Барыни, Мышатные, Бочка, Сухія-Клади, Чекуха и острова Бѣляевы, числомъ два, длины одна треть и ширины одна девятая версты каждый, названные по имени кормчаго Бѣляя, переплывшаго на дубу Ненасытецъ въ виду императрицы Екатерины II; за островами Бѣляевыми Камень-Плоскій, «самый бидовый, ходовый каминь», противъ д. Времьевки; заборы Кривая, Лоская, Бѣляева, получившая названіе отъ того же Бѣляя, и Воронова, балки Войсковая, ниже д. Войсковой, Клюшникова, ниже д. Варваровки и противъ д. Войсковой, обѣ съ лѣвой стороны, наконецъ островъ Песковатый, длины верста, ширины полверсты [1]). Островъ Песковатый замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ попадается очень много янтаря, особенно послѣ полой воды. Кромѣ Песковатаго янтаремъ богаты острова Бѣляевъ и Голодаевъ, ниже Ненасытеца. Обыкновенная величина

---

[1]) Въ старину было два острова съ этимъ названіемъ.

такихъ кусковъ—полтора вершка, но попадаются и больше четырехъ вершковъ. Бывшему владѣльцу Ненасытецкаго порога, В. И. Синельникову, однажды крестьяне доставили кусокъ янтаря въ пять вершковъ величины, который отправленъ былъ имъ въ подарокъ извѣстному русскому поэту Г. Р. Державину, находившемуся съ Синельниковымъ въ родствѣ. Державинъ, получивъ подарокъ, писалъ Синельникову, что онъ сдѣлалъ изъ присланнаго янтаря блюдце и чашку. У наслѣдниковъ В. И. Синельникова и теперь хранится нѣсколько кусковъ янтаря, разновременно найденныхъ близь названныхъ острововъ Днѣпра. У А. В. Васильева, управляющаго с. Ивановскаго, имѣется также нѣсколько кусковъ янтаря, найденныхъ близь Ненасытеца, противъ острова Голодаева. Изъ одного куска янтаря сдѣланъ у него стаканчикъ, «кубокъ янтарный», другіе хранятся въ неотдѣланномъ видѣ, изъ коихъ одинъ замѣчателенъ тѣмъ, что на его поверхности видны мелкіе, кругленькіе отпечатки насѣкомыхъ, а въ срединѣ—небольшой кусочекъ окаменѣлой древесинки. Нѣсколько кусковъ того же днѣпровскаго янтаря имѣетъ у себя и управляющій села Петровскаго, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, находящагося ниже Ненасытеца, В. А. Сипягинъ, которые доставлены ему мѣстными крестьянами съ береговъ острова Песковатаго. Но еще большій запасъ днѣпровскаго янтаря имѣется у владѣльца м. Котовки, новомосковскаго уѣзда, той же губерніи, Г. И. Алексѣева, извѣстнаго собирателя южно-русскихъ древностей. У него есть очень большіе куски янтаря, разнаго достоинства и разныхъ цвѣтовъ: свѣтло-желтаго, желтаго, темно-коричневаго и пр. По разсказамъ старожиловъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ у приднѣпровскихъ крестьянъ было очень много янтаря, но теперь онъ рѣже попадается потому, что его успѣваютъ подбирать жиды.

Ниже острова Песковатаго идутъ камень Копа, забора Кривая, камень Халява, забора Данилеева, камень Данилей, у праваго берега Днѣпра: забора Песковатая, ниже южнаго конца

Песковатаго острова: р. Осокоровка, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, ниже дер. Времьевки [1]) и отдѣляющая собой александровскій уѣздъ отъ павлоградскаго, далѣе забора Подовжня, противъ д. Времьевки, между о. Песковатымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, на восемь верстъ ниже Ненасытеца, заборы Галузина, названная по имени рыбалки Галузы, у лѣваго берега Днѣпра, противъ сѣвернаго конца с. Петровскаго, Плоская, балки Дубовая съ боковыми Филиппенковой, Шпаковой и Губиной, по которой въ старину шли р. Сухая Осокоровка Капустянная, съ боковыми Березнюватой, Широкой и Скотоватой, Пономарева, на полверсты ниже экономіи с. Петровскаго, всѣ съ лѣвой стороны; скели Ластивина, Скубова, заборы Скубова, Кокайка, Дядькова и наконецъ камень Дядько или Чортовъ, къ правому берегу Днѣпра, у сѣвернаго конца острова Дубоваго.

— Чого цей каминь звется Дядькомъ, або Чортомъ?

— Якъ пройде плитъ, то винъ Дядько, а якъ зачепется, то винъ Чортъ.

Ниже Дядька слѣдують камень Пугачъ, балка Скубова, и четыре естественныхъ пещеры въ гранитной массѣ праваго берега Днѣпра: голубиная — первая, длины двѣ саж., высоты одна саж., поднимающаяся почти на три саж. отъ уровня воды въ Днѣпрѣ [2]). Голубиная—вторая, Голубиная—третья и наконецъ Пугачева, длины одинъ, ширины два аршина. Противъ этихъ пещеръ протянулся большой и длинный островъ Дубовый.

Дубовый островъ, въ старину Дубовичъ или Большой Дубовый, расположенъ противъ с. Петровскаго (Свистунова), александровскаго уѣзда, покрытъ густымъ высокимъ лѣсомъ, состоящимъ почти исключительно изъ дуба; онъ протянулся на четыре версты въ длину, при одной верстѣ наибольшой ширины.

---

[1]) Теперь принадлежитъ нѣмцу-колонисту И. И. Нефельду, купившему ее у владѣльца Добрынина.

[2]) Для меня это была роковая пещера; въ ней я впервые сломалъ себѣ лѣвую руку, которую потомъ еще пять разъ ломалъ.

я заключаетъ въ себѣ сто-двадцать десятинъ земли, но принадлежитъ двумъ владѣльцамъ: одна половина—Синельниковой. другая—Милорадовичъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ островъ Дубовый принадлежалъ генералу Свистунову. Но генералъ Свистуновъ. играя однажды въ карты. проигралъ островъ двумъ своимъ сосѣдямъ, Синельникову и Милорадовичу. Съ того времени и по настоящую пору островомъ Дубовымъ владѣютъ Синельниковы и Милорадовичи.

Рядомъ съ Дубовымъ островомъ идутъ заборы Петренкова, противъ двора кр. Нечипора Кайстра, Кляпина, противъ двора кр. Антона Чупрыны. Млынова, въ концѣ села, балка Хомина, названная по имени двухъ могилъ, стоящихъ въ вершинѣ ея,—всѣ съ лѣвой стороны; балки Дымськая, на полверсты ниже балки Скубовой, Кривошійна,—съ правой стороны. забора Береговая, балки Голая, Слободскія-Россошки, съ лѣвой, отдѣляющія крестьянскій надѣлъ отъ надѣла церковнаго; заборы Дубовая и Червоная, съ правой стороны, заборы Коростева и Свиная. съ лѣваго берега рѣки; далѣе идутъ камни Щербина, Перейма, Коростій, балки Гончарка, Легкого съ боковыми Глиняной, Липовой. Криничной, Лисковой и Болванкой,—съ правой стороны; забора Забачева или по-старинному Крячина, на срединѣ Днѣпра. противъ южнаго конца («прыхвиста») острова Дубоваго; островъ Забачъ. забора Рядовенька, на двѣсти саженъ ниже Дубоваго острова, камень Тарасовъ, камни Зори (два), острова Киселевы (два), на триста саженъ ниже камня Переймы. забора Кривая, балка Диденкова. островъ Диденковъ. имѣющій въ окружности 60 саженъ, балка Гайбеева съ боковыми Чернопасикой. Осиковой и Волчьимъ-Хвостикомъ. — съ правой стороны передъ селомъ Волнигами. камни Дирехтуръ, Зарогъ, острова Росчистка и Полтавка. и наконецъ рогъ Волниговскій съ его лавами Близнюками. Плоской. Грозной и Помыйлицей и селомъ Волнигами. у праваго берега Днѣпра. Въ селѣ Волнигахъ бросается въ глаза отсутствіе церкви. Село довольно большое. многолюдное и промышленное. но въ немъ

нѣтъ не только церкви, нѣтъ даже часовеньки, за то есть два кабака.

Ниже порога Волниговскаго идутъ послѣдовательно камни Близнючки, Плоскій, противъ волниговскихъ мельницъ, Рваны (два), «по одній строй съ Плоскимъ, тилки ныще его», балка Балчанская, противъ экономической рыбальни, съ лѣвой стороны, балка Сухенька, съ правой, раздѣляющая село Волниги пополамъ, камни Перейма, Гроза, балка Каменоватая, — слѣва; камень Кобыла, забора Курчина съ камнемъ Савраномъ посрединѣ ея, камни Лоша, Млины, островъ Песковатый, скеля Разбойники, на сухомъ мѣстѣ лѣваго берега Днѣпра, камни Цапрыга; какъ разъ противъ Разбойниковъ, камень Крутько, забора Дегтярева, камни Гаджола, Шереметевъ, у самаго берега съ правой стороны, Тыри (двѣ), тамъ же балка Башмачка, камни Буцъ, Польскій, балка Будилка, съ правой стороны, и наконецъ порогъ Будиловскій съ его лавами Тыриной и Сазоновой, у котораго при чисткѣ канала всегда находятъ нѣсколько кусковъ янтаря. Ниже Будиловскаго порога впадаютъ въ Днѣпръ балки Трутова или Рединова съ правой стороны, Будилка—съ лѣвой, на двѣ версты ниже порога; за ними слѣдуютъ камни Сазоновы, Колесники, балки Рябого, Канцерская, съ правой стороны, камень Червоный, острова Червоный и Осокороватый, иначе Склубъ или Рыбачій, противъ деревни Федоровки (Языковой) на правомъ берегу, камни Службы, балки Квитяна, Щербина, балка Куценька, у праваго берега, выше деревни Августиновки (Смольщи), балки Калинова, Глодовы (двѣ), камни Черевко, Черевиня, забора Таволжанская, у Лерберга порогъ Таволжанскій [1]), и наконецъ островъ Таволжанскій. Въ этомъ мѣстѣ, по словамъ Эриха Ласоты, у татаръ была главная переправа черезъ Днѣпръ [2]).

Островъ Таволжанскій, иначе Таволжанка, по мѣстному произношенію Тивильжанъ, извѣстенъ былъ съ этимъ-же на-

---

[1]) Изслѣдованія къ объясненію древн. русск. истор. Спб. 1819, стр. 274.

[2]) Путевыя записки Эр. Ласоты. Одесса, 1873 г., стр. 29.

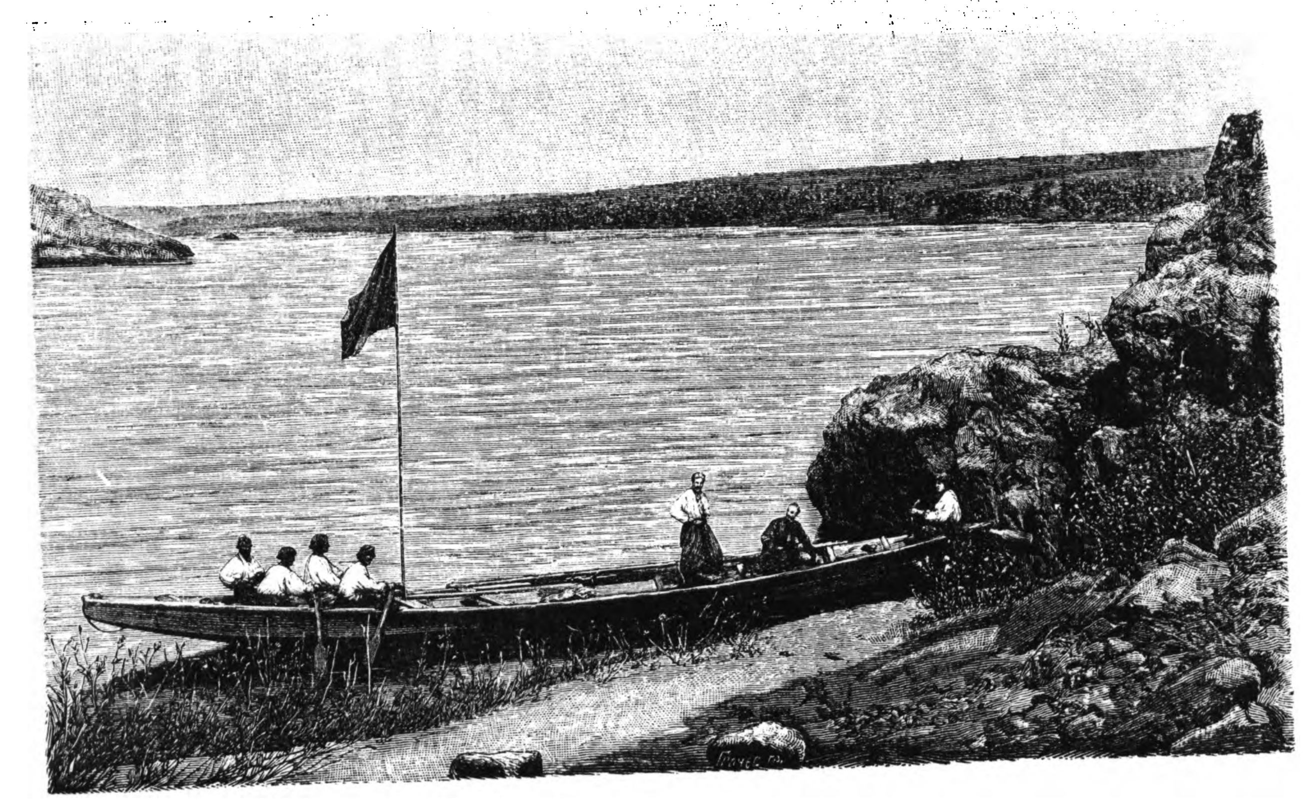
званіемъ еще Эриху Ласотѣ, а вслѣдъ за нимъ и Гильому де-Боплану. «Второй островъ (Таволжанскій) гораздо болѣе, длиною около 2000, шириною около 150 шаговъ; онъ весь составленъ изъ скалы, но не имѣетъ столько утесовъ, какъ первый. Мѣсто это крѣпко отъ природы и хорошо для житья. Здѣсь растетъ много таволы: это—красное дерево, твердое какъ буксъ и имѣющее силу гнать изъ лошадей урину. Изъ него выдѣлываютъ краску для волосъ» [1]). Въ настоящее время островъ Таволжанскій имѣетъ въ длину двѣ версты, въ ширину отъ десяти саженъ до одной версты, по краямъ окаймленъ лѣсомъ, а по рединѣ представляетъ изъ себя прекрасную ровную площадь, по которой кое-гдѣ разбросаны огромныя гранитныя скалы, изъ коихъ самая высокая носитъ названіе Голубиной скели; съ этой Голубиной скели открывается прекрасный и далекій видъ на д. Августиновку (Смольщу), находящуюся у праваго берега Днѣпра, противъ праваго берега острова Таволжанки, и на самый Днѣпръ, вдоль по направленію отъ юга къ сѣверу. Видимо, названіе свое островъ Таволжанка получилъ отъ растенія «таволги», въ большомъ обиліи произрастающаго на немъ даже и въ настоящее время. Таволгою (spirea) мѣстные жители называютъ особый родъ красной, очень гонкой лозы, производящей жгучую боль, когда ею ударить себя. Кто читалъ козацкія думы, тотъ знаетъ, что въ нихъ таволгою всегда стегаютъ «баши турецкіе, недовирки христіанскіе», несчастныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ на Украйнѣ и прикованныхъ къ турецкимъ галерамъ тяжелыми желѣзными цѣпями:

«Баша турецькій, бусурманскій,
Недовирокъ хрестіянськый
По каторзи винъ ходе-похожае,
На слуги свои, на турки-янычары зо-зла гукае:
«Кажу я вамъ, турки-янычары, добре вы дбайте,
Изъ ряду до ряду захожайте
По три пучки терныны и червонои таволги набирайте
Бидного невольника по трычи въ однимъ мисци затыпайте»...

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832, стр. 23.

Ниже острова Таволжанскаго, у сѣвернаго конца его, стоитъ островъ Орловъ, длины полтораста саженъ, противъ него впадаетъ въ Днѣпръ балка Орлова и за балкой Орловой балки Большая Бицулина, Малая Бицулина, Securely, Зализна, Гелеверина, потомъ слѣдуютъ Камень Таранъ, балка Безкровная, съ правой стороны, балка Таволжанка, съ лѣвой стороны, и противъ нея небольшой, но громкій островъ Перунъ. Перунъ, или, какъ называютъ его мѣстные жители, Пѣрунъ и даже Пѣренъ, расположенъ параллельно острову Таволжанскому, только у самаго бѣрега Днѣпра и какъ разъ противъ балки Таволжанки, идущей къ лѣвому берегу Днѣпра и раздѣляющей самый островъ на двѣ половины; это раздѣленіе острова даетъ поводъ думать, что нѣкогда онъ составлялъ одно цѣлое съ лѣвымъ берегомъ рѣки и что на немъ оканчивалось устье балки. Островъ протянулся вдоль лѣваго берега Днѣпра, отъ сѣвера къ югу, причемъ въ сѣверной половинѣ своей онъ далеко выше, чѣмъ въ южной. Длина—сто-пятьдесятъ саженъ, ширина въ сѣверной окраинѣ—семьдесятъ-пять, въ южной—тридцать саженъ; высота, при среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, въ сѣверной окраинѣ—пятьдесятъ саж., въ южной—тридцать. Въ общемъ о. Перунъ похожъ на огромное чудовище, протянувшееся по Днѣпру головой на сѣверъ, хвостомъ на югъ и посрединѣ имѣющее какъ-бы перехватъ. (См. табл. XIV). По высотѣ—это единственный островъ на всемъ Днѣпрѣ. Въ откосѣ западнаго берега Перуна есть пещера, носящая названіе Зміевой, похожая, впрочемъ, скорѣе на нору, естественную, чѣмъ на то, что мы называемъ пещерою, и имѣющая длины восемь аршинъ, ширины, при входѣ въ нее, полтора аршина и высоты, также при входѣ, до двухъ аршинъ. Кромѣ пещеры, на островѣ, въ лощинѣ, раздѣляющей его на двѣ половины, есть еще погребъ, стѣны котораго выложены гранитнымъ камнемъ; длина его—пять саж., ширина—три саж. Кто сдѣлалъ этотъ погребъ и для какой цѣли, указаній на это мы не имѣемъ. Можетъ быть, можно было-бы сказать что-нибудь положительное на этотъ счетъ послѣ раскопки погреба. Но, къ

Ч. I. Рис. 14.

Камень Перунъ.

сожалѣнію, едва-ли это можно сдѣлать, такъ какъ онъ уже раскопанъ какими-то искателями клада. Островъ принадлежитъ двумъ владѣльцамъ: Н. П. Петренку, владѣльцу с. Петровскаго, и С. П. Иваненковой, владѣлицѣ с. Андреевки. На вопросъ, отчего островъ Перунъ получилъ свое названіе, отвѣчаютъ преданіемъ, весьма сходнымъ съ тѣмъ, которое занесено на страницы нашей русской лѣтописи о низверженіи св. Владиміромъ идола бога Перуна, брошеннаго, по повелѣнію князя, въ Днѣпръ.

«Какъ поплылъ тотъ Перунъ по Днѣпру, такъ достигъ до самаго острова Тивильжана, тутъ уже остановился и перекинулся въ небольшой островъ. Оттого тамъ, гдѣ онъ легъ головою, тамъ самая большая высота на островѣ, а тамъ, гдѣ онъ протянулся ногами, тамъ самая меньшая высота на немъ».

— А почему вотъ та пещера, что въ Перунѣ, называется Зміевой?

«А потому, что въ ней жилъ змій, страшенный змій,— такой змій, что пожиралъ людей. Ухватитъ бывало какую-нибудь людину, притащитъ въ пещеру да тамъ и сожретъ. Отъ этого-то змія и пещера стала называться Зміевой. Это давно было, очень давно, еще не за нашу память, да и не за память, вѣроятно, нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ».

Расположеніе двухъ острововъ параллельно одинъ другому, въ видѣ естественныхъ плотинъ, было причиною того, что въ этомъ мѣстѣ уже въ очень давнее время существовала переправа черезъ Днѣпръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Эрихъ Ласота. «Въ настоящее время тутъ главная переправа даже за островъ Таволжанскій (Towal-Zani), такъ какъ Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ не развѣтвляется и не очень широкъ» [1]). Можно думать, впрочемъ, весьма гадательно, что объ этой самой переправѣ и объ этомъ же самомъ островѣ говоритъ и польскій

[1]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 29.

писатель Мартинъ Бѣльскій, называя Таволжанскій островъ островомъ Коханымъ. По крайней мѣрѣ, названіе Коханаго ни къ какому другому острову между порогами Днѣпра нельзя примѣнить, кромѣ острова Таволжанскаго. «Между иными островами есть тамъ одинъ островъ, который называется Коханымъ (Kochanie, т. е. островомъ любви), между пороговъ, на 40 миль ниже Кіева, занимающій нѣсколько миль въ длину... Съ этого острова можно (może zabronic) охранять два брода, Кременецкій и Кусманскій, которыми посполитые переправляются къ намъ. Есть и другой островъ, близь того, называемый Хорчика (Chorczyka, очевидно Хортица) [1]).

Ниже Таволжанскаго острова идутъ: камень Ревунъ, противъ о. Перуна, забора Крячина—первая, тамъ же два камня Головковы, о. Бѣлый, на полторы версты ниже о. Перуна, но какъ разъ противъ балки Верхней-Скотоватой, къ лѣвому берегу, длины двѣсти, ширины пятьдесятъ саж., балка Аврамова, о. Аврамовъ, иначе островъ Несчетнаго, къ правому берегу рѣки, противъ камней Головковыхъ о. Сторожовъ, иначе Спорный, по рединѣ рѣки, противъ д. Пихотнинскаго, балки Верхняя-Скотоватая, Нижняя-Скотоватая, съ лѣвой стороны, балки Западня, Крылова, Петерса, Лѣсная, Бырдина и Клобуковская, съ правой стороны; островъ Клобуковскій, длины верста съ четвертью, ширины одна десятая; у самаго берега Днѣпра, съ правой стороны, противъ деревни Бырдина, забора Склянная, камень Марченко, у южнаго конца о. Клобуковскаго, островъ Бобровъ, иначе Рыбальскій, Кучугурный или Стрѣлица, къ лѣвому берегу, противъ Клобуковскаго, у вершины о. Кухарева; балка Круглая съ лѣвой стороны, островъ Лозоватый, какъ бы продолженіе Клобу-

[1]) Zbiór pisarzow polskich. Crese czosta, tom XVIII, kronika polska. M. Bielskiego. W. Warszawie, 1832 г., стр. 192. Близь Хортицы можетъ быть Таволжанскій, или Кухаревъ, или Большой-Дубровый или Вербовый островъ, «нѣсколько миль длины». Также трудно разгадать, какіе именно разумѣетъ Бѣльскій броды подъ бродами Кременецкаго и Кусманскаго. Не есть-ли Кучманскій Кичкасскій?

ковскаго, немного выше церкви д. Бердеевой, забора Крячина—вторая, у сѣвернаго конца о. Кухарева, забора Самойлова, противъ острова Лозоватаго, камень Кузьмичъ, балка Лишняя, съ лѣвой стороны, и наконецъ о. Кухаревъ. Кухар островъ имѣетъ въ длину двѣ версты, въ ширину—полторы, покрытъ прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, расположенъ противъ с. Андреевки, что на лѣвомъ берегу, принадлежитъ владѣлицѣ С. П. Иваненковой. Подъ нимъ считаютъ 215 дес. и 248 саженъ земли [1]).

За островомъ Кухаревымъ слѣдуетъ камень Буцъ, за каменемъ Буцемъ порогъ Лишній съ его лавами Плоской и Швайчиной и, противъ порога Лишняго; село Игнатьевка, или Алеевка; противъ с. Игнатьевки [2]) камни Муравный: «стырчить, иначе проскурка», Шереметевъ, Девятинъ, Чортова голова, оо. Лишній, Кленовый, Гавинъ,—отъ «гавы», т. е. вороны, длины полторы, ширины одна пятая версты, островъ Лантухивскій, длины двѣ съ четвертью, ширины одна шестая версты, Смирный, иначе Ржаной — отрывокъ отъ Гавина; балки Лишняя, Сухенька, Вила и Чернявскаго, — всѣ съ правой стороны. Кошарна и Вильна,—съ лѣвой стороны; оо. Селевень, Стрѣлецъ, Похилый противъ хутора Корнія Корніевича, три островка Пруссовы, ниже о. Лантухивскаго, у самаго берега Днѣпра, съ правой стороны противъ Письмача, кругомъ всѣ три — одна верста, камни Похилый и Корабель, наконецъ Вильный порогъ съ его лавами Сиренькой, Похилой, Рядовой, Переймой, Волчьимъ горломъ и Шинкаревой. За порогомъ Вильнымъ идутъ балки Гадючья, съ правой стороны, камни Плоскіе, Бѣлый Бучокъ, Перейма, прямо противъ канала порога, Крачокъ, Сиренькій, Шинкарь, забора Крячина; островки Крячиновъ, Сквор-

---

[1]) Замѣчаніе г. Бухтѣева о томъ, что въ о. Кухаревомъ нужно видѣть о. Кашеварницу, лишено всякаго основанія и обнаруживаетъ лишь малое знакомство его съ порожистою частью Днѣпра. См. Записки одесск. общ. истор. и древн. Одесса. 1883, III, 491.

[2]) Основано въ 1783 году полковникомъ Игнатіемъ Ивановичемъ Гизицкимъ.

цовъ, камни—Волчье горло, забора Явленная, у древнихъ порогъ Явленный, и наконецъ три острова Малишевскіе (теперь Плоскіе — два и Явленный), противъ которыхъ съ лѣвой стороны стоитъ хуторъ Тарана, и ниже Малишевскихъ большой островъ Пурысовъ [1]). Есть полное основаніе думать, что въ островахъ Малишевскихъ скрывается островъ, извѣстный у Боплана подъ названіемъ Кашеварницы. «На пушечный выстрѣлъ ниже сего порога (Вильнаго) лежитъ скалистый островъ, называемый козаками Кашеварницей, какъ будто для выраженія радости о благополучномъ проходѣ черезъ пороги: тамъ козаки веселятся и угощаютъ другъ друга обыкновеннымъ своимъ походнымъ кушаньемъ—кашею» [2]). Есть также полное вѣроятіе предполагать, что въ этихъ Малишевскихъ островахъ скрывается и о. Малый-Дубовый, о которомъ упоминаетъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» Лербергъ, а подъ о. Пурысовымъ разумѣется Большой-Дубовый. По словамъ Лерберга, самый сѣверный изъ цѣлой гряды шести острововъ называется Малымъ-Дубовымъ [3]), а самый южный именуется Большой-Дубовый. Ниже Пурысова тянется островъ Вербовый, иначе Осокорный, извѣстный теперь подъ названіемъ Левшина, упоминаемый тѣмъ же Лербергомъ и означенный на планѣ Днѣпра 1780 года [4]). На одну версту ниже Большого-Дубоваго, у лѣваго берега рѣки, лежитъ третій островъ, Каменоватый, называемый въ настоящее время Голымъ, съ длинною, песчаною отмелью у южнаго конца его. Такимъ образомъ, ниже послѣдняго порога Вильнаго, до острова Хортицы, всѣхъ большихъ острововъ шесть: три Малишевскихъ, одинъ Пурысовъ, одинъ Вербовый, одинъ Каменоватый. Это совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Лерберга: «Суда ходятъ подлѣ самаго праваго берега и прежде всего встрѣ-

[1]) На планѣ Днѣпра 1780 г. онъ названъ Вурисовъ.

[2]) Описаніе Украйны. Спб. 1832, стр. 23.

[3]) Изслѣдов. къ объясненію древн. росс. истор. Спб. 1819, стр. 277.

[4]) Планъ рѣки Днѣпра съ раздѣленіемъ острововъ въ Новороссійской и Азовской губерн.—сочиненъ февраля дня 1780 года.

чаютъ гряду островов, числомъ шесть, изъ коихъ самый сѣверный называется Малый-Дубовъ, а самый южный и большій, лежащій въ верстѣ отъ порога, Большой-Дубовъ. Въ верстѣ за послѣднимъ лежитъ къ лѣвому берегу островъ Вербовъ, окруженный песчаною мелью» [1]).

При ближайшемъ осмотрѣ острова Малый и Большой Дубовые оказались по окрайнамъ скалистые, въ срединѣ песчаные, покрытые лѣсомъ, по преимуществу шелюгой, осокоремъ и изрѣдка дубомъ. Но множество дубовыхъ пней свидѣтельствуютъ, что нѣкогда здѣсь преобладалъ дубъ. Оба острова раздѣлены между собой пространствомъ не болѣе какъ въ 100 саженъ, причемъ Малый-Дубовый имѣетъ длины одну пятую, ширины одну седьмую версты, Большой-Дубовый имѣетъ длины одну версту, ширины полверсты и заключаетъ въ себѣ отъ десяти до пятнадцати десятинъ земли. Къ лѣвому берегу Малаго-Дубоваго острова примыкаютъ три маленькихъ островка Малишевскихъ. При осмотрѣ Малаго-Дубоваго острова оказалось, что вся почти поверхность его усѣяна человѣческими костьми: тамъ валяется рука, тамъ торчитъ нога, тамъ виднѣется черепъ, тамъ лежитъ вмѣстѣ съ зубами нижняя челюсть. Вымерли-ли здѣсь отъ голода осажденные непріятелемъ запорожцы, какъ разсказываютъ одни; было-ли это кладбище козаковъ, какъ говорятъ другіе; происходила-ли здѣсь жестокая сѣча русскихъ съ турками, какъ повѣствуютъ третьи,—это рѣшительно неизвѣстно. Было бы, конечно, слишкомъ смѣло утверждать, что на этомъ островѣ происходила битва между печенѣжскимъ ханомъ Куря и русскимъ княземъ Святославомъ, который, сражаясь въ виду пороговъ со своимъ противникомъ, сложилъ здѣсь свою «чубатую» голову и послужилъ какъ бы прототипомъ также «чубатыхъ» запорожцевъ, уродившихся за порогами Днѣпра.

Противъ острововъ Дубовыхъ съ лѣвой стороны стоитъ колонія Старый Кронцвейгъ, за нимъ впадаетъ въ Днѣпръ, съ

[1]) Планъ р. Днѣпра съ раздѣленіемъ острововъ въ Новороссійской и Азовской губ.—сочиненъ февраля дня 1780 г.

лѣвой стороны, балка Осокоровая, отдѣляющая отъ себя балку Богатыреву, покрытая прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ и орошаемая во всю свою длину ручьемъ чистой и свѣтлой воды; а ниже балки Осокоровой раскинулась деревня Павлокичкасъ, называемая иначе Маркусивкой, отъ бывшаго владѣльца ея Константина Мануиловича Маркуса. Ниже Павлокичкаса, среди Днѣпра, торчатъ камни Разбойники—«воны часто плоты та барки бьють», за ними слѣдуетъ балка Кичкасска, иначе Гайдамацкая, съ лѣвой стороны, получившая свое прозваніе отъ гайдамаковъ, которые перегоняли здѣсь черезъ Днѣпръ лошадей, отбиваемыхъ ими у татаръ. По словамъ старожиловъ, противъ балки Кичкасски у запорожцевъ была переправа черезъ Днѣпръ. Оттого старики и до сихъ поръ называютъ переправу черезъ Днѣпръ у Кичкасски старою, а ниже ея, противъ колоніи Кичкасъ, новою. Съ правой стороны противъ Павлокичкаса стоитъ урочище Теляче-Тырло и Козловскій камень—оба на сушѣ; ниже Козловскаго камня, въ водѣ, скеля Радутка, на берегу, съ лѣвой стороны скеля Хмарна, забора Черна, названная по чернымъ камнямъ, торчащимъ изъ-подъ воды, балка Широка, скеля Пугачи и балка Побережня. Названіе скели Хмарной, по однимъ, произошло отъ запорожца Хмары, а по другимъ—отъ того, что «що вона выходе куткомъ; тамъ тинь, темно, мовъ хмара повысла, сонце Боже туды николы не достае» [1]). А скеля Пугачи названа отъ птицъ пугачей, нѣкогда водившихся на ней и своимъ крикомъ оглашавшихъ окрестности Днѣпра. Еще ниже Пугачей, съ правой стороны, стоитъ урочище Крынычка, названное такъ потому, «що тамъ богато було копанокъ, або крыныцъ» [2]), камень Ступка: «на нему есть ямка, чисто тоби ступка» [3]), островъ Крячокъ, отъ птицы крячка, и островъ Вербки, отъ молодой вербы, растущей на немъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ по правому берегу слѣдуютъ: пещера Школа, камень Дзвиныця, скеля Голубы, названная отъ дикихъ голу-

---

[1]) Степь. Я. Новицкій. Запорожье, 1886, 16 февраля, стр. 102.

[2]) и [3]) Тамъ же, стр. 104.

бей, водившихся на ней, забора Середняя или Казаны: «якъ прибуде вода, то каминя и не видно; тилько круте, така быстря, мовъ у казанахъ кипыть»; скеля Попова и балка Кинська. Происхожденіе и названіе Поповой скели объясняютъ такъ. «Вскорѣ послѣ проѣзда императрицы Екатерины II по Днѣпру пріѣхалъ откуда-то священникъ, съ цѣлью осмотрѣть мѣстность, посѣщенную царицею. Ночью, не зная дороги, онъ своротилъ съ Донского шляху, подъѣхалъ къ скелѣ и съ страшной крутизны ринулся въ бездну рѣки. Не стало попа, осталась одна Попова скеля» [1]). Названіе же балки Киньской произошло отъ того, что здѣсь перегоняли черезъ Днѣпръ запорожцы да татары своихъ коней. «Плывуть було прудко, сучи кони, тилько прыськають». Ниже балки Киньской идетъ балка Глиняна — съ лѣвой стороны, потомъ камень Гудзыкъ, прозванный можетъ быть оттого, что когда спадетъ въ Днѣпрѣ вода, то онъ какъ-будто «гудзыкъ» высматриваетъ изъ-подъ нея; далѣе камень Чупрына, получившій прозваніе по сходству съ чупрыною на головѣ; затѣмъ скеля Вовчокъ, Сухойванъ, какъ разъ противъ рыбальни Ивана Харченка; Кичкасская переправа, заборы Карлова и Брунева, отмель Кручина, островъ Зеленый, называемый иначе островомъ Стрѣлицей и Федоришинымъ, по отчеству владѣлицы его, Анны Федоровны («Хведорыхи») Маркъ, балка Федоришина съ лѣвой стороны, урочище Сагайдачное, скеля Дурна и Середня, у лѣваго берега Днѣпра, наконецъ, три огромнѣйшихъ камня Столпы, и нѣсколько меньше Столповъ два камня Стоги, послѣ чего открывается величественный островъ Хортица.

---

[1]) Степь. Я. Новицкій. Запорожье. 1886, 16 февраля, стр. 103.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«Грай кобзарю! лий, шинкарю!»
Козаки гукали.
Шинкарь знае наливае
И не схаменется;
Кобзарь вшкваривъ, а козаки,
Ажъ Хортиця гнется,
Метелиця та гопака
Гуртомъ оддирають [1]).

Островъ Хортица—самый большой и самый величественный изъ острововъ Днѣпра на всемъ его протяженіи. Первыми свѣдѣніями объ этомъ островѣ мы обязаны греческому императору Константину VII Багрянородному (905—959). У Константина Багрянороднаго Хортица именуется островомъ св. Григорія: «Прошедъ Кpapiйcкiй перевозъ [2]), они (руссы) причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія [3]). На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ [4]). Они приносятъ въ жертву живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе кладутъ куски хлѣба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ же бросаютъ жребій, убивать ли птицъ и

---

[1]) Кобзарь. Т. Шевченко. Спб., 1883, стр. 69.

[2]) Теперешній Кичкасъ.

[3]) Μετὰ δε το διελθεῖν τοιοῦτον τόπον τὴν νῆσον τὴν ἐπιλεγόμενην ὁ ἅγιος Γρηγόριος καταλαμβάνουσιν.

[4]) Ἐκεῖσε ἵσταθον παμμεγέθη δρῦν.

ѣсть или оставлять въ живыхъ» [1]). Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы («Хортичъ») впервые упоминается подъ 1103 годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, отправился походомъ противъ половцевъ: «И поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ» [2]). Изъ русскихъ же лѣтописей узнаемъ, что на островѣ Хортицѣ съѣхались всѣ русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ. Островъ назывался тогда Варяжскимъ. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру и въидоша въ море; бѣ бо людей тысящи, и воидоша въ Днѣпръ и возведоша порогы и сташа у рѣкы Хорътицѣ на броду у протолчи» [3]). Эрихъ Ласота (1594 г.) о Хортицѣ говоритъ, что она лежитъ въ полу-милѣ отъ Кичкаса, прекрасна, высока и пріятна, въ длину имѣетъ двѣ мили и раздѣляетъ Днѣпръ на двѣ равныя части [4]). Бопланъ (1620—1637 г.) называетъ Хортицу настоящимъ ея именемъ и говоритъ, что островъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами; въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину около полу-мили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и меньше того [5]). Изъ «Исторіи» Мышецкаго узнаемъ, что нѣкогда Хортица не была островомъ, а представляла лишь мысъ материка. «Сказываютъ, въ то время оный Хортицъ не былъ островъ, но соединенная степь, а ужь потомъ отъ сильныхъ вешнихъ водъ, въ низкихъ мѣстахъ сильною водою прорыло и учинило Хортицкимъ островомъ» [6]). Въ книгѣ Большого чертежа (1552 — 1600) Хортица именуется Хортицей [7]), въ «Путешественныхъ запискахъ» Зуева

---

[1]) De administr. imper., cap. IX, стр. 74—77. Издан. Бон.
[2]) Лѣт. по Ипат. спис. Спб., 1871, 183.
[3]) Тамъ же, стр. 495—496.
[4]) Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 30.
[5]) Опис. Украйны. Спб., 1832 г., стр. 24.
[6]) Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса, 1852, 24.
[7]) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 100 (1781—1782 г.).

(1781—1782 г.) Хортицомъ [1]), въ атласѣ Днѣпра (1784 г.)—Хитрицкимъ островомъ, принадлежащимъ къ дачѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина [2]), у Ригельмана (1785—1786 г.)—Хордецкимъ [3]). Объясненіе самаго названія острова находимъ у профессора Бруна. «Хортецкимъ онъ (островъ) могъ быть потому, что Русы X вѣка имѣли обыкновеніе приносить на немъ жертвы своимъ богамъ, а подобными жертвами могли у нихъ служить, faute de mieux, молодыя собаки, которыхъ они легко могли назвать хортецами, т. е. именемъ, напоминающимъ финское слово hurtta, означающее волка и извѣстнаго вида собаку, извѣстную у эстовъ подъ названіемъ hart, у латышей kurts, у литовцевъ kurtas, у поляковъ chart, т. е. подъ именемъ нашихъ борзыхъ собакъ. Что эти именно собаки высоко цѣнились въ Россіи еще гораздо позже, это видно изъ описанія Герберштейномъ охоты, въ которой самъ онъ участвовалъ, въ присутствіи великаго князя Василія Іоанновича mit reschen Hunden die sie Kurtzen nennen. По крайней мѣрѣ, можно полагать, что австрійскій посланникъ (Герберштейнъ) подъ своимъ неразгаданнымъ словомъ Kurtzi, просто разумѣлъ хортовъ» [4]).

Таковы первыя свѣдѣнія объ островѣ Хортицѣ. Къ этому нужно прибавить лишь то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Багрянороднаго, «Объ управленіи имперіи» («De administrando imperio») Хортица именуется островомъ не Григорія, а Георгія. Но это или простая замѣна слова, которая показана уже въ нашихъ лѣтописяхъ (Георгій, Гюрга, Гюргій, Григорій) [5]), или звуковое измѣненіе, происшедшее по извѣстному закону перехода буквы х въ г (Хорт-иц-а, Хорд-иц-а, Хорд-иц-а; Гюрди, Гюрги, Георги, Георгій). Для изучающаго исторію запорожскаго козачества Хортицкій островъ важенъ тѣмъ, что на немъ была

[1]) Путеш. зап. Василія Зуева. Спб., 1787, стр. 261.
[2]) Русовъ. Рус. тракты. Кіевъ, 1876, стр. 132.
[3]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. Москва, 1847, ч. I, стр. 20.
[4]) Путев. зап. Эр. Ласоты. Одесса, 1873 г., стр. 85.
[5]) Лѣт. по Ипат. спис. Спб. 1871 г., стр. 187, 205, 208 и др.

первая по времени запорожская Сича. Впрочемъ, нельзя при этомъ не сказать о тѣхъ лѣтописцахъ и изслѣдователяхъ, которые полагаютъ, что до того времени, пока запорожцы осѣлись на Хортицѣ, они имѣли будто-бы уже три Сичи: въ Седневѣ, мѣстечкѣ, отстоявшемъ отъ Чернигова на 30 верстъ, при р. Сновѣ, впадающей въ Десну; Каневѣ, теперь уѣздномъ городѣ кіевской губерніи, на правомъ берегу Днѣпра, и Переволочнѣ, теперь мѣстечкѣ полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра [1]). Но противъ такого утвержденія говоритъ, во-первыхъ, самая этимологія слова «запорожецъ». Запорожцами, запорожскими козаками, въ собственномъ смыслѣ, назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища за порогами Днѣпра, начинающимися, ровнымъ счетомъ, на восемь верстъ ниже бывшей у козаковъ деревни Половицы, у насъ губернскаго города Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и потому должны называться запорожскими козаками; тѣ-же изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ-называемой старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ города Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. А какъ Седнево, Каневъ и Переволочна находятся выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ запорожскими Сичами едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и допускается, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи,

---

[1]) Мышецкій. Истор. о козак. запорож. 1852 г. Одесса, стр. 9. Ригельманъ. Лѣтопис. пов. о Малой Рос. Москва, 1847, стр. 2. Бантышъ — Каменскій Седнево совсѣмъ исключаетъ, полагая Сичи въ Каневѣ, Черкасахъ и Переволочнѣ. Истор. Мал. Рос. Москва 1842 г. т. II, примѣчаніе 29.

что показываетъ намъ мѣсто возрожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали нѣкоторые изъ историковъ, а истинные сыны Малороссіи, «плоть отъ плоти и кость отъ костей ея». Впрочемъ, пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сичами, могло относиться къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они еще не обособлялись отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Это во-первыхъ. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седнево, Каневъ и Переволочну запорожскими Сичами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ Сичами. Документально, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится извѣстною только Хортицкая Сича. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ лѣтописецъ. «Того жъ мѣсяца (сентября 1557 года) пріѣхалъ (въ Москву) ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) всеа Русі отъ Вишневецкаго князя Дмитрея Івановича бити челомъ Михайло Есковичъ, что (бъ) его (т. е. князя Вишневецкаго) Государь пожаловалъ, и велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отѣхалъ и на Днепрѣ на Кортицкомъ острову городъ постановилъ противъ конскихъ водъ у крымскихъ кочевищь. И царь і великиі князь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ Ондрѣя Щепотѣва до Нечая Ртищева, да тогожъ Михаіла с опасною грамотою и з жалованиемъ» [1]). Объ этомъ же самомъ «городкѣ» на Днѣпрѣ говоритъ и посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота. «Четвертаго іюля прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны... Затѣмъ пристали къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцат тому на-

[1]) Русск. лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., ч. VII, ст. 272 и 273.

задъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами» [1]). Съ свидѣтельствомъ Эр. Ласоты совпадаетъ и свидѣтельство Мартина Бѣльскаго: «Есть и другой островъ близъ того (Коханаго), называемый Хорчика (Chorczyka), на которомъ Вишневецкій предъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ (na wielkiey przeszkodzie był), такъ что они не смѣли черезъ него такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже его въ Днѣпръ впадаетъ р. Тисменица, 44 мили отъ Кіева» [2]). Вотъ этотъ-то городокъ или замокъ на Днѣпрѣ, на Хортицкомъ островѣ, и слѣдуетъ считать первою по времени запорожскою Сичею. «Онъ (т. е. островъ Хортица) высокъ,—говоритъ одинъ изъ давнихъ русскихъ историковъ,—берега его скалисты, неподверженъ наводненію и изобилуетъ дубовымъ лѣсомъ. Имѣя всѣ удобности къ заселенію, сей прекрасный островъ оставался очень долго необитаемымъ; орды кочующихъ народовъ, которыя съ незапамятныхъ временъ бродили здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки, полагали непреоборимое препятствіе всякому прочному на ономъ заведенью. Въ началѣ токмо XVI стол., сколько намъ извѣстно, занятъ онъ запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ мѣстомъ для воспященія татарамъ переходить здѣсь [3]). «На островѣ Хортицѣ,—говоритъ другой, также очень давній историкъ,—они (т. е. запорожскіе козаки) сдѣлали себѣ укрѣпленное мѣсто, по ихъ Сѣчь называемое. Но сіе мѣсто ихъ пребыванія иногда по обстоятельствамъ перемѣнялось» [4]). Князь Мышецкій считаетъ Хортицкую Сичу также одною изъ древнѣйшихъ, хотя не первою по времени. «Противъ оныхъ трехъ рѣкъ—Сухой, Великой и Ниж-

---

[1]) Ласота отправленъ былъ къ запорожцамъ въ 1594 году; мѣсто Сичи онъ полагаетъ на островѣ Малой Хортицѣ, по-теперешнему Канцерскомъ островѣ; время же возникновенія ея опредѣляетъ, очевидно приблизительно. Путев. зап Одесса, 1873 г., стр. 53.

[2]) Zbiór pisarzow polskiech. Cyesc szósta. Tom XVIII. Warszawa 1832, 191—193.

[3]) Лербергъ. Изслѣдов. къ объясн. древн. россійск. ист., стр. 278.

[4]) Миллеръ. Истор. сочин. о Малор. нар. Москва, 1847, стр. 2.

ней Хортицъ—въ рѣкѣ Днѣпрѣ имѣется великій островъ, называемый Хортицъ, на которомъ издревле была запорожская Сѣчь» [1]).

«Чтобы имѣть базисъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма, а вмѣстѣ съ тѣмъ защиту отъ татаръ,—замѣчаетъ въ своихъ лекціяхъ о козакахъ профессоръ Антоновичъ,—Вишневецкій строилъ передовыя укрѣпленія, далеко выдвигая ихъ въ степь. Первое такое укрѣпленіе временное было построено имъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, на островѣ Хортицѣ, немного ниже пороговъ. Устройство этого укрѣпленія относится къ четвертому десятилѣтію XVI вѣка. Въ началѣ это укрѣпленіе не имѣло постоянныхъ жителей, сюда вводился гарнизонъ, когда была необходимость, обыкновенно лѣтомъ, а на зиму удалялся» [2]).

При этомъ естественно спросить: кто же былъ названный здѣсь Дмитрій Вишневецкій? Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій происходилъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей; онъ былъ человѣкъ православной вѣры, владѣлъ многими имѣніями въ кременецкомъ повѣтѣ; каковы: Подгайцы, Окимны, Кумнинъ, Лопушна и другія и имѣлъ у себя трехъ братьевъ: Андрея, Константина и Сигизмунда. Имя князя Вишневецкаго, въ началѣ непопулярное, становится извѣстнымъ только съ 1550 года, когда онъ назначенъ былъ польскимъ правительствомъ на должность черкасскаго и каневскаго старосты (губернатора). Но должность эту Вишневецкій несъ лишь до 1553 года, когда, получивши отказъ отъ короля Сигизмунда-Августа въ какомъ-то пожалованіи, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ на службу къ турецкому султану. Тогда король, обезпокоенный тѣмъ, что турки пріобрѣтутъ въ лицѣ Вишневецкаго отличнаго полководца, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, теперь врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ же

[1]) Ист. о коз. запорож. Одесса, 1852, стр. 68 и 9.

[2]) Исторія малор. козач. Кіевъ. Читано въ 1882—83 акад. году.

Черкасы и Каневъ въ управленіе. Но владѣя этими городами, князь хотя и доволенъ былъ королемъ, но недоволенъ былъ собственнымъ положеніемъ: душа его жаждала битвъ, опасностей войны. И вотъ онъ приходитъ къ такой мысли: уничтожить крымскую орду и, если возможно, завладѣть черноморскимъ побережьемъ. Планъ свой Вишневецкій старался выполнить послѣдовательно и уже съ 1556 года. Въ 1556 году Вишневецкій, вмѣстѣ съ русскими козаками дьяка Ржевскаго, запорожскими козаками атамановъ Млымскаго и Михайла Есковича и своими тремя стами черкасско-каневскими ходилъ противъ татаръ и турокъ подъ Исламъ-Кермень и Воламъ-Кермень «и тутъ кони и многую животину оттонили», затѣмъ добрался до Очакова «и у Ачакова острогъ взяли и турокъ и татаръ побили и языки поимали. А какъ пошли прочь и за ними ходили саінчаки очаковской и тягинскоіи со многими людьми, и дьякъ на нихъ учинилъ въ тростнику у Днепра подсаду и побилъ ис пищалеі многихъ людеі, и самъ отшелъ здорово со всѣми людми, да какъ пришелъ подъ Исламкирменъ и тутъ пришелъ къ Исламкирмени царевичъ Калга крымской, а съ нимъ вѣсь Крымъ и князи и мурзы; и дьякъ сталъ противу его на острову, и бился съ нимъ ис пищалеі шесть днеі, да отогналъ ночью дьякъ у крымцовъ стада конные да на островъ къ себѣ перевезъ и по заднѣпрью по литовскоі сторонѣ вверхъ пошелъ и разшелся съ царевичемъ ис пищалеі поранилъ и побилъ людей многихъ» [1]). Въ 1557 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій присылалъ къ Ивану Грозному Михаила Есковича съ выраженіемъ желанія поступить въ подданство къ московскому Царю, на что и получилъ дозволеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ Вишневецкій извѣщалъ Царя объ устройствѣ «на Днепрѣ, на Кортицкомъ острову города» [2]). Въ томъ же году, 16-го октября, Вишневецкій чрезъ своихъ пословъ Андрея Щепотева, Нечая, Ртищева, князя Семена Жижемскаго да Михаила Есковича из-

[1]) Русск. лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., стр. 266.
[2]) Тамъ-же, стр. 272 и 273.

вѣщалъ Царя Ивана Грознаго, «что онъ (т. е. князь Вишневецкій) холопъ Царя и великаго князя, и правду на томъ далъ, что ему ѣхати ко Государю; а потомъ воевати крымскихъ улусовъ и подъ Исламкирменъ служачи Царю и великому князю» [1]). Производя набѣги на татарскія области, князь Вишневецкій долженъ былъ наконецъ испытать то же самое и отъ татаръ. Въ 1557 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ сыномъ и со многими крымскими людьми приходилъ подъ его городъ, что на Хортецкомъ островѣ («Городецкоі островъ»), осаждалъ его двадцать четыре дня; но божіимъ милосердіемъ и именемъ и счастіемъ Царя, Государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана, побивъ у него даже много лучшихъ людей, такъ что ханъ пошелъ отъ Вишневецкаго съ великимъ соромомъ и настолько обезсилилъ, что Вишневецкій отнялъ у крымцевъ многія изъ ихъ кочевищъ [2]). Но уже въ 1558 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ханъ снова подступилъ къ городу на Хортицѣ; причемъ онъ привелъ съ собою многихъ людей турецкаго султана («турскаго царя») и волошскаго господаря. Вишневецкій, какъ должно думать, долго отбивался, но наконецъ «з Днепра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки у него разошлися... И онъ за кормомъ не сѣлъ в городе, а пришелъ за Черкасы и Каневъ» [3]).

Царь понялъ положеніе Вишневецкаго, и потому велѣлъ ему, оставивъ Черкасы и Каневъ, ѣхать въ Москву на службу. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того жъ года Вишневецкій прибылъ въ Москву; здѣсь Царь назначилъ ему жалованье, далъ въ отчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, «да въ иныхъ городахъ государь назначилъ князю подклѣтныя села и великими жалованы устроилъ»; князь же за все это клялся животворящимъ крестомъ вѣрно служить Царю на вѣки и добромъ

[1]) Русск. лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., стр. 274.
[2]) Тамъ же, стр. 266.
[3]) Тамъ же, стр. 292 и 293.

платить его государству [1]). Въ томъ же 1558 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Царь Иванъ Грозный отпустилъ Вишневецкаго на крымскіе улусы, «да с нимъ черкасскаго (черкесскаго) мурзу кабартинскаго канклыча Канукова — въ Кабарту в Черкасы (въ землю черкесовъ), а велѣлъ имъ собрався итти всѣмъ ко князю Дмитрею на пособъ, а отпущенъ въ Черкассы на Казань да на Астрахань судномъ, изъ черкасъ имъ итти ратью мимо Азова; да со княземъ Дмитреемъ же братъ отпустилъ... иныхъ атамановъ с козаки да сотцкихъ с стрельцы; велѣлъ ему Государь итти прямо, а послѣ велѣлъ суды подѣлати и зъ запасы итти на Днѣпръ, и велѣлъ Государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи надъ крымскимъ царемъ сколько ему Богъ поможетъ» [2]).

Въ томъ же, 1558 году, мѣсяца мая, Вишневецкій доносилъ уже и о самомъ результатѣ предпринятаго похода. Простоявъ подъ Перекопомъ и не встрѣтивъ ни одного врага крымца, князь пошелъ къ Днѣпру, къ Таванской переправѣ, «которая находится на полтретьятцать верстъ ниже Исламъ-Керменя; на перевозѣ онъ простоялъ еще три дня, а крымцы все не являлись къ нему, и это, говорили, оттого, что крымскій ханъ былъ въ осадѣ. Отъ Таванской переправы Вишневецкій поднялся къ Хортицѣ («Ортинскій островъ») и здѣсь соединился съ дьякомъ Ржевскимъ; встрѣтивъ его выше пороговъ, велѣлъ оставить всѣ коши съ запасами сдѣсь же, на Интрскомъ (?) островѣ; а изъ дѣтей боярскихъ, которые изнурены были походомъ, отослалъ къ царю, оставивъ у себя только небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ, съ которыми отправился лѣтовать въ Исламъ-Кремень; цѣль князя была—захватить Перекопъ и Козлецъ. Самъ же ханъ крымскій, извѣщенный о замыслахъ русскаго царя польскимъ королемъ, снялъ всѣ свои улусы съ Днѣпра и перенесся за Перекопъ. Такимъ образомъ Вишневецкій долженъ былъ

[1]) Русск. лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г:, стр. 293.
[2]) Тамъ же, стр. 295 296.

проводить время въ бездѣйствіи. а потому царь, отправивъ посла къ князю съ жалованьемъ, самому ему велѣлъ ѣхать въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ Ширяя Кобякова, дьяка Ржевскаго да Андрея Щепотева и съ ними немного дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, да съ козаками Данила Чулкова и Юрія Булгакова [1]). Это было въ 1558 году: но уже въ 1561 году Вишневецкій снова оказывается на Днѣпрѣ и хлопочетъ о томъ, чтобы опять передаться польскому королю. Что побудило князя къ этому, неизвѣстно: во всякомъ случаѣ, остановившись въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицей и городомъ Черкасами, Вишневецкій отправилъ къ королю гонца съ просьбою, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ на службу и выслалъ бы, по обыкновенію и прежде всего, такъ-называемый глейтоватый, т. е. охранный, листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастырища въ Краковъ. Король охотно принялъ князя, и въ 1563 году Вишневецкій считался уже на службѣ польскому престолу; расположеніе короля къ Вишневецкому выразилось между прочимъ тѣмъ, что онъ прислалъ князю своего медика для излеченія болѣзни, которою страдалъ князь еще въ юношескіе годы, отравленный какимъ-то ядомъ. Впрочемъ, тотъ же король при случаѣ не преминулъ освѣдомиться у русскаго царя и о причинѣ отъѣзда князя Вишневецкаго изъ Москвы. «Пришелъ онъ какъ собака и потекъ какъ собака; а мнѣ, государю, и землѣ моей убытка никакого не причинилъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный королю Сигизмунду-Августу. Въ это время Вишневецкій сдѣлался на столько дряхлымъ, что едва могъ садиться на коня, но духъ героизма въ немъ не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и подружившись тамъ съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотинымъ и надѣялся и всю Молдавію присоединить къ Польшѣ, Вишневецкій, подъ вліяніемъ этого поляка, задался мыслью добиться молдавской короны. Съ этой-то цѣлью онъ и отправ-

[1]) Русск. лѣтоп. по Никонову списку. СПб. 1791 г., стр. 308—309.

ляется, въ 1564 году, въ Молдавію. Но это же дѣло было послѣднею лебединою пѣснью князя. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись два претендента за обладаніе престоломъ: господарь Яковъ Василидъ, иначе Ираклидъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Томжа осаждалъ Василида въ Сучавскомъ дворцѣ, когда явился передовой отрядъ Вишневецкаго и потребовалъ молдавской булавы для своего князя. Томжа повидимому охотно согласился на это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Князь не ожидалъ такой скорой развязки и съ небольшой дружиной двинулся къ Сучавѣ, но здѣсь внезапно былъ схваченъ сторонниками хитраго Томжы и плѣненъ. Этого мало. Плѣннаго князя Томжа передалъ туркамъ, злѣйшимъ врагамъ его, и тѣ рѣшили предать его жесточайшей казни: бросить живымъ съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ гаковъ (крюковъ), которые вдѣланы были въ стѣну у морского залива, по дорогѣ отъ Константинополя въ Галату. Князь былъ брошенъ, зацѣпился ребромъ за крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, понося имя султана и охуляя его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стерпѣвшими его злословій. Народъ сохранилъ въ своей памяти величественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ. Пѣсня разсказываетъ, что Байда настолько былъ славенъ, что самъ ханъ предлагалъ ему свою дочь въ жены; но Байда настолько же былъ преданъ православной вѣрѣ, что съ омерзеніемъ отвергъ это предложеніе, глумясь надъ всѣмъ, что было священно и простому мослемину и самому хану и рѣшился даже убить этого послѣдняго. Жестокая казнь слѣдовала за этимъ глумленіемъ. Польскій писатель Несецкій прибавляетъ [1]), что у повѣшеннаго князя было вынуто изъ груди сердце; предавъ его огню, турки всыпали пепелъ его въ кружки съ виномъ и выпили, желая отъ этого

---

[1]) Korona Polska 1728—1748, т. IV, стр. 545.

заразиться такимъ же мужествомъ, какимъ отличался во всю свою жизнь князь Вишневецкій.

«У Царьгради та на рыночку
Тамъ пье Байда медъ-горилочку;
Ой пье Байда та не день, не два,
Не одну ничку та й не годыночку;
Ой пье Байда та й кываетця,
На турьского царя похваляется;
Ой пье Байда, та ще й налывае
А турецкій царь его пидмовляе:
— Ой ты, Байдо, та славнесенькій,
Будь мини лицарь та вирнесенькій,
Покинь, Байдо, та пити — гуляти,
Бери дочку та йди царювати!
Бери въ мене тай царивнôчку,
Будешь паномъ на Украиннôчку!
— Твоя, царю, вира проклятàя
А дочка твоя, царю, поганàя.
Крикнувъ салтанъ та своимъ гайдукамъ:
— Визьмить Байду того добре въ руки,
Визьмить Байду крипко извяжите,
Та на гакъ ребромъ добре почепите.
Ой висить Байда та й не день, не два
Не одну ничку та й не годиночку.
Ой висить Байда, про себе гадае
Тай на своего цюру зорко споглядае,
Та на свою цюру, цюру молодого
И на своего коня, коня вороного.
— Ой ты, цюро жъ мій молоденькій!
Подай мени лучокъ, лукъ тугенькій,
Подай мини, цюро, тугий лучокъ
И стрилочокъ цилий пучокъ!
Ой бачу я, цюро, та три голубочки,
Хочу я ихъ вбити за для царьской дочки.
Де я мирю, тамъ я вцилю,
Де жъ я важу, тамъ я вражу.
Ой якъ стриливъ, тай царя вциливъ,
А царицю та въ потылицю,
А его доньку прямо въ головоньку.
Не вмивъ, царю, та ты Байды быти,
За це жъ тоби, царю, тай у земли прити.
Було бъ тоби, царю, конемъ пидъизжати
Та було бъ Байды голову изтяти,

Було бъ тило Байды въ землю поховати
А його хлопця соби пидмовляти».

Такимъ образомъ, Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, и основанный имъ притонъ или Сича, для помѣщенія на островѣ козаковъ, также рушился: основавъ Сичу въ 1557 году, князь долженъ былъ оставить ее уже въ 1558 году. Но прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, и Сича на островѣ Хортицѣ снова возникаетъ. Теперь устройство ея принадлежитъ гетману малороссійскихъ и вмѣстѣ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Петру Конашевичу Сагайдачному. «Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [1]),—замѣчаетъ князь Мышецкій,—тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ» [2]).

«Въ началѣ XVI столѣтія, сколько намъ извѣстно,—пишетъ Лербергъ,—занятъ онъ (Хортицкій островъ) запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ пунктомъ... Но заселеніе это продолжалось недолго, столь же мало, какъ и бывшее въ 1630 году, въ которомъ сіи козаки заложили здѣсь крѣпость (Сичу); поелику Бопланъ, бывшій на семъ островѣ въ 1639 г., совѣтуетъ сдѣлать здѣсь заселеніе» [3]). «Островъ сей (Хортицкій),—пишетъ Устряловъ въ одномъ изъ примѣчаній къ «Описанію Украйны»,—извѣстенъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставляли ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули» [4]).

---

[1]) Мышецкій впадаетъ въ небольшую погрѣшность: дѣло было въ 1618 или 1620, но ни въ какомъ случаѣ не въ 1630, такъ какъ Сагайдачный умеръ уже въ 1622 году.

[2]) Исторія о козак. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

[3]) Изслѣдов. къ объясн. древн. росс. истор., стр. 278—279.

[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 150, прим. 97.

«Хортица,—замѣчаетъ наконецъ Григорій Спасскій,—одинъ изъ большихъ днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки... Въ началѣ XVII ст. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или засѣкою, отъ чего, можетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе Сѣчи, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ на другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія» [1]).

Такова исторія острова Хортицы. Особенное вниманіе обратилъ я на него во время своей поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ. Подыскавъ себѣ спутниковъ въ лицѣ двухъ стариковъ и учителя Трофима Евфимовича Дешки, ближайшаго къ острову села Вознесенки, я направился внизъ по Днѣпру и прибылъ прямо къ сѣверо-западному углу острова. Здѣсь Днѣпръ островомъ Хортицей дѣлится на два рукава: новый Днѣпръ и старый Днѣпръ. Новый Днѣпръ охватываетъ островъ съ сѣверовостока и идетъ къ городу Александровску, старый Днѣпръ, иначе Рѣчище, окаймляетъ островъ съ юго-запада и протекаетъ по-надъ колоніями: Верхней-Хортицы, Канцеровки, Розенгардъ, Бурвальде и Нижней Хортицы. Мы направились по старому Днѣпру, или Рѣчищу. Тотчасъ при входѣ въ Рѣчище, у лѣваго берега Хортицы, увидѣли небольшую расщелину.

— А шо то, диду, за роскол юка така?

— То печеря така.

— А якъ зветця?

— Зміёва.

— Видъ чёго такъ?

— Гадюччя въ ней багато плодылось.

— А давня ця печеря?

— Ще, кажуть, одъ запорожцивъ.

— Шо жъ лазивъ хто въ ню?

---

[1]) Гр. Спасскій. Книга, глаголемая Большой Чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 258, прим. 125.

— А вже жъ! Годъ семьдесятъ тому назадъ у цій печери найшли жертку, довгу та товсту таку, и на жертці десятка зъ два хомутивъ, зъ десятокъ недоуздкивъ, — усé, кажуть, запорожське; такъ дуже потрюхло: якъ визьмешься, такъ воно й сипетця, такъ усè и поопадало.

— Такъ запорожська печеря?

— Запорожська.

— Пидвертай!

Лодка тотчасъ же причалила къ берегу. Пещера оказалась въ гранитномъ откосѣ лѣваго (островнаго) берега Рѣчища; она настолько возвышалась отъ уровня воды, что безъ вспомогательныхъ средствъ къ ней не было никакой возможности докарабкаться. Тогда мы рѣшили сдѣлать такъ: я долженъ былъ стать обѣими ногами на плечи дѣду и такимъ образомъ добраться до пещеры, самъ же дѣдъ долженъ былъ укрѣпить возлѣ берега весло и по немъ долѣзть до пещеры. Къ послѣднему способу прибѣгъ и учитель Дешка. Скоро мы взлѣзли, зажгли свѣчу, и нашимъ взорамъ представилось довольно просторное углубленіе, на подобіе корридора. Привыкши къ точности, я тотчасъ же прибѣгъ къ измѣренію: пещера оказалась высоты двѣ сажени, длины больше трехъ; полъ каменный, но засыпанный пескомъ, поверхъ котораго набросаны были колюки «якирьци»; въ пещерѣ было множество комаровъ и мошекъ. Въ самомъ концѣ ея зіяла яма, изъ ямы же выдавались острые камни. Мы рѣшились спуститься въ яму; испытавъ, что въ сапогахъ по скользкимъ камнямъ далеко неудобно лазить, мы разулись и начали опускать одинъ другого при помощи веревки въ яму. Яма оказалась глубокая, къ югу нѣсколько удлиненная и засыпанная много пескомъ; кромѣ птичьихъ гнѣздъ да тѣхъ же колюкъ — «якірьцівъ» въ ней ничего не оказалось; говорятъ, впрочемъ, что въ очень недавнее время пещера служила мѣстопребываніемъ особенно большой змѣи, но мы не увидали ея и благополучно вылѣзли изъ ямы, оставивъ затѣмъ и самую пещеру. Спускаясь ниже по

Рѣчищу, я поражался необыкновенною высотой и скалистостью его береговъ; особенно величественный берегъ лѣвый: онъ, какъ и правый, состоитъ изъ дикаго гранита, мѣстами спускающагося къ водѣ громадными террасами, мѣстами выдѣляющаго изъ себя огромнѣйшіе, очень острые, отроги, мѣстами же представляющаго какъ бы сплошную отвѣсную стѣну, возвышающуюся надъ уровнемъ водъ до 30 саженъ. Издали берега рѣки кажутся черными, массивной величины, стѣнами, камни которой какъ бы давятъ одинъ другого. Ничего подобнаго и во всю свою жизнь я не видывалъ. Здѣсь Днѣпръ кажется такимъ дикимъ, грознымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ величественнымъ и обаятельнымъ, что невольно приковываетъ вниманіе и взоръ человѣка, вселяя въ него въ одно время и страхъ къ себѣ и какое-то священное благоговѣніе... Но вотъ мы стали огибать сѣверный уголъ острова, особенно выдавшійся въ Днѣпръ.

— Ну, а якъ цей ригъ звéтця?

— Свиняча голова.

— А чого винъ такъ звется?

— Та того, шо похожий на голову свини.

Мы миновали и Свинячью голову; спустились еще ниже. Вездѣ берега скалисты и высоки, особенно-же лѣвый. Спустились еще ниже. Вотъ, съ правой стороны, надъ самымъ берегомъ рѣки, я увидѣлъ заливъ и у него небольшое жилье.

— А якъ цей заливъ звется?

— Царьска пристань.

— Видъ чого вона таке званіе получила?

— А Богъ іи знае; изъ старовыны такъ.

Старикъ не могъ объяснить причины названія пристани Царскою. И не мудрено. Дѣло въ томъ, что наименованіе это идетъ, какъ кажется, съ довольно давняго времени: и именно, если не съ 1738, то съ 1790 года. Въ 1738 году здѣсь стоялъ царскій флотъ,—«россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, многое время стояла» [1]), а въ 1790 году здѣсь

[1]) Мышецкій. Истор. о коз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

останавливались царскіе плоты съ разнымъ лѣсомъ, который русское правительство присылало нѣмцамъ-колонистамъ во время переселенія ихъ въ бывшія запорожскія земли.

«Настоящимъ именемъ своимъ эта мѣстность (Царская пристань) обязана, конечно, тому обстоятельству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де-Рибасомъ, въ 1796 году, такъ называемая Екатеринославско-днѣпровская верфь, назначенная для содержанія судовъ, чтобы перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь» [1]). Вотъ причина названія пристани Царскою. Что касается жилья, расположеннаго возлѣ пристани, то это небольшой поселокъ или хуторъ, принадлежавшій прежде еврею Саксаганскому, а потомъ перешедшій во владѣніе двухъ нѣмцевъ Риднера и Тиссена.

Отъ Царской пристани мы спустились ниже; берега рѣки постепенно опускались; слѣва тянулся тотъ-же островъ; справа шла земля колоніи Верхней Хортицы. Подвигаясь еще ниже, мы увидѣли, съ лѣвой стороны, на берегу Хортицы, устье Куцой балки, а съ правой отъ материка мысъ («скелю») Розовы. Здѣсь мы пристали къ берегу, я вышелъ на материкъ и увидѣлъ цѣлый рядъ укрѣпленій. (См. пл. I). Укрѣпленія состоятъ изъ рвовъ, нѣкогда глубокихъ, но теперь на половину засыпанныхъ пескомъ, съ осунувшимися, но когда-то также высокими, валами, расположенными звѣздообразно, въ видѣ креморьерныхъ линій. Пройдя предварительно по всѣмъ укрѣпленіямъ, мы затѣмъ прибѣгли къ промѣру ихъ, послѣ чего оказалось, что весь кругъ укрѣпленій состоитъ изъ пятнадцати канавъ и равняется тремъ-стамъ-пятидесяти-пяти саженямъ; причемъ первая канава (если стать лицомъ къ западу и взять правую сторону укрѣпленія) равняется сорока-пяти саженямъ, вторая — пятнадцати, третья — девяти, четвертая — сорока, пятая — двѣнадцати, шестая — десяти, седьмая — двадцати, осьмая — семи, девятая — семнадцати, десятая — десяти, одиннадцатая — четыр-

[1]) Брунъ. Черноморье. Одесса, 1880 г., II, 365.

надцати, двѣнадцатая—восьмидесяти-шести, тринадцатая—пятидесяти-четырехъ, четырнадцатая—пяти и наконецъ пятнадцатая—двадцати. Въ срединѣ укрѣпленія имѣютъ множество ямокъ, а по угламъ—квадратныя редуты, въ которыхъ каждая сторона имѣетъ шесть саженъ длины и состоитъ изъ канавы съ валомъ въ одну сажень высоты, съ пропускомъ съ восточной стороны для входа. Все укрѣпленіе расположено такъ, что концы сѣверной и южной линій его упираются въ самую рѣку, пропуская чрезъ средину дорогу, ведущую сперва на паромъ черезъ рѣку, а потомъ на островъ Хортицу. При этомъ естественно рождается вопросъ: кто-же сооружалъ эти укрѣпленія? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ; можно думать лишь, что сооруженіе этихъ укрѣпленій принадлежитъ тѣмъ лицамъ, съ именами которыхъ связано и устройство самой Сичи на Хортицѣ,—это князь Д. И. Вишневецкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, который своимъ именемъ далъ названіе цѣлому урочищу на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ колоніи «Кичкаса», между «Середней» скелей и «попилищемъ» Сагайдака [1]).

Но укрѣпленія мы оставили и пустились опять внизъ по рѣкѣ, держась того же направленія, съ сѣвера на западъ. Скоро мы миновали устье балки Наумовой, идущей съ острова къ лѣвому берегу рѣки; прошли мѣсто переправы (Ueberfahrt) черезъ рѣку съ материка на островъ [2]), оставили устье балки Громушиной, идущей отъ острова къ рѣкѣ, и наконецъ очутились у небольшого островка Канцеровскаго. Островокъ находится почти у самаго берега рѣки, съ правой стороны, и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой; длина Днѣпра отъ сѣверо-восточнаго угла Хортицы къ острову Канцеровскому рав-

---

[1]) См. также Сборн. юго-зап. отд. И. Р. Геогр. общ. Драгомановъ. Малор. пред. и разсказ., стр. 415. Въ старину по урочищу Сагайдачному, по разсказамъ старожиловъ, пролегалъ шляхъ Сагайдакъ, вѣтвь Муровскаго. Я. Новицкій.

[2]) На берегу острова устроенъ для перевозчика небольшой домикъ.

няется двумъ съ половиной верстамъ. Островъ Канцеровскій существуетъ съ давняго времени; онъ былъ извѣстенъ уже Эриху Ласотѣ, только подъ именемъ острова Малой Хортицы: «Мы пристали,—говоритъ Ласота,—къ берегу (Днѣпра) ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы... Близь сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и названіе это онѣ передали островамъ» [1]). По разсказамъ старика Осипа Шутя, Канцеровскій островъ былъ совсѣмъ маленькій: «одна скеля, а на нiй крипость. По за нимъ видъ правого берега (отъ материка) бувъ тиховодъ и вода далеко вризувалась въ балочку. Въ цимъ тиховоди була пристань, куда запорожцы заводили свои байдаки; тутъ же иноди стояли и царьски судна. Тутъ, якъ би ставъ копати землю, то ще й теперь найшовъ би стари судна. Тамъ затоплени и царьски, и запорожськи. Ще я зазнаю, якъ писля великой воды богато вимило ис-пидъ писку суднивъ. А изъ самой воды, оце якъ хто нырне, то й вытягне, або ружжо, або списъ, або яке зализо» [2]). Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ видѣ острова, рѣшено было объѣхать сперва весь островъ кругомъ и затѣмъ уже дѣлать изслѣдованія на немъ самомъ. Островъ оказался раздѣленнымъ на двѣ части: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, и возвышенную, поросшую травой, на востокѣ. Всей земли подъ островомъ—двѣнадцать десятинъ и тысяча двѣсти квадратныхъ саженъ; западный и южный края острова отлоги, а восточный и уголъ сѣвернаго—возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны; средняя высота ихъ, отъ уровня водъ, доходитъ до семи саженъ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія по сѣверной, южной и западной окраинамъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпными валами (см. табл. XV), отъ двухъ до трехъ

[1]) По Мышецкому это: Сухая, Великая и Нижняя Хортица; въ настоящее время рѣчекъ этихъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть только сухіе овраги.

[2]) Изъ преданій, запис. Я. П. Новицкимъ.

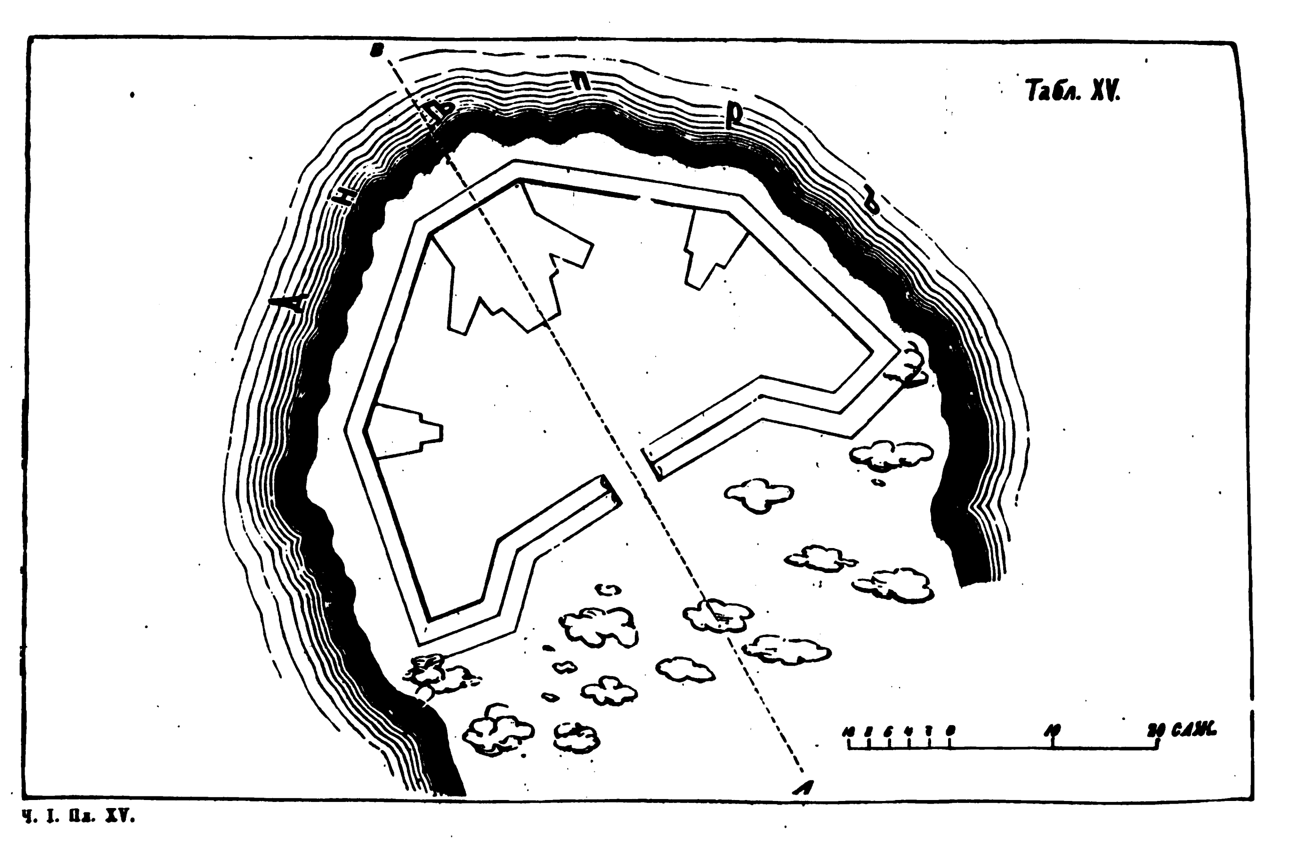
саженъ высоты; въ общемъ видѣ укрѣпленія имѣютъ форму полукруга или, точнѣе, подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная—пятьдесятъ-шесть съ спускомъ въ три сажени для въѣзда; внутри укрѣпленій находятся до двадцати-пяти глубокихъ ямокъ, по которымъ ростутъ деревья. Это такъ-называемый реданъ съ флангами, закрытой горжей и траверсами, направленный вверхъ противъ теченія Днѣпра для обороны рѣки.

Спрашивается: кто же сооружалъ укрѣпленія здѣсь, на Малой Хортицѣ. Если укрѣпленія, сдѣланныя на материкѣ, возлѣ Царской пристани, могутъ быть приписываемы одинаково какъ князю Дмитрію Ивановичу, такъ и гетману Петру Конашевичу Сагайдачному, то то-же можно сказать и относительно укрѣпленій на островѣ Канцеровскомъ или Малой Хортицѣ. «Мы пристали,—говоритъ Ласота—къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами» [1]). Здѣсь Ласота не говоритъ о Сагайдачномъ, но это потому, что Сагайдачный пребывалъ на островѣ позже Ласоты.

Но оставивъ и островъ Канцеровскій, мы спустились ниже, держась все того же направленія, съ сѣвера на югъ. Предъ нами промелькнули слѣва устья балокъ: Каракайки, Генеральской, Широкой и Корнѣйчихи; справа земли колоній: Канцеровки (Розенталь), Розенгардъ, Бурвальдъ и Нижней-Хортицы; среди же самой рѣки мы оставили небольшой Корнетовъ островъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ концу острова, тѣмъ больше замѣчалась разница въ характерѣ мѣстности: русло рѣки, дотолѣ узкое, значительно расширяется; берега ея, до этихъ поръ скалистые и возвышенные, становятся отлогими, потомъ низменными и наконецъ переходятъ въ такъ называемыя плавни, т. е. низменныя мѣста, покрытыя травой и по-

---

[1]) Путев. зап. Эр. Ласоты. Одесса, 1873. стр. 53.

План Малой Хортицы.

росшія мягкой породы деревьями, какъ-то: осокоремъ, красной лозой, ивами и другими.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались къ самой оконечности южной части Хортицы. Здѣсь мы пристали къ берегу и вышли на островъ. Оказалось, что южная часть острова шире сѣверной, но за то значительно ниже ея; она обилуетъ многими озерами, покрыта высокой болотистой травой и разными деревьями, начиная отъ ивняка и кончая дубомъ. Въ общемъ это нечто иное, какъ очень большая плавня. Но мы снова усѣлись въ лодку и скоро выскочили въ Новый Днѣпръ. Теперь путешествіе наше было затруднительно, такъ какъ намъ нужно было плыть противъ теченія.

— Паничу!

— А що, диду?

— Примичайте: остривъ Просередъ, Капральскій Просередъ!

Я осмотрѣлся и дѣйствительно увидѣлъ небольшой островъ, наносный, песчаной формаціи, расположенный ближе къ острову, нежели къ материку, противъ устья балки Проризной, идущей съ острова. Мы поднялись выше. Справа показалась Александровская пристань, слѣва—высокій мысъ Нижняя голова.

— Диду!

— А що, паничу?

— А скажи-ка, видъ чого ця гора звется Низчею головою?

— Та видъ чого? Отто жъ була вамъ Висча, або Свиняча голова, видъ гори, а ця буде Низча голова, видъ низу.

Мы поднялись еще выше, миновавъ съ лѣвой стороны на островѣ устья балокъ: Корніевой, Липовой, Костиной, Башмачки и Шанцевой; а съ правой на материкѣ — деревню Слободку, село Вознесенку и среди рѣки островъ Растѣбинъ.

— А давній цей остривъ?

— Ни, не зовсимъ давній; трохи низче цёго бувъ другий остривъ, такъ отой давній; винъ звався Дубовый, та теперь одъ нёго и слида не зосталось.

— Де жъ винъ дився?

— Де дився? Вода пидмыла; тутъ це не диковынка: оце стоитъ скилько литъ острививъ, коли гляды и загувъ за водою. На Дубовимъ острови бувъ и лисъ, та лисъ великий, саме дубья, бувъ и шинокъ, и млинъ, такъ усе пишло за водою. Велику сылу мае вода. Мабуть, годъ бильше десяти назадъ тому було.

— И великий острививъ бувъ?

— Та якъ вамъ сказати? Версти зъ дви довжини бувъ.

Изъ плана, находящагося въ Хортицкомъ волостномъ правленіи, видно, что островъ Дубовый имѣлъ 64 дес. земли. Вотъ ужъ гдѣ непримѣнимо понятіе о недвижимой собственности!

Отъ Разст"бина острова мы поднялись еще выше; скоро, вдоль лѣваго берега Днѣпра, на восточной окраинѣ острова Хортицы, мы увидѣли нѣсколько домиковъ нѣмцевъ-колонистовъ; они расположены въ ложбинѣ, искусственно углубленной и довольно живописной; множество вѣтвистыхъ густо-насаженныхъ вербъ, росшихъ у самаго берега рѣки, не позволяло намъ ясно разсмотрѣть нѣмецкія обиталища. Мы поднялись выше и скоро миновали Думну [1]) скелю, устья Ганновской, Малой Вербовой и Большой Вербовой балокъ съ лѣвой стороны на островѣ, Скотивскую, Геликую скели и устье Блуквы балки, съ правой стороны отъ материка. Но поднявшись еще немного вверхъ, мы добрались до скели Вошивой, съ лѣвой стороны отъ острова.

— Скажи-жъ, диду, зъ якои це речи одна скеля зветця Думною, друга Скотивською, а третя Вошивою?

— Думна видъ запорожця Думы и Скотивська тежъ видъ запорожця: Скотивецъ запорожець живъ коло неи. У него товару (рогатаго скота) була сыла; якъ пригоне було его на водопой до Днипра, такъ Днипро ажъ стогне... Богатиня бувъ

---

[1]) У нѣмцевъ Мартынова.

той Скотивець. Та довго, кажуть, и живъ винъ тутъ; уже якъ и запорожцивъ порозгонили видциля, а винъ усè живе та живе соби. Усякого було й пріймае до себе: хто видкиль не визьмится усè до него: винъ его сперше нагодуе, а потимъ и роботу найде. Услави великий бувъ Скотивець; якъ умеръ, такъ и скелю прозвали ёго менемъ: Скотивська скеля. Тутъ же й балка Скотивська е.

— А Вошива скеля видъ чого прозвалась?

— Вошива тежъ видъ запорожця: тутъ, выбачайте, кажуть, запорожьска голота лужу свою прудыла; оце було повлазять на скелю, поскидають сорочки та штаны та якъ почнуть лупити воши объ скелю, такъ ажъ хрустить на ввесь Днипро. Отъ то вона й Вошива.

Поднявшись еще выше отъ Вошивой скели, мы увидѣли, съ лѣвой стороны отъ острова, устья балокъ Молодняги, Холодной, Совутиной съ мысомъ того же имени, скалу Пристинь съ правой стороны и добрались до острова Дубоваго.

— Уже-жъ, диду, вы, мабуть, знаете видъ чого воно и Совута скеля получила свое прозваніе?

— Балакають, шобъ то видъ запорожця Совуты; противъ скели, у бальци, е богато печерь; у тихъ печеряхъ винъ и живъ. Страшный, кажуть, бувъ Совута той: очи таки якъ у совы, що въ ночи лучче бачуть якъ у день; у день, кажуть, винъ и не виходивъ изъ своихъ печерь,—ниччю оброблявъ усяки дила; такъ вискоче, ухопе, шо ёму треба, та впьять у свою нору и порина̀, наче той звиръ.

Добравшись отъ мыса Совуты до Песчаной косы, у сѣверо-восточнаго угла острова, откуда мы и начали свой обходъ вокругъ него, мы затѣмъ поворотили назадъ и пристали къ острову Дубовому. Любопытно было взглянуть на этотъ островъ. Островъ оказался небольшой; длина его едва доходитъ до одной версты; онъ на половину каменистый, на половину песчаный; вершина его покрыта невысокими деревьями, осокорникомъ и шелюгой. Недавно, говорятъ, здѣсь росли и дубы; до 1845 года на

островѣ видны были остатки отъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь укрѣпленій, смытыхъ потомъ сильнымъ вешнимъ разливомъ рѣки.

Теперь объѣздъ острова конченъ, и мы возвратились назадъ, приставъ къ берегу острова, противъ средины колоніи, нѣсколько выше Думной скели. Здѣсь я отпустилъ своихъ спутниковъ въ село Вознесенку, и пѣшкомъ направился къ ближайшему на островѣ дому. То была школа, лучшее зданіе во всей колоніи; она стоитъ на возвышенности, обращенная парраднымъ крыльцомъ на востокъ, къ рѣкѣ, и обсажена съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и юга, высокими деревьями, къ ней вела широкая и довольно высокая лѣстница. Поднялся по лѣстницѣ. Дверь оказалась запертой. Началъ стучать. Долго простучалъ я, пока наконецъ не услышалъ раздавшагося въ сѣняхъ скрипа отъ шаговъ чего-то, повидимому, очень грузнаго. Шаги приближались очень медленно. Наконецъ что-то подошло къ двери и, не отворяя ее, опросило по-нѣмецки:

— Wer ist hier? (Кто здѣсь?)

— Ein Mann. (Человѣкъ).

— Was für ein? (Какой?)

— Ein Reisender. (Путешественникъ).

— Woher? (Откуда?)

— Aus Charkoff. (Изъ Харькова).

Тогда дверь отворилась, и на порогѣ показался мужчина нѣсколько менѣе, чѣмъ средняго роста, довольно полный, уже пожилой, съ круглымъ, безъ бороды и усовъ, лицомъ, въ туфляхъ на ногахъ: передо мной стоялъ учитель колоніи Якубъ Якубовичъ Куппъ. Я обратился къ нему съ просьбою пріютить меня у себя, но нѣмецъ, подумавши немного, почему-то отказалъ мнѣ, совѣтуя обратиться лучше къ кому-нибудь изъ сосѣдей. «Если хотите, я сведу васъ къ Петкау». — «Сдѣлайте милость». Мы отправились къ Петкау; но и здѣсь я потерпѣлъ fiasco: нѣмецъ даже не отперся, не смотря на нашъ стукъ. Что дѣлать? Идти еще къ кому-нибудь или располагаться подъ

открытымъ небомъ, на холодной и сырой землѣ? Я склоненъ былъ на послѣднее.—«Да вы зачѣмъ пріѣхали къ намъ на островъ?» спросилъ меня Куппъ. Я объяснилъ ему цѣль моей поѣздки. Куппъ задумался.—«Ну, ужь знаете что: я могу пріютить васъ у себя». Нечего и говорить, что подобный оборотъ дѣла меня обрадовалъ несказанно. Мы возвратились назадъ, дошли до школы, поднялись по деревянной лѣстницѣ, вошли въ широкія сѣни и наконецъ очутились въ просторной комнатѣ Studirzimmer (кабинетѣ) Куппа. Обстановка оказалась простая, но она изобличала въ хозяинѣ присутствіе хорошаго и даже, пожалуй, изящнаго вкуса; такъ, столъ, стулья, диванъ, гардеробъ—все какъ-то пріятно поражало своей новизной и лоскомъ; вездѣ замѣчалась безукоризненная чистота; полъ былъ вымытъ до удивительной бѣлизны. Чувствуя усталость, я тотчасъ же, когда вошелъ въ комнату, усѣлся на диванъ за столомъ. «Не хотите ли ѣсть!» обратился ко мнѣ Куппъ.—«Да, хочу», отвѣтилъ я безъ церемоніи, потому что дѣйствительно хотѣлъ ѣсть. «Сію минуту прикажу подать вамъ», торопливо проговорилъ хозяинъ. И точно: черезъ минуту на столъ подано было молоко, масло и хлѣбъ. Ужинъ окончился скоро и я, не смотря на свое утомленіе, вышелъ съ хозяиномъ посидѣть на крыльцѣ. Бросивъ взглядъ впередъ, по направленію къ востоку, я увидѣлъ нѣчто прекрасное, едва видѣнное мной до сихъ поръ на всемъ протяженіи того Днѣпра, который я успѣлъ проѣхать. Ночь была теплая и тихая; небо все залито звѣздами, взошедшій высоко мѣсяцъ обливалъ всю окрестность своимъ мягкимъ свѣтомъ; передъ нашими глазами разливался Днѣпръ длинною, широкою полосой; онъ былъ совершенно спокоенъ, какъ бы недвижимъ; отъ праваго берега его, покрытаго сплошною стѣной высокихъ зеленѣющихъ деревьевъ, вѣяло освѣжительной прохладой; отъ лѣваго берега его, совершенно обнаженнаго, усѣяннаго неимовѣрной величины скалами, то высоко вверхъ выскакивающими, то нависающими надъ водой или далеко выдающимися въ рѣку, вставали какія-то длинныя, причудливо-

фантастическія тѣни, ложившіяся темными пятнами въ широкой рѣкѣ. Никого и ничего не видно, кромѣ большихъ лѣсныхъ плотовъ, которые длинной полосой протягивались по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки, остановленные на время ночи; по плотамъ кое-гдѣ промелькнетъ темная фигура литвина, оставляющая отъ себя въ водѣ обликъ человѣка внизъ головою и кверху ногами; кое-гдѣ, на томъ же плоту, вспыхнетъ огонь на разложенныхъ кострахъ, погоритъ-погоритъ и опять затухнетъ. Повсюду тишина! Общее безмолвіе нарушается только отрывистыми звуками рѣчи да заунывной короткой пѣснью какого-нибудь парня плотовщика... Словомъ, то была картина широкая, величественная, полная прелести и очарованія. Во всемъ этомъ было что-то такое, что влекло къ себѣ и мою мысль и мое сердце...

Слѣдующимъ днемъ я поднялся съ восходомъ солнца и тотъ же часъ отправился на экскурсію. На этотъ разъ я поставилъ себѣ задачею осмотрѣть сѣверную часть острова, дѣлящагося по самой природѣ на сѣверную, среднюю и южную части. Меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ Купшъ. Пройдя съ полъ-версты, половину пространства, занимаемаго всей колоніей, отъ школы до дома колониста Давида Янцена, мы сразу выбрались на песчаную возвышенную мѣстность, чрезъ которую пролегала широкая дорога. Быстро зашагали мы по дорогѣ; очень скоро миновали балки Малую Вербовую, Большую Вербовую; прошли еще съ версту и наконецъ увидѣли цѣлый рядъ полевыхъ укрѣпленій (Schanzengraben). Рѣшено было сперва пройти по всѣмъ укрѣпленіямъ, чтобы составить себѣ общее представленіе о нихъ, а потомъ уже прибѣгнуть къ измѣренію. Трудъ былъ немалый. Дѣло въ томъ, что длина всѣхъ укрѣпленій, если растянуть ихъ въ одну прямую линію, простирается, какъ оказалось, болѣе, чѣмъ до двухъ съ половиной верстъ: 1455 саженъ. Въ общемъ— это рядъ редутовъ соединенныхъ между собой линіей окоповъ, расположенныхъ какъ разъ въ сѣверо-восточномъ углу острова. (См. пл. I). Самые редуты представляютъ изъ себя небольшіе квадраты, въ которыхъ каждая сторона состоитъ изъ высокой зем-

.ляной стѣны, доходящей до десяти саженъ, причемъ одна изъ сторонъ, обыкновенно сѣверная или западная, имѣетъ отверстіе, какъ видно для входа; въ срединѣ редуты, внутри, выкопаны одна, двѣ, а иногда три и больше, ямки, быть можетъ, имѣвшія значеніе землянокъ для помѣщенія въ нихъ войска. Всѣхъ такихъ редутовъ въ сѣверной части острова—восемнадцать. Окопы, числомъ тринадцать, представляютъ изъ себя большіе рвы, съ насыпными при нихъ высокими валами, соединяющими каждый изъ редутовъ; наибольшая длина рвовъ—полтораста саженъ, наименьшая—восемьдесятъ пять; maximum глубины рвовъ — два аршина, maximum высоты валовъ—полторы сажени. Съ юга укрѣпленія начинаются непосредственно отъ Днѣпра и идутъ по направленію отъ востока къ западу, отъ Вошивой скели къ парому; они состоятъ изъ трехъ траншей, соединенныхъ между собою столькимъ же числомъ редутовъ; изъ нихъ первая траншея имѣетъ длины сорокъ-пять саженъ, а вторая и третья—по сто-пятнадцати. За третьимъ редутомъ линія траншей раздѣляется на двѣ, причемъ первая идетъ къ юго-западу, къ балкѣ Каракайкѣ, и состоитъ изъ трехъ редутовъ, связанныхъ тремя траншеями, одна въ сто, другая въ семьдесятъ и третья въ восемьдесятъ саженъ длины, а вторая направляется къ сѣверо-западу, къ балкѣ Громушкиной, и состоитъ изъ двухъ редутовъ съ одной траншеей, въ сто-десять сажень длины. Но давъ отъ себя двѣ побочныя линіи, на сѣверо-востокъ и юго-западъ, главная (восточная) линія даетъ еще и третью: прямо съ юга на сѣверъ; эта третья линія состоитъ изъ шести редутовъ, соединенныхъ между собою пятью траншеями [1]), изъ коихъ три сохранились вполнѣ, а два только отчасти; причемъ первая и третья траншеи имѣютъ по сто-пятидесяти саженъ длины, четвертая — ровно сто, пятая восемьдесятъ, шестая—также сто [2]). Шестымъ

[1]) Была и шестая (по порядку вторая) редута, имѣвшая 150 саж., но теперь она засыпана пескомъ.

[2]) Пятый и шестой редуты на половину также засыпаны пескомъ; прежде пятый имѣлъ 100 саж., а шестой—150.

редутомъ эти укрѣпленія и оканчиваются. Отъ сѣверной окраины острова, по направленію съ запада на востокъ, укрѣпленій нѣтъ, они начинаются уже на другомъ, восточномъ концѣ острова, по направленію съ сѣвера на югъ: здѣсь насыпаны четыре редута, соединенные такимъ же числомъ траншей, по полтораста саженъ каждый. Восточная линія укрѣпленій стоитъ особо отъ южной и западной, не соединяясь ни съ той, ни съ другой и прерываясь менѣе, чѣмъ на половинѣ всей восточной окраины острова.

Такова общая схема укрѣпленій въ сѣверо-восточномъ углу острова. Къ укрѣпленіямъ-же надо причислить и тѣ многочисленныя глубокія ямы, которыя расположены частью за чертой укрѣпленій, частью внутри, и которыя служатъ признаками бывшихъ здѣсь нѣкогда землянокъ. Ямы, расположенныя за чертой укрѣпленій, тянутся по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, вдоль редутовъ и рвовъ, въ два ряда и большею частью попарно, причемъ промежутокъ между каждою парою равняется двумъ саженямъ, также какъ и самый діаметръ пространства, занимаемаго каждой изъ ямъ. Кромѣ ямъ, расположенныхъ непосредственно возлѣ редутъ и траншей, есть ямы, которыя находятся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ укрѣпленій, у западной окраины острова; эти ямы слѣдуютъ въ безпорядкѣ одна за другой, но за то онѣ и глубже и шире предшествующихъ. Тоже самое можно сказать и относительно ямъ, расположенныхъ внутри укрѣпленій; число ихъ заходитъ за сто, но всѣ онѣ расположены очень неправильно и въ однихъ мѣстахъ нисходятъ до глубины сажени и болѣе того, а въ другихъ значительно менѣе этого. На сколько можно судить по ямамъ, сѣверная часть острова населена была всего болѣе съ восточной и западной сторонъ и только отчасти съ южной, сѣверная-же сторона не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ жилья. Видно также, что землянки, если только это были онѣ, располагались болѣе въ скрытыхъ мѣстахъ: балкахъ, углубленіяхъ, скатахъ, загроможденныхъ камнями и защищенныхъ деревьями; замѣтно

также, что изъ двухъ населеннѣйшихъ сторонъ, восточной и западной, послѣдняя имѣла больше жильевъ, нежели первая, такъ какъ и до сихъ поръ на западной окраинѣ насчитывается 225 ямъ, кромѣ засыпанныхъ пескомъ, а на восточной—171.

Послѣ всего этого является вопросъ: кто-же былъ виновникомъ сооруженія оставшихся теперь на островѣ Хортицѣ укрѣпленій? Можно думать, что починъ сооруженія названныхъ укрѣпленій принадлежалъ сперва князю Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ свидѣтельство лѣтописца [1]) и слова посланника Эриха Ласоты [2]). Но кромѣ Вишневецкаго на островѣ Хортицѣ дѣлали укрѣпленія еще Яковъ Шахъ [3]), затѣмъ гетманъ малорусскихъ козаковъ и кошевой атаманъ запорожскихъ, Петръ Конашевичъ Сагайдачный, въ 1618 и 1620 году [4]), и русскія войска, въ 1738 году. «Въ 1738 году на Хортицкомъ островѣ сдѣланъ отъ Россіянъ великій ретраншементъ со многими редутами и флешами, на которомъ Россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, долгое время стояла [5]).

Кромѣ редутовъ, траншей и ямъ въ сѣверной части острова есть еще четыре кладбища, по преданію оставшіяся отъ времени пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ; одно изъ такихъ кладбищъ находится у восточнаго берега острова, надъ балкою Велика-Молодняга; другое—въ сѣверо-западномъ концѣ острова, надъ крутизной Рѣчища, третье и четвертое—съ западной стороны, между Куцой балкой и переправой черезъ то-же Рѣчище на островъ.

---

[1]) Русск. лѣт. по Никон. списку. Спб., 1791 г., стр. 272 и 273.

[2]) Путев. зап. Эр. Ласоты Одесса, 1873 г., стр. 53. См. также Карамзинъ: Истор. госуд. росс. Спб., 1819 г., стр. 252; Бантышъ-Каменскій. М. 1842, II, 113. Маркевичъ. Ист. Малороссіи. М. 1842, I, 45.

[3]) Яковъ Шахъ, сперва генеральный есаулъ, а потомъ, съ 158? г., гетманъ малорусскихъ козаковъ. Семеновъ, Истор. Малоросс. Москва, 1874. I, 71.

[4]) См. указанія выше.

[5]) Мышецкій. Ист. о запорожск. козак. Одесса, 1852, стр. 68.

Уже высоко поднялось солнце, когда мы оставили укрѣпленія и направились вдоль береговъ той-же, сѣверной, части. Но и берега пройдены; оставалось сдѣлать нѣсколько экскурсій отъ береговъ къ укрѣпленіямъ, въ разныхъ направленіяхъ; окончено и это. Оказалось, что вся сѣверная часть острова довольно возвышенна, особенно въ сравненіи съ южной, камениста и малолѣсна; деревья растутъ здѣсь то въ одиночку, то кустами и большею частью состоятъ изъ дикихъ грушъ, букса (Buchs-Baum), черноклена, шелюги, боярышника, барбариса, крушины и рѣдко дуба. Есть, впрочемъ, цѣлыя аллеи такихъ деревъ, но онѣ растутъ лишь по канавамъ бывшихъ укрѣпленій. Также мало здѣсь и травы: только восточная половина этой части острова покрыта чаберомъ, молочаемъ, царскимъ скипетромъ и зеленымъ мхомъ; сѣверная же, равно какъ и западная и южная, представляютъ изъ себя почти голыя песчаныя пространства, лишь по мѣстамъ засаженныя красной лозой, называемой здѣсь шелюгой; таково, напримѣръ, большое песчаное пространство за южной и западной чертами укрѣпленій. Но за то, сравнительно съ другими частями острова, сѣверная часть представляетъ изъ себя едва-ли не самое величественное мѣсто на всемъ Днѣпрѣ, кромѣ развѣ весьма немногихъ мѣстъ между порогами на островахъ. Если стать на восточной окраинѣ сѣверной части острова и взглянуть вверхъ, вдоль рѣки, то картина представляется по истинѣ обворожительная. Вотъ прямо, среди рѣки, не вдалекѣ отъ береговъ острова, высятся массивныя скалы «Стовпы» и «Стоги», а за ними выдвигаются громадные выступы «Дурна» и «Середня»; еще далѣе, справа, виднѣются верхушки зеленѣющихъ деревьевъ, исполиновъ дубовъ,—то урочище Сагайдачное, а слѣва выплываетъ, въ видѣ длинной ярко-зеленой ленты, колонія Кичкасъ, иначе Эйнлаге. Самый Днѣпръ имѣетъ здѣсь неизъяснимую прелесть: въ началѣ, освободившись отъ пороговъ и вырвавшись изъ узкаго русла у Кичкаса, онъ со страшною силою ударяется о гранитные острова и мысы и шумитъ, и бурлитъ, и высоко вздымается, а затѣмъ, разлив-

шись на множество струй, начинаетъ, мало-по-малу, принимать спокойный видъ, дѣлается чистымъ, какъ хрусталь, свѣтлымъ, какъ золото, и вмѣсто стона и рева издаетъ какой-то пріятный мелодическій звонъ. Но еще больше величія являетъ изъ себя Днѣпръ, когда взойдешь на одинъ изъ кургановъ острова и взглянешь на ближайшія окрестности. Языкъ нѣмѣетъ отъ восторга, душа наполняется благоговѣніемъ къ тому, кто сложилъ природу въ такой прекрасный узоръ.

Осмотрѣвъ сѣверную часть острова, я рѣшилъ возвратиться на этотъ разъ въ колонію, тѣмъ болѣе, что и спутникъ мой, Якубъ Якубовичъ Куппъ, давно уже подавалъ намеки на эту мысль. Скоро мы вышли на открытую дорогу и зашагали.

— А что, Якубъ Якубовичъ, давно ли поселились ваши колонисты на Хортицѣ?

— О, да! Еще съ 1789 года.

— То есть, это, стало быть, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія запорожской Сичи?

— Ну, ужъ этого я не знаю, знаю только 1789 годъ.

— И много поселилось здѣсь вашихъ колонистовъ?

— Восемнадцать хозяевъ.

— Вы говорите хозяевъ: почему же не дворовъ?

— Да потому, что у насъ счетъ ведется не по дворамъ, какъ у русскихъ, а по хозяевамъ, а хозяевами у насъ называются тѣ, которые имѣютъ кромѣ домовъ и дворовъ еще землю; земля—самое главное, и безъ нея хоть имѣй и домъ, и дворъ, и скотъ, а хозяиномъ не будешь считаться; безземельные—вотъ какъ у насъ такіе называются.

— Такъ. Скажите же мнѣ, пожалуйста, много ли на вашемъ островѣ въ настоящее время хозяевъ?

— И прежде было восемнадцать, и теперь столько же.

— Какъ это такъ?

— А вотъ какъ: у насъ пока живъ отецъ, онъ не дѣлитъ своей земли между сыновьями; въ случаѣ же его смерти, вся земля поступаетъ старшему сыну, а остальные сыновья до-

вольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, которое оставилъ имъ отецъ. Бываетъ, что и эти сыновья получаютъ землю отъ отца, но такая земля пріобрѣтается самимъ отцомъ гдѣ-нибудь на сторонѣ.

— Такъ вотъ какъ!

— Да, такъ.

— Скажите же, пожалуйста, какъ обширна ваша колонія?

— Вся площадь нашего острова, по плану, опредѣляется двумя тысячами пятью-стами сорока-семью десятинами и тремя-стами двадцатью-пятью саженями; а линія, которою протянулись наши поселенія, равняется восьми-стамъ семидесяти саженямъ; выходитъ почти двѣ версты; съ сѣвернаго конца крайній домъ Давида Янцена, а съ южнаго—Абрама Петкау.

— А знаете ли вы, чему равняется окружность острова?

— Окружность острова равняется двадцати-четыремъ съ половиной верстъ,—такъ у насъ показано на планѣ; видите ли, въ длину каждая сторона острова имѣетъ по десяти верстъ, да въ ширину одна—двѣ съ половиной, а другая—двѣ, итого: двадцать-четыре съ половиной версты.

Здѣсь разговоръ нашъ прекратился: мы дошли до самой школы. Измѣреніе укрѣпленій и затѣмъ разговоръ во время пути занялъ насъ такъ, что мы совсѣмъ позабыли о пищѣ, но теперь, когда вошли въ комнату, желудокъ сразу же заявилъ о своихъ правахъ. Хозяйка не заставила себя долго ждать, и скоро на столѣ показались: ветчина, молоко, сыръ, хлѣбъ, супъ, жаркое и кофе. Изъ всего этого меня занялъ особенно супъ. Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы. Чего въ этомъ супѣ не было? Молоко, мука, изюмъ, говядина, вода, вишни и еще что-то такое неуловимое—все это составляло нѣмецкій супъ, или, лучше сказать, снадобье, котораго непривычному человѣку и въ ротъ нельзя было взять. Но мой нѣмецъ уплеталъ супъ съ такимъ аппетитомъ, что казалось у него за ушами трещало.

— Что же вы не кушаете нашего супа?

— Благодарю васъ; я какъ-то усталъ, отвѣчалъ я, не желая сказать правду.

— Вамъ, вѣроятно, нашъ супъ не нравится?—Вы благородный человѣкъ.

Чтобы утѣшить Куппа, я занялся другими яствами, между которыми особенно вкуснымъ показался мнѣ кофе. Но обѣдъ оконченъ, и въ комнату вошла хозяйка. Я началъ благодарить ее; но забывъ, что я нахожусь въ нѣмецкой колоніи, заговорилъ по-русски; нѣмка смотрѣла на меня спокойно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчала мнѣ; оказалось, что она ни одного слова не знаетъ по-русски, не смотря на то, что прожила на островѣ уже чуть-ли не пятьдесятъ лѣтъ.

— Ich danke sehr, madame (очень благодаренъ, мадамъ), поправился я тогда.

— Ich bitte, Herr (прошу, сударь), отвѣтила мнѣ хозяйка.

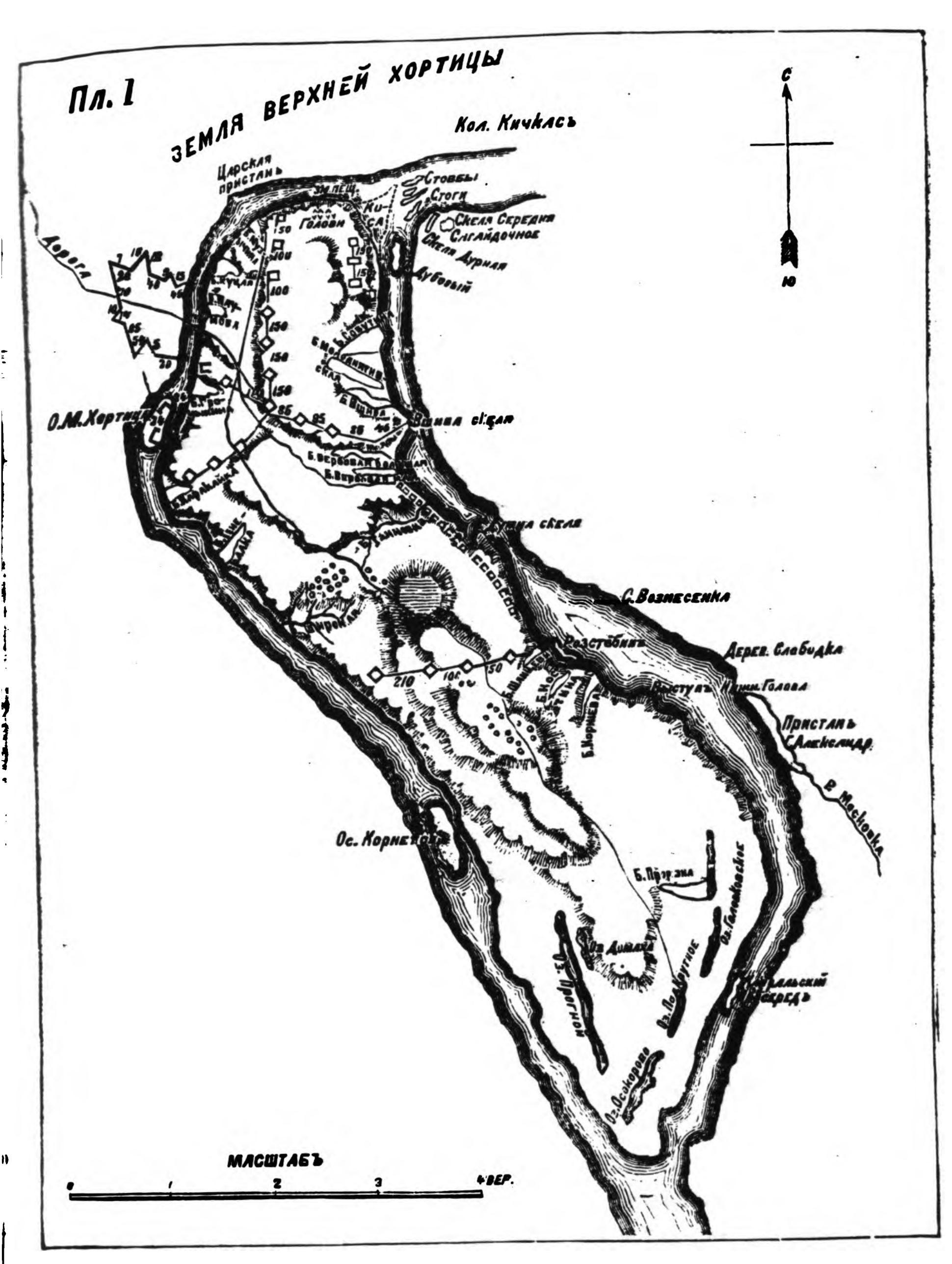
За обѣдомъ послѣдовалъ короткій отдыхъ и затѣмъ мы снова отправились на рекогносцировку. Теперь мы избрали предметомъ своихъ изслѣдованій среднюю и южную части острова. Пройдя нижнюю половину колоніи и поднявшись вверхъ, мы прежде всего наткнулись на огромный дубовый пень, въ окружности до трехъ саженъ, остатокъ отъ громаднѣйшаго дуба, существовавшаго нѣсколько сотъ лѣтъ, свидѣтеля паденія запорожской Сичи и поселенія нѣмецкой колоніи. Еще не такъ давно, подъ тѣнистыми вѣтвями дуба часто въ лѣтнее жаркое время, послѣ полевыхъ трудовъ, отдыхали нѣмцы-колонисты. Но вотъ уже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ дубъ усохъ, оставивъ отъ себя лишь одинъ толстый пень. Нѣмцы такъ дорожили дубомъ, что и теперь высказываютъ сожалѣніе отъ утратѣ его. «Лѣтъ пять тому назадъ,—пишетъ въ 1876 году Я. П. Новицкій,—на островѣ Хортицѣ засохъ священный дубъ—эта замѣчательная древность острова,—прожившій десятки вѣковъ. Онъ былъ вѣтвистъ и колоссальной толщины, стоялъ въ стапятидесяти саженяхъ отъ Островъ-Хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, направленной чрезъ островъ въ длину; въ на-

стоящее время сохранился только пень дуба, по которому можно судить о его громадности... Преданіе говоритъ, что вѣковой дубъ былъ сборнымъ пунктомъ для запорожцевъ, гдѣ собиралась у «святаго дуба» козацкая рада для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; подъ дубомъ когда-то лились и запорожскія молитвы, когда-то козаки брались за оружіе противъ непріятеля. Въ 1775 году, «писля троицкого свята», запорожцы въ послѣдній разъ отдали честь «святому дубови», гдѣ роспили нѣсколько бочекъ горилки и въ послѣдній разъ отплясали запорожскаго козачка; тутъ же лились и слезы козацкія, когда они прощались, расходясь во всѣ концы, — «хто на Динъ, хто на тихий Дунай, а хто до ридноѣ оселѣ (де була жинка зъ дитьми) доживать вику» [1]).

Посѣтовавъ у дубоваго пня о невозможности возвратить прошедшее время и воскресить умершихъ козаковъ, чтобы заставить ихъ поразсказать объ ихъ же собственной жизни, мы поднялись еще выше и здѣсь, взявъ немного влѣво, наткнулись, какъ и въ сѣверной части острова, на цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія находятся на югъ, въ полуверстѣ отъ дома колониста Абрама Петкау, и тянутся поперекъ острова, съ востока на западъ, отъ Новаго Днѣпра къ Старому или Рѣчищу, или по направленію отъ с. Вознесенки къ колоніи Розенгардъ. Какъ и на сѣверной части острова, такъ и здѣсь укрѣпленія (Schanzengraben) состоятъ изъ редутовъ, соединенныхъ между собою траншеями; разница между тѣми и этими укрѣпленіями состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь укрѣпленія протянуты въ одну прямую линію и, стало быть, совсѣмъ не такъ сложены, какъ сѣверныя. (См. пл. I). Всѣхъ редутовъ здѣсь четыре, траншей—три. Какъ и въ сѣверной части острова, такъ и здѣсь, редутъ представляетъ изъ себя правильный квадратъ, каждая сторона котораго равняется десяти саженямъ; траншея же представляется

---

[1]) Я. Новицкій. Островъ Хортица на Днѣпрѣ. «Одес. Вѣстн.» 1876, № 55, стр. 20.

Ч. I. Пл. I.

План Хортицкой Сичи.

глубокимъ рвомъ, который связываетъ редуты и по которому въ настоящее время растутъ разныя деревья. Изъ редутовъ первый сохранилась наилучшимъ образомъ; онъ имѣетъ входъ съ восточной стороны и въ самой срединѣ своей вмѣщаетъ яму, имѣющую шесть футовъ глубины и заросшую густымъ глодомъ; какъ и редутъ, яма также имѣетъ входъ, съ восточной стороны. Высота валовъ перваго редута не восходитъ больше двухъ саженъ, глубина рвовъ—больше полуторы сажени. За первымъ редутомъ слѣдуетъ сперва четыреугольная яма, по величинѣ меньше предшествующей, совсѣмъ почти осунувшаяся и разбитая, а за ямой уже начинается траншея. Траншея тянется на протяженіи ста пятидесяти саж., въ однихъ мѣстахъ она совершенно разбита, въ другихъ—сохранилась хорошо, но заросла деревьями. За траншеей снова слѣдуетъ редутъ, такой же величины, какъ и первая, но только нѣсколько ниже ея; она также имѣетъ съ востока входъ и въ серединѣ своей вмѣщаетъ двѣ ямы, въ полторы сажени въ окружности каждая; канавы и ямы заросли деревьями. За вторымъ редутомъ слѣдуетъ вторая траншея, длиною въ сто саженъ, и больше и лучше сохранившаяся первой и гуще заросшая деревьями. За второй траншеей слѣдуетъ третій редутъ, такой же величины, какъ и первая, но также осунувшійся, какъ и второй; въ ней три ямы, по величинѣ меньше предшествующихъ, со входомъ съ той же стороны. Съ третьимъ редутомъ граничитъ, съ сѣверной стороны, балка Широкая (Rei Lecht). За третьей редутой тянется третья траншея; она тянется сначала на сто-саженъ, затѣмъ прерывается, но спустя 60 саженъ снова начинается и идетъ на пространствѣ также ста саженъ, причемъ обѣ половины канавы, въ видѣ сплошной густой аллеи, заросли разными деревьями, преимущественно же грушами, берестомъ, черноклёномъ и глодомъ. За третьей траншеей слѣдуетъ четвертый и послѣдній редутъ: онъ также прекрасно сохранился, какъ и первая, но вмѣщаетъ въ себѣ три ямы, изъ коихъ двѣ довольно большія и одна нѣсколько поменьше; какъ ямы, такъ и самые

рвы редуты заросли деревьми, тѣми-же грушами, берестомъ, глодомъ и др. Четвертымъ редутомъ укрѣпленія въ средней части острова и оканчиваются: дальше, отъ редуты и до берега Стараго Днѣпра или Рѣчища укрѣпленій никакихъ нѣтъ: окраины острова оканчиваются низкимъ спускомъ, переходящимъ потомъ въ самый берегъ рѣки.

Осмотрѣвъ среднія укрѣпленія, мы направились затѣмъ вправо, къ сѣверу, имѣя цѣлью пройти балку Широкую и выбраться на засѣянныя поля. Балка оказалась дѣйствительно широкая изъ всѣхъ балокъ на островѣ; въ устьѣ она покрыта прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, между которымъ растетъ высокая трава. Увидя небольшой холмъ подъ вѣтвистымъ дубомъ, я уже готовъ былъ присѣсть на него, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ своей усталости. Но Якубъ Якубовичъ рѣшительно воспротивился этому.

— Вы и не думайте здѣсь садиться.

— Почему же такъ?

— Да потому, что здѣсь водится множество змѣй. Недавно показывалась здѣсь страшная змѣя; саженъ до трехъ, говорятъ; она перепугала одного нашего колониста, да вѣдь какъ? Несчастный лишился-было языка: двѣ недѣли не говорилъ; возили его и къ доктору, ничего не сдѣлалъ; потомъ уже само прошло; онъ разсказывалъ, что ходилъ по Широкой балкѣ и увидѣлъ тамъ змѣю, да такую страшную, которая перепугала его на смерть. Какъ онъ спасся отъ нея, Богъ его знаетъ. Колонисты не вѣрили ему, но вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на ту же змѣю наткнулся охотникъ съ двумя собаками; одна изъ собакъ бросилась-было къ змѣѣ, но была тотъ же часъ задушена ею; самъ охотникъ растерялся и поспѣшилъ уйти.

Наслушавшись такихъ страховъ отъ Якуба Якубовича, я также постарался поскорѣе выбраться изъ балки. Мы поднялись вверхъ и вышли на ровное, прекрасное поле, колосившееся въ ту пору высокой пшеницей. Здѣсь-же, среди поля, нашему взору

представились шестнадцать кургановъ, краснорѣчиво называемыхъ на русскомъ югѣ могилами.

— Не знаете-ли, Якубъ Якубовичъ, спросилъ я моего спутника, много-ли на вашемъ островѣ могилъ?

— Всѣхъ могилъ на нашемъ островѣ пятьдесятъ семь,—отвѣчалъ онъ,—но только двѣ изъ нихъ особенно большія, остальныя-же и меньше и ниже этихъ двухъ; впрочемъ, прежде и меньшія могилы казались большими, а теперь онѣ какъ-то посунулись; въ старину на нихъ стояли каменныя бабы, чего теперь и не увидишь—порастаскали. Въ прошломъ году (1882) одну изъ большихъ могилъ раскапывалъ кіевскій ученый В. Л. Беренштамъ; онъ нашелъ тамъ какія-то металлическія стрѣлки, горшочекъ, гвозди и много чего другого.

Но мы миновали и могилы; прошли вершину Ганновской балки и добрались до кладбища (Kirchhoff), гдѣ колонисты погребаютъ своихъ покойниковъ. Скоро миновали и кладбище, и такъ какъ солнце давно уже зашло, то мы рѣшили возвратиться къ дому, тѣмъ болѣе, что и ноги наши уже начинали отказываться служить намъ; для сокращенія пути рѣшили идти чрезъ огороды колонистовъ и вскорѣ дѣйствительно добрались до жилищъ. На слѣдующій день мнѣ предстояло осмотрѣть южную часть острова. Вставъ по обыкновенію съ восходомъ солнца, я тотъ-же часъ отправился на поиски. И на этотъ разъ меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ. Мы избрали путь отъ колоніи по-надъ лѣвымъ берегомъ Новаго Днѣпра къ плавнямъ. Скоро оставили мы за собою колонію, миновали среднія укрѣпленія, балки Шанцевую, Башмачку, Костину, Корніеву, Липову и, наконецъ, добрались до высокаго кургана Потемкина, гдѣ и усѣлись. Почти отъ самой колоніи и до балки Липовой поверхность острова представляетъ изъ себя цѣлину, нетронутую плугомъ, отсюда цѣлина смѣняется ровнымъ полемъ, на которомъ въ то время росла прекрасная пшеница.

— Скажите пожалуйста, Якубъ Якубовичъ, отчего этотъ курганъ, на которомъ мы сидимъ, называется Потемкинымъ?

— Да оттого, говорятъ, что будто-бы на этомъ курганѣ князь Потемкинъ хотѣлъ построить дворецъ; отъ дворца черезъ островъ онъ предполагалъ провести почтовую дорогу, а черезъ Днѣпръ—устроить мостъ. Правда-ли это или нѣтъ, но возлѣ кургана росъ садъ, который называли тоже Потемкинымъ. Старые колонисты разсказываютъ, что когда пришли впервые на островъ ихъ дѣды, то застали еще здѣсь какого-то стараго солдата, сторожившаго Потемкинъ садъ; потомъ этотъ сторожъ здѣсь-же и умеръ, а садовыя деревья повыкопаны были колонистами для ихъ питомниковъ.

Переданное моимъ спутникомъ преданіе подтверждается и свидѣтельствомъ русскаго путешественника В. Зуева, который говоритъ, что на о. Хортицѣ «князь Григорій Александровичъ Потемкинъ особое для разведенія и украшенія прилагаетъ стараніе» [1]). Если это преданіе достовѣрно, то нельзя не подивиться вкусу «великолѣпнаго князя»: мѣсто, облюбованное имъ, во многихъ отношеніяхъ превосходно. Не говоря уже о томъ, какъ высоко поднимается надъ поверхностью острова Потемкинъ курганъ, нужно замѣтить еще то, что самый островъ дѣлается здѣсь совершенно открытымъ, въ противоположность сѣверной части, которая далеко не такъ выдается изъ общаго фона поверхности, такъ какъ тамъ самый материкъ если не выше острова, то во всякомъ случаѣ въ одномъ съ нимъ уровнѣ. Кромѣ того, берега острова противъ Потемкина кургана и не такъ круты, и не такъ недоступны, и не такъ скалисты, обнажены и возвышены, какъ въ сѣверной части острова. Сверхъ того, поверхность острова носитъ характеръ не каменистый и песчаный, а степной, представляющій изъ себя весьма удобную равнину, какъ для сѣнокоса, такъ и для нивы; а высота ея такова, что отсюда, какъ съ птичьяго полета, видны не только ближайшія поселенія: Вознесенка, Слободка, Александровскъ, Шенвизъ, но и отдаленнѣйшія крестьянскія села съ ихъ

[1]) Пут. зап. Спб., 1787, 261.

храмами, школами и волостями; тому способствуетъ относительная высота юго-восточной части острова при относительной низменности самаго материка противъ него.

Но мы оставили Потемкинъ курганъ, спустились къ скалѣ Нижней Головѣ и отсюда, пройдя немного по возвышенной части острова, очутились въ плавняхъ. Слѣдуетъ сказать, что въ двухъ верстахъ отъ мыса Нижней Головы возвышенная часть острова сразу переходитъ въ низменную, покрытую травой, лѣсомъ и множествомъ большихъ и малыхъ озеръ, что все вмѣстѣ и составляетъ плавни. Есть основаніе предполагать, что плавни эти, сравнительно, недавняго происхожденія и что образовались онѣ только подъ защитою самаго-же острова. Дѣло въ томъ, что у южнаго конца острова сходятся оба рукава Днѣпра, раздѣленные выше, у сѣвернаго конца. Но сходясь здѣсь, каждый изъ рукавовъ, несущій своимъ теченіемъ песокъ, илъ или корни деревьевъ, здѣсь-же и откладываетъ все это, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ рѣка, дотолѣ стремительная, въ извѣстной степени умѣряется въ своемъ теченіи. Какъ каждая изъ другихъ частей, сѣверная и средняя, служатъ для колонистовъ источникомъ ихъ пропитанія, такъ и южная доставляетъ для нихъ разный матеріалъ, необходимый для всякаго домохозяина, и также служитъ жизненнымъ источникомъ. Дѣло въ томъ, что южная часть острова, состоящая изъ обширной плавни, покрытой большимъ лѣсомъ изъ дубовъ, осокорей, ивъ, шелюги, обилуетъ разной дичью: дикими гусями, утками, дупелями, коростелями; поросши очень высокими травами, она изрѣзана множествомъ озеръ: Лозоватымъ, Прогноемъ, Домахой, Карасевымъ, Подкручнымъ, Головковскимъ, Осокоровымъ и другими, которыя обилуютъ разнаго рода рыбами и раками. Таковъ-то характеръ южной части острова Хортицы. Пробродивъ много времени по берегамъ озеръ, заливовъ, находившись вдоволь по зеленымъ полянамъ и бѣлымъ пескамъ, мы выбрались, наконецъ, на самую южную окраину острова и здѣсь на берегу, у водъ, усѣлись. Отсюда открывался видъ на Днѣпръ—одинъ изъ прекраснѣй-

шихъ. Раздѣленная до этого мѣста островомъ Хортицей, рѣка отсюда снова соединяется и несетъ свои воды не по узкому жолобу, а по широкому размашистому руслу, усыпанному крупнымъ пескомъ. Теченіе рѣки здѣсь плавное, спокойное, а сама вода такая чистая и прозрачная, что кажется будто передъ вами не рѣчныя струи, а отполированный желтый янтарь.

— А что, Якубъ Якубовичъ, не пора-ли домой?

— Я думаю, что пора.

Усталые медленно возвращались мы домой... Не скоро мы улеглись въ постели, но зато пріятный глубокій сонъ слѣдовалъ за нашимъ продолжительнымъ походомъ... Восходящее солнце слѣдующаго дня уже застало меня на ногахъ. На этотъ разъ я рѣшилъ познакомиться съ старожилами острова и поразспросить ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней. Мнѣ указали на единственнаго восьмидесятилѣтняго старика, Якуба Якубовича Геппнера. По моей просьбѣ старикъ явился въ школу и скоро между нами завязался разговоръ.

— Скажите, старикъ, откуда переселились ваши предки на островъ Хортицу?

— Предки мои переселились на Хортицу изъ нѣмецкаго города Данцига.

— А давно-ли это было?

— Да, это давно-таки было: больше ста лѣтъ; мой отецъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ острова.

— Скажите-же, въ какомъ видѣ засталъ вашъ отецъ Хортицу? Не разсказывалъ-ли онъ чего-нибудь относительно тѣхъ укрѣпленій, которыя находятся въ сѣверной части острова?

— Да, разсказывалъ. Онъ говорилъ, что въ ту пору укрѣпленія были такъ высоки, что на нихъ и взойти нельзя было; изъ многихъ ямъ торчали толстыя дубовыя бревна и огромные дикіе камни. Канавы были широкія, а глубина такая, что упавшая туда лошадь тамъ и околѣвала.

— А что засталъ вашъ отецъ въ нижней части острова?

— Въ нижней, возлѣ озера Домахи, онъ видѣлъ какую-то

козацкую хату. Хата, говорилъ, небольшая была, изъ тесаннаго дерева, съ маленькими окнами со ставнями; внутри стоялъ большой дубовый столъ, на срединѣ котораго вырѣзано было распятіе Христа, а на одномъ изъ угловъ просверлена дырка, въ которую, видно, вставлялась свѣча; кромѣ стола, въ хатѣ были печь и лавы; съ наружной стороны, вокругъ хаты, разбросаны были тряпки, валялись черепья отъ посуды и насыпаны были кучи золы [1]).

— Прекрасно. Скажите-же, не засталъ-ли вашъ отецъ когонибудь изъ запорожскихъ козаковъ на островѣ?

— На островѣ отецъ не видѣлъ никакихъ запорожцевъ, а вотъ возлѣ острова, гдѣ теперь Кичкасъ, тамъ видѣлъ какого-то запорожца.

— Не Дворяненкомъ-ли его звали? [2]).

— Кажется, что такъ.

— Что-же, ничего не разсказывалъ отецъ вашъ о Дворяненкѣ?

— Разсказывалъ, какъ онъ укралъ у нихъ лошадь, когда они только что пріѣхали на островъ.

— Какъ-же это было?

— Да вотъ какъ. Послѣ продолжительнаго путешествія, мы добрались наконецъ, разсказывалъ отецъ, до рѣки Днѣпра противъ Хортицы; переправились на островъ черезъ рѣку и сейчасъ-же стали отдыхать. Но не успѣли мы еще прійти въ себя, какъ, смотримъ, кто-то съ противоположнаго берега плыветъ къ намъ въ лодкѣ. Оставивъ лодку у берега, онъ направился къ намъ; пришелъ, сталъ и смотритъ на насъ, не говоря ничего; мы тоже смотримъ на него и тоже не говоримъ ничего; тогда мы еще по-русски не умѣли говорить, да и онъ по-нѣмецки не

---

[1]) См. о томъ-же: Драгомановъ. Малор. пред. Кіевъ, 1876 г., стр. 425.

[2]) Зуевъ, проѣзжавшій по Новороссійскому краю въ 1781 году, говоритъ, между прочимъ, о томъ, что въ Кичкасѣ находится только одна избушка, въ которой живетъ запорожецъ. Путешеств. зап. Спб. 1787 г., стр. 260. Малор. предан. и разсказ. Кіевъ. 1876 г., стр. 423.

могъ. Онъ былъ босой, безъ шапки, въ одной сорочкѣ да штанахъ (дѣло было лѣтомъ), на очкурѣ которыхъ висѣлъ большой ножъ. Казалось, ему лѣтъ за 50 было; собой здоровый, плечистый... Такъ постоялъ и ушелъ. Мы скоро угомонились и положились спать, привязавъ своихъ лошадей къ повозкамъ. Утромъ поднимаемся, сейчасъ-же къ лошадямъ; смотримъ— одной лошади нѣтъ; искать—нигдѣ нѣтъ. Бросились къ мѣсту, гдѣ привязана была пропавшая лошадь, лежитъ ножъ, тотъ самый, который мы видѣли наканунѣ у приходившаго къ намъ человѣка. Поняли тогда, куда дѣвалась наша лошадь. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ человѣкъ былъ запорожецъ; онъ жилъ сперва тамъ, гдѣ теперь колонія Кичкасъ, а потомъ, когда въ Кичкасѣ стали селиться наши колонисты, перешелъ на противоположный берегъ рѣки (съ праваго на лѣвый), въ балку; тамъ онъ построилъ себѣ курень, завелъ пасику и такъ жилъ до самой смерти... Онъ часто ходилъ къ намъ, научился говорить по-нашему; какъ-то разъ мы и спрашиваемъ его: «зачѣмъ ты, козакъ, укралъ нашу лошадь, когда мы въ первый разъ пріѣхали на Хортицу?»—То моя, говоритъ, такая вдача, безъ того я не могу и жить [1]).

— Хорошо. Скажите-же теперь вотъ что: не находили-ли вы на островѣ или въ рѣкѣ какихъ-нибудь остатковъ старины?

— Было и это: и самъ находилъ и у другихъ видѣлъ. Вотъ, положимъ, былъ я еще 17-лѣтнимъ юношей, когда однажды пошелъ купаться къ Старому Днѣпру, въ то мѣсто, что противъ колоніи Канцеровки. Пришелъ на берегъ, смотрю, что за чудо? Стоятъ какія-то суда. Длинныя-длинныя и хорошо сколоченныя; похожія на теперешніе дубы; считаю, оказывается семнадцать. Я платье съ себя, бросаюсь въ воду и давай осматривать ихъ. Оказалось, что они больше, чѣмъ на половину занесены пескомъ и только верхняя часть ихъ выдавалась изъ-

---

[1]) Преданіе это, между прочимъ, записано и Я. П. Новицкимъ; оно напечатано въ Малор. пред. и разсказ. Драгоманова. Кіевъ, 1876 г., 423; мы держались этой редакціи.

подъ воды. Нужно вамъ сказать, что за нѣсколько времени до этого, въ Днѣпрѣ было большое наводненіе; вода повыносила много песку изъ русла рѣки и сама опала, тогда-то и показались суда, вѣроятно, очень давно затопленныя здѣсь.

Осмотрѣвъ хорошо свою находку, я побѣжалъ сообщить о томъ своему отцу. Но что-же отецъ могъ сдѣлать съ судами? Посмотрѣлъ, повыдернулъ нѣсколько бревенъ изъ нихъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Скоро вода снова начала прибывать и опять покрыла суда. Это давно было; а то въ 1845 году, послѣ большого наводненія, я опять видѣлъ судно,—это уже стояло въ Новомъ Днѣпрѣ, ниже Совутиной скели, передняя часть судна выходила на берегъ острова, а задняя затоплена была въ водѣ; судно было нагружено пулями да ядрами. Долго оно не покрывалось водой, и я часто лазилъ въ него, набиралъ пуль и ядеръ, но потомъ подошла вода и затопила. Такой-же величины я нашелъ судно въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ устья балки Куцой; на это судно я наткнулся случайно; купался и началъ нырять. Судно сидѣло очень глубоко въ водѣ; я началъ осматривать его и на самомъ днѣ нащупалъ пушку. Это меня заняло, и я нѣсколько разъ принимался осматривать: точно— судно и на днѣ его небольшая пушка. Ну, что-жъ? Ни лодки нельзя было вытащить, ни пушки... А лѣтъ десять тому назадъ въ томъ-же Старомъ Днѣпрѣ видѣлъ судно одинъ мальчикъ, сынъ нашего колониста. Тотъ нашелъ въ немъ саблю и взялъ ее. Не знаю уже, куда онъ послѣ ее дѣвалъ, но я видѣлъ эту саблю; она не такъ велика, кривая, отдѣлана серебромъ и много поржавлена. Много находили вещей въ Днѣпрѣ, а на самой Хортицѣ еще больше. Какъ-то я нашелъ на балкѣ Большой—Вербовой кривой кинжалъ, длинное ружье и стальную кольчугу; все было покрыто ржавчиной, такъ что я едва отчистилъ ихъ. Однажды я нашелъ на балкѣ Куцой нѣсколько монетъ; одна изъ нихъ была такъ тяжела, какъ шесть серебряныхъ рублей вмѣстѣ, другія—точно рыбья луска, а третьи такія-же,

какъ теперь пятачки. но только разнятся тѣмъ, что у нихъ не одинаковая толщина по бокамъ: одинъ бокъ толще, а другой тоньше; на всѣхъ монетахъ были какія-то изображенія и надписи, на однѣхъ по-русски, какъ сейчасъ помню, «Царь Борисъ», а на другихъ и не по-русски и не по-нѣмецки, вылиты были львы, по три на каждой штукѣ. Случалось находить и другого рода монеты съ однимъ лицемъ человѣка, или-же съ цѣльнымъ человѣкомъ, сидящемъ на конѣ. Всячину находилъ. Однажды нашелъ три большихъ острыхъ ножа, пять глиняныхъ, съ высокими горлышками, кувшиновъ, семь съ толстыми вѣнцами горшковъ. А то выкопалъ какъ-то нѣсколько штукъ картечи и цѣлый складъ свинцу; свинецъ, бывало, такъ и валяется поверхъ песка, точно черепья: охотникамъ не надо было покупать; выжди только, пока пройдетъ дождь или поднимется вѣтеръ, тогда и собирай, сколько хочешь. Да чего только за свой вѣкъ я не находилъ на островѣ? Небольшія, трехгранныя металлическія стрѣлки, желѣзныя, серебряныя и стальныя бляхи. мѣдныя и бронзовыя пуговицы, большія и малыя пряжки. удила, кольца, ножницы, ядра, бомбы, пули. Однажды нашелъ тридцать-шесть пуль вмѣстѣ; всѣ онѣ были надѣты на длинную палку, шестью рядами, причемъ каждый рядъ заключалъ въ себѣ шесть пуль. Нужно думать, что это дѣлалось для удобства; чтобы не забивать въ пушку отдѣльно каждую пулю. нѣсколько ихъ нанизывали на палку и уже самую палку вкладывали въ пушку. Въ балкѣ Широкой случилось мнѣ найти удивительный замо́къ, такихъ я никогда послѣ не видѣлъ; онъ отпирался безъ ключа; для этого надо было составить извѣстное слово изъ буквъ, вырѣзанныхъ на кружочкахъ кругомъ всего замка; кружочки вертѣлись въ разныя стороны, и такимъ образомъ составлялись разныя слова: какъ только подбирешь условное слово, такъ замокъ самъ собой и отопрется. На островѣ Канцеровкѣ (Малой Хортицѣ) я какъ-то наткнулся на человѣческую кость; сталъ копать; прокопавъ съ полъ-аршина земли, вижу—широкая яма, а въ ней семь человѣческихъ ске-

летовъ; на груди каждаго скелета лежитъ по нѣскольку мѣдныхъ. пустыхъ върединѣ. небольшихъ пуговицъ; видно было. что покойники одѣты были въ какіе-то суконные кафтаны, сукно было тонкое. пожелтѣвшее; всѣ скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа; на одномъ лишь черепѣ я замѣтилъ дырку, образовавшуюся не отъ гніенія, а, кажется, отъ удара въ голову человѣка чѣмъ-то острымъ. отъ чего, быть можетъ, онъ и умеръ.

Да, много-таки мнѣ пришлось за свою жизнь и видѣть и слышать. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, въ саду нашего колониста Якова Вибе, найдены были двѣ пушки: одна мѣдная, а другая желѣзная; онѣ сложены были крестъ-на-крестъ въ землѣ на глубинѣ не болѣе полутора аршина. А то какъ-то нашли цѣлый складъ оружій,—это на островѣ противъ колоніи Кичкасъ, теперь этого острова нѣтъ; онъ смытъ водой, а прежде мы пасли на немъ лошадей и видѣли выкопаные рвы и траншеи, одинъ изъ этихъ рвовъ шелъ прямо по направленію къ скелѣ Воротамъ. Находилъ оружіе и на Столпахъ,—тамъ тоже были укрѣпленія, но они засыпаны пескомъ. Прежде на Хортицѣ можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые каждогодно навѣщаютъ для этой цѣли нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ [1]), гдѣ ихъ плавятъ и выливаютъ изъ нихъ разныя вещи. Ядра и бомбы подбираютъ русскія бабы: онѣ идутъ имъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите-ли, въ старые годы Днѣпръ былъ уже, чѣмъ теперь, и шелъ ближе къ Вознесенкѣ, чѣмъ къ острову; оттого наша Хортица была шире; но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Возне-

---

[1]) Фабрика земледѣльческихъ оружій Леппа, въ семи верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Хортицѣ-Верхней, екатериносл. уѣзда.

16*

сенки, и подаваться направо, ближе къ острову, сталъ размывать окраины его, выносить изъ нихъ разныя вещи... Въ старину, бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только и не увидишь. Тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песка ребра, проросшія высокой травой и отъ времени сдѣлавшіяся желтыми какъ воскъ. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы что-нибудь сварить или спечь, наткнешься на гвоздь или кусокъ желѣза; хочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклонишься, смотришь—черепъ человѣческій, прогнившій, съ дырками, сквозь которыя выросла трава; нужно тебѣ спрятаться отъ кого-нибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда, и натыкаешься на большой мѣдный казанъ, или черепковую чашку или еще что-нибудь въ этомъ-же родѣ... Много было чего, да поздно хватились все это собирать.

— Да, это точно. Но скажите, не опасно-ли было вашему отцу жить впервые на Хортицѣ?

— Какъ не опасно? Даже больше того: разъ какъ-то едва не убили его. Тогда, видите, бродили вездѣ лугари,—это разбойники такъ назывались. Однажды лѣтомъ отецъ куда-то уѣхалъ съ острова; мы, дѣти, были въ плавняхъ, а мать одна оставалась въ колоніи. Сидитъ себѣ и чѣмъ-то занимается. Вдругъ, входятъ къ ней три человѣка и просятъ, чтобы она продала имъ молока. Мать согласилась, спустилась въ погребъ и вынесла имъ молока, сколько они просили. Тогда одинъ подходитъ къ ней и начинаетъ торговаться, а другой подбирается сзади и бьетъ ее безменомъ по головѣ. Она какъ снопъ валится на землю. Разбойники забираютъ деньги, оружіе, лошадей, разныя мелкія вещи и уходятъ. Но не успѣли они еще и отойти отъ дома, какъ является отецъ и съ нимъ два сосѣда колониста. Они бросаются на разбойниковъ; произошла свалка, во время которой одинъ изъ разбойниковъ вышибъ отцу зубъ. Но тутъ къ разбойникамъ подошли еще два человѣка, и порѣ-

шили исходъ битвы: отецъ и два сосѣда его были перевязаны, а разбойники, взявъ много нашего добра, ушли благополучно [1]).

Вотъ тѣ данныя о Хортицѣ, которыя добыты нами на мѣстѣ, уже на второй день по пріѣздѣ на островъ. Но я оставался на немъ еще нѣсколько дней, пока совершенно не освоился съ его мѣстностью и жителями; въ свободное для колонистовъ время я ходилъ по ихъ домамъ и осматривалъ тамъ разныя находки ихъ. Изъ такихъ находокъ меня заняли, между прочимъ, бомба и три ядра, находящіяся у старосты острова, Гильдебрандта; бомба въ объемѣ имѣетъ аршинъ съ четырьмя вершками, а каждое изъ ядеръ—по десяти дюймовъ; всѣ они набиты на пали частокола, которымъ отгороженъ у Гильдебрандта палисадникъ вокругъ дома отъ двора. Подобныя ядра, числомъ два, мнѣ пришлось видѣть также у колониста Ивана Классена, которыя онъ уступилъ мнѣ и изъ которыхъ одно еще и теперь заряжено.

Закончу свое изслѣдованіе о Хортицѣ словами Я. П. Новицкаго: «Въ настоящее время о. Хортица, это неприступное козацкое «кишло», принялъ совершенно другой видъ: курени [2]) заросли бурьяномъ, а въ иныхъ попадаются деревья, простоявшія десятки лѣтъ; черезъ нихъ проходятъ стада овецъ и табуны породистыхъ нѣмецкихъ коней; на поляхъ острова (въ средней и южной частяхъ) красуются нивы, дающія чуть не ежегодно обильный урожай; тамъ же зеленѣютъ бакчи, на которыхъ родятся вкусные арбузы и дыни; на восточномъ берегу острова красуется нѣмецкая колонія, утопающая лѣтомъ въ зеленѣющихъ садикахъ, гдѣ благоденствуютъ нѣмцы; на Днѣпрѣ, округлившемъ островъ, вмѣсто козацкихъ «чаекъ», плаваютъ

---

[1]) Почти весь этотъ разговоръ записанъ по-нѣмецки, авторъ предлагаетъ его въ русскомъ переводѣ.

[2]) Я. П. Новицкій называетъ ямы куренями, но были-ли то курени въ козацкомъ смыслѣ, это еще очень сомнительно, какъ сомнительно и то, чтобы первое поселеніе козаковъ на Хортицѣ могло назваться, въ строгомъ смыслѣ. Сичею,—«городокъ»—вотъ его названіе.

десятки небольшихъ рыбачьихъ лодокъ, изъ которыхъ рыбаки забрасываютъ свои сѣти; тутъ же проплываютъ и крупныя суда: барки, берлины, пароходы; а весною, во время разлива, и въ іюнѣ, весь Днѣпръ покрываютъ плоты [1]).

Было совсѣмъ за полдень, когда я, смоченный сильнымъ дождемъ, послѣ третьяго осмотра укрѣпленій, возвратился въ школу къ Якубу Якубовичу Куппу. Въ этотъ день, вечеромъ, я рѣшилъ оставить Хортицу, чтобы продолжать свой путь далѣе внизъ, ко второй Базавлуцкой Сичи. Собравшись и уложивъ свои вещи, я пригласилъ къ себѣ хозяина, чтобы поблагодарить и расплатиться съ нимъ.

— А сколько я вамъ долженъ, Якубъ Якубовичъ?

Этотъ обыкновенный вопросъ заставилъ задуматься моего нѣмца; видимо онъ боролся самъ съ собой: съ одной стороны, ему не хотѣлось обнажать своей, быть можетъ, не совсѣмъ безкорыстной души, а съ другой—его практическія соображенія никакъ не допускали мысли, чтобы всякая услуга, хотя-бы то и не особенно важная, оставалась безъ награды.

— Ну, что-жъ, Якубъ Якубовичъ, сколько-же я вамъ долженъ?

— Одинъ рубль.

— Такъ мало?

— Довольно и этого.

Признаюсь, я былъ удивленъ этому. Однако, вынувъ рубль, подалъ его хозяину. Послѣ этого мнѣ понадобилась сумка, чтобы уложить нѣкоторыя изъ своихъ находокъ. Я обратился съ просьбой къ Якубу Якубовичу. Мнѣ подали.

— А сколько сумка стоитъ, Якубъ Якубовичъ?

— Ну, это тоже въ счетъ рубля.

Но и находки уложены; мы распростились. Уже давно поджидалъ меня лодочникъ, чтобы съ о. Хортицы переправить въ с. Вознесенку. Солнце было уже на закатѣ, когда я ступилъ

[1]) Я. Новицкій. Островъ Хортица. «Одес. Вѣстн.». 1876 г. № 53.

на материкъ. Теперь мнѣ предстояло проѣхать село Вознесенку, деревню Слободку и г. Александровскъ, чтобы отсюда сѣсть на пароходъ и пуститься внизъ. Я рѣшилъ пройти все это пространство пѣшкомъ, отославъ свои вещи впередъ къ одному изъ обывателей города Александровска [1]). Вознесенка (Нешкребивка) оказалась большимъ, многолюднымъ, но совсѣмъ не древнимъ селомъ. Она тянется на пространствѣ отъ 2—3 верстъ, вдоль лѣваго берега Днѣпра, по каменисто-песчаному взгорью. Мѣстность ея если не плѣнительна, то во всякомъ случаѣ живописна; одна сторона села, набережная, окаймлена длинною рощею изъ деревьевъ мягкой породы, которая мѣстами смѣняется въ зеленыя долины; а другая, противоположная первой, граничитъ со степью, обращенной въ плодоносную ниву усѣянную по мѣстамъ высокими курганами. За селомъ, на западѣ, открывается видъ на Днѣпръ съ его особенно каменистыми здѣсь берегами. Въ Вознесенкѣ есть церковь, волость и школа, учителю которой, Трофиму Евфимовичу Демкѣ, я такъ много былъ обязанъ въ дѣлѣ своихъ разысканій на островѣ Хортицѣ.

Изъ Вознесенки я направился въ деревню Слободку, непосредственно за Вознесенкой, и отсюда уже добрался до г. Александровска. Здѣсь, прежде всего, я наткнулся на цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ съ западной стороны города. Въ длину укрѣпленія занимаютъ не болѣе одной версты, въ ширину—нѣсколько менѣе того и представляютъ изъ себя очень высокіе валы съ глубокими вокругъ нихъ рвами, расположенными звѣздообразно и сохранившимися превосходно и въ настоящее время; черезъ самую средину укрѣпленій пролегаетъ ровная, но узкая дорога, по обѣимъ сторонамъ которой, кое-гдѣ, ютятся небольшіе крестьянскіе домики. Спрашивается: кому-же

---

[1]) Это - секретарь мирового съѣзда, Н. Н. Ѳедоровскій, одинъ изъ питомцевъ харьковскаго университета, человѣкъ во многомъ очень обязательный.

принадлежитъ сооруженіе этихъ укрѣпленій. По всѣмъ соображеніямъ, они насыпаны не дальше какъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, во время одной изъ войнъ русскихъ съ турками и, стало-быть, дѣло русскихъ солдатъ, а не запорожскихъ козаковъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Въ царствованіе императора Николая, во время севастопольской войны, укрѣпленія были возобновлены и потому такъ прекрасно сохранились въ настоящее время. Отъ укрѣпленій я направился черезъ городъ прямо къ пристани.

Было около двѣнадцати часовъ, когда я оставилъ Александровскъ и очутился у пароходной пристани. Пробило ровно часъ, когда я вошелъ въ каюту. Въ дверяхъ меня встрѣтилъ слуга.

— Какой пароходъ?

— Князь Барятинскій.

— Когда отходитъ?

— Завтра въ одиннадцать часовъ дня.

Я спустился въ каюту и осмотрѣлся кругомъ. Каюта представляла изъ себя средней величины невысокую комнату; посрединѣ комнаты—длинный столъ съ изящными вокругъ него стульями; на одной изъ стѣнъ, прямо противъ входной двери, большая карта Днѣпра и его притоковъ; у дверей, съ одной стороны, небольшой столъ, а съ другой шкафъ для сервиза и посуды; вокругъ всей каюты мягкіе клеенчатые диваны, весьма легко обращаемые въ кровати; полъ каюты устланъ цвѣтной клеенкой; чистота вездѣ безукоризненная. Вообще говоря, каюта была такъ обставлена, что въ ней чувствовалось въ одно время и легко, и удобно. Пароходъ стоялъ на водѣ и какъ-то тихо-тихо покачивался. Такъ какъ въ каютѣ кромѣ меня не было ни души, то я тотъ-же часъ все приспособилъ по своему вкусу. Загасилъ лампу, открылъ всѣ окна и, расположившись на длинномъ и широкомъ диванѣ, совершенно отдался теченію своихъ мыслей... Настроенное въ теченіе нѣсколькихъ дней на одинъ тонъ, мое воображеніе такъ живо работало, что я чув-

ствовалъ въ себѣ сильный жаръ и потому долженъ былъ нѣсколько разъ, черезъ окно, черпать рукой холодную днѣпровскую воду и ею освѣжать свою разгоряченную голову. Но я не въ силахъ былъ побороть всѣхъ воспоминаній, томившихъ мою душу въ тотъ моментъ, и вышелъ изъ тѣсной каюты на открытую палубу. Стояла тихая, свѣтлая украинская ночь. Предо мною, только въ нѣкоторомъ отдаленіи, вырисовывался протянувшійся среди Днѣпра, на половину охваченный каймой зеленаго лѣса, на половину очерченный глыбами гранита, воспѣтый поэтами, прославленный историками и измѣренный собственными ногами, величественный островъ Хортица. Вокругъ острова, насколько хваталъ глазъ вверхъ и внизъ, широко разливался великій Днѣпръ, «Богатырь-рѣка, рѣка-Словутушка, рѣчка—Горыничъ-змѣй» и, какъ-бы утомленный вѣковѣчною борьбою съ громадными утесами, тихо катилъ въ безграничную даль свои могучія воды.

«Эхъ, ты, Днѣпръ ты мой широкій,
Днѣпръ широкій и глубокій,
Ты куда, родной, плывешь»?

Сама луна, мягкая, серебристая, подобно волшебной красавицѣ, полной нѣги и томности, какъ-бы внимала Днѣпру: какъ свѣтловолосая русалка, или бѣлоснѣжная лебедка, она тихо плескалась въ прохладныхъ струяхъ рѣки, какъ-бы дрожа переливалась изъ одной струи въ другую и своимъ чарующимъ свѣтомъ серебрила и легкую, чуть замѣтную, зыбь днѣпровскихъ водъ, и высокій, раскинувшійся на островѣ зеленый лѣсъ, полный величія, прелести и обаянія. А изъ лѣсу, на встрѣчу пышному Днѣпру и красавицѣ лунѣ, неслись безконечныя, едва уловимыя трели соловья, звонко раздававшіяся по рѣкѣ и гармонично сливавшіяся съ легкимъ плескомъ ея волнъ... Великій Боже, какъ здѣсь хорошо!.. Въ воздухѣ чувствовалась та мягкость, та нѣга, которая ни на минуту не даетъ успокоиться нашимъ нервамъ и которая помимо воли настраиваетъ наше воображеніе на высокій, идеальный тонъ. Моимъ думамъ, моимъ

мечтамъ, казалось, не будетъ конца: въ моемъ воображеніи толпами роились дивные, дорогіе, хотя и давно забытые образы, а мой взоръ всецѣло прикованъ былъ къ острову, такъ богатому своимъ прошлымъ. Мысль стремилась раздвинуть таинственную завѣсу, наброшенную вѣками на это поэтическое и величественное мѣсто, и только суровая неумолимая дѣйствительность охлаждала меня и разсѣевала мои мечты... Да, здѣсь была первая колыбель нѣкогда славной низовой вольницы, рыцарей вѣры Христовой, враговъ ислама и іезуитскаго вѣрогоненія, колыбель сермяжныхъ носителей идей свѣта и правды, свободы и равенства, простоты и братства. Въ формѣ грубой и дикой, условленной и самымъ дѣломъ, и тогдашнею степенью культуры, стремились они къ осуществленію своихъ идеаловъ на землѣ; но не суждено было имъ путемъ естественнаго, путемъ самостоятельнаго развитія перейти къ болѣе мягкимъ и лучшимъ формамъ гражданственности и общежитія, и, какъ-бы въ видѣ горькой ироніи судьбы, пришлый нѣмецъ, чуждый всякой связи съ ихъ великими прошлыми подвигами, флегматично бороздитъ землю, упитанную ихъ кровью, засѣянную ихъ благородными костьми и пересыпанную остатками ихъ бранныхъ доспѣховъ, воспитывая традиціонный свой картофель и, быть можетъ, мечтая втихомолку о своемъ Vaterland'ѣ, какъ «избранный народъ Божій» о своемъ Іерусалимѣ.

«Стугоныть Днипро по скелямъ,
Бьетця объ пороги;
Все пытае: «де-жъ вы дитя?
Де мои небоги?»
Стугоныть Днипро зъ порогивъ.
Лине до Хортицы.
Каже: «Байдо, де-жъ твій городъ,
Стягъ и гакивници?
Де та Сича, що якъ море
Силою кипила;
Тая воля, що въ раздолли
Пекломъ клекотила?»
Развалылыся редуты
И ровы густою

Одъ низивъ и до вершины
Вскрылыся травою.
Въ граняхъ Сичи спыть нерушно
Камьяна планына;
Землю, славою покрыту,
Топче товарына.
На козачимъ вжитку нимци
Хатъ набудували,
Грунтъ пошарпали, побили,
Раломъ заорали.
Воля, ретязомъ повыта,
Въ плавняхъ спочивае;
Слава, кровью перелыта,
По свиту литае...
А Днипро бижить до моря.
Все пита Хортици:
«Де-жъ та Сича? де-жъ той Байда,
Стягъ и гакивныци?..» [1])

---

[1]) Изъ стихотвор. Я. И Щоголева. Харьковъ. 1883 г., декабря 12.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ой гукъ, мате гукъ, де козаки пьють,
И веселая та дориженька, куды вони йдуть,
Та куды вони йдуть, то луги гудуть
Та попередъ себе вражихъ ляхивъ облавою прутъ.
А отаманъ йде, якъ голубъ гуде
Та пидъ яворомъ зелененькимъ головку кладе.

Народная пѣсня.

Оставивъ Хортицу, я направился сухимъ путемъ къ устью рѣки Базавлука, прямо черезъ бывшее у запорожцевъ «Дикое поле». Въ настоящее время эти «дикія поля» мѣстами обращены въ пашни, мѣстами-же представляютъ изъ себя цѣлину, т. е. нетронутую плугомъ землю, дающую въ благопріятное время лѣта большую траву. Какъ много заманчиваго въ этихъ цѣлинныхъ, непочатыхъ степяхъ даже и въ настоящее время, особенно въ раннюю майскую пору! Что-то влечетъ, что-то неотразимо тянетъ къ нимъ. При видѣ этихъ степей невольно вспоминается незабвенное имя великаго Гоголя, художественный геній котораго такъ часто и такъ неудержимо рѣялъ надъ поэтической Украйной съ ея поэтическими обитателями и богатой, полной прелести природой. «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши»!.. При видѣ этихъ-же степей, само собою вспоминается и имя въ свое время знаменитаго и прославленнаго южно-русскаго бродячаго философа, Григорія Саввича Сковороды, который всякимъ земнымъ почестямъ, широкой славѣ

и семейному счастью предпочелъ вѣчное скитальничество по необъятной степной равнинѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ сумой за плечами, поучая встрѣчный народъ человѣческой мудрости и отводя его отъ печали дивной игрой на «сопильци».

«А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не йдетъ съ ума,
Какъ-бы умерети мнѣ не безъ ума».

При видѣ этихъ-же степей, невольно вспоминаются и имена знаменитыхъ героевъ, славныхъ рыцарей, запорожскихъ козаковъ, уродившихся за грозными порогами, взлелѣянныхъ на безкрайныхъ степяхъ, выросшихъ на широкомъ лонѣ пышнаго Днѣпра.

«Днипре-брате, чимъ ты славенъ?
Чимъ ты славенъ, чимъ ты равенъ?
Чимъ ты ясенъ, чимъ ты красенъ?
Чи своею довжинёю, чи своею глыбынёю,
Чи своею быстрынёю, чи своею ширынею?
Чи крутыми берегами, а чи жовтыми песками?
А чи темными лисами, чи зелеными лугами»?
«Ой я славенъ козаками, молодыми бурлаками»...

И нельзя не заглядѣться на эту степь, нельзя не полюбить ее. Вотъ вечеръ. Солнце, такъ страшно палившее въ продолженіе цѣлаго дня, начинаетъ садиться за горизонтъ; прощаясь съ обитателями земли, оно какъ-бы желаетъ подъ конецъ задобрить ихъ. Вотъ оно разбросало свои золотистые лучи по всему небосклону и поражаетъ человѣка чудными извивами ихъ: тутъ разсыпались красные-красные, съ золотистыми верхушками, снопы созрѣвшей ржи; тамъ протянулись длинныя-длинныя, совершенно пожелтѣвшія и какъ-бы скрученныя кѣмъ или повитыя, связки сухой травы; тамъ обрисовалась колоссальная фигура какого-то горящаго животнаго съ косматой шерстью, огромнѣйшей головой и открытой пастью; а вотъ лучи заходящаго солнца вылились въ неподвижныя, съ курчавыми головами и какъ-бы бронзированными листьями деревья. Въ воздухѣ повѣяло освѣжающей прохладой. Повсюду началось движеніе. Гдѣ-то

невдалекѣ залаяла собака; гдѣ-то въ глубинѣ балки послышался ревъ коровы; а вотъ, у самой дороги, свистнулъ, поднявшись на заднія лапки, сусликъ, за нимъ раздались тысячи голосовъ, милліоны жужжаній разныхъ насѣкомыхъ, которые мало-помалу своимъ свистомъ и пѣніемъ начали оглашать широкія окрестности степи. Чувствуется такъ легко; языкъ невольно развязывается.

— А скажи, человиче, чія оце була земля исъ-по-конъвикивъ?

— Оця земля?

— А тожъ!

— Вона була запорожська.

— Шо жъ воно за запорожци таки?

— Лыцари-таки, отъ що!

— Ну, а не чувъ же ты, добродію, якъ жили ти запорожци?

— Якъ жили? Жили кошами.

— А шо жъ воно за кошъ такій?

— Кошъ-це невеличкій куринець, або повиточка не колесахъ. Бачьте, запорожци занимались скотарствомъ: то ото якъ выпасуть на однимъ мисци траву, тоди зо всимъ своимъ скарбомъ перевозятця на друге мисто, а зъ другого—на трете, а съ третього—на четверте и дали. Отъ для того вони й робили курини на колесахъ, себъ-то коши.

— Отъ якъ!

— Такъ!

— А хто жъ тоби казавъ про тихъ запорожцивъ?

— Та хто? Батько, а батькови дидъ,—винъ ще зайшòвъ запорожцивъ,—то було и разсказуе батькови, а батько уже намъ одповичавъ, якъ мы були малыми.

— Ну!

— Тай ну! Винъ и одповича, шо то за народъ бувъ. То каже, знаюки, страшенни знаюки були, и велыки мысливци «Оттуды, кажуть було, не йдьмо, бо тамъ велика потуга намъ

буде, а оттуды йдьмо, бо тамъ визьмемо». На війни ихъ неяке оружжа не бере, окримъ срибнои кули, а въ погони такъ ихъ и не пизнаешъ, чи воно люде, чи воно що друге: оце пробижать зъ версту тай перельютца у ричку, а нѐпріятель дума, шо то справжня ричка; потимъ, якъ пробижить погоня, вони упьять пороблютця козаками, а ричка такъ и зостанетця ричкою; тоди одинъ сяде на одному бѐрези рички, а другый на дру̂гому, поснимають съ себе чоботы и сидять кашу варють, а третій кыне дрюкъ у ричку, на дрюкъ роскоте повсть, сяде на неи, у кобзыну грае, горилку пье и плыве̇. Воны на все способни були: могли и въ рички перелыватись, могли такъ зробити, шо й ричка высохне: тильки дойде до неи, а вона й высохне. А якъ выйдуть на війну, то ихъ бьють кулями, а вони соби й байдуже: пазухи поразставляють, та й собирають туды кули. «Та ну бый»! крычить кошовый хлопцеви, а самъ и безъ пистоля и безъ рушници стоить. «Пидижди, батьку, наберу куль та тоди и постриляю».

— Такъ отъ яки вони були!

— Отаки вони й були. Вони, кажуть, зъ роду не женылись, якъ ченьци, а якъ піймають було яку бабу у степу, такъ поки зъ нею будуть смакувати, поки не задушуть.

— Ото ченьци!.. А скажи, де жъ вони подились?

— Загнано.

— И далеко загнано?

— Туды, де чортамъ роги правлють...

Разговоръ прекратился, потому что мы скоро увидѣли рѣку Базавлукъ. Рѣка Базавлукъ или Базалукъ, Бузовлукъ, Безовлукъ, Бузулукъ, по-татарски «Бузлукъ» — «ледникъ», начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, идетъ степью, сперва близь Днѣпра, въ 25 верстахъ отъ пороговъ, потомъ удаляется отъ востока къ западу, затѣмъ опять поворачиваетъ отъ запада къ востоку и наконецъ впадаетъ въ рѣку Скарбную, идущую изъ рѣки Пидпильной, у деревни Кута, херсонскаго уѣзда, ниже села Грушевки, въ

двадцати верстахъ выше Днѣпра, въ ста-сорока верстахъ выше города Херсона. Во время запорожцевъ она служила границей между паланками кодацкой и нигульской.

Очутившись близь устья рѣки, я увидѣлъ здѣсь Перевизкіе хутора и на короткое время остановился съ цѣлью разысканія здѣсь древностей. Результатомъ моихъ поисковъ былъ сволокъ съ превосходной рѣзьбой, хранящійся въ хатѣ крестьянина Онуфрія Петровича Метельченка. Лучше этой рѣзьбы я ни раньше, ни послѣ нигдѣ не видалъ. Сволокъ имѣетъ длины семь аршинъ, сдѣланъ изъ осокоря и раскрашенъ разными красками; во всю длину его сдѣлана слѣдующая надпись: «Благословеніемъ отца ізволениемъ сына и дѣйствиемъ святаго духа амин создася домъ сей товариша куреня щербиновского трофима кіяни 1747 априля 12 дня». Въ хату вела широкая дверь вверху, въ видѣ полукруга, съ изображеніемъ на самой срединѣ ея, со внутренней стороны, головы запорожца.

Ниже Перевизкихъ хуторовъ, близь устья рѣки Базавлука, я увидѣлъ два замѣчательныхъ мѣста въ исторіи запорожскихъ козаковъ: старое запорожское кладбище и вторую по времени запорожскую Сичу, Базавлуцкую. Кладбище находится у лѣваго берега рѣки Базавлука, на двѣ версты выше устья его, противъ гряды Калнышихи, но не представляетъ изъ себя ничего особенно интереснаго, такъ какъ всѣ бывшіе на немъ кресты, кромѣ двухъ, частью разбиты на мелкіе куски, частью совсѣмъ унесены. Изъ оставшихся двухъ крестовъ, на одномъ можно было только прочесть «козакъ куреня конеловскаго 1758 де. 4», а на другомъ «Калнѣшъ козакъ куреня кущовского преставися року 1749 мця окто. 5». Послѣдняя надпись любопытна тѣмъ, что объясняетъ названіе гряды Калнышихи: здѣсь жилъ какой-то козакъ Калнышъ; но еще любопытнѣе она тѣмъ, что означенная фамилія козака Калныша напоминаетъ фамилію кошеваго Калнишевскаго, въ козацкомъ просторѣчіи также Калныша; и тотъ и другой носятъ одну и ту же фамилію, и тотъ и другой записаны были въ одинъ, кущовскій, курень. Не были-ли это

родственники? Жаль, что на крестѣ не сохранилось отчество умершаго козака Калныша.

Близь Калнышихи, на четыре версты выше устья рѣки Базавлука, стоитъ большой островъ, не носящій никакого названія въ настоящее время. Онъ заключаетъ въ себѣ до пятидесяти десятинъ, охватывается двумя лиманами: Бейкушемъ, съ сѣвера, и Журавливскимъ, съ юга, и рѣкой Базавлукомъ, съ востока, съ трехъ сторонъ, кромѣ западной, окаймляется лѣсомъ и никогда не покрывается водой, не исключая даже 45 и 77 годовъ. Видимо, это и есть тотъ островъ, который посѣтилъ въ 1594 году посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, и на которомъ въ то время была у запорожцевъ Сича, вторая по времени. «Девятаго мая прибыли мы до острова Базавлука, при рукавѣ Днѣпра, у Чортомлыка, или, какъ они выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ [1]), около двухъ миль. Здѣсь находилась тогда Сичь козаковъ, которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ выстрѣломъ изъ орудій. Потомъ они проводили насъ въ коло, которому мы просили передать, что намъ было весьма пріятно застать тамошнее рыцарское товарищество въ полномъ здравіи. Но такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, т. е. 30 мая, начальникъ Богданъ Микошинскій отправился къ морю съ 50 галерами и 1300 человѣкъ, то мы желали отложить передачу своего порученія до возвращенія начальника и его сподвижниковъ, пока все войско не будетъ на мѣстѣ» [2]).

Для насъ мѣсто Сичи, описанное Эрихомъ Ласотой, представляется совершенно ясно. Ласота ѣдетъ по Днѣпру, изъ Днѣпра по Чортомлыцкому Днѣприщу, изъ Чортомлыцкаго Днѣприща по рѣчкѣ Пидпильной, изъ рѣчки Пидпильной по рѣчкѣ

---

[1]) Чортомлыцкое Днѣприще начинается на $1^1/_2$ версты ниже Чортомлыцкой Сичи, пятой по времени.

[2]) Путевыя записки Эриха Ласоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

Сандалкѣ, изъ рѣчки Сандалки по Верхней Лапкѣ [1]), изъ Верхней Лапки въ Базавлукъ рѣку, гдѣ уже высаживается на островѣ Базавлукѣ. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что у Ласоты Базавлукъ островъ стоитъ при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ. Дѣло въ томъ, что теперешнія рѣчки, Чортомлыцкое Днѣприще, Пидпильня, Сандалка и Верхняя Лапка, составляютъ въ сущности одну и ту же рѣчку, но съ разными названіями, которую можно принять отъ начала и до конца за Чортомлыцкое Днѣприще. Такое явленіе повторяется весьма нерѣдко и съ другими притоками Днѣпра. Это же нисколько не противорѣчитъ и разстоянію, показанному Ласотой: у Ласоты оно опредѣляется двумя милями, теперь оно составляетъ не больше 14 верстъ, если ѣхать, какъ ѣхалъ Ласота, по названнымъ рѣчкамъ къ острову Базавлуку. Такимъ образомъ, взявъ во вниманіе эти два обстоятельства, можно безъ всякой натяжки сказать, что Базавлуцкая Сича была не въ теперешней деревнѣ Капуливкѣ и не въ теперешнемъ селѣ Покровскомъ, а близь настоящаго села Грушевки, на четыре версты выше устья рѣки Базавлука, на островѣ Базавлукѣ, между лиманами Бейкушемъ и Журавливскимъ. Какъ бы подтвержденіемъ этого служатъ и до сихъ поръ уцѣлѣвшіе на островѣ признаки ямъ, числомъ 21, расположенныхъ совершенно правильно, въ одну линію, одна возлѣ другой, у восточной окраины острова.

Но когда же и кѣмъ основана была эта Сича на островѣ Базавлукѣ? На эти вопросы мы не имѣемъ отвѣтовъ, такъ какъ объ ней нѣтъ нигдѣ указаній, кромѣ указаній Ласоты, и не будь его дневника, мы бы и не знали о существованіи Базавлуцкой Сичи. Нельзя не сказать, однако, что выборъ Сичи на Базавлукѣ показываетъ большія стратегическія соображенія со стороны запорожцевъ. Островъ Базавлукъ удаленъ отъ Днѣпра на 22 версты по прямому направленію, и съ южной стороны,

---

[1]) Сандалка впадаетъ въ Базавлукъ подъ Кутомъ тремя Лапками: Верхней, Средней и Нижней; по-турецки «сандалка» значитъ доска, дощаникъ, лодка.

т. е. со стороны татарской границы, защищенъ передовымъ островомъ Дѣвичьимъ, стоящимъ на 8 верстъ ниже Базавлуцкаго, очень низкимъ, каждую весну заливаемымъ водой, но зато покрытымъ такимъ густымъ лѣсомъ и такой высокой травой, чакаломъ, вымелгой и осокой, среди котораго ни проѣхать, ни пробраться не было никакихъ средствъ и никакой возможности; даже въ настоящее время этотъ островъ, во многихъ мѣстахъ, рѣшительно недоступенъ для человѣка. Ниже острова Дѣвичьяго, до самаго Днѣпра, на пространствѣ десяти верстъ, идутъ густыя плавни, покрытыя большимъ лѣсомъ, заросшія высокой травой и изрѣзанныя вдоль и поперекъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, лимановъ и озеръ. Съ восточной стороны островъ Базавлукъ защищенъ самой рѣкой и высокимъ берегомъ ея, такъ называемымъ Краснымъ-Кутомъ [1]), съ сѣверной — лиманомъ Бейкушемъ, съ западной—высокимъ, хотя и пологимъ кряжемъ, идущимъ вдоль рѣки Базавлука. (См. пл. II).

Съ чѣмъ же связана была цѣль поѣздки Эриха Ласоты къ запорожскимъ козакамъ на Базавлуцкую Сичу? Она связана съ идеей изгнанія турокъ изъ Европы. Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы особенно занимала европейскихъ политиковъ XVI в.: Испанія, Италія и Германія стали составлять союзъ противъ турокъ, къ которому они нашли нужнымъ привлечь Польшу, Молдавію и даже Россію. Къ этому стремятся послѣдовательно Филиппъ II, испанскій король, Григорій XIII, папа римскій, Максимильянъ II и Рудольфъ II, германскіе императоры. Каждый изъ нихъ старался непремѣнно вовлечь въ это дѣло Россію. Рѣшено даже было обѣщать московскому царю Крымскій полуостровъ, а потомъ и самую столицу турокъ, Константинополь. Но такъ какъ всѣхъ этихъ союзниковъ показалось мало, то нашли нужнымъ привлечь къ задуманному дѣлу еще запорожскихъ козаковъ, всегдашнихъ враговъ турокъ. Особенно энергично хлопотали объ этомъ Рудольфъ II и Григорій XIII. Съ той и съ другой сто-

[1]) Краснымъ онъ называется отъ обнаженной красной глины.

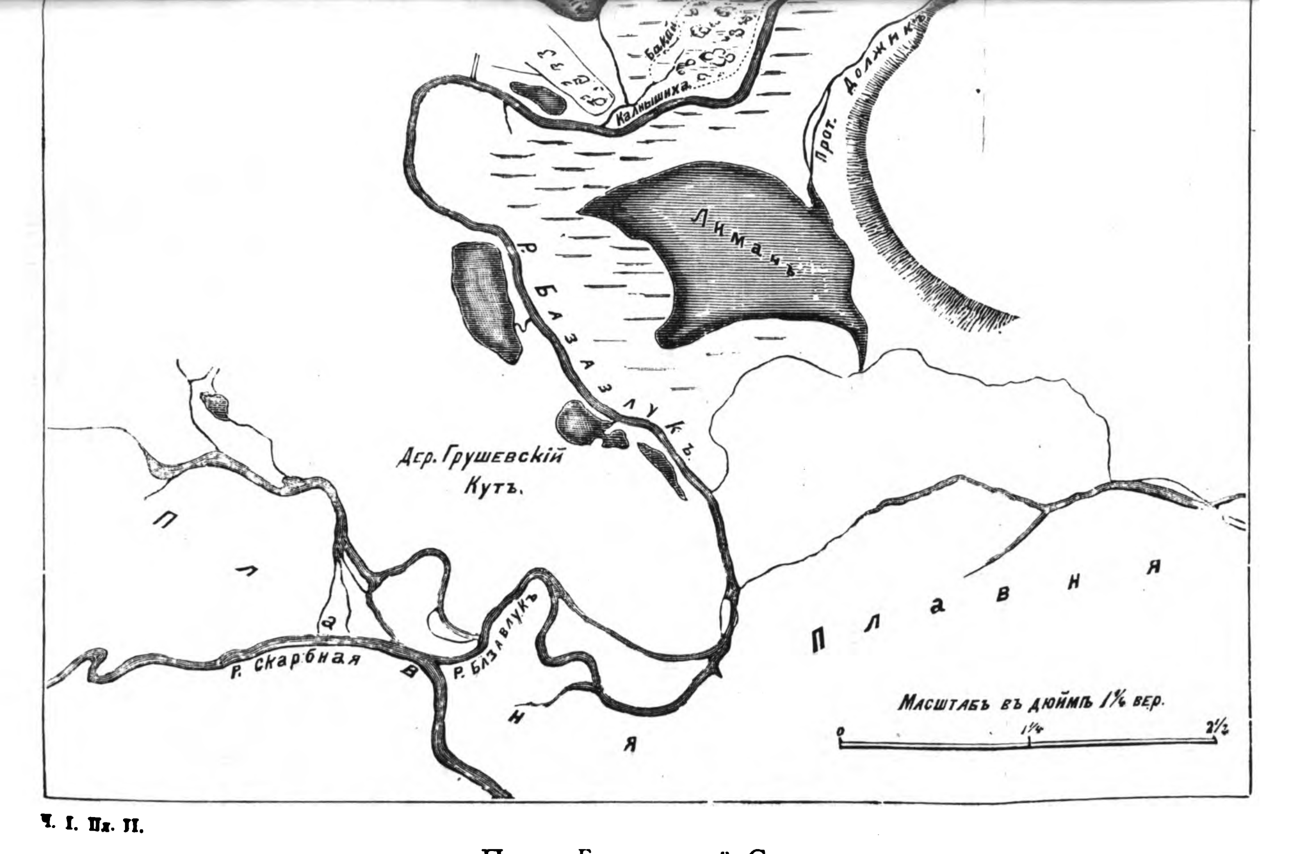
роны отправлены были къ запорожцамъ посланники: отъ императора Рудольфа II,—Эрихъ Ласота, а отъ папы Григорія XIII—патеръ донъ Александро Комулео. «Александро Комулео былъ посланъ папою Григоріемъ XIII къ христіанскимъ народамъ Турціи съ апостольскими цѣлями и при этомъ посѣщеніи, длившимся три года, близко узналъ число христіанъ, какъ латинскихъ, такъ и греческихъ, находящихся въ нѣкоторыхъ областяхъ и царствахъ турецкой земли; узналъ духъ этихъ народовъ, видѣлъ тѣ страны и военные проходы для войскъ и усмотрѣлъ, насколько легко и какимъ способомъ можно выгнать турокъ изъ Европы, о чемъ со всею откровенностью и доноситъ кардиналу Са-Джіорджіо Романо» [1]).

Побывавъ въ Трансильваніи, Галиціи, Молдавіи и Польшѣ и вездѣ заручившись согласіемъ идти противъ турокъ, патеръ Комулео рѣшилъ наконецъ отправиться и къ запорожскимъ козакамъ. «Козаки находятся у Большого моря (т. е. у Чернаго моря), говоритъ Комулео, ожидая случая войти въ устья Дуная. Число этихъ козаковъ не доходитъ и до 2000 человѣкъ. Думаютъ, что они отправились туда по просьбѣ Его Цесарскаго Величества; другіе козаки находятся на татарской границѣ. Для личныхъ переговоровъ съ послѣдними я поѣду въ Каменицу и куда понадобится». (27 апрѣля 1594 года). Переговоры Комулео съ козаками продолжались около полутора мѣсяца, съ самаго конца апрѣля и до половины іюня. Въ то время козаки стояли въ пяти дняхъ пути отъ Каменицы, въ числѣ около 2500 человѣкъ, вмѣстѣ съ кошевымъ («начальникомъ») Богданомъ Микошинскимъ. Послѣдній письменно увѣрялъ папскаго посланника, что онъ готовъ со своими козаками послужить папѣ противъ турокъ. Заручившись этимъ письмомъ, Комулео сталъ настаивать, чтобы молдавскій господарь соединился съ коза-

---

[1]) «Донесенія патера дона А. Комулео, благочиннаго св. Іеронима римскаго, о турецкихъ дѣлахъ». Эти донесенія, писанныя на итальянскомъ языкѣ, доставлены намъ профессор. Харьковскаго ун., М. С. Дриновымъ.

Ч. I. Пл. II.

План Базавлуцкой Сичи.

ками противъ общаго врага. Но князь, давшій раньше полное согласіе во всемъ слѣдовать папскому нунцію, теперь отвѣчалъ уклончиво· частью изъ боязни турокъ, съ которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавскимъ господаремъ, частью жъ изъ боязни самихъ козаковъ, которые могли обратить оружіе противъ него же самого.

Между тѣмъ пока происходили эти совѣщанія, Комулео съ молдавскимъ княземъ и съ запорожскими козаками, въ самой Сичи ждалъ кошевого атамана другой посланникъ, Эрихъ Ласота. Онъ засталъ здѣсь козаковъ безъ начальника, которые жили въ отдѣльныхъ кошахъ [1]), сдѣланныхъ изъ хвороста и покрытыхъ для защиты отъ дождя лошадиными кожами. Ласота пробылъ на Базавлуцкой Сичи съ 9 мая по 2-е іюля. Ближайшая цѣль его посольства состояла въ томъ, чтобы привлечь запорожскихъ козаковъ къ союзу съ германскимъ императоромъ и заставить ихъ держать въ страхѣ татаръ и турокъ, готовившихся идти походомъ противъ Австріи. «Низовые или запорожскіе козаки,—пишетъ Ласота,—обитавшіе на островахъ рѣки Борисѳена, названной по-польски Днѣпръ, предлагали свои услуги его императорскому величеству черезъ одного изъ ихъ среды, Станислава Хлопицкаго, вызываясь по случаю большихъ приготовленій татаръ къ походу и по случаю ихъ намѣренія переправиться черезъ Борисѳенъ при устьѣ сей рѣки въ Черное море, препятствовать этому переходу ихъ и всячески вредить имъ. Вслѣдствіе этого, императоръ рѣшилъ послать имъ въ даръ знамя и сумму денегъ [2]) и пожелалъ вручить мнѣ передачу имъ этихъ даровъ, съ назначеніемъ мнѣ въ товарищи Якова Генкеля, хорошо знакомаго съ мѣстностями» [3]). Планъ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы помѣшать татарамъ, уже переправившимся черезъ Днѣпръ,

---

[1]) По-татарски «кхошъ»—корзина, кибитка, шалашъ; вообще всякое помѣщеніе, легко переносимое.

[2]) 8000 червонцевъ.

[3]) Путевыя записки, Одесса, 1873 г., стр. 9

вторгнуться въ Венгрію и напасть на императорскія владѣнія, и такимъ образомъ отдѣлить ихъ отъ турецкаго войска.

Прибывъ въ Сичу, Ласота долженъ былъ здѣсь ждать возвращенія кошевого съ похода въ теченіе сорока дней. Наконецъ кошевой возвратился съ добычей и съ плѣнными, между которыми былъ одинъ изъ придворныхъ самого хана, Белякъ. Отъ Беляка Ласота узналъ, что ханъ выступилъ въ походъ съ 80000 человѣкъ и имѣлъ двинуться прямо въ Венгрію. Послѣ этого Ласота изложилъ свое порученіе въ козацкомъ колѣ, и козаки по поводу его предложенія раздѣлились на двѣ партіи— партію начальствующихъ и партію черни. Чернь, послѣ долгихъ споровъ, изъявила сперва свое согласіе на вступленіе въ службу подъ императорскія знамена, и въ знакъ этого стала бросать вверхъ свои шапки. Она выражала полную готовность сражаться съ турками за германскаго императора и не отказывалась даже двинуться въ Валахію, а оттуда, переправившись черезъ Дунай, вторгнуться въ самую Турцію. Однако дальность пути, недостатокъ въ лошадяхъ, недостатокъ въ провизіи, вѣроломство валаховъ и ихъ господаря, неопредѣленность условій самого Ласоты заставили запорожцевъ вновь разсуждать и спорить по поводу предложенія, объявленнаго имъ нѣмецкимъ посланникомъ. Конечнымъ результатомъ этихъ совѣщаній и споровъ было то, что запорожцы рѣшили вмѣстѣ съ Ласотой отправить къ императору двухъ своихъ посланцевъ, Сашка Ѳедоровича да Ничипора, да еще двухъ членовъ товарищества, чтобы условиться съ нимъ на счетъ ихъ службы и содержанія; въ то же время запорожцы нашли нужнымъ послать пословъ и къ московскому царю, какъ защитнику христіанъ, съ просьбою, чтобы онъ прислалъ имъ помощь противъ турокъ, всегдашнихъ враговъ русскихъ людей. Съ той и другой стороны дана была грамота, заканчивавшаяся словами: «Datum въ Базавлукѣ, при Чортомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля 1594 года». Этимъ наши свѣдѣнія о Базавлуцкой Сичи и оканчиваются.

О дальнѣйшихъ результатахъ договоровъ Ласоты съ запо-

рожскими козаками находимъ въ донесеніи патера Комулео отъ 14 октября 1592 года. Много стоило хлопотъ патеру Комулео устранить недовѣріе молдавскаго господаря къ запорожскимъ козакамъ, но онъ подъ конецъ успѣлъ-таки свести ихъ. «Я устроилъ, что помянутые козаки подошли къ молдавскимъ границамъ, что̀ они и сдѣлали, ставъ лагеремъ вблизи молдавскаго войска. Молдавскій князь, частью вслѣдствіе убѣжденія и настояній, которыя я ему дѣлалъ, для чего ѣздилъ нарочно два раза въ Молдавію, частью-же изъ страха турокъ и изъ боязни самихъ татаръ, о которыхъ узналъ, что турки хотѣли съ помощью ихъ отнять у него княжество. Въ силу всего этого онъ собралъ войско до 21000 человѣкъ, вооружилъ его хорошо артиллеріей и вышелъ къ проходу, которымъ татары обыкновенно проходили черезъ Молдавію и Венгрію, рѣшившись смѣло противиться и не пропустить ихъ. Когда я потомъ узналъ, что князь молдавскій отказался соединиться съ козаками, то послалъ убѣдить ихъ не оставаться дальше здѣсь понапрасну, а идти разорять какіе-нибудь ближайшіе турецкіе города, обѣщая при этомъ, что молдавскій князь не будетъ имъ препятствовать въ этомъ. Я тайно предложилъ кое-какіе подарки начальнику козаковъ, обѣщая ему больше со временемъ. Послѣдній и ушелъ съ помянутыми козаками. Этотъ разъ я послалъ ему сто флориновъ, какіе со мной были, и обѣщалъ соединить его съ днѣпровскими козаками для хорошей добычи. Начальникъ козаковъ не захотѣлъ ожидать и пошелъ подъ городъ Килію, гдѣ и остановился» [1]).

Въ настоящее время на двѣ версты ниже острова Базавлука, по-надъ устьемъ праваго берега рѣки Базавлука, раскинулось большое село Грушевка, херсонской губерніи и уѣзда. Исторія этого села, въ краткихъ словахъ, такова. Во время существованія запорожской Сичи по обѣ стороны устья рѣки Базавлука стояли казацкіе зимовники, носившіе названіе Гру-

[1]) Тамъ-же, письмо восьмое. «Донесенія патера дона А. Комулео».

шевскихъ: «туть страшенна сила була грушья,—такого грушья, шо за нимъ и земли невыдко було». Послѣ паденія Сичи, земли Грушевскихъ зимовниковъ, такъ-же, какъ и земли трехъ бывшихъ Сичей, на островѣ Базавлукѣ, на рѣкѣ Чортомлыкѣ и на рѣкѣ Пидпильнѣ, съ ихъ окрестностями, въ количествѣ ста тысячъ десятинъ, были пожалованы императрицей Екатериной II генералъ-прокурору, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Пожалованныя земли оставались во владѣніи Вяземскаго до 1802 года, послѣ чего онѣ были куплены у вдовы Вяземскаго двумя братьями, Николаемъ и Людвигомъ, баронами Штиглицами. Отъ Штиглица, также по купчей, онѣ перешли въ 1861 году къ великому князю Михаилу Николаевичу. Первоначальный элементъ населенія Грушевки состоялъ частью изъ гетманскихъ козаковъ, частью изъ разныхъ бродячихъ людей, частью-же изъ запорожцевъ, оставшихся здѣсь послѣ разрушенія Сичи, на что указываютъ сохранившіяся въ селѣ и по настоящее время запорожскія фамиліи: Глоба, Головатый, Довбышъ, Куликъ и др., несомнѣнно запорожскаго происхожденія. Первый владѣлецъ села, князь Вяземскій, пытался старое запорожское названіе «Грушевки» замѣнить названіемъ «Еленское», въ честь своей жены, Елены Никитичны; однако новое названіе не привелось, и когда владѣльцемъ Еленскаго сталъ баронъ Штиглицъ, село вновь стало именоваться Грушевкой. Первая церковь построена здѣсь только въ 1791 году.

Отъ запорожцевъ въ селѣ Грушевкѣ сохранилось немного памятниковъ. Въ церкви хранятся: евангеліе кіевской печати, 1773 года, небольшая оловянная чаша, весьма распространеннаго типа запорожскихъ чашъ, и шелковый тонкой работы поясъ, съ бѣлыми поперечными полосками по розовому полю и съ широкой канвой по концамъ, длины пять аршинъ безъ четверти, ширины безъ вершка три четверти. Это—единственный въ своемъ родѣ изъ множества поясовъ, сохранившихся отъ разныхъ временъ и въ разныхъ церквахъ. Кромѣ вещей, сохраняющихся въ церкви села Грушевки, есть еще вещи, ко-

торыя находятся внѣ ея на рукахъ частныхъ лицъ. Таковы три иконы, принадлежащія крестьянкѣ Богуновой и доставшіяся ей, по разсказамъ столѣтнихъ стариковъ села Покровскаго, изъ сичевой покровской церкви. На всѣхъ нихъ изображенъ Спаситель. На первой онъ представленъ стоящимъ въ блюдѣ и источающимъ на него свою кровь; на другой онъ представленъ стоящимъ по колѣни въ блюдѣ; на третьей онъ изображенъ молящимся въ Геѳсиманскомъ саду. Кромѣ этого въ Грушевкѣ есть еще три намогильныхъ креста, подъ которыми скрываются умершіе запорожцы. Одинъ стоитъ въ такъ-называемомъ Кутикѣ на старомъ кладбищѣ, другой—во дворѣ крестьянина Ѳомы Ханенка, а третій—во дворѣ экономической больницы: «Зде опочивае рабъ божій демьянъ мукосѣй козакъ куреня титаровского преставися року 1732 года марта 8 дня». «Зде погребенъ славнаго войска запорожскаго корнѣвскій(,) курѣнного войсковаго товарища григорія никитовича братъ(,) рабъ божій савостіанъ 1748 года 9 августа». «Здѣ опочиваетъ рабъ божій семенъ бѣлій козакъ вѣска запорожскаго куреня коренѣвъского преставися року 1768 мца генваря». Наконецъ, близь села Грушевки, въ рѣкѣ Базавлукѣ, противъ бывшей Базавлуцкой Сичи, найдена была прекрасная сабля, европейской работы, съ деревянной ручкой, обтянутой ящурой и съ надписью, сдѣланною золотыми буквами по лезвію съ обѣихъ сторонъ, въ подражаніе восточной (иммитація).

Въ десяти верстахъ отъ села Грушевки стоитъ село Шолохово, екатеринославскаго уѣзда, нѣкогда входившее также въ составъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Памятникомъ этого служатъ оставшіеся въ церкви села книга-октоихъ и крестъ надъ могилою какого-то запорожца Кирилла. Октоихъ напечатанъ въ Кіевѣ, какъ видно изъ его заглавнаго листка: «За щастливаго Владѣнія Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества(,) обоихъ сторонъ Днепра Войскъ запорозскихъ Гетмана, Благороднаго Іоанна Стефановича Мазепы. Въ лѣто отъ созданія міра

7250. Отъ воплощенія Бога Слова 1699» [1]). Крестъ стоитъ въ огородѣ крестьянки Марьи Петровны Деркачевой и имѣетъ такую надпись: «Зде опочиваетъ рабъ бжій кірило козакъ куреня ведмедовского преставіся Року 1749 мця ноября дн 25». Прямо на югъ отъ Шолохова, въ степи, тянется балка Каменка, часть которой принадлежитъ имѣнію великаго князя Михаила Николаевича, часть отходитъ имѣнію владѣльца Стѣны. Въ весеннее время и въ дождливое лѣто по скатамъ этой балки образуется большой водопадъ. По разсказамъ старожиловъ, у запорожцевъ здѣсь устроены были водяныя мельницы, доказательствомъ чего служатъ оставшіяся, совершенно правильно высверченныя въ скалахъ дырки для столбовъ, на которыхъ стояла мельница.

Противъ села Шолохова, въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Солоной въ рѣку Базавлукъ, на землѣ владѣльца С. И. Гиржева, херсонской губерніи и уѣзда, стоятъ два креста съ надписями: «Зде почиваетъ раб бжи сава сухи (сухій) курѣнои (куренной) пашкѣвскій разбойниками удавленъ и погребенъ нестор (несторомъ) куликомъ 1753 року». «1759 року зде поребенъ (погребенъ) рабъ бж андрей головко ника [2]) славнаго войска запорозского низ (низового): това (товарищъ): пашковск» [3]).

---

[1]) Копія съ этихъ словъ доставлена намъ обязательнымъ А. П. Біянтовскимъ.

[2]) Можетъ быть Андрей Никифоровичъ.

[3]) Скопировано тѣмъ же г. Біянтовскимъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ой сивъ пугачъ на могили, гей якъ пугу тай пугу!
Ой, повертайтесь запорожци, до Великого-лугу!
Ой яки жъ швыдче повернутись мали, то ти въ
Лузи зимували;
А де яки гаючись не дбали, то ти въ степу загибали.

Народная пѣсня.

Изъ села Грушевки я вновь возвратился въ городъ Александровскъ и отсюда направился къ колоніи Шенвизъ, находящейся тотчасъ ниже города; въ Шенвизѣ живутъ нѣмцы-колонисты, народъ очень трудолюбивый, очень честный, и очень зажиточный. Колонія расположена въ два правильныхъ ряда, протянувшихся по обѣимъ сторонамъ широкой дороги, идущей къ желѣзно-дорожной станціи «Александровскъ». Проѣхавъ Шенвизъ, я увидѣлъ небольшую рѣчку Кушугумъ [1]), выходящую изъ рѣки Мокрой-Московки и впадающую въ рѣку Конку подъ селомъ Скельками, послѣ пятидесяти верстъ протяженія; Кушугумъ—рѣчка извилистая, идущая плесами, лѣтомъ пересыхающая, но за то несущая свои воды по широкому и живописному лугу, который представляетъ собой огромнѣйшій треугольникъ, вершиной упирающійся въ Шенвизъ. Это такъ-называемый Великій-лугъ, мѣсто завѣтное и священное для всякаго запорожца. «Сичь—мате, а Великій-лугъ—батько»—поговорка, сдѣлавшаяся девизомъ для всякаго козака-сиромахи, для всякаго бездомнаго проходимца, вѣчнаго скитальца, не знав-

[1]) Кушугумъ по-татарски «кузгунъ»—воронъ.

шаго въ своемъ лонѣ козацкомъ «ни неньки стареньков, ни сестры жалибненькои, ни подруженьки вирненькои»,—эта поговорка сложилась у запорожцевъ въ виду Великаго-луга. Что же такое этотъ Великій-лугъ? Великій-лугъ есть не что иное. какъ обширная, очень живописная, поемная или заливная плавня, на которой растетъ высокій лѣсъ, главнымъ образомъ дубъ, берестъ, осокорь, верба, протекаетъ множество рѣкъ, лимановъ, на которомъ разбросаны сотни озеръ, заросшихъ высокимъ камышомъ и густой непролазной травой. Въ старину Великій-лугъ покрытъ былъ дѣвственнымъ непроходимымъ лѣсомъ, дикими непролазными пущами, огромнѣйшимъ камышомъ и высокимъ оситнягомъ; въ его нѣдрахъ и дряговинахъ кишѣло множество звѣрей: оленей, сайгаковъ, козъ, дикихъ кабановъ, каборги, волковъ, лисицъ, байбаковъ, разбѣгавшихся отсюда въ окрестныя степи и плавни; въ его рѣкахъ и озерахъ водилось изумительное множество раковъ и рыбъ: густырей, библички, краснопирки и др. Остатки лѣса сохранились въ Великомъ-лугу и теперь, дикія козы водятся въ немъ и понынѣ, травы достигаютъ въ немъ изумительной высоты и въ настоящее время, а озера привлекаютъ своей рыбой всего больше весной. Изъ озеръ самыя замѣчательныя: Лахново, Заклятое, Брязкуче, Плоское, Кривое, Царѣградъ, Глубокое, Розсоховатое, Песковатое, Желобокъ, Копилово, Ямоватое, Орѣховое, Хмарное, Кобыльчино, Козіево, Море-озеро, Широкое, Долгенькое, Грузское, Клиноватое, Попово, Котово и мн. др.

Великій-лугъ, начавшись непосредственно у южнаго конца колоніи Шенвизъ, идетъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, до мѣста впаденія рѣки Конки въ Днѣпръ, ниже села Ивановскаго, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда, между островомъ Варавинымъ и урочищемъ Палівщиной, что составляетъ семьдесятъ верстъ длины при двадцати-пяти верстахъ наибольшей ширины [1]). По разсказамъ дидовъ, Великій-лугъ долго и послѣ

[1]) Наибольшая ширина противъ с. Бѣленькаго, екатеринославскаго уѣзда.

паденія Сичи былъ пріютомъ для запорожцевъ: здѣсь скрывались «сиромахи» отъ преслѣдованія русскихъ властей. Въ самомъ густомъ мѣстѣ Великаго-луга устроена была пасика; въ этой пасикѣ жилъ какой-то сичовикъ; онъ выходилъ изъ своего убѣжища только на четвертый годъ, являлся въ ближайшую деревню, обмѣнивалъ медъ на хлѣбъ и снова возвращался въ свое убѣжище. Съ нимъ страшно было встрѣчаться, потому что изъ себя онъ былъ «высокій-превысокій дидорака», съ длинною-предлинною, до самыхъ колѣнъ, бородой и съ страшными-престрашными, точно у звѣря, когтями; ходилъ онъ совершенно нагой, говорилъ только односложными звуками. Въ настоящее время значительная часть Великаго-луга составляетъ собственность графа А. Е. Канкрина [1]). На всемъ пространствѣ его, отъ Шенвиза до Ивановскаго, раскинулось шесть большихъ поселеній, болѣе или менѣе замѣчательныхъ своими мѣстами въ исторіи запорожскихъ козаковъ: Николаевка, Балабино-Петровское, Большая-Катериновка, Кушугумовка, Малая-Катериновка и Красный-Кутъ. Николаевка,—теперь небольшая деревня, за которой растетъ прекрасный дубовый лѣсъ Кругликъ, похожій издали какъ бы на корону,—интересна въ томъ отношеніи, что здѣсь у запорожцевъ были конскіе заводы, въ которыхъ они выращивали прекрасной породы лошадей. Село Балабино-Петровское, довольно большое и малолюдное, принадлежащее графу Канкрину, у запорожцевъ еще не существовавшее, замѣчательно тѣмъ, что здѣсь у нихъ стояла небольшая часовенька, въ которой отправлялъ временно богослуженіе монахъ Самарскаго монастыря, и устроены были хлѣбные склады для всего войскового товарищества. Села Большая-Катериновка, Кушугумовка расположены по живописнѣйшему возвышенному кряжу, въ виду Великаго-луга и рѣки Днѣпра, близь котораго находится до 200 озеръ, со множествомъ раковъ, рыбы и птицъ. Здѣсь у запорожцевъ были главные и лучшіе притоны для ловли рыбы,

[1]) Когда-то эта была собственность графовъ Строгановыхъ.

кромѣ тѣхъ, которые устроены были у пороговъ и которые славились далеко за предѣлами Запорожья.

На всемъ этомъ пространствѣ, отъ Александровска и ниже его, мы миновали нѣсколько заборъ, острововъ и урочищъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ у запорожцевъ. Первая забора, которую мы увидѣли, спустившись ниже Александровска, была Великая, находящаяся у праваго берега Днѣпра, противъ колоніи Нижней-Хортицы. Ниже Великой заборы стоитъ островъ Старикъ, къ лѣвому берегу Днѣпра, имѣющій двѣ съ половиной версты длины и одну ширины. За островомъ Старикомъ слѣдуютъ забора Разумовская, островъ Насыпной, принадлежащій графу Канкрину, забора Терловская и островъ Каневской или Канивцовъ. Послѣдній имѣетъ въ длину одну версту и принадлежитъ удѣльному вѣдомству. Противъ острова Разумовскаго, заборы Терловской и острова Каневского, у праваго берега Днѣпра, стоитъ большое село Разумовское. Свое названіе село получило отъ перваго владѣльца и насадителя его, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, получившаго здѣсь вскорѣ послѣ паденія Запорожья 35275 десятинъ земли.

На полъ-версты ниже Каневского острова идетъ забора Домаха, потомъ островъ Крутоярскій, противъ урочища Крутого-Яру, меньше версты въ длину, принадлежитъ П. М. Миклашевскому. За Крутоярскимъ островомъ начинается, по правому берегу Днѣпра, знаменитая въ исторіи запорожскихъ козаковъ Лысая гора, извѣстная съ этимъ же названіемъ еще Эриху Ласотѣ въ 1594 году [1]). Она тянется нѣсколькими валунами на протяженіи полуторы версты, имѣя наибольшей высоты до пятидесяти саженъ и будучи удалена отъ берега къ сѣверу почти на полверсты. На самой срединѣ Лысой горы, въ небольшомъ углубленіи, среди бѣлаго зыбучаго песку, на высотѣ пятнадцати саженъ отъ уровня воды въ Днѣпрѣ, стоитъ небольшая криница чистой холодной воды, затѣненная высокими и развѣ-

---

[1]) Путевыя записки. Одесса, 1873 года, стр. 52

систыми осокорями. Она носитъ названіе Андреевской криницы, въ честь апостола Андрея, который будто-бы, по преданію, обѣдалъ здѣсь и послѣ обѣда отдыхалъ, когда плылъ по Днѣпру въ Кіевъ. Криница замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней въ самую холодную зиму никогда не замерзаетъ вода.

Ниже Лысой горы начинается урочище Наливачъ, съ правой стороны Днѣпра, между крутымъ берегомъ и самой рѣкой. Здѣсь растетъ прекрасный дубовый лѣсъ, принадлежащій владѣльцу П. М. Миклашевскому. Противъ урочища Наливача, среди Днѣпра, торчитъ забора Просередовская и близь нея возвышается прекрасный островъ Просередъ, иначе Баранивъ, на три версты ниже Крутоярскаго, имѣющій до четырехъ верстъ кругомъ, покрытый отличнымъ лѣсомъ, среди котораго скрываются три живописнѣйшихъ озера, обилующихъ рыбою и множествомъ дичи. До сихъ поръ оба берега Днѣпра были покрыты лѣсомъ, причемъ правый берегъ представлялъ изъ себя возвышенную гряду, а лѣвый—низменую плавню. Но ниже урочища Наливача правый берегъ начинаетъ постепенно понижаться и постепенно обнажаться. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность для топографіи Днѣпра: съ каждой весной онъ мѣняетъ свое русло, послѣдовательно подвигаясь отъ юга къ сѣверу, образуя всякій разъ послѣ полой воды въ своемъ руслѣ множество новыхъ, песчаной формаціи, островов и смывая множество старыхъ, такой же формаціи. Отъ этого у моряковъ Днѣпръ получилъ прозваніе «капризной рѣки; съ каждой весной въ немъ нужно искать новаго фарватера». Отъ этого же и народъ сложилъ о Днѣпрѣ такого рода пѣсню:

«Жалувався лиманъ морю, шо Днипръ узявъ свою волю:
Стари гирлà засыпае, а новіи прорobляе»...

«Теперь Днипро усе грае: то туда тече, то сюда, а въ старину винъ шовъ одним жолобомъ».

Ниже урочища Наливача, у праваго берега Днѣпра, раскинулось огромное, многолюдное и богатѣйшее село Бѣленькое, принадлежащее владѣльцу П. М. Миклашевскому. Отъ г. Але-

ксандровска оно отстоитъ на 25, отъ м. Никополя—на 75 верстъ. Названіе «Бѣленькое» извѣстно было еще въ XVI вѣкѣ извѣстному германскому посланнику Эриху Ласотѣ [1]). Оно получило свое наименованіе отъ рѣчки Бѣленькой, идущей въ весеннее время по балкѣ этого же имени изъ Днѣпра въ степь черезъ средину села по низменности. Исторія села Бѣленькаго начинается со времени паденія Запорожья. Послѣ уничтоженія Сичи, земля по р. Бѣленькой отошла въ казну. Но съ 1780 г. она поступила въ собственность графа, генералъ-поручика Михаила Ѳедотовича Каменскаго, а потомъ екатеринославскаго губернатора, Михаила Павловича Миклашевскаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ документовъ:

«Азовской губернской канцеляріи предложеніе. По прошенію господіна генералъ порутчіка и кавалера Міхайлы Каменскаго предлагаю азовской губернской канцеляріи противъ отведенной ему вновороссійской губерніи подпоселеніе землі подле Днепра ніже Хортіцкаго острова у устья крутаго яру и въ азовской губерніи подъ поселеніе жъ изъ лежащаго на берегу Днепра велікаго луга три тысячи десятинъ землі и дать на владѣніе онои планъ и указъ. Князь Потемкинъ. Апреля 14 дня 1780 года». На это предложеніе послѣдовалъ указъ 1783 года, 4 мая, за подписью императрицы Екатерины II.

«По справке въ азовской губернской канцеляріи зъ дѣломъ оказалось, что прошлаго 1780 июля 28 дня его свѣтлость господинъ генералъ аншефъ трехъ губерній генералъ губернаторъ всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалеръ князь Григорій Александровичъ Потѣмкинъ съ присланнымъ всию канцелярію прѐдложеніемъ повелѣть изволилъ вамъ противъ отведенной въ новороссійской губерніи подпоселеніе подлѣ Днѣпра ниже Хортицкаго острова устья крутаго яру и на речке Белинькой земли, отвести вамъ въ азовской губерніи подпоселеніе-жъ»... Въ слѣдъ за этимъ, въ 1784 году, 29 апрѣля, по-

[1]) Путев. зап., стр. 30.

слѣдовалъ другой указъ. «Отмежовано формально вамъ земли, состоящей Екатеринославскаго уѣзда подъ деревнею Белинкою... включая при томъ и всѣ значащіеся въ томъ указѣ острова на Днѣпрѣ противъ оной дачи находящіеся, первого части канивцова. второй крутоярскій, третей просередъ, четвертый рибачей, пятый пушинской, разрѣзанной водою на три части. Земли жъ явилось удобной 11 тысячъ, неудобной 2 тысячи 934 дес. 2200 кв. саж.. а всего 13934 дес. и 2200 кв. саж.». Сосѣдями Каменскаго названы графиня Александра Васильевна Браницкая, владѣлица с. Выше-Тарасовки, и графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, владѣлецъ Кирилловки и Разумовки. Кромѣ этого, сыну Каменскаго, гвардіи прапорщику, отведена дача на р. Солоной, подлѣ имѣнія генералъ-маіора Петерсона. Означенное имѣніе оставалось у графа Каменскаго до 1802 года. Въ 1802 году, 16 генваря, онъ продалъ его, въ количествѣ 13 тысячъ, 934 десятинъ съ саженями, сверхъ 5324 десятинъ съ саженями такъ-называемой пустопаши Богуша въ павлоградскомъ уѣздѣ, тайному совѣтнику новороссійскому гражданскому губернатору, Михаилу Павловичу Миклашевскому за 25 тысячъ рублей ассигнаціи. Въ это же время, 1802 года, 12 мая тоже М. П. Миклашевскій купилъ у графини Екатерины Васильевны Литто «въ новороссійскомъ уѣздѣ при р. Днѣпрѣ по теченію ея съ правой стороны село Любимовку, въ коей считалось удобной 12 тысячъ и неудобной 381 десятина, по смежности деревень Разумовой и Кирилловой, и земли, принадлежащія менонитамъ и колонистамъ, за все 20 тысячъ рублей. Девятаго сентября того же года П. М. Миклашевскій купилъ села Разумово и Кириллово, 35 тысячъ, 275 десятинъ, за 20 тысячъ рублей, у графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Наконецъ, въ 1803 году, 24 сентября, П. М. Миклашевскій купилъ у графа Льва Кирилловича Разумовскаго село Камыши, полтавской губерніи, гадячскаго повѣта «крестьянъ мужеска пола 495 душъ съ ихъ женами и обоего пола дѣтми, съ пашенною и непашенною землею, съ лесы, съ сеиными покосы, съ протчими угодьи, съ крестьян-

скимъ строеніемъ, со всѣми крестьянскими пожитками, со скотомъ, съ усадебными мѣстами за 49.500 р.» [1]). Большая часть купленныхъ крестьянъ переведена была въ с. Бѣленькое, гдѣ они и составили ядро населенія.

Усадьба теперешняго владѣльца с. Бѣленькаго стоитъ у самаго берега Днѣпра и съ каждой весной подвергается большимъ опустошеніямъ: разливающійся въ весеннее время Днѣпръ постепенно отрѣзываетъ отъ нея землю и уноситъ за водой; уже пятьсотъ десятинъ земли оторвано Днѣпромъ и унесено внизъ по теченію. Тамъ, гдѣ былъ садъ и домъ владѣльца, гдѣ стояла церковь, тамъ теперь средина Днѣпра. Это разрушительное дѣйствіе стихіи заставляетъ владѣльца почти съ каждымъ годомъ подвигаться все далѣе къ сѣверу отъ Днѣпра.

Ниже села Бѣленькаго идутъ въ Днѣпрѣ острова, сперва Маринчинъ или Солдатскій островъ, въ окружности триста саженъ, образовавшійся всего лѣтъ 15 или 20 тому назадъ; еще недавно къ этому острову можно было свободно ходить съ берега Днѣпра; вдова солдата Марина, живущая у самаго конца села, часто ходила на этотъ островъ собирать дрова, оттого и островъ прозвали Маринчинъ или Солдатскій. Ниже Маринчина острова слѣдуетъ островъ Никоновскій, въ окружности всего 100 саженъ, ежегодно смываемый водой и находящійся противъ заборы Никоновской, деревни Новой-Слободки, иначе Портъ-Мишеля, и рѣчки Музурмана, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Ниже Никоновскаго острова торчитъ изъ-подъ воды забора Пеньковская, а за Пеньковскою заборой раскинулся островъ Великій, иначе Табунцовъ или Рыбачій, кругомъ около трехъ верстъ, покрытый прекраснымъ лѣсомъ; за Великимъ островомъ слѣдуетъ Пушинный островъ, раздѣленный водой на три части: верхній—Хвостовъ, средній—Пушинный, нижній—Заломный [2]). Здѣсь кончаются владѣнія П. М. Миклашевскаго и начинаются владѣнія

---

[1]) Этими документами мы обязаны Михаилу Ильичу Миклашевскому, обязательно предложившему намъ ихъ для разсмотрѣнія.

[2]) Что видно изъ Указа Екатерины II, 1788 г., 20 генваря.

А. П. Струкова. Пограничною линiей служитъ балка Червонная; съ правой стороны Днѣпра, имѣющая до трехъ верстъ длины, покрытая дубовымъ и грушевымъ лѣсомъ. Ниже балки Червонной, по правому берегу Днѣпра, начинаются, такъ-называемые, заломы,—это нѣчто въ родѣ обваловъ, находящихся среди горъ и покрытыхъ лѣсомъ. Мѣсто очень грандiозное, очень живописное и очень удобное для тѣхъ, кто желалъ бы скрыться въ немъ отъ кого-нибудь. Здѣсь есть такiя расщелины, весьма искусстно задрапированныя самой природой, въ которыя легко проваливается не только мелкiй скотъ, но даже и крупный, коровы и лошади. «Лѣтъ девять тому назадъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ с. Бѣленькаго,—ходила между заломами лошадь моего сосѣда; всѣ видѣли, что она тамъ ходила, но потомъ вдругъ, неизвѣстно куда, пропала. Искали долго, но такъ и не нашли, сочли, что цыгане украли. Прошло года три; какъ-то мой хлопчикъ выгналъ телятъ пасть на заломы. Ходили они, ходили, вдругъ одинъ теленокъ неизвѣстно куда исчезъ. Прибѣгаетъ мальчикъ домой и плачетъ: «тату, теля пропало». Побѣжалъ я искать. Ходилъ-ходилъ по заломамъ, нѣтъ. Потомъ какъ-то забрался въ кусты, слышу что-то стонетъ. Туда, смотрю, между кустами какая-то расщелина. Заглядываю я въ ту расщелину, а тамъ огромная пустота, вхожу въ пустоту и вижу своего телка и тутъ-же остовъ лошади, пропавшей три года тому назадъ. Много хлопотъ стоило потомъ вытащить бѣднаго теленка изъ этой пещеры». Кромѣ такихъ ямъ, на заломахъ есть еще одно замѣчательное мѣсто, носящее названiе Гульбища; это—высокiй, но узкiй отрогъ горы, идущiй отъ сѣвера къ югу и отдѣленный съ обѣихъ сторонъ огромными обвалами, закрытыми лѣсомъ. На немъ будто-бы стоялъ когда-то большой каменный столъ, а около стола—каменныя лавки. Народное преданiе гласитъ, что это было самое облюбованное мѣсто у запорожцевъ. Сюда они собирались «гулять»; для этой цѣли будто-бы они устроили въ однемъ изъ обваловъ, что съ правой стороны Гульбища, винный погребъ для склада въ немъ бочекъ

водки, вина и меда, запиравшійся огромною желѣзною дверью; а на самой вершинѣ Гульбища поставили каменный столъ съ такими же лавками вокругъ. Тутъ они пили, ѣли, прохлаждались и съ огромной высоты горнаго отрога любовались широкимъ и далекимъ Днѣпромъ да густымъ непроглянымъ лѣсомъ излюбленнаго «Батька-луга». Что запорожцы здѣсь дѣйствительно бывали, это видно изъ намогильнаго креста, который нѣкогда стоялъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ заломовъ, а теперь неизвѣстно кѣмъ разбитъ и сброшенъ внизъ, къ берегу Днѣпра: «К.о.з.к.ъ т.и.т.а.р.о.в.с.к.о.г.о к.у.р.е.н.я». . . . .

Противъ заломовъ, у праваго берега Днѣпра, стоитъ маленькій островокъ Насыпной, на двѣ версты ниже балки Червонной, а ниже Насыпного стоитъ островъ Обрѣзной, до полуверсты въ окружности, покрытый лѣсомъ, образовавшійся всего лѣтъ тридцать тому назадъ «до воли». За островомъ Обрѣзнымъ слѣдуетъ островъ Струковъ, отдѣленный отъ Днѣпра прорѣзомъ и насыпанный также всего лѣтъ тридцать тому назадъ. Къ западному концу острова Струкова примыкаетъ длинная песчаная и обнаженная коса, идущая по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до самой экономіи господской. Въ концѣ косы, у праваго берега рѣки, поднимается забора Тарасовская, а ниже ея, среди сада, красуется усадьба владѣльца А. П. Струкова и за ней тянется село Выше-Тарасовка.

Свое названіе село получило отъ рѣчки Тараса, начинающейся ниже господской купальни и потомъ идущей черезъ садъ владѣльца до соединенія ея съ рѣкой Бугаемъ, на протяженіи около двадцати пяти верстъ, подъ селомъ Голой-Грушевкой. Верстъ на семь въ сторону отъ Выше-Тарасовки есть другая Тарасовка, въ отличіе отъ первой называемая Ниже-Тарасовка. Началомъ теперешняго села Выше-Тарасовки послужилъ зимовникъ какого-то запорожскаго старшины Тараса, поселившагося здѣсь около 1740 года. Послѣ уничтоженія Сичи владѣнія Тараса и его наслѣдниковъ отошли въ казну. Въ 1783 году, «при раздѣлѣ земель и потомъ утвержденіи ихъ по имянному

Ея Императорскаго Величества указу», деревня Тарасовка досталась вмѣстѣ съ деревней Долгой, новомосковскаго уѣзда, при р. Днѣпрѣ, статсъ-дамѣ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой [1]). Въ это время въ Тарасовку пришло нѣсколько поселенцевъ изъ Старой Малороссіи, Польши и Молдавіи. Въ 1795 году, 14 декабря, графиня Браницкая продала свое имѣніе [2]) за 15000 р. третьяго чугуевскаго козачьяго регулярнаго полка полковнику Дмитрію Егоровичу Леслію. Въ 1802 году, 7 ноября, генералъ-маіоръ Димитрій Егоровичъ Леслій продалъ село Выше-Тарасовку и деревню Долгую «по прежнему разграниченію въ новомосковскомъ, теперь въ павлоградскомъ уѣздѣ», въ количествѣ 21614 десятинъ удобной и неудобной, въ обоихъ селеніяхъ, съ 350 мужескаго и 297 женскаго пола людьми, за 35000 р. госпожѣ коллежской совѣтницѣ Ольгѣ Константиновнѣ Струковой. По смежности села Выше-Тарасовки и д. Долгой находились «земли господъ помѣщиковъ графовъ Каменскаго и Разумовскаго, кои нынѣ достались во владѣніе по купчей крѣпости тайному совѣтнику Миклашевскому, титулярной совѣтницы Дмитріевой, подполковника Клейна, поручика Панкратьева, маіора Станковича, титулярнаго совѣтника Иваненка, полковницы Писемской и казенными обывателями селенія Балки» [3]).

Противъ нижней половины села Выше-Тарасовки, на Днѣпрѣ, стоятъ два острова, Великій и Тарасовскій. Великій островъ начинается тотчасъ за косой, примыкающей къ острову Струкову; онъ имѣетъ въ длину до трехъ верстъ, расположенъ у лѣваго берега рѣки, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ и насыпанъ въ очень давнее время, еще за запорожскихъ козаковъ. Островъ Тарасовскій отдѣленъ отъ острова Великаго прорѣзомъ, стоитъ у лѣваго берега Днѣпра, имѣетъ въ окружности около полуверсты и обра-

[1]) Изъ купчей крѣпости за № 1056 по приходной и за № 121 по записной.

[2]) Число десятинъ земли не показано.

[3]) Изъ купчей по крѣпостной книгѣ, за № 174. Этими свѣдѣніями мы обязаны Ананію Петровичу Струкову, владѣльцу с. В.-Тарасовки.

зовался всего лѣтъ тридцать тому назадъ. Противъ восточнаго конца этого острова насыпана песчаная коса, а противъ вершины сѣвернаго выходитъ изъ Днѣпра рѣчка Ненажора, впадающая въ рѣку Бугай. Ниже острова Тарасовскаго стоитъ островъ Клейновскій, полверсты длины, а близь него впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Бугай. Бугай, начавшись у острова Томаковки или Городища, подъ селомъ Чернышовкой, бѣжитъ сперва по степи, потомъ по плавнямъ и пониже д. Яковлевой, иначе Мыса-Доброй-Надежды, впадаетъ въ Днѣпръ. Противъ острова Клейновскаго и рѣки Бугая, на правомъ берегу Днѣпра, стоитъ хуторъ Многопольный, имѣніе наслѣдниковъ Клейна. Здѣсь, при устьѣ балки, впадающей въ Днѣпръ, стоятъ три намогильныхъ песчаниковыхъ креста съ надписями, изъ коихъ только на одномъ можно прочесть слова: «зде погребенъ рабъ божій сергѣй козакъ нижнестеблѣвского куреня умре въ 1751 году ноебря». За Бугаемъ слѣдуетъ островъ Цикавинъ или Сикавинъ, существующій съ давнихъ поръ, отдѣленный отъ материка протокомъ Старикомъ и названный по имени какого-то запорожца Цикавого. Далѣе слѣдуютъ: островъ Крючекъ, названный по фамиліи рыбалки Крючка, островъ Насыпной, принадлежащій владѣльцу И. М. Яковлеву и потому иначе называемый Яковлевскимъ, гряда Кислицына, съ правой стороны, и островъ Гійный—съ лѣвой. Съ востока и юга островъ Гійный отдѣляется отъ материка рѣкою Рябкомъ, которая далѣе на югъ отъ рѣки Днѣпра переходитъ въ рѣчку Большую-Перебоину, а у южнаго конца острова—въ рѣку Днѣприще. Въ длину островъ Гійный имѣетъ больше двухъ верстъ, въ ширину — одну версту; онъ покрытъ прекраснымъ лѣсомъ, и при малой водѣ образуетъ изъ себя три острова, что даетъ поводъ многимъ принимать одинъ островъ за три; на немъ стоятъ двѣ хаты для лѣсниковъ. Если случится наводненіе, что всего чаще бываетъ около 9 мая, тогда лѣсные сторожа перебираются со своимъ имуществомъ въ ближайшее село Ивановское, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда, расположенное въ шести верстахъ отъ острова Гійнаго къ югу. Тамъ они

живутъ недѣли двѣ-три, пока спадетъ вода, и потомъ снова возвращаются на островъ. Составляя собственность казенныхъ крестьянъ села Томаковки, островъ Гійный называется на планахъ Днѣпра Томаковскимъ, но этимъ именемъ у запорожцевъ назывался другой островъ, находящійся на восемь верстъ въ сторонѣ отъ Гійнаго, подъ селомъ Чернышовкой. По разсказамъ старожиловъ, на островѣ Гійномъ лѣтъ сорокъ тому назадъ жили два запорожца, Самарскій и Половицкій. Послѣ паденія Сичи, при размежеваніи запорожскихъ земель, они хотѣли убить генеральнаго межевщика, но были пойманы и наказаны: первому вырвали ноздри, второго публично высѣкли и сослали въ Сибирь на каторжныя работы. Выбывъ срокъ въ Сибири, они возвратились на родину, поселились на островѣ Гійномъ и жили здѣсь до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Послѣ смерти погребены на запорожскомъ кладбищѣ, въ селѣ Голой-Грушевкѣ.

Ниже острова Гійнаго слѣдуютъ: небольшой островъ Шелковой, иначе Обрѣзной или Спорный [1]) и еще меньше Шелковаго островъ Вырвачъ [2]), противъ села Голой-Грушевки, потомъ забора Рябкова, съ лѣвой стороны, и за ней два острова Кругликъ и Варавинъ. Островъ Кругликъ съ сѣвера отдѣляется р. Темрюкомъ, съ востока р. Конкой, съ юга р. Рябкомъ, а съ запада р. Днѣпромъ. Увеличиваясь съ каждой весной въ длину и уменьшаясь въ ширину, онъ въ настоящее время сдѣлался скорѣе похожимъ на полуостровъ, чѣмъ на островъ. Вся длина его—до двухъ верстъ. Островъ Варавинъ съ востока охватывается рѣкой Рябкомъ, съ запада рѣкой Конкой, съ сѣвера рѣкой Днѣпромъ. Варавинъ, какъ и Гійный островъ, затопляется только въ большое половодье; онъ также покрытъ большимъ лѣсомъ и также принадлежитъ крестьянамъ села Томаковки, которые имѣютъ на немъ свою лѣсную сторожку.

Тотчасъ ниже острова Варавина впадаетъ въ Днѣпръ

---

[1]) Изъ-за него спорили владѣлицы Шелковая и Синельникова.

[2]) Оторванъ отъ праваго берега въ 1877 году.

рѣка Конка или Конскія-воды, извѣстная у татаръ подъ именемъ «Йилкы-су», что значитъ «кобылья вода». Конка беретъ свое начало въ екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда; она вытекаетъ Сухой-Конкой, на десять верстъ выше села Конскихъ-Раздоръ, и Токмачкой, на пятнадцать верстъ выше села Семеновки; потомъ идетъ по направленію къ Днѣпру на протяженіи 180 верстъ и впервые впадаетъ въ Днѣпръ на восемь верстъ ниже села Ивановскаго, между западной оконечностью острова Варавина и восточной урочища Паліивщины. Противъ устья р. Конки надо искать Великаго острова, о которомъ упоминаетъ еще Бопланъ. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что этимъ именемъ у Боплана назывались три теперешніе острова—Гійный, Кругликъ и Варавинъ, нѣкогда составлявшіе одинъ сплошной большой островъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ насъ убѣждаетъ самое расположеніе острова, представленное у Боплана. «Великій» островъ, длиною около двухъ миль, впрочемъ, мало замѣчательный, потому что ровная его поверхность потопляется весеннимъ половодіемъ, за исключеніемъ одной средины острова, которая имѣетъ около 1500 до 2000 шаговъ въ поперечникѣ. Противъ него съ татарской стороны впадаютъ въ Днѣпръ Конскія-воды, рѣка быстрая, которая, прорывъ для себя постель по татарскому берегу, вдоль Днѣпра, то удаляется отъ него, то сливается съ нимъ, и наконецъ совершенно соединяется въ двухъ миляхъ отъ Тавана. Ложе ея отдѣлено отъ Днѣпровскаго песчаными отмелями [1]).

Рѣка Конка—одинъ изъ полноводнѣйшихъ, богатѣйшихъ и живописнѣйшихъ притоковъ Днѣпра; особенно это можно сказать о нижней половинѣ ея, которою она приближается къ Днѣпру и потомъ впадаетъ въ него. Здѣсь Конка на столько глубока, что по ней совершенно свободно могутъ ходить пароходы; здѣсь же она покрыта такимъ прекраснымъ лѣсомъ и травой, что мѣстами ея берега дѣлаются совершенно непрохо-

---

[1]) Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 25.

димы; тутъ же въ ней ловится такое множество раковъ, какъ ни въ какомъ другомъ притокѣ Днѣпра: въ какой-нибудь часъ и даже меньше того, два человѣка вытаскиваютъ ихъ цѣлыми мѣшками; тутъ ихъ хоть лопатой греби. Въ тихую лунную ночь Конка представляется по истинѣ красавицей-рѣкой. Она течетъ по такому извилистому руслу, что мѣстами кажется не рѣкой, а глухимъ закрытымъ озеромъ: плывешь-плывешь по ней и вдругъ кажется, какъ-будто дальше плыть некуда; но сдѣлайте два-три взмаха веслами, и передъ вами длинная-предлинная панорама, да какая панорама! Чистѣйшая, точно зеркало, вода, зеленый, точно изумрудъ, лѣсъ и прозрачное чистое небо, какое можно видѣть только въ одной Италіи. Царственная тишина нарушается только криками пугачей: «Пу-у-гу!» закричитъ одинъ. «Пу-у-у-гу!» отвѣтитъ ему другой. И какъ живо одинъ этотъ крикъ переноситъ насъ ко временамъ минувшихъ дней запорожскаго козачества!.. А попробуйте крикнуть среди этой ночной тишины какое-нибудь слово, и вамъ отвѣтятъ на одно ваше слово семь: «ха-ха!» — «Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!..» разольется эхо внизъ по рѣкѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше, тѣмъ все тише и тише, но тѣмъ все мягче и мягче, тѣмъ все нѣжнѣе и нѣжнѣе.

Ниже устья рѣки Конки начинается урочище Паліивщина; здѣсь кончается Великій-лугъ; тутъ природа какъ бы дѣлаетъ послѣднее усиліе: лѣсъ, которымъ закрыто устье Конки, и безъ того высокій, здѣсь достигаетъ еще большей высоты, а за нимъ уже, по лѣвому берегу, начинаются песчаныя и высокія кучугуры. Зато правый берегъ начинаетъ постепенно одѣваться и, наконецъ, переходитъ въ живописную плавню. Противъ урочища Паліивщины, у лѣваго берега Днѣпра, выдѣляется забора Паліивская, оканчивающаяся у самаго берега камнемъ Палія, на которомъ выбиты подобія двухъ ступней человѣка. «Тутъ Семенъ Палій лежавъ та стрилявъ качокъ, такъ отъ-то видъ нёго и слиды на скели. А живъ винъ у цёму самому лису, видъ того и лисъ прозвався Паліивщиною». Какъ разъ про-

тивъ конца Палівщины, у праваго берега Днѣпра, возвышается островъ Тимчихинъ или Бабычевъ, названный по имени владѣлицы и образовавшійся всего лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. Противъ этого острова, на сѣверъ отъ Днѣпра, стоитъ село Голая-Грушевка.

Уже въ началѣ XVII вѣка здѣсь ютилось нѣсколько зимовниковъ запорожскихъ, гдѣ сидѣли старые диды по садамъ и пасикамъ, собирая плоды, медъ и воскъ для своихъ личныхъ нуждъ и для потребностей церковныхъ. «Тутъ такихъ грушъ було, такихъ було, шо одна груша наголо». Отъ этого урочище и Голо-Грушевскою прозвалось. «Запорожцы,—по выраженію одной рукописи,—часто грѣли здѣсь животы свои, въ полную душевную усладу; польскіе коммисары, въ періодъ литовско-польскаго владычества въ этомъ краю, имѣли здѣсь свою маетность; въ началѣ 1776 года за Грушевку происходилъ домашній, жаркій споръ между князьями Вяземскимъ и Прозоровскимъ и графами Чернышовымъ и Толстымъ, только участіемъ Потемкина рѣшенный въ пользу послѣдняго. Получивъ такимъ образомъ въ ранговую дачу урочище Грушевку съ значительнымъ количествомъ удобной земли, генералъ-маіоръ Өедоръ Матвѣевичъ Толстой поручилъ довѣренному своему, полковому есаулу Степану Өедоровичу Бабичеву, осадить здѣсь слободу» [1]).

Такъ возникла помѣщичья слобода Голо-Грушевка съ основанною въ ней въ 1785 году церковью во имя Архангела Михаила, по преданію на мѣстѣ запорожскаго молитвеннаго дома. Отъ этого молитвеннаго дома долго сохранялся потомъ весьма оригинальный иконостасъ, сдѣланный изъ холста съ расписанными по немъ изображеніями разныхъ святыхъ; холстъ этотъ при помощи желѣзныхъ колецъ, придѣланныхъ къ нему сверху, надѣвался на гвозди, вбитые въ стѣны церкви близь алтаря и, отдѣляя такимъ образомъ среднюю часть храма отъ передней, замѣ-

---

[1]) Өеодосій. Матеріалы для истор.-стат. опис. Екатерин., 1880 г., т. I, стр. 104.

нялъ собою иконостасъ. Къ крайнему сожалѣнію, этотъ иконостасъ лѣтъ шесть тому назадъ сожженъ, за ветхостью, священникомъ Носаковымъ. Изъ вещей, оставшихся въ церкви послѣ запорожцевъ, остался лишь одинъ небольшой образокъ ангела, серебряный, позлащенный, находящійся въ передней части храма; съ лѣвой стороны. (См. табл. XVI). Ангелъ виситъ на металлическихъ цѣпочкахъ передъ иконой Распятія Спасителя; сверху къ нему придѣланы руки съ трубочкой въ каждой для свѣчей, а снизу привѣшано небольшое металлическое сердце, на коемъ съ лицевой стороны сдѣлана надпись: «сей привѣсъ отмѣнилъ козакъ: б:шаго (бывшаго) запорожа пота-пъ Бѣлій вслободу голую грушовку да истоваришомъ же с-воимъ Ниван.о:мъ (Ивановъ) Загубиколесомъ»; съ обратной стороны вырѣзаны слова: «Д-о храму святаго велкаго а:рхистратига михаила 1788 года мѣсяца августа 13 дня». Близь церкви, на такъ-называемомъ Рогѣ-Калиты, осталось запорожское кладбище, на которомъ уцѣлѣло только три каменныхъ креста, изъ коихъ подъ однимъ покоится прахъ двухъ братьевъ Даміана и Василія Карасирова, подъ другимъ прахъ Григорія Карасира и Корнѣя Ломаки, людей не запорожскаго званія, и подъ третьимъ прахъ двухъ неизвѣстныхъ запорожцевъ: «10 декабря дня погребени оба вкупѣ поповичевскаго куриня N C K...» У Калитина-рога сохранились отъ запорожцевъ же остатки укрѣпленія. Это укрѣпленіе представляетъ изъ себя неправильный редутъ, упирающійся въ рѣку Бугай и оканчивающійся у рѣки Рѣчища; въ немъ считаютъ до ста десятинъ земли, а длину всего вала по прямому направленію опредѣляютъ въ десять верстъ. Въѣздъ въ крѣпость сдѣланъ съ сѣверной стороны. Верстахъ въ четырехъ отъ этого укрѣпленія, по направленію къ западу, есть еще одно замѣчательное мѣсто, носящее названіе Сиркивки, отъ времени запорожскихъ козаковъ. Оно расположено у рѣки Рѣчища, за экономическимъ кладбищемъ владѣльца Голо-Грушевки, Д. П. Шишкина, и заключаетъ въ себѣ до сорока десятинъ земли. Въ весеннее время это урочище надолго затопляется водой, почему всегда остается свобод-

нымъ отъ посѣва и служитъ постояннымъ мѣстомъ для пасики еще съ прадѣдовскихъ временъ. Какъ самое названіе урочища— «Сиркивка»,—такъ и то обстоятельство, что это урочище издавна служитъ мѣстомъ пасики, даютъ поводъ думать, что именно на этомъ мѣстѣ и въ этой самой Грушевкѣ окончилъ свое земное существованіе знаменитый въ исторіи запорожскихъ козаковъ кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко. «Того-жъ лѣта (1680 г.),—пишетъ о немъ лѣтописецъ Самоилъ Величко,—Иванъ Сѣрко, славній атаманъ кошовій, въ Грушовцѣ пасицѣ своей чрезъ нѣсколькое время поболѣвши, представился отъ жизни сея» [1]).

Противъ села Голо-Грушевка слѣдуютъ заборы Подовская, Чернышова, обѣ съ правой стороны, острова Подовскіе, числомъ два, противъ которыхъ въ Днѣпръ вторично впадаетъ р. Конка, затѣмъ идетъ островъ Красный, отдѣленный отъ праваго берега Большимъ-Днѣприщемъ и находящійся противъ села Водянаго, расположеннаго по лѣвому берегу, и села Чернышовки, расположеннаго по правому берегу Днѣпра [2]), длины двѣ съ половиной, ширины полторы версты; ниже Краснаго острова выдѣляется коса Просередъ, за ней слѣдуетъ рѣчка Малое Днѣприще, островъ Прорызной, иначе Чернышовскій, и рѣка Конка, выходящая изъ Днѣпра. Ниже рѣки Конки, по лѣвому берегу Днѣпра, вновь начинаются плавни, а вмѣстѣ съ плавнями и небольшой лѣсъ, идущій до такъ-называемаго Затона, что пониже мѣстечка Никополя. Ниже Конки стоитъ островъ Круглый, у лѣваго берега Днѣпра, песчаный, безлѣсный, покрытый лишь ничтожными кустарниками; потомъ островъ Нечаевъ, у праваго берега Днѣпра, противъ села Нечаева, далѣе начинается Новопавловскій лиманъ, впадающій въ Днѣпръ съ правой стороны, имѣющій ширины до трехъ верстъ, въ лѣтнее время довольно мелкій, въ весеннее время довольно глубокій и

---

[1]) Лѣтопись С. Величка, Кіевъ, 1855, т. II, 497.

[2]) Чернышовка удалена отъ берега Днѣпра на 8 верстъ къ сѣверу.

Ч. I. Рис. 16.

Ангелъ изъ церкви с. Грушевки.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

совершенно удобный для пароходства. У верховьевъ этого лимана стоитъ село Чернышовка или Красногригорьевка, екатеринославскаго уѣзда. и возлѣ села островъ Томаковка. иначе Городище, гдѣ была у запорожцевъ третья по времени Сича, Томаковская.

Возникновеніе Томаковской Сичи можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени. когда впервые основана была и Хортицкая Сича, или же ко времени послѣ основанія Базавлуцкой Сичи. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ «Исторіи Малой Россіи», когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку [1]). Второе предположеніе является на томъ основаніи, что если-бы Томаковская Сича была основана послѣ Хортицкой, то о ней не преминулъ-бы сказать Ласота; проѣзжая мимо о. Томаковки. онъ и словомъ не заикнулся о томъ, была-ли здѣсь Сича или нѣтъ. между тѣмъ какъ о Хортицѣ онъ подробно разсказываетъ, кто и когда здѣсь сдѣлалъ укрѣпленіе. Но когда-же именно возникла Томаковская Сича? На этотъ вопросъ утвердительно отвѣтить мы не можемъ. Правда, Н. И. Костомаровъ [2]) говоритъ, что Томаковская Сича возникла въ 1568 году: но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ историческомъ документѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Сичи. Вотъ этотъ документъ буква въ букву: «Подъданымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ: маемъ тою ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ разныхъ своводьно

[1]) Бантышъ-Каменскій, Истор. Мал. Рос. Москва, 1842 г., I, 113; то-же повторяетъ и Маркевичъ въ своей «Исторіи Малороссіи». Москва, 1842 г., I, 46.

[2]) Южная Русь и козачество. Отеч. Зап. 1870 г., т. CLXXXVIII, ст, I, 39.

живучи, подданнымъ цара турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопскаго, на улусы и кочовища ихъ находючи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ нашихъ отъ непріятеля въ небезпечество приводите» [1]). Какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сичу? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки «перемешкиваютъ» на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковскаго острова, есть еще множество другихъ острововъ. Такимъ образомъ актъ, приведенный Н. И. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сичи, и годъ ея основанія остается совершенно неизвѣстнымъ. О самомъ островѣ Томаковкѣ впервые упоминаетъ, не называя, впрочемъ, его по имени, Эрихъ Ласота. «Мы миновали три рѣчки, именуемыя Томаковками, которыя текутъ въ Днѣпръ съ русской стороны и впадаютъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ N» [2]). Упоминаетъ объ островѣ Томаковкѣ и Бопланъ. «Островъ Томаковка,—говоритъ онъ,—высокій и почти круглый, имѣетъ видъ полу-шара, поперечникъ его не болѣе $^1/_3$ мили, весь покрытъ лѣсомъ; съ вершины его можно видѣть Днѣпръ отъ самой Хортицы до Тавани [3]). Я могъ получить свѣдѣніе,—продолжаетъ Бопланъ,—объ однихъ берегахъ сего прекраснаго острова, который лежитъ ближе къ русскому, нежели къ татарскому берегу» [4]). Такъ же глухо говоритъ о Томаковской Сичи и польскій писатель, Мартинъ Бѣльскій. «Есть и третій такой (островъ на Днѣпрѣ), который называется Томаковка, на которомъ большею частью низовые козаки мѣшкаютъ (nizowi kozacy mieszkiwaia), такъ какъ это было для нихъ самое лучшее укрѣпленіе. Противъ него (острова) впадаютъ въ Днѣпръ двѣ рѣки: Тысменъ

[1]) Архивъ Юго-Западн. Руси. Кіевъ, 1863 г., т. I, ч. III, стр. 4. Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 ноября.

[2]) Путев. записки. Эр. Ласоты. Одесса, 1873 г., стр. 52 и 83.

[3]) Рѣшительная неправда.

[4]) Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 25.

и Фесынъ, которыя вытекаютъ изъ Чернаго лѣса» [1]). Болѣе опредѣленно о Томаковской Сичи говоритъ только князь Мышецкій. «Рѣка Томаковка разстояніемъ отъ Грушевки 10 верстъ. На оной Томаковкѣ въ древніе годы имѣлась запорожская Сѣчь, гдѣ и нынѣ тута знатное городище» [2]). Изъ Бантышъ-Каменскаго о Томаковкѣ извѣстно, что одно время на этомъ островѣ помѣщено было нѣсколько сотъ козаковъ лубенскаго полка и нѣсколько сотъ стрѣльцовъ съ полковникомъ Елчаниновымъ. Дѣло было въ 1697 году, во время войны русскихъ съ татарами и турками. Оставаясь въ продолженіе нѣкотораго времени на островѣ, козаки и стрѣльцы должны были затѣмъ идти отсюда въ Тавань на помощь къ осажденнымъ тамъ русскимъ [3]). Изъ Костомарова о Томаковкѣ мы узнаемъ, что на этотъ островъ бѣжалъ изъ тюрьмы села Бужина Богданъ Хмельницкій съ сыномъ Тимоѳеемъ, и что здѣсь произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши Потоцкаго; посолъ убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сичи на родину: «Увѣряю васъ честнымъ словомъ,—говорилъ Хмелецкій Хмельницкому,—что и волосъ не спадетъ съ вашей головы» [4]). Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковкѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы ожидать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: «Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украйнѣ атаманомъ Ѳедоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ козаковъ подъ начальствомъ

---

[1]) Kronika Polska Mar Bielskiego. W. Warszawie. 1832 г., стр. 193.
[2]) Мышецкій. Исторія о коз. запорож. Одесса. 1852 г., стр. 69.
[3]) Исторія Малой Россіи. Москва, 1842 г., стр. 25.
[4]) Богданъ Хмельницкій Спб., 1884 г., т. I, стр. 251 и 256.

Өедора Линчая подняли мятежъ и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно, долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Өедоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе «линчайвцівъ», принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковкѣ). Теперь: когда линчаивци» увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ прежняго противника, то хотя по долгу козацкаго гостепріимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ-Рогъ» [1]).

Городище, островъ Буцкій, островъ Днѣпровскій, Томаковка—все это разныя названія для одного и того-же острова. По-татарски Томаковка звучитъ «тумакъ», что значитъ шапка; и точно, островъ Томаковка кажется дѣйствительно похожимъ на шапку. Въ старину, по разсказамъ старожиловъ, онъ былъ покрытъ огромнымъ лѣсомъ, особенно по окраинамъ, а на самой срединѣ его «гойдався высокій-превысокій дубъ». Подъ тѣмъ дубомъ будто-бы закопана была большая казна. Въ то время рѣчки, что обтекаютъ островъ, были и глубже и быстрѣе: теперь онѣ позанесены иломъ да позамулены. Въ настоящее же время у мѣстныхъ жителей онъ иначе и не называется, какъ Городище. Мѣстоположеніе острова таково: съ юга островъ охватывается рѣчкою Рѣчищемъ, которая взялась изъ праваго притока Днѣпра Бугая, подъ селомъ Голой-Грушевкой, и течетъ на протяженіи десяти верстъ. (См. пл. III).

Съ правымъ берегомъ Рѣчища соприкасается казенная плавня, съ лѣвымъ — плавня крестьянъ Чернышовки. Если провести прямую линію отъ острова къ Днѣпру, иначе, отъ сѣвера къ югу, то эта линія опредѣлится не менѣе семью верстами.

---

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г., стр. 38.

Пл. III.

С

Ю

Р. Ревукъ

Ревукъ

Томаковка

Рѣчица

Лиманъ

Плавни

Плавни

Плавни

Окопъ

Р. Рѣчище

100. 200 300 400 500 саж.

Ч. I. Пл. III.

Планъ Томаковской Сичи.

Кіевскій
Музей

Плавня, покрытая густою травой—«кукотиной», толстыми вербами, осокорями, шелковицей, лозой, въ весеннее время сплошь покрывается водой, представляя изъ себя какъ бы продолженіе праваго берега Днѣпра. Тамъ, гдѣ островъ охватывается Рѣчищемъ, берегъ его отвѣсный, обрывистый и голый; состоитъ изъ красной глины и ежегодно обваливается въ воду; здѣсь наибольшая высота острова—семь саженъ. Рѣчище касается острова частью съ юго-запада и частью съ юга; съ востока же къ острову подходитъ уже другая рѣчка, Ревунча̀, шириною до четырехъ саженъ. Ревунча̀ начинается также у южнаго берега острова, нѣсколько ниже оконечности восточнаго рва крѣпости, находящейся на островѣ и, сдѣлавши полуоборотъ, поднимается вверхъ по направленію къ сѣверу. Здѣсь берегъ острова постепенно понижается и переходитъ совсѣмъ въ отлогій, покрытый справа степной травой, слѣва кукотиной. Еще восточнѣе берегъ острова совсѣмъ понижается и вмѣстѣ съ этимъ окаймляется цѣлой аллеей дикихъ грушъ. Пройдя съ версту по-надъ островомъ, Ревунча̀ отдаляется отъ него и идетъ вправо, почему между рѣчкой и островомъ образуется плавня, владѣніе крестьянъ с. Чернышовки. Здѣсь же, среди плавни, образуется небольшое озеро Соломчино. Сдѣлавши вновь поворотъ къ острову, Ревунча̀ впадаетъ въ рѣчку Ревунъ, которая выдѣляется изъ рѣчки Рѣчища и охватываетъ островъ съ востока, изливаясь въ направленіи отъ юга къ сѣверу. Противъ самой средины острова, съ той же восточной стороны, Ревунъ раздѣляется на два рукава: главная вѣтвь, съ тѣмъ же именемъ Ревуна, идетъ далѣе на сѣверъ, по-надъ самымъ островомъ, другая направляется вправо плавнями и принимаетъ здѣсь новое названіе Быстрика или Ревунца; этотъ Быстрикъ или Ревунецъ принимаетъ въ себя рѣку Томаковку, которая, взявшись далеко сѣвернѣе острова, въ степи, пробѣгаетъ чрезъ владѣнія крестьянъ с. Томаковки, помѣщицы Миклашевской, помѣщиковъ Курносова, Бендюкова, крестьянъ с. Николаевки, помѣщицы Тимчихиной, владѣльца-еврея Кравцова и, наконецъ,

подъ Матней, выселкомъ с. Чернышовки, расположенномъ противъ сѣверной окраины острова, впадаетъ въ Быстрикъ, у самаго двора крестьянина Ивана Николаевича Пшеничнаго. Весь восточный берегъ острова отлогъ, совершенно обнаженъ и только въ самомъ концѣ, къ сѣверо-востоку, покрытъ рѣдко растущими грушами; почти на самой срединѣ восточный берегъ имѣетъ небольшой загибъ на подобіе небольшого вырѣзка. Почва здѣсь черноземная, кромѣ сѣверо-восточной окраины острова, гдѣ обнаруживаются известковые камни. Тутъ же у сѣверо-восточнаго угла, противъ выселка Матни, главная вѣтвь Ревуна вновь соединяется съ Быстрикомъ, который отдѣлился-было отъ Ревуна и пошелъ на встрѣчу Томаковки, и отсюда обѣ рѣчки идутъ вмѣстѣ, охватывая островъ съ сѣвера.

Весь сѣверный берегъ отлогъ, покрытъ травой и по мѣстамъ окаймленъ грушами. Западная сторона острова охватывается тѣмъ же Ревуномъ, который, соединяясь здѣсь съ Рѣчищемъ, почти противъ половины острова, идетъ сперва въ Гнилую и отсюда уже прямо въ Лиманъ, изливающій свои воды въ Днѣпръ, на протяженіи семи верстъ, у села Новопавловки, противъ Лысой горы. Западный берегъ, какъ и сѣверный, отлогъ, покрытъ травой, грушами, вербой; по мѣстамъ здѣсь торчатъ пни отъ росшихъ нѣкогда тополей, терновниковъ и вишняковъ. Юго-западная часть острова представляетъ изъ себя богатыя залежи известняка, разрабатываемаго здѣсь мѣстными крестьянами. Вся поверхность острова представляется совершенно голой, даже пустынной; только окраины его, да и то далеко не всѣ, окаймлены рѣдкой канвой дикихъ грушевыхъ деревьевъ. Въ окружности весь островъ имѣетъ шесть верстъ, а вся площадь его равняется 350 десятинамъ. Слѣды пребыванія запорожскихъ козаковъ на островѣ Городищѣ сохранились и по настоящее время, въ видѣ небольшого укрѣпленія, расположеннаго у южной окраины его, самаго примитивнаго устройства, въ видѣ правильнаго редута. Редутъ этотъ состоитъ собственно изъ трехъ траншей: траншеи боковой—восточной,

траншеи поперечной—сѣверной и траншеи боковой—западной, вмѣсто поперечной южной траншеи служитъ берегъ самаго острова. Восточная боковая траншея имѣетъ длины 49 саженъ, на югѣ она оканчивается глубокимъ обрывомъ, длиною въ 9 саженъ, который образовался изъ той же канавы, размытой водою. На всемъ протяженіи восточной боковой траншеи протянулись грушевыя деревья. Западная боковая траншея имѣетъ длины 25 саженъ и также оканчивается у южной окраины острова глубокимъ оврагомъ, который начинается собственно уже на четвертой сажени траншеи, по направленію отъ сѣвера къ югу. Сѣверная поперечная траншея имѣетъ 95 саженъ со входомъ на сорокъ-шестой сажнѣ, считая по направленію отъ востока къ западу. Длина входа—три сажени; въ настоящее время въ немъ растутъ двѣ роскошныя груши, которыя служатъ препятствіемъ для въѣзда въ крѣпость; такія же груши, но въ видѣ правильной аллеи, протянулись и по всей сѣверной поперечной траншеѣ. Наибольшая высота каждой изъ траншей—три съ половиною сажени. Центръ крѣпости взволнованъ небольшими холмиками да ямами; послѣднія сдѣланы кладоискателями. Кромѣ того, въ сѣверо-восточномъ углу крѣпости есть еще пять небольшихъ могилъ, подъ которыми погребены мать, братъ и трое дѣтей крестьянина Ѳ. С. Забродьг, жившаго на островѣ въ качествѣ сторожа казенныхъ плавенъ болѣе 25-ти лѣтъ. Близь крѣпости находятъ запорожскіе рыболовные крючки, желѣзные гвозди, разную посуду, металлическую и черецковую, мелкія серебряныя монеты, пули, чугунныя и оловянныя.

Отъ запорожскаго укрѣпленія надо отличать тотъ небольшой квадратъ, который находится въ юго-западной окраинѣ острова и который сдѣланъ сторожемъ Забродою; это былъ питомникъ для разведенія молодыхъ деревьевъ; изъ него же отдѣлялся и токъ для стоговъ сѣна.

Кромѣ укрѣпленія, отъ запорожцевъ на Городищѣ сохранилось еще кладбище, находящееся близь восточной окраины острова, за большимъ курганомъ, стоящимъ почти въ центрѣ

Городища. Еще не такъ давно, въ 1872 г., одинъ изъ мѣстныхъ любителей старины, протоіерей Карелинъ, видѣлъ на островѣ Городище кладбище съ надгробными песчаниковыми крестами, на которыхъ сдѣланы были надписи, гласившія о томъ, что подъ крестами покоятся умершіе запорожцы [1]). Кладбище это существуетъ и теперь, но только на немъ не уцѣлѣло ни одного креста: всѣ они разобраны крестьянами для собственныхъ построекъ.

На южной оконечности острова, почти противъ самой средины его, указываютъ еще на лехъ, т. е. погребъ, выкопанный будто-бы также запорожцами. По словамъ разсказчиковъ, лехъ имѣлъ болѣе трехъ саженъ длины и выходилъ къ самому Рѣчищу. Въ настоящее время онъ находится въ срединѣ обвала, занимающаго цѣлую квадратную десятину земли и образовавшагося отъ дѣйствія весеннихъ водъ, которыя, просасываясь въ глубину земли, дѣлали въ ней рвы и обваливали ее. Пролѣзть въ этотъ лехъ нѣтъ никакой возможности за множествомъ змѣй, которыя здѣсь водятся. Особенно много ихъ здѣсь весной: однѣ висятъ надъ пещерой, другія выглядываютъ съ боковъ, а третьиползаютъ по дну ея. «Тутъ ціеи погани, такъ и не пройдешъ,— разсказываетъ старикъ Θедоръ Заброда;—зъ гадюкою и исы, зъ гадюкою и спищь. Оце ляже чабанець, чи тамъ другій хто, спати на острови, а вона, стервяка, уже й пидибралась пидъ него: звернетця у клубокъ, пидлизе пидъ чоловика тай спить; самій, бачъ, проклятій, холодно; у старовину такъ вони кишма кишили на острови. Якъ настане було пора косити траву, то спершъ усего косари берутця за кiлля та выбивають гадюкъ, а потимъ уже косять».

По преданію, на южной части острова Томаковки стояла у запорожцевъ деревянная церковь, неизвѣстно когда построенная и неизвѣстно когда снесенная водой въ рѣку Рѣчище.

Въ заключеніе очерка о Томаковской Сичи нельзя не ска-

[1]) Записки одесскаго общ. истор. и древ. Т. VIII, стр. 448.

зать о тѣхъ неточностяхъ, которыя допущены при описаніи ея г-мъ Буцинскимъ въ его сочиненіи «О Богданѣ Хмельницкомъ» [1]). Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, во-первыхъ, что островъ находится выше Микитина Рога (иначе Никополя) на 25 верстъ; — это невѣрно: не на 25 верстъ, а на 18. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка — самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ 24½ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 саженямъ, тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстъ, а вся площадь ея равняется тремъ стамъ пятидесяти десятинамъ земли. Кромѣ того, и самые берега острова Томаковки менѣе возвышенны, нежели берега острова Хортицы; Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 саженъ; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно же съ западной, гдѣ высота ея по мѣстамъ восходитъ до 30 саж. и даже болѣе. Затѣмъ, авторъ «О Богданѣ Хмельницкомъ» говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими (?) протоками, соединяется съ рѣкою Базавлукомъ,—это уже сущая нелѣпица: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстъ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у д. Кута, выселка с. Грушевки, херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною линіей между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздами. О Базавлукѣ при Томаковкѣ не можетъ быть и рѣчи; здѣсь сливаются, какъ мы видѣли, другія рѣчки: съ юга—Рѣчище, съ востока—Ревунъ и Ревунчà, съ сѣверо-востока—Ревунецъ или Быстрикъ, съ сѣвера—вновь Ревунъ, съ запада—Гнилая и, наконецъ, Лиманъ, начинающійся ниже с. Чернышовки, идущій по-надъ д. Нечаевкой, имѣющій семь верстъ длины и впадающій въ

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г. стр. 38.

Днѣпръ съ правой стороны, подъ с. Ново-Павловкой, у Лысой горы. Кромѣ того, къ острову Томаковкѣ, прямо съ сѣвера, бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединяясь съ Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ о. Томаковки есть нѣсколько мелкихъ островковъ, — и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки, здѣсь нѣтъ никакихъ островковъ; есть лишь сплошная, отъ острова до самаго Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осокорями и шелковицей. Заключая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія «О Богданѣ Хмельницкомъ» наконецъ замѣчаетъ: «О величинѣ этого острова можно себѣ составить понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: «Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ, отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки» [1]). Здѣсь авторъ «О Богданѣ Хмельницкомъ» совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка; приведенныя слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что онъ отъ праваго берега Днѣпра, на которомъ расположились поляки («на которомъ мы стоимъ»), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго («отъ Крыму») такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ. И точно, островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на восемь верстъ вправо.

---

[1]) Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кіевск. ком., т. I, отд. III, 18.

3 9000 004 439 480

